

Леонид Бен-Шир

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Леонид Бен-Шир
(Бешер-Белинский)

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

КНИГА ВТОРАЯ

Посвящаю трем Директорам НГМК:
З. П. Зарапетяну, А. А. Петрову, Н. И. Кучерскому.

*И если какой человек ест и пьет, и видит доброе
во всяком труде своем, то это – дар Божий*
Экклезиаст

КНИГА ВТОРАЯ

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	27
ГЛАВА 1	
<i>Еду, лечу – а вот и Учкудук!</i>	27
ГЛАВА 2	
<i>Немного истории.....</i>	32
ГЛАВА 3	
<i>Положение дел на основных объектах, коммуникациях. Круг руководителей и специалистов, с которыми надо идти в «бой»</i>	42
ГЛАВА 4	
<i>Как завоевать авторитет. Главные направления. Первые удачные результаты. Работа с «ЗК». Первые щиты. Много о подземных работах.....</i>	61
ГЛАВА 5	
<i>А теперь об открытых горных работах и еще кое о чем!.....</i>	86
ГЛАВА 6	
<i>Город строится. Праздник открытия бассейна. Коровник или Браверман. Цена хлеба и тепла. Семья, радости, покупки. Дела общественные.....</i>	114
ГЛАВА 7	
<i>Трудные вопросы формирования отношений. А. А. Петров.....</i>	130
ГЛАВА 83	
<i>А. П. Щепетков. З. П. Зарапетян. Интересный опыт украинских шахтеров и горняков.....</i>	143

ГЛАВА 9	
<i>Немного воспоминаний</i>	154
ГЛАВА 10	
<i>Интересные и знаменитые люди.</i>	
<i>Министр Е. П. Славский и Ш. Р. Рашидов.</i>	
<i>Меня переводят на работу в Управление Комбината</i>	162
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	171
ГЛАВА 1	
<i>Начал в Навои – оказался в Сабырсае</i>	171
ГЛАВА 2	
<i>Землетрясение в Ташкенте</i>	180
ГЛАВА 3	
<i>Как много обязанностей у директора –</i>	
<i>даже потеря глаза</i>	185
ГЛАВА 4	
<i>И опять Навои. Стройка</i>	
<i>в Мурунтау. Зарапетяновские штабы</i>	200
ГЛАВА 5	
<i>Веселимся. Встреча с Ильей Шатуновским.</i>	
<i>Делегация из Чехии</i>	210
ГЛАВА 6	
<i>Автопробег Навои–Ярославль</i>	227
ГЛАВА 7	
<i>Снова я директор и опять много дел и обязанностей</i>	238
ГЛАВА 8	
<i>Новые заместители. Военные строители.</i>	
<i>Темпы работ увеличиваются</i>	247
ГЛАВА 9	
<i>Министру Ефиму Павловичу Славскому 70 лет</i>	255

ГЛАВА 10	
<i>Ну и зима 1968–69 годов!!!</i>	260
ГЛАВА 11	
<i>Новые заместители.</i>	
<i>Новые заботы. Надо строить и на ГМЗ-2</i>	269
ГЛАВА 12	
<i>Рудник № 1 сдан в эксплуатацию,</i>	
<i>достигает проектной производительности</i>	277
ГЛАВА 13	
<i>Появляется Бахмал.</i>	
<i>«Урожайный» 1969 год. Проводы и встречи VIP</i>	287
ГЛАВА 15	
<i>Наш сосед – совхоз «Улус» и наш друг – Иван Бузик</i>	310
ГЛАВА 16	
<i>А у нас побывал Шараф Рашидович Рашидов</i>	318
ГЛАВА 17	
<i>«Дедовщина». А жизнь идет своим чередом</i>	327
ГЛАВА 18	
<i>Ярославль – Рига – Кемери</i>	335
ГЛАВА 19	
<i>Что предложил мне О. Л. Кедровский.</i>	
<i>Как я стал кандидатом в депутаты областного Совета</i>	346
ГЛАВА 20	
<i>О чем поведал Ю. М. Копылов. Первые неприятности</i>	353
ГЛАВА 21	
<i>Заседание бюро Бухарского обкома КП Узбекистана.</i>	
<i>Первая сессия Самаркандского Областного</i>	
<i>Совета депутатов трудящихся</i>	358

ГЛАВА 22

Отпуск в Ярославле.

Второй директор НГМК – А. А. Петров.

Откомандирован в ПромНИИпроект..... 363

ГЛАВА 23

Некоторые итоги 372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волею судьбы, проживаю я с Юлией (моей супругой) в Израиле уже 10 лет. Подробно объяснить причины и обстоятельства отъезда из самостоятельного государства – Республики Узбекистан – в 1995 году постараюсь по ходу повествования. Думаю, что большинство читателей моих писаний (если таковые будут), знают по собственному опыту, или из рассказов бывалых, о «большой алии» (выезд на постоянное место жительства) из СССР и стран постсоветского пространства в Израиль. «Возвращение на Историческую Родину» – событие глубочайшего стресса, долгих моральных переживаний и физической перегрузки. «Абсорбция» (врастание) в новой стране в новое общество проходит очень нелегко, особенно у людей моего возраста. Тем не менее, мы освоились здесь, проживаем в красивом, довольно большом по местным меркам, приморском городе Нетания, в 3-комнатной (съемной) квартире, имеем друзей и товарищей и, пока на ногах, ведем активный образ жизни. Под последним имеется ввиду не участие в «общественной и политической жизни», а частые экскурсии по многочисленным историческим местам и природным заповедникам, которыми изобилует эта маленькая, но прекрасная страна, встречи с друзьями по поводу тех, или иных дат, семейных праздников и просто «поболтать», посещение (не частое) концертов и спектаклей заезжих театров и артистов.

Для меня, полностью воспитанного советской властью, проработавшего более 47 лет в атомном (с ударением на первом «о», как это выговаривал легендарный министр среднего Машиностроения СССР Е. П. Славский) ведомстве, практически до дня отъезда, самым тяжелым стало «безделье», вакуум, по сравнению с активнейшим, напряженным ритмом производственной, творческой и общественной деятельности.

Родился я в простой еврейской семье, в одном из местечек бывшей «черты оседлости», в Украине. Воспитывался без отца, мамой, преданнейшей Советской власти труженицей, с 30-х годов членом ВКП(б)–КПСС и бабушкой. Пережил голод 33–34 годов, репрессии второй половины тридцатых годов (уже что-то соображал), все тяжелейшие годы Второй Мировой – Великой Отечественной войны (не на фронтах, а работая и учась). Получил высшее образование. Проработал в очень важном секретном ведомстве почти полвека, пройдя от должности начальника горного участка уранового рудника через все ступеньки иерархической лестницы, до директора большого комплексного предприятия (со своим городом и всей инфраструктурой) по добыче урана, а затем главного инженера проектов по крупнейшему горному комбинату по добыче урана и золота. Стал кавалером «Ордена Трудового Красного Знамени», нескольких медалей, лауреатом Государственной Премии СССР, почетного звания «Заслуженный инженер УзССР». В результате общественной деятельности, неоднократно избирался депутатом поселковых, районных и областных Советов Депутатов трудящихся. После достижения 60-летнего возраста стал «Персональным пенсионером Республиканского значения», хотя пенсию получал уже с 55-летнего возраста.

Я об этом говорю только для того, чтобы подтвердить мое мнение о том, что имел достаточно обширный долгий опыт и основанный на нем кругозор, позволяющие мне попытаться описать большой период состояния, строительства и развития одной из важной составляющей подотрасли атомной промышленности СССР – добычи и первичного обогащения уранового сырья – и создания крупнейшего предприятия по добыче и извлечению золота на базе уникального месторождения Мурунтау в Центральных Кызылкумах Узбекистана. Историю эту я буду описывать в основном в хронологическом порядке, а события – с субъективных позиций, какими мне они виделись и оценивались мною в описываемое время.

Потребность изложить мои воспоминания появилась у меня давно, после нашей «эмиграции», или «возвращения на историческую Родину – «Израэль», где я, привыкший к непрерывной деятельности на производстве и общественных организациях, оказался не удел. После приобретения персонального компьютера, произошедшего благодаря помощи нашего младшего сына, Виктора, создались условия осуществления моей задумки. По мере освоения компьютера, работа шла все быстрее. Но, следует учитывать, что у меня нет никаких записей, дневников и даже большинство любительских

фотографий и других документов, имевшихся в наших семейных «архивах», были мною уничтожены перед выездом из Узбекистана, в силу весьма ограниченного объема груза, разрешенного к вывозу (не более 40 кг на человека). Поэтому приходилось часто возвращаться к тексту и вносить коррективы.

Все события, фамилии участников этих событий, их география и биография зиждуются лишь на моей, все еще неплохо действующей памяти! И должен заранее попросить прощения, если неточно отразил фамилию или имя-отчество некоторых участников событий, так как именно эти атрибуты, почему то, наиболее трудно вспоминаются, а вот сами события мною изложены точно, но, конечно, с моим видением именно в период их свершения, и иногда с комментариями с позиции сегодняшнего дня.

Начал я писать в 2001 году, не наметив никаких планов и состава труда. Мысли текли, написать хотелось многое, память держала много фактов и обстоятельств. Я старался как можно меньше описывать технические термины, больше давать характеристик участникам событий через их реакцию на них. Сегодня уже апрель 2005 года и у меня сложился план моего труда, если бог даст мне его закончить. Назвал я свои воспоминания «Взгляд изнутри». Будет он состоять из трех книг, разбитых по принципу периодов моей работы и жизни моей семьи на разных предприятиях атомного ведомства. Первая книга уже написана период работы на предприятиях Ленинабадского горно-химического комбината. Вторая книга написана в ее первой части – период работы в Учкудукском рудоуправлении Навоййского горно-металлургического комбината – и будет продолжена второй частью – периодом работы в Южном (Сабырсайском) рудоуправлении. Третья книга будет отражать период работы в проектно-институте ПромНИИпроект в г. Ташкенте главным инженером проектов по НГМК.

И последнее! Фамилия моя – Бешер-Белинский, имя – Леонид Борисович были всю прежнюю жизнь, а в Израиле я стал Бен-Шир Леонид (в переводе с иврита – «Сын Песни»). Причина весьма банальная. Наши сыновья уехавшие в Израиль на пять лет раньше нас, называли себя «Бен-Шир» из-за того, что «Бешер» в переводе на иврит может быть прочитано и звучит как «Басар», что значит «мясо». Их детей могли дразнить в школах.

Начать вторую книгу мне захотелось не с продолжения непосредственно первой книги, а как бы с «конца» моей производственной жизни, то есть, с событий ухода с последней работы в атомном ведомстве СССР, а вернее уже аналогичного ведомства Республики

Узбекистан, так как произошло это в мае 1995 года, а Советский Союз развалился в 1991-м. Пишу я эти строки в самом начале июня 2004-го года, ровно через девять лет пребывания на заслуженном отдыхе.

Как и почему мы оказались в Израиле? Каким образом меня, свыше 47 лет проработавшего в секретнейшем ведомстве и на должностях с «формой допуска № 1», выпустили на постоянное место жительства за границу? Вот это в короткой форме постараюсь рассказать и, думаю, это поможет лучше понять мои некоторые суждения и комментарии.

Начатая Михаилом Сергеевичем Горбачевым в СССР «перестройка», главным образом в «хозяйстве», создала некоторые условия для специалистов, да и для рабочих, имеющих желание и потенциал, зарабатывать больше, чем в государственном секторе, через создаваемые кооперативы. Наши сыновья, старший Борис и младший Виктор, к этому времени имевшие высшее образование, семьи и по двое детей, и ставшие довольно высокими специалистами в области программирования, с группой друзей по профессии тоже организовали кооператив, успешно трудились по 12–14 часов в сутки, реализовывали свою продукцию и зарабатывали по 450–500 рублей в месяц. Это более, чем в два – два с половиной раза больше, чем на государственных предприятиях и учреждениях. Но в конце 1989 года правительство Узбекистана по каким-то соображениям издало постановления о запрещении функционирования кооперативов в некоторых видах хозяйственной деятельности, в том числе в области программирования. Ребята оказались в ситуации, из которой можно было выйти лишь или вернувшись на работу в государственный сектор и сесть на зарплату в 150–200 рублей в месяц, или ... покинуть Страну, как это делали уже тысячи людей, семей, в первую очередь еврейской национальности, выехав на постоянное место жительства в Израиль. Они вместе с семьями друзей (еще три семьи) решились на выезд, о чем сообщили нам, родителям и попросили дать им письменные согласия, требуемые ОВИРом. Мы (я и Юлия) не были готовы к такому обороту дела и предложили детям вернуться на работу в государственный сектор, но они категорически отказались от этого шага. Выдержали мы не более двух месяцев и дали согласие на их отъезд. В июле месяце 1990-го года, после оформления документов, пять семей, в том числе двое наших сыновей, отбыли из Ташкента в Москву регулярным авиарейсом. Время было уже очень тревожным с точки зрения уголовной обстановки, особенно вокруг отъезжающих в эмиграцию. Поэтому заранее со-

стоялся разговор с московскими друзьями, а именно, с Сашей Аксельбантом (сын моего друга адвоката Давида Марковича Аксельбанта) и Юрой Сарнэ, родным братом Адели, супруги Давида, об аренде автобуса, который встретит всю компанию в «Домодедово» и отвезет по местам их пребывания в Москве, а также в назначенный день соберет всех и отвезет в «Шереметьево» для отлета в Израиль через Будапешт. Семьи моих сыновей были размещены на даче Аксельбантов в Загорянке. На следующий день в Москву вылетели и мы, я и Юлия, остановились у Аксельбантов в Московской квартире на улице Самеда Вургуна. Через два дня состоялись проводы в «Шереметьево». Отправлялся специальный рейс, организованный Сохнутом, но на месте оформления регистрации и багажа был полный хаос и неразбериха, который еще более подогревал слезы горечи у провожающих и отъезжающих, от мыслей о возможности уже никогда не увидеть родных и друзей. Наконец, все улеглось, отъезжающие ушли в зал отправлений, мы, провожающие, разъехались по своим местам проживания, где ждали и дождались сообщений о благополучном прибытии к месту назначения. Мы знали, что наши семьи в Израиле будут проживать в городе Нетания, где им уже сняли в аренду первые квартиры друзья из их компании, выехавшие в Израиль несколько месяцев раньше. После проведенного в Москве и Ленинграде трудового отпуска, мы вернулись в Ташкент.

В Ташкенте мы проживали уже 19 лет, работал я в филиале № 1 московского института ВНИПИпромтехнологии, (это бывший ПромНИИпроект, ранее ГСПИ-14, а еще ранее предприятие п/я 1119) главным инженером проектов по НГМК, а Юлия не работала, будучи на пенсии. К обстоятельствам и времени нашего переезда в Ташкент на работу и постоянное жительство после моей трудовой деятельности в НГМК я еще вернусь и подробно опишу в соответствующем месте. Шел 1990-й год. В Стране, в некотором роде, царил хаос, шла приватизация, шагала инфляция, продукты питания в государственной торговле исчезали, а имевшиеся не отличались качеством. На этом фоне цены на рынках поднимались очень «бодро». Но, наша жизнь, я имею ввиду мою семью, как и большинство сотрудников и их семей нашего института и других предприятий и учреждений Минсредмаша, была более обеспечена, благодаря более высокой оплате по сравнению с аналогичными в других отраслях, и заработная плата выплачивалась регулярно, тогда как во многих промышленных предприятиях и учреждениях задерживалась на месяц–два. Жили мы в трехкомнатной квартире на третьем этаже 42-квартирного жилого дома, сданного в эксплуатацию

в 1972 году, находящегося во дворе домов №№ 15 и 17 по улице Богдана Хмельницкого. Это был один из микрорайонов, выделенных для нашего Института, а дом № 15 и был зданием нашего филиала № 1, который был комплексным и состоял из проектной, научно-исследовательской и части инженерных изысканий. Основными объектами проектирования были три больших уранодобывающих комбината – Ленинабадский горно-химический; Навоийский горно-металлургический; Киргизский горнорудный. Коллектив института численностью более 2 тысяч человек был уже в расцвете своих возможностей и, если ранее здесь велось лишь рабочее проектирование по ранее разработанным головным, в Москве, институтом ТЭО (технико-экономическим обоснованиям), техническим проектам (ТП), то уже в восьмидесятые годы в филиале разрабатывались, и успешно, эти стадии проектирования по многим промышленным и городским объектам. Наибольший объем проектных, изыскательских работ и научных исследований в филиале велся по объектам НГМК, где именно я был главным инженером проектов (читай и инженерных изысканий, и научных исследований) уже 16 лет. Объемы работ, оплата за них заказчиками определяли основные технико-экономические показатели работы самого филиала. Заключение договора, своевременная оплата выполненных работ имели важное значение и в большой степени зависели от взаимоотношений между заказчиком и институтом. Главным же связующим звеном между этими двумя субъектами процесса был именно главный инженер проектов. Следует особо подчеркнуть, что должность, круг обязанностей и полномочий «главного инженера проектов» значительно отличается при одинаковом звучании в зависимости от характера института. В специализированных институтах, как например Теплопроект, Сетьпроект и подобных, главный инженер проекта административно входит в состав специализированного отдела, например, подстанций, и ведет проекты только этих объектов в составе комплексного проекта электроснабжения того или иного предприятия, то есть, его круг обязанностей и ответственности ограничен, а ответственность за проект в целом возлагается на руководство специализированного института. В комплексном же институте главный инженер проектов ведет проект во всех его частях и стадиях, отвечает за все принимаемые технические решения, технико-экономические показатели проекта и их достижения на практике, определяет необходимый характер исходных данных для проектирования, необходимые объемы исследований и инженерных изысканий, сроки их выполнения, составляет «Задание на проектирование», совмест-

но с представителем заказчика представляет последнее на утверждение вышестоящей организации, разрабатывает графики прохождения проектирования в специализированных отделах института и определяет основные технические решения на основании предложений специалистов отдела-технолога разрабатываемого проекта, определяет в необходимых случаях какие специализированные институты взять в субподряд для разработки отдельных вопросов, заключает договор с ними и т. д. и т. п. К описываемому периоду я был уже «Заслуженным инженером Узбекистана», лауреатом Государственной Премии СССР, персональным пенсионером Республиканского значения, кавалером Ордена Трудового Красного Знамени, медалей, почетных знаков и грамот. У меня было три заместителя, в том числе по химической и металлургической технологии, по строительству, по проектированию городских объектов (архитектор). Подавляющее большинство сотрудников и руководителей специализированных отделов института весьма плодотворно работали со мной, понимали меня с полуслова, с удовольствием выполняли мои указания, в необходимых случаях беспрекословно выезжали в командировки на объекты НГМК, хотя не любили выезды на другие комбинаты. Сам же я не менее половины рабочих (и не рабочих) дней проводил в командировках на площадках строительства комбината в городах Навои, Учкудук, Советабод, Заравшан, Зафарабад и довольно часто в г. Москве, где или согласовывались материалы, или защищались проекты в головном институте, или в утверждающих инстанциях – первом или девятом Главных управлениях министерства. Я имел большие преимущества в силу того, что был главным инженером проектов по комбинату, в котором проработал 10 лет на руководящих должностях в период самой большой интенсификации освоения уникальных месторождений урана «Учкудук» и «Сабырсай». Бывший директор комбината (с 1971 по 1985 год) Петров Анатолий Анатолиевич, под началом которого я работал главным инженером Учкудукского рудоуправления, действующий директор Комбината Кучерский Николай Иванович (с 1985 года по настоящее время), в прошлом молодой специалист, прошедший школу становления в Учкудуке же и три года под моим началом, да и большинство руководителей отделов комбината и рудоуправлений ранее или работали в моем подчинении, или знали меня по работе на смежных предприятиях, оказывали мне большое уважение и не только по указанным выше причинам, но и потому, что видели во мне специалиста и руководителя, болеющего за дело, не считающегося со своими личными интересами, отдающего все

для удовлетворения нужд производств. А это было мое воспитание, мой характер и желание, воспитанные примерами моей семьи и советской властью, хотя я уже многое знал про эту власть. Кроме должностных обязанностей, я еще уже много лет избирался членом парткома КПСС предприятия (института) и был заместителем секретаря парткома, возглавляя организационный сектор. Бывший директор филиала А. П. Суворов, действующий директор Ю. Я. Пытель, который был избран на эту должность по моей рекомендации, не мешали мне работать, точнее, всячески поддерживали мои предложения по организации работ, в кадровой политике и других вопросах, потому что, как правило, эти предложения были дельными, да и потому, что успешное прохождение возглавляемых мною работ для НГМК, их объем и своевременная оплата за выполненные виды работ фактически держали весь филиал «на плаву». Они понимали, что многое из сказанного является результатом энергии, опыта, высокого авторитета ГИПа, то есть моего, и в коллективах заказчика, и в институтском коллективе, и в головном институте, и в главных управлениях министерства. И это не бахвальство, это было именно так.

Итак, вернувшись после проводов детей и внуков в Израиль, я сделал заявление директору и начальнику 1-го отдела филиала о случившемся. Я должен был это сделать, так как у меня появились родственники за границей. Дело осложнялось тем, что руководство филиала должно было понизить мне «форму доступа к секретным материалам», а это означало, что я не смогу оставаться на занимаемой должности. Последнее никак не устраивало никого. Приняли решение – уволить меня в связи с уходом на пенсию, а со следующего зачислить заместителем ГИПа. Оформили мне лишь «форму № 3», но имелось ввиду, что я буду продолжать выполнять все действия по-прежнему как главный инженер проектов. Так и было на самом деле. У заказчика, в НГМК, о моих последних обстоятельствах знал лишь директор Н. И. Кучерский. Так продолжалось до конца 1991-го года, т. е. до развала СССР.

Весной 91-го года мы получили от одного из сыновей из Израиля гостевое приглашение. Но, при оформлении, мне органы КГБ разрешения на посещение Израиля не дали, и в гости отправилась только Юлия. После развала СССР, все-таки «режимщики» как-то понизили свои требования, видно растерялись, не зная «куда ведет кривая», и меня опять назначили по приказу ГИПом. Я продолжал исполнять все функции на прежнем уровне. В 1992 году мы опять получили гостевое приглашение в Израиль. Меня, не без помощи

авторитета Н. И. Кучерского, выпустили из Узбекистана, и я впервые выехал за границу.

Страна Израиль нам понравилась с точки зрения географии, климатических зон, красот природы, миниатюрных городков и поселков, порядка и красоты сельхозплантаций, качества автомобильных дорог и потоков автомобилей на них. Дети и их семьи тяжело приспособлялись к местным условиям, языку, но с каждым месяцем они, все же, улучшали свои материальные и бытовые условия за счет многочасовых режимов работы, учебы, упорства и на базе накопленных еще в СССР знаний и умений. Об Израиле сейчас распространяться не буду, это тема другая, большая и неоднозначная. Если Бог даст, то после завершения задуманных книг под общим названием «Взгляд изнутри», опишу и житие-бытие в Израиле.

С начала 1992 года Узбекистан, как и все бывшие Союзные Республики СССР, оформился в самостоятельное государство. На территории Узбекистана находились и успешно действовали несколько крупных промышленных и строительных предприятий бывшего теперь Минсредмаша СССР:

- Навоийский горно-металлургический комбинат, крупнейший поставщик уранового концентрата и валютного золота в бывшее советское государство, разрабатывая уникальные урановые месторождения «Учкудук», «Сабырсай», «Букинай», «Кетменчи», «Сугралы», уникальнейшее и крупнейшее месторождение золота «Мурунтау» и менее крупные, но своеобразные, месторождения золота «Кокпатас» и «Даугызтау», и содержащий города Навои, Заравшан, Учкудук, Советабад, Зафарабад;

- Навоийское Управление строительства, подчинявшееся 10-му главному управлению Минсредмаша. Трест механомонтажных работ со своей прекрасно оборудованной базой по изготовлению емкостей и других заготовок, а также выпускающая готовые мини-молочные заводи для животноводства, разработанные в тресте в порядке конверсии оборонных ведомств, подчинявшийся 12-му главному управлению Минсредмаша;

- Красногорское рудоуправление с городком, подчинявшееся ЛГХК;

- филиал №1 института «ВНИПИпромтехнологии», подчинявшийся 9-му главному управлению Минсредмаша;

- Каттакурганский кирпичный завод, подчинявшийся 13-му главному управлению Минсредмаша;

- Среднеазиатская контора материально-технического снабжения (КМТС) в г. Ташкенте с большой прирельсовой базой.

Президент Узбекистана по предложению руководства НГМК и с согласия первых руководителей указанных объектов принял решение создать государственный концерн, объединивший все предприятия и учреждения бывшего Минсредмаша СССР. Я был участником учредительного совещания в г. Навои, в управлении НГМК, которое проводил Н. И. Кучерский. На совещании единогласно проголосовали за объединение, утвердили устав концерна. После обсуждения нескольких предложений по названию приняли мое предложение назвать концерн «Кызылкумредметзолото», выбрали правление концерна и его председателя, которым стал Н. И. Кучерский, ревизионную комиссию, председателем которой избрали меня. Примерно с марта–апреля 1992 года золото, выпускаемое золотоизвлекающим заводом ГМЗ-2 Центрального рудоправления в виде золотых слитков с содержанием 99,99%, перестали отправлять в Москву, а вывозили, в очень короткие сроки запроектированное и сооруженное, спецхранилище ГОХРАНа в г. Ташкенте. Президент Узбекистана И. А. Каримов понимал, что многотысячный коллектив (более 45 тысяч), созданный в суровых условиях пустынных и полупустынных районов Узбекистана, вырастивший тысячи прекрасных и опытных инженерных кадров и рабочих специалистов, промышленный потенциал всех производств, инфраструктура городов и рабочих поселков НГМК являются главным флагом поддержки и дальнейшего развития добывающей и металлоперерабатывающей отраслей самостоятельного Узбекистана, что ни в коем случае нельзя допустить снижения производительности и объемов выпуска золота и урана, являющихся источниками поступления в закрома республики валюты, полностью поддержал предложения руководства концерна о порядке распределения прибылей и финансирования нужд НГМК. Было издано специальное постановление правительства Узбекистана по этим вопросам. Правлению концерна были предоставлены большие полномочия, а его председатель, Н. И. Кучерский получил ранг министра.

Более подробные обстоятельства состояния дел во вновь организованном государстве Узбекистан в период, начиная с Горбачевской перестройки, попыток переделов собственности, перевода многих, или большинства предприятий и производств оборонной промышленности СССР на «мирную» продукцию, что называли «конверсией», разгулявшегося беспредела уголовщины будут, по мере моих возможностей, освещены в дальнейших моих писаниях в хронологическом порядке, который мною принят для воспоминаний.

Ну, а жизнь в Узбекистане, как и во всех странах, входящих в сообщество, названное СНГ, ухудшалась, многие промышленные предприятия резко уменьшали объемы выпускаемой продукции, из-за нарушившихся связей с объектами, поставляющими сырье и комплектующие изделия, и с объектами, приобретающими готовую или промежуточную продукцию Узбекских предприятий, находящихся в России и других странах СНГ, резко уменьшился объем капиталовложений в строительство и расширение производств и городов, соответственно, и объемы проектирования. Многие проектные институты сокращали трудящихся. Наш институт отделился от головного в Москве и стал называться «СредазНИПИпромтехнологии». Объемы изысканий, проектирования и других видов работ и в нем сокращались, сокращалось и количество работающих в Институте за счет уходящих на пенсию, вместо которых уже не принимались вновь работники. Вместе с тем, именно наш институт стал приобретать наибольший авторитет в стране тем, что очень успешно, оперативно проектировал объекты расширения, реконструкции и нового строительства действующего золотоизвлекательного ГМЗ-2, объекты возобновленного строительства золотоизвлекательного завода в Учкудуке – ГМЗ-3, взятых под особый контроль правительством республики, многих объектов конверсии на рудоправлениях комбината и концерна. Правительство республики стало привлекать наш институт к проектированию других, не связанных с концерном, промышленных объектов. В институте осталось лишь одно, мое подразделение ГИПов, т. е. проектирование шло только под моим техническим и организационным руководством. Так, мы стали генеральным проектировщиком крупного комплекса по добыче сырья, переработки и выпуску соды, весьма необходимой для других промышленных производств Узбекистана. Сырьевая база этого производства находится в пустынных и отдаленных районах республики, в Каракалпакской зоне, где необходимо было еще и создавать базы строителей, кроме того, были значительные проблемы экологического свойства по расположению и захоронению отходов, «хвостов», этого производства. Получил я приглашение и от директора Алмалыкского горно-металлургического Комбината Виталия Николаевича Сигедина на участие в проектирование реконструкции, расширении и техническом перевооружении отдельных объектов комбината, на что руководство института по моему предложению отнеслось весьма положительно. С В. Н. Сигединым мы были знакомы уже много лет по прежней работе в НГМК, о чем читатель узнает в свое время. Таким образом, объем работ

в группе ГИПов не только не уменьшался, а и возрос. Выросла и моя значимость, и авторитет во всех кругах моего общения. Зачастую Н. И. Кучерский поручал мне участвовать в совещаниях, проводимых на уровне замов предсовмина республики в Ташкенте, по отдельным вопросам состояния строительства объектов фосфоритового производства и другим. Полным ходом шли переговоры между НГМК (по согласию президента) и рядом фирм США о создании совместного производства по кучному выщелачиванию золота из забалансовых руд карьера «Мурунтау». Отвалы руд убогих, по содержанию в них золота складировались в отдельные места, по ним имелись все необходимые характеристики. Они не имели балансовой стоимости, так как все затраты по их разработке, транспортировке и складированию были уже законно списаны на себестоимость добычи балансовых руд. К этому времени исследования и практика извлечения из таких руд золота методом «кучного выщелачивания» имелись и на НГМК, и на предприятиях известной корпорации «Голд Ньюмент» в США. Широкому развитию этого метода еще в СССР и после его распада мешало отсутствие необходимых специальных материалов, инструментов и приспособлений для выполнения обязательных условий защиты окружающей природной среды, в связи с применением в процессе цианистого натрия и других вредных компонентов. А в США такие материалы и приспособления уже широко изготавливались и применялись на практике, с одной стороны, а второе и не менее важное, это необходимость значительных капиталовложений в создание упомянутого производства, а свободных средств в Узбекистане, как понятно, не было. Переговоры, а это по поручению правительства Узбекистана, вели министерство геологии Узбекистана и НГМК, с одной стороны, и корпорация «Голд Ньюмент» и привлекаемые ею другие финансовые партнеры, с другой стороны, были долгими, почти два года, но закончились подписанием соответствующих договоров и контрактов. В соответствии с договорами доля вклада в совместное производство со стороны Узбекистана составляли «убогие руды», а «Голд Ньюмент» полностью покрывал необходимые расходы на строительство и технологическое оборудование. Мощность предприятия была определена в 10 миллионов тонн переработки руд в год. Полученное от переработки этих руд золото делилось пополам между учредителями, т. е. 50% Узбекистану, 50% – «Голд Ньюменту».

«Голд Ньюмент» – заказчик – для осуществления строительства наняла в качестве генерального подрядчика тоже известную фирму в США «Бейтман», которая должна была запроектировать, постро-

ить и сдать объект «под ключ» заказчикам. Проектирование велось в США, но на правах субподряда «Бейтман» привлек к проектированию всех внешних коммуникации к объекту наш институт, и я стал непосредственным участником этого процесса. Объект должен был строиться вблизи забалансовых отвалов, т. е. на промышленной площадке карьера «Мурунтау», где имелись специфические климатические, почвенные и прочие условия, с одной стороны, а с другой, в Зеравшане имелись мощное строительное управление концерна и крупные подразделения монтажного треста концерна «Кызылкумредметзолота», которые фирма «Бейтман» и взяла в субподряд для непосредственного осуществления строительных и монтажных работ запроектированного объекта. В процессе проектирования возникали необходимость увязок вопросов строительных норм (различных в США и в Узбекистане), разработки графика производства строительных работ и связанных с этим сроков и способов доставки на строительную площадку материалов и оборудования и многих других. И вот осенью 1993-го года Н. И. Кучерский командировал группу специалистов в составе заместителя директора комбината по капитальному строительству А. В. Рашупкина, ГИПа «СредазНИПИПромтехнологии» Л. Б. Бешер-Белинского, начальника монтажного треста «Югпроммонтаж» В. Е. Гудсона, главного инженера Зеравшанского управления строительства В. Я. Насибулина, начальника сметно-экономического отдела ЗУСа В. Л. Дмитриева, для решения и согласования ряда вопросов, возникших в последней стадии проектирования, и организации непосредственно строительства с целью осуществить его за предусмотренный проектом срок – 14 месяцев. Главные офисы генподрядной фирмы «Бейтман» и корпораций «Голд Ньюмент» находились в городе Денвер, штат Колорадо, куда мы и отправились на 16 дней с полетом через Турцию, Стамбул. Подробности нашего пребывания в США, моей первой и последней командировки в настоящий капиталистический мир, опишу в соответствующем месте, сейчас скажу лишь, что запроектированное предприятие «Зеравшан-Ньюмент» по переработке убогих золотых руд карьера «Мурунтау» было построено и сдано в эксплуатацию ровно за 14 месяцев, в соответствии с разработанным, в период нашего пребывания в США, графиком строительства. Знакомство же мое с капиталистической системой хозяйствования, образом жизни, социальной сферой и т. п., а я очень интересовался всем этим, окончательно просветило меня и подтвердило преимущества «загнивающего» перед «светлым будущим коммунизма». В Узбекистане же высокими темпами шла инфляция, остановка многих промышленных

предприятий, были изданы указы о переводе всей документации, переписок и т.п. на узбекский язык. Начался и продолжался отток русскоязычного населения, стояли громадные очереди в Российское посольство для оформления Российского гражданства. Это коснулось и нашего института, да и всех других предприятий концерна. Жизнь становилась более сложной, мой возраст шел к семидесяти, других перспектив объединения с семьями сыновей не просматривалось, а стоимость и возможность ежегодных поездок в Израиль ухудшались. Мы решились переехать на постоянное место жительства (ПМЖ) в Израиль. О принятом решении я заявил Н. И. Кучерскому и директору института Ю. Я. Пытелю. Оба руководителя выразили сожаление, но не препятствовали такому моему шагу. Мы подали документы на оформление, а в конце мая 1995-го года был издан приказ о моем увольнении. Официально было заявлено, что я ухожу на пенсию.

На проводы, которые устроили в зале столовой института, приехал из Навои Н. И. Кучерский, с ним более 20 руководящих сотрудников НГМК и Концерна, начальники отделов, главные специалисты, знавшие меня много лет. В зале присутствовали и более сорока сотрудников Института. Вел собрание Ю. Пытель, а первым Николай Иванович зачитал адрес Комбината и вручил мне памятные подарки. Было высказано много хороших слов и посланий в прозе и стихах от многих сослуживцев и коллективов. Вечер прошел в очень хорошей атмосфере. Все необходимые оформления прошли, мы получили новые паспорта Республики Узбекистан, по которым можно было выезжать, и спецрейсом, организованным агентством «Сохнут», 22.06.95 вылетели в Тель-Авив. К автобусу, выезжавшему с нашего двора, на котором нас везли в аэропорт, вышло пол института проводить меня, мою семью, и долго махали нам во след прощальным жестом.

Через несколько часов мы приземлились в аэропорту «Бен-Гурион» и стали гражданами Израиля. Мы здесь же, в аэропорту, изменили фамилии на новую – Бен-Шир, я вместо Бешер-Белинский, а Юлия вместо Шатуновская. Это пришлось сделать потому, что наши дети, прибыв в Израиль в 1990-ом году, взяли эту фамилию Бен-Шир (в переводе с иврита Сын Песни).

Сегодня 22.06.04, ровно девять лет мы прожили здесь, в городе Нетания, красивом курортном, на берегу Средиземного моря в съемной трехкомнатной квартире в самом центре, у площади «Независимости». В этом же городе живет семья нашего старшего сына Бориса, довольно успешно вписавшегося благодаря упорно-

му труду в программистскую среду. Дочь его (наша старшая внучка) Ирина успешно окончила среднюю школу, отслужила (2 года) в Армии Оборона Израиля, защитила первую степень – бакалавра – в Хайфском Технионе и также успешно учится там же на вторую степень. Сын его, Юрий (наш внук) окончил среднюю школу, отслужил 3 года в боевых частях Армии Оборона Израиля, в этом году демобилизовался и готовится поступать на учебу в университет. Младший сын, Виктор Бен-Шир, прожив и проработав в Израиле почти 7 лет, решил и осуществил переезд на работу в США, где уже находится 7 лет, получил «грин-кард», успешно работает в солидной программистской фирме, живет в штате Мериленд, вблизи Вашингтона. Старшая его дочь, Элина, закончив в Израиле специальную среднюю школу с художественным уклоном, поступила, а в этом году закончила 4-летний колледж при Художественной Академии в Вашингтоне по специальности «Компьютерный дизайн» и работает по специальности. Младшая его дочь, Лия, успешно закончила среднюю школу в США, поступила и окончила в этом году два курса Мерилендского Университета по специальности «международный бизнес». Мы с Юлией в эти годы объездили многие прекрасные места в Израиле в рамках экскурсий, многое узнали об этой чудесной во всех отношениях стране, приспособились к местным условиям, очень слабо (возраст) освоили язык иврит, имеем определенный круг общения, друзей из стран бывшего СССР, боремся с некоторыми и возрастными, и приобретенными еще в прежней жизни недугами, с которыми местная, неплохая медицина пока справляется. Благодаря семье нашего сына Виктора мы уже четырежды побывали в США по полтора месяца. В течение этих пребываний ездили много по восточным и юго-восточным штатам, Нью-Йорку, Вашингтону, Канаде и имеем значительный объем впечатлений от увиденного и пережитого. Об этом отдельный рассказ. Виктор же подарил мне новый персональный компьютер, который мы привезли в Израиль, я его в определенной степени освоил и возникло желание описать свои воспоминания, чем и занимаюсь в свободное время (часа по два-три в день, но не систематически). Пишу «сходу» без черновиков, только по памяти, никаких записей, дневников не вел и не имею.

За прошедшие девять лет я дважды побывал в Узбекистане, благодаря тому, что многие друзья-товарищи, ветераны НГМК и, в первую очередь, действующий, третий по счету, директор НГМК, он же председатель совета концерна «Кызылкумредметзолото» Николай Иванович Кучерский помнит меня и мой вклад в становление

и развитие этого уникального предприятия и официально приглашал меня на торжественные празднования юбилейных дат – 40-летия в 1998 году и 45-летия в 2003 году – со дня образования комбината. Все расходы по транспорту, проживанию и питанию нес НГМК. На эти праздники приглашались многие ветераны комбината из разных стран СНГ, и только я из дальнего зарубежья. Праздники эти проходили очень торжественно, красиво, организованно, на фоне больших успехов, достигнутых современным коллективом НГМК, и, главное, эмоционально, «со слезинкой на глазах» у ветеранов, вспоминающих свои молодые, полные энергии, инициатив годы и «ушедших» друзей и товарищей.

На этом и закончу вступительную статью ко второй книге «Взгляд изнутри», в которой хочу в хронологическом порядке описать очень важный, пожалуй, самый тяжелый, но интереснейший период работы и жизни нашей семьи на фоне создания и развития одного из крупнейших в системе Минсредмаша комбината, а, вернее наоборот, периода создания и развития комбината и на этом фоне мою работу и жизнь нашей семьи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Еду, лечу – а вот и Учкудук!

Получив приказ, несмотря на мое несогласие, по первому главному управлению Минсредмаша о назначении меня главным инженером предприятия п/я 11, с месячным окладом содержания 400 рублей и выплатой подъемных, трудовую книжку и собрав небольшой чемоданчик с первым необходимым, я поездом из Ташкента отправился до станции Кермине. Пассажирский поезд «Ташкент–Бухара» останавливался на всех станциях и полустанках, подолгу стоял на станциях обмена бригад и путешествие продолжалось около 20 часов. Я имел возможность с раннего утра после станции «Самарканд» смотреть через окна купе и коридора на имевшийся пейзаж, и он был, в основном, безрадостным. Железная дорога проходила по границе как бы освоенной части долины реки Заравшан, располагающейся справа по ходу движения, и здесь можно было видеть засеянные, в основном, хлопком поля, зеленые насаждения на станциях и вдали, в местах кишлачков и поселков, слева же была полностью выжженная, серо-желтая, зияющая черными пятнами от следов пожаров равнинная степь, переходящая вдали в предгорья. Одноэтажное небольшое здание станции «Кермине» явно дореволюционной постройки, окруженное густыми, но серыми от пыли кронами деревьев, навешало какую-то грусть провинциальности и показалось, что я уже где-то его видел. Потом я вспомнил, что читал описание этой станции в одном, как мне кажется, не очень известном произведении Жюль Верна «Путешествие господина Блумберга из Красноводска до Пекина» (не уверен, что дословно правильно назвал

эту фантастику), где автор мастерски описывал каждую станцию и полустанок по пути путешествия по тогда только что построенной в рекордно короткие сроки царским правительством железной дороге «Красноводск–Самарканд». Последний факт вызвал в Европе большой резонанс и Жюль Верн, сфантазировав сюжет, очень точно описывал географию и природу мест прохождения железной дороги. Кое-как разобравшись каким способом можно добраться до городка строителей, фактически располагающегося в Привокзальном районе, я пешком дошел до нужного мне места и нашел здание-барак, в котором и находилось управление предприятия п/я 3. Весь поселок строителей состоял из деревянных одноэтажных коттеджей на одну–две семьи и деревянных же двухэтажных многоквартирных домов. В юго-западной части к поселку примыкала промышленная зона действующей и продолжавшей строиться базой стройиндустрии и военные городки нескольких полков военных строителей.

На входе в управление стоял часовой (вход только по пропускам), к которому я и обратился с просьбой сообщить обо мне секретарю начальника. Он любезно выполнил мою просьбу и минут через десять появился сам Зарапетян З. П. и дал команду пропустить меня, поздоровался и проводил в кабинет. Здесь за длинным столом, примыкавшим к рабочему столу Зарапетяна буквой «Т», сидело человек 5–6, которым З. П. представил меня. Оказалось, что это группа сотрудников предприятия п/я 11 во главе с Анатолием Анатольевичем Петровым, начальником этого предприятия, которая участвовала в ранее состоявшемся производственном совещании при Зарапетяне и которую З. П. оставил для конфиденциального обмена мнениями. Время двигалось к 18 часам, т. е. к концу светового дня, и З. П. изрек: «Вот и хорошо! Леонид Борисович отправится с вами в Учкудук. Торопитесь, чтобы засветло прилететь». Рухнули мои планы (а они были в моих думах) за пару дней в архивах комбината ознакомиться с «Проектными материалами» по строительству и отработке месторождения. Все поднялись, распрощались с Зарапетяном и на автомобилях отправились во временный аэропорт, где поджидал арендованный комбинатом самолет АН-2. Но, проезжая через поселок Кермине, Петров А., с которым я ехал в одном автомобиле, дал команду остановиться у местного ресторана, оказалось, что это уже установившийся ритуал после таких совещаний в управлении комбината обязательно «обмыть» событие в питейном заведении, да это и развлечение для Учкудукцев, где еще никаких развлекательных учреждений не было. В ресторанчике просидели недолго, посетителей было минимум, прилично выпили водочки, чем-то закусили

и приехали в аэропорт, находящийся, примерно, в 15–20 километрах от Кермине. Небольшое временное деревянное здание с «фонарем» для диспетчера и флюгером на крыше, взлетно-посадочная полоса без покрытия, а просто расчищенная от верхнего песчаного слоя, несколько стоящих на необходимом безопасном расстоянии емкостей для авиагорючего, навес, под которым стояло два-три самоходных агрегата, в том числе пожарная машина – вот и все хозяйство, которое обслуживало лишь самолеты малой авиации, выполняющие местные полеты в пределах Бухарской области и сельхозработы. Строящийся поселок «Учкудук» административно входил в Тамды-Курганский район Бухарской области. Группу уже с тревогой ожидал начальник аэропорта, худощавый с красивой шевелюрой и русыми усами, средних лет человек, которого мне представили – Михаил Михайлович Канцевич. Оказалось, что он и его сын Анатолий Канцевич – это первые, и много лет впоследствии, организаторы и руководители аэропортов в строящихся и развивающихся поселках и городах, связанных с Комбинатом. И, действительно, по прилету в Учкудук нас встретил Анатолий, очень похожий на отца молодой, тоже кучерявый и русыми усиками человек, с красивой широкой улыбкой. Так вот, Михаил Иванович попросил нас поторопиться, так как светлое время заканчивалось, да и погода, ветер усиливался. Тревога понятная, ведь посадочные полосы и прочие сооружения аэропортов не оборудованы никакими навигационными и другими средствами, кроме радиосвязи. Мы погрузились в самолет и взлетели. Быстро миновали пойму реки Заравшан, видно было несколько небольших кишлачков, затем довольно значительный по размерам районный поселок Канимех и затем бескрайняя желто-серая пустыня, испещренная более светлыми полосами грунтовых дорог, следующих в разные стороны, но как бы «в никуда»! Примерно через полтора-два часа начали снижаться и «плюхнулись» в полосу, вызвав огромный столб пыли. После пробега с торможением и остановки, самолет развернулся и подрулил к деревянной будке, в недалеке от которой развевался «сачок-колбаса», служащий инструментом определения направления и, приблизительно, скорости ветра. Мы выгрузились и, как я уже опередил события, я познакомился с Анатолием Канцевичем, а затем подрулили автомобили, на которых мы отправились в поселок. Я успел заметить, что «аэропорт» находится вблизи только начатых горных работ по вскрыше карьера, рядом в песке валялись какие-то металлоконструкции. Петров пригласил меня в свой автомобиль. Вырулив по грунтовым участкам, наконец попали на трассу с черным покрытием, и директорская

«Волга» уже не останавливаясь, помчалась в поселок, который возник после преодоления некоторой возвышенности, с верхней точки которой открылась равнинная площадка, и на ней, как показалось, в беспорядке разбросанные одноэтажные, тоже серо-желтые, почти не отличающиеся от местности, строения. Обратил внимание, что на этой верхней точке справа от дороги стоял интересный знак – столб с большим ажурным кругом и расходящимися от него лучами, а в центре большими буквами «Учкудук». Эта удачная эмблема простояла много лет, пока ее не заменили более монументальной, о которой расскажу значительно позже.

Очень быстро стемнело. Автомобиль остановился у одного из одноэтажных домиков, выстроенных по правую, по ходу движения автомобиля, сторону почти оформившейся улицы, пожалуй, единственной в данный момент. Мы вошли в квартиру, где нас встретила довольно красивая, черноволосая, полнеющая женщина, явно нерусского, скорее похожую на гречанку, вида – Людмила Ильинишна, супруга А. А. Петрова, Она довольно быстро собрала ужин, на стол поставлено достаточно спиртного. По мере количества «принятого» определенная неловкость, связанная с недостаточным знакомством, сглаживалось, разговор шел больше обо мне, моих планах, о моей семье, о месте ее проживания. О Петрове А. А. я узнал только то, что он коренной москвич, мама и дочь от первого брака живут в Москве. Просидели за столом глубоко за полночь и мне предложили остаться у них до утра, от чего отказаться было нельзя. Утром, после завтрака, А. А. отвез меня в один из одноэтажных домиков, поближе к началу улицы, отведенный под гостиницу для командированных выше среднего ранга, где меня и поместили в одну из четырех квартир (однокомнатную). Я привел себя в порядок, разложил свой неприхотливый скарб и часа через два за мной приехал директорский автомобиль, на котором я был доставлен в управление предприятия, размещенное в одном из трех построенных к этому времени, деревянных бараков-казарм на юго-западной окраине, за проектной границей будущего «рабочего поселка городского типа». А. А. показал мне мой кабинет, располагающийся напротив директорского, входы в которые из приемной, где находилось хозяйство нашего общего секретаря. В 17 часов Петров А. А. собрал к себе в кабинет главных специалистов и начальников отделов управления и представил меня как главного инженера предприятия. Так началась моя работа в новом амплуа и на новом месте.

Все последующие дни, более недели, Анатолий Анатолиевич после одного-двух утренних часов работы в управлении для реше-

ния текущих вопросов, вместе со мной посещал все действующие, в первую очередь горные, подразделения, где представлял меня и знакомил с руководителями, и где проходили большинство рабочих мест. Это было и днем, до 17 часов, с которых начиналось диспетчерское совещание, и после него до 22–23 часов, а иногда и позже. И уже в эти дни ко мне стали приходить, звонить по разным вопросам руководители подразделений, участков производства, на которые я или отвечал, или обещал разобраться и решить. Чтобы понять читающему дальнейшие мои писания, необходимо в каком-то минимальном объеме рассказать об истории создания производств по добыче и переработке урановых руд на базе уникального как по происхождению и горнотехническим условиям залегания, так и по природно-климатическим условиям нахождения, месторождения Учкудук, и связанных с этим поселков и городов. Этому и посвятим следующую главу.

ГЛАВА 2

Немного истории

Серьезные поисково-разведочные и разведочные работы в Центральных Кызылкумах на уран были начаты 1951–52 гг., после того, как их развернули подразделения специализированного геологоразведочного предприятия «Краснохолмскгеология» первого главного управления Министерства геологии СССР. Уже в 1953 году были обнаружены руды с промышленным содержанием урана и перспективой продолжения их на глубину в районе хребта Алтынтау. Дальнейшие работы подтвердили наличие промышленных запасов урана необычного генезиса в песчано-глинистых, сильно обводненных породах. Это и стало началом дальнейшей детальной разведки, освоения, строительства и разработки крупнейшего, по тем временам, месторождения «Учкудук», названного так потому, что оказалось рядом с тремя колодцами, питавшими небольшой оазис еще во времена древнего «шелкового пути», проходящего по этим краям. Продолжающиеся в СССР работы по дальнейшему созданию и совершенствованию атомных вооружений, развитие атомной энергетики требовали ускоренного увеличения сырьевой базы, добычи и переработки урана и руководство Минсредмаша уже в 1956 году приняло решение начать подготовительные работы по созданию базы для строительства будущего предприятия. Для этого в составе 11-го главного управления было создано управление строительства № 621, начальником которого был назначен Анатолий Петрович Горшков, и монтажная контора № 3 в составе 12-го главного управления, начальником которой стал Александр Павлович Сивопляс. Функции заказчика нового строительства было поручено выполнять комбинату № 6 первого главного управления, где начальником в это время был Дмитрий Терентьевич Де-

сятников. В составе последнего было организовано вновь строящееся предприятие № 27 на площадке Учкудук и его начальником стал мой однокашник, до этого работавший на предприятии 11 – Табошары, Павел Васильевич Смирнов, а представителем заказчика на площадке Керми-не – Петр Алексеевич Гуляев, знакомый нам по работе в Майли-Су.

Фактически первые строительные работы подготовительного периода начались и на площадке Кермине и на площадке Учкудук летом 1956 года с прибытия первых отрядов строителей, а это были главным образом военные строители, во главе с А. П. Горшковым (в Кермине) и его подчиненные – лейтенант С. Н. Бражников, З. И. Зильберт, Б. З. Цейн (в Учкудуке). Конечно можно представить, с какими трудностями встретились «первопроходцы», начинавшие с «нуля» в условиях Кызылкумов, особенно это для площадки «Учкудук». Но партия сказала: «Надо!» – и люди, проявляя высокий энтузиазм, смекалку, выдержанность, сказали «Есть!» Ютились в неприиспобленных к местному климату бараках и работали так, что за два года, создали базу для строительства постоянных объектов будущих эксплуатационных предприятий и поселков.

В 1958 году часть подтвержденных запасов урановых руд месторождения были «Краснохолмскгеологией» переданы для промышленного освоения комбинату № 2, образованному к этому времени в составе первого главного управления Минсредмаша. Первым начальником комбината был назначен Зарап Петросович Зарапетян¹, бывший начальник предприятия № 11 комбината № 6, затем переведенный на работу в Мингеологию СССР, а теперь возвратившийся вновь в Минсредмаш. Приказом обуславливалось, что местом дислокации управления комбината являлся поселок Кермине, который в этом же 1958 году был решением Правительства Узбекистана переименован в поселок имени Алишера Навои. На площадке Учкудук в составе комбината было образовано предприятие (рудоуправление), первым начальником которого продолжил быть П. В. Смирнов.

Детальная разведка Учкудукского месторождения продолжалась геологоразведочной партией № 25 «Краснохолмскгеологии»

¹ Автор употребляет написание «Зараб», очевидно по памяти. Более распространено написание «Зураб», но на персональной странице З. П. Зарапетяна (https://www.biblioatom.ru/persons/zarapetyan_zurab_petrosovich/), как и в воспоминаниях (Ветштейн Л. Урановый король : (о первом директоре Навоийского горно-металлургического комбината З. Зарапетяне). – Навои, 1996) употребляется написание «Зарап», оно и будет использоваться далее.

до 1960 года, а затем проводилось геологической службой Учкудукского предприятия.

Строительство первоочередных временных и постоянных объектов стройиндустрии, временных поселков строителей и военных строителей на обеих площадках велось по проектам Московского института «Оргтехстрой-11» Минсредмаша и к концу 1958 года было выполнено, чем были созданы необходимые условия для строительства первоочередных объектов основной деятельности. К 1959-му году были выданы проекты, разработанные привлеченными институтами:

для площадки Навои:

- комплекс постоянного водоснабжения – проект Харьковского института «Водоканалпроект», начало строительных работ – 1959 г. Навойская государственная районная электростанция – проект Среднеазиатского отделения института Теплопроект, г. Ташкент, начало строительства октябрь 1959 года;

- Железная дорога Навои – Учкудук, протяженностью 300 км – проект института Мосгипротранс, начало строительства 1958 г.;

- Опытный цех по переработке учкудукских руд – проект института ГСПИ-14, начало строительства 1958 г.;

- г. Навои на 50 тысяч жителей, первая очередь – проект института «Горстройпроект», г. Москва, начало работ 1959 г. Институт «Горстройпроект» проектировал первые 3 квартала первого микрорайона г. Навои и первый микрорайон г. Учкудук до 1960-го года, после чего проектирование г. Навои было передано Ленинградскому институту комплексного проектирования, ГСПИ-11, а проектирование г. Учкудук – филиалу № 1 (г. Ташкент) Головного института ГСПИ-14.

Для площадки Учкудук:

- комплекс технического водоснабжения производительностью 20 тыс. кубометров в сутки. Комплекс включал 5 скважин, насосную станцию и водовод протяженностью 25 км. Вода для использования на строительных и горных работах, пылеподавления.;

- дизельная электростанция ДЭС-2000 с пятью стационарными дизелями по 400 квт. для обеспечения электроэнергией Учкудука на первые два года, ТЭЦ-6 мощностью 6 мегаватт (электроэнергия, теплоснабжение);

- комплекс питьевого водоснабжения «Мингбулак» производительностью 6 тыс. кубометров воды в сутки (5 скважин, две насосные перекачные станции, водовод протяженностью 70 км.);

- опытные подземные рудники № 2 и № 7 и опытный карьер;

- поселок городского типа Учкудук на 10 тыс. жителей;
- внутрирудничные и подъездные железные дороги;
- внутрирудничные и городские автодороги;
- временный аэропорт.

Строительство и эксплуатация промышленных предприятий и городов Минсредмаша способствовали комплексному освоению региона, строительству новых промышленных предприятий – Навоийской государственной районной электростанции, Навоийского химического комбината, электрохимического завода, Навоийского цементного завода, а также развитию золотодобывающей промышленности в Центральных Кызылкумах.

К этому времени и определились все основные участники процесса строительства и эксплуатации промышленных и социально бытовых объектов, которые я и перечислю, и назову их наименования с момента их образования и в дальнейшем:

– Заказчик – комбинат № 2 первого главного управления Минсредмаша (предприятие п/я 3), с января 1967 года Навоийский горно-металлургический комбинат и его подразделение – предприятие п/я 11, Учкудукское рудоуправление, Северное рудоуправление (СРУ) с 1967 года. В 1960 году в составе Учкудукского рудоуправления было образовано строительное управление и все строительство в Учкудуке велось с этого времени хозяйственным способом.

– Генеральный подрядчик – управление строительства № 621, предприятие п/я 21, с января 1967 г. Навоийское управление строительства (НУС), 11-го главного управления Минсредмаша.

– Субподрядчик – мехмонтажные работы – монтажная контора № 3, с января 1967 года «Трест Югпроммонтаж» (ЮПМ), 12-го главного управления Минсредмаша.

– Субподрядчик – электромонтажные работы – МСУ-79 12-го главного управления Минсредмаша.

– Субподрядные организации СМП-260, СМП-151, СМП-23, мехколонна № 40, мехколонна № 66 – Министерства транспортного строительства СССР.

Основные проектные институты:

– Головной институт ГСПИ-14 (г. Москва) и его филиал в г. Ташкенте, Минсредмаш.

– Оргтехстрой-11 (г. Москва), Минсредмаш.

– Институт комплексного проектирования ГСПИ-11 (г. Ленинград) Минсредмаш.

– Мосгипротранс Минтрансстроя СССР.

– Харьковский институт «Водоканалпроект».

– Среднеазиатские отделения всесоюзных институтов Теплопроект, Энергосетьпроект.

Надо особо подчеркнуть, что очень большую роль в строительстве всех объектов освоения и развития Навои-Учкудукского промышленного комплекса сыграли военные строители, приписанные к Минсредмашу, особенно в первые годы, самые тяжелые и первыми командирами военных строителей в Навои и Учкудуке были Г. И. Гриценко и И. М. Голенковский.

Когда упоминалось, что в числе первоочередных временных объектов были запроектированы и построены «городки для строителей» на 1000 человек, то под этим подразумевались «лагеря для заключенных», которые были, фактически, главной рабочей силой строителей поверхностных промышленных объектов и объектов поселкового и городского назначения, а в Учкудуке в первые 5–7 лет и значительной частью рабсилы для проведения подземных горных работ на строительстве рудников №№ 1, 2, 6. Как мне известно, использование «заключенных» на подземных горных работах в этот период в СССР было только в Учкудуке.

Урановое месторождение «Учкудук» являлось весьма сложным для строительства и эксплуатации, не имеющее аналогов в мировой практике. Многоярусное залегание рудных тел, одинаковый литологический состав руд и вмещающих пород, что исключало визуальное определение руды, четыре высоконапорных водоносных горизонта с большим дебитом подземных вод, требующих предварительного снятия напоров и осушения, слабые песчано-глинистые и обводненные вмещающие породы с пропластками набухающих глин – «букет», да еще и в труднодоступном районе Центральных Кызылкумов, наличие которого потребовало научного обоснования возможности добычи руд в этих условиях. Такая компетентная комиссия была создана под председательством академика Топчиева, в состав которой вошли многие ученые мужи горной, геологической, гидрогеологической и других направлений наук и практики, (в составе комиссии был и известный в Средней Азии гидрогеолог Вениамин Львович Дмитриев, бывший моим деканом, и у которого я трудился секретарем в студенческие годы) и заключение было, практически, однозначным – на уровне существующих в этот период научных и практических знаний извлечь руду не представляется возможным!

Но...! Стране нужен уран, а результаты геологоразведочных работ обнадеживали. Месторождение будет беспрецедентным по запасам урана в мире, а это в свою очередь поднимало престиж стра-

ны в «соревновании» в рамках «холодной войны» и было принято решение о строительстве, о чем уже было сказано выше. В конце 1957, начале 1958 гг. ГСПИ-14 (директор института Б. И. Нифонтов, главный инженер проекта Э. Т. Оганезов) выпустило «Проектное задание» (так в то время в СССР называлась утверждаемая стадия проектирования, в последующем именуемая – «Технический проект») на предварительную отработку опытного рудника подземных работ и опытного карьера, в результате осуществления которых должны были получены исходные данные для проектирования и эксплуатации промышленных объектов. В этом и последующем проектах была заложена идея проведения строительных и горных работ костяком вольнонаемных работников руководящего и инженерно-технического коллектива вахтовым методом, а массовая рабочая сила должна была состоять из военных строителей и заключенных, для чего и предусматривалось строительство военного городка и двух лагерей заключенных. Для проживания семей вольнонаемного состава работников Учкудука предусматривалось строительство жилья и инфраструктуры в специально выделенном микрорайоне г. Навои. Вольнонаемные трудящиеся должны были авиатранспортом доставляться на рабочую неделю в Учкудук и на выходные дни в Навои. Сразу оговорюсь, что из этой идеи ничего не получилось. Большинство жен и другие члены семей любыми способами проникали в Учкудук, не желая проживать вдали от главы семьи. Рассказывали, что при одном из очередных приездов на площадку Учкудук министр Е. П. Славский (кажется в 1960-м году), увидав там детей, настолько расстроился и осерчал, что грозился снять с работы сопровождавшего его начальника комбината З. П. Зарапетяна. Но, жизнь победила, взяла свое и фактически в дальнейшем Учкудук стал городом в пустыне, прославленном в широко известной песне «Учкудук – три колодца».

Предусмотренные «Проектным заданием» опытные работы могли на длительное время задержать разработку дальнейших проектов и строительство промышленных объектов, а это не устраивало руководство и комбината (З. П. Зарапетяна), да и вышестоящих руководителей министерства, поэтому инициатива снизу, Зарапетяна, о совмещении во времени опытных работ с проектированием и строительством промышленных объектов была принята начальником первого главного управления, согласована с первым заместителем министра А. И. Чуриным, который и утвердил в мае 1958 г. задание на дальнейшее проектирование. На его основе ГСПИ-14 уже в январе 1959 года выпустил «Проектное задание на разработку

месторождения Учкудук комбинированным способом – открытыми и подземными горными работами». В этом проекте предусматривалось строительство и отработка месторождения двумя очередями, в которые входили 11 карьеров и 14 подземных рудников. Производительность предприятия определилась по 800 тысяч тонн руды в год, одинаково с подземных и открытых работ, по металлу это составляло 1600 тонн в год.

Это сыграло решающую роль в ускоренном развитии Учкудука, значительно сократив сроки строительства рудников, карьеров, инфраструктуры и обеспечило досрочный ввод в эксплуатацию предприятия. Вместе с неоспоримыми достоинствами, совмещение опытных и промышленных работ требовало большую долю риска, в первую очередь, со стороны практических инженерно-технических работников Учкудука, да и проектировщиков. Проектирование и строительство велось без опытных данных, без аналогов ведения горных работ, проектные решения не соответствовали конкретным условиям и на практике приходилось подвергать их многочисленным корректировкам.

В самом конце 1958 года стали прибывать первые группы горнорабочих и инженерно-технических работников. В основном это были квалифицированные кадры с предприятий Ленинабадского Горно-химического Комбината, из которых и создавались первые бригады для проходки стволов № 2 главный и № 2-1, вскрывающих второе шахтное поле, для опытного рудника № 2.

Огромную работу проводили работники созданной кадровой службы во главе с отставным майором Равилем Мансуровичем Мансуровым, которые разъезжали по всей стране, рассылали приглашения, агитировали, отбирали молодых специалистов в различных ВУЗах по множеству необходимых предприятию специальностей. Первый директор комбината З. П. Зарапетян пользовался каждой возможностью побывать на часто проводимых в те времена активах, партийных, профсоюзных конференциях, совещаниях, на одной из которых я его видал в г. Чкаловске в 1959 году, где он очень горячо и эмоционально рассказывал о перспективах развития его комбината и призывал переходить к нему на работу, где есть и возможности служебного роста. В 1959-м, 60-м годах снижались объемы работ на Адрасманском, Майли-Суйском предприятиях и освобождающиеся кадры в большинстве трудоустраивались в комбинате № 2.

Первыми руководителями непосредственно горных работ по проходке стволов рудника № 2 стали: начальником – Николай Михайлович Семченко, участник ВОВ, имевший военно-топографи-

ческое образование, благодаря которому в первые годы работы на первом уранодобывающем предприятии в Табошарах использовался в маркшейдерской службе, затем работавший под моим началом на Янгибадском предприятии, откуда поступил на очное обучение на горный факультет САИИ и окончил его в 1958 году; главным инженером – Леонид Михайлович Демич, горный инженер, работавший после окончания ВУЗа на урановом предприятии в Чехословакии и по окончанию заграникомандировки, направленный в Учкудук; главным геологом рудника – А. В. Лейманченко; главным маркшейдером – И. Г. Ермошин; первыми горными мастерами – М. Г. Дергунов, Ю. П. Ефремов и др.

В начале 1960 года была начата проходка стволов первого шахтного поля – №№ 1-гл. и 1-1 бригадами, сформированными из прибывших из Майли-Су горняков и горноспасателей. Начальником административно-объединенного рудника по строительству объектов на шахтных полях № 1 № 2 стал Василий Андреевич Бушевцев, а Н. М. Семченко был назначен начальником карьера № 1, строительство которого было начато с апреля 1960 г. В самом конце 1960 года были заложены стволы № 6 гл., № 6-1, № 6-2, а в феврале 1961 года стволы № 6-3 и 6-4. Здесь горными работами руководили И. Т. Кавешников, П. Д. Спиридонов, механик В. А. Раужев.

Прибывающие рабочие и инженерно-технические кадры размещались во временных бараках в поселке строителей, в домиках геологоразведочной партии № 25 по несколько семей в одной комнате. Не распакованные вещи лежали в коридорах, сараях, на улице у барачков. Многие управленцы, не имея рабочих мест, трудились по месту проживания. Но трудящиеся видели, что идет строительство и поселка, и водоводов, и железной дороги и понимали, что трудности временные, и это придавало терпения и сил для работы с воодушевлением. В сентябре 1959 года постановлением правительства Узбекистана Учкудуку был присвоен статус «Поселка городского типа». В октябре 1959 года начальником (Директором) Учкудукского предприятия был назначен Анатолий Анатольевич Петров, горный инженер, окончил Московский Институт цветных металлов и золота в 1941 году, участник ВОВ, после тяжелого ранения в 1944 году и излечения в госпитале был командиром военно-строительного батальона «Балтвоенморстроя», с 1945 и по 1959 год – заместитель геологоразведочного Управления «Главзолота», а в конце этого периода – заместитель управляющего трестом и начальник строительства «Якуталмаз». Смирнов П. В. был переведен в управление комбината. Численность трудящихся и населения росло быстро и

остро ощущался недостаток жилья, а шло строительство, главным образом, объектов базы стройиндустрии, водоводов технического (Бешбулак) и питьевого водоснабжения (Айтым), стационарной ДЭС и первых одноэтажных коттеджей, первое заселение которых произошло в декабре 1959 года. Темпы строительства, особенно, объектов жилья, ведущихся генподрядчиком, не устраивали руководство Учкудукского предприятия, да и З. П. Зарапетяна, поэтому было принято решение и в 1960 году организовано на площадке Учкудук в составе рудоуправления управление строительства, во главе которого стал Леонид Иванович Тимошенко. В составе Управления строительства вошли СМУ-1, ведущее строительство объектов жилья и соцкультбыта во главе с начальником Н. А. Махтеем и СМУ-2, строящее промышленные объекты во главе с начальником В. П. Лавренчуком. Работы на строительных площадках, огражденных соответствующими «инженерными сооружениями», из-за того, что в первую и вторую смены работали «заклученные» (ЗК), а в третью, ночную смену вольнонаемные трудящиеся, и военные строители готовили фронт работ на следующий рабочий день. Каждое воскресенье на территории «лагерей ЗК» А. А. Петров проводил «планерки». В целях повышения заинтересованности ЗК в результатах труда, была создана целая система поощрения (первоочередное отоваривание талонов, выдача сверх нормы спецодежды, выдача чая, сигарет и т.п.). Темпы строительства и ввода объектов возросли.

Техническая вода появилась на промобъектах и в поселке в мае 1961-го года. В декабре 1959 года состоялся пуск стационарной ДЭС мощностью 2 МВт (5 агрегатов по 400 кВт), где первым монтажником и начальником стал В. И. Ишкулов. В июле 1961 года был пущен один из двух монтируемых энергопоездов мощностью 4 МВт каждый, начальником которых был назначен Виталий Павлович Разумовский. В 1961 году было открыто рабочее движение грузовых поездов по строящейся железной дороге Навои–Учкудук, а в начале 1962 года и рабочее движение пассажирских. Монтажно-строительное управление МСУ-79 Минсредмаша вело строительство ВЛ-220 кВ от строящейся ГРЭС (Кермине) до Учкудука, протяженностью 320 км. В самом конце 1959 года было начато строительство ТЭЦ-6, начальником которой с самого начала был назначен Николай Михайлович Дворяжкин.

Я описал основные вехи развития стройки и фактически состояние работ на начало 1962 года, а более подробно и все основные решения, способы и трудности их осуществления, создавшие воз-

возможность не только своевременного, но и досрочного ввода в эксплуатацию мощностей по добыче урановых руд, обеспечения бесперебойной работы введенного в конце 1964 года в эксплуатацию гидрометаллургического завода (ГМЗ-1) на площадке Навои, расскажу по ходу уже моего непосредственного участия во всех этих событиях.

ГЛАВА 3

*Положение дел на основных объектах, коммуникациях.
Круг руководителей и специалистов,
с которыми надо идти в «бой»*

Итак, А. А. Петров ознакомил меня со всеми руководителями подразделений предприятия, руководителями подрядных организаций, командованием полка военных строителей, начальниками подразделений мест отбывания наказаний – двух «лагерей заключенных», командиром батальона внутренних войск, несущего охрану «лагерей» и «зон строительных площадок» промышленных и жилых объектов, мы побывали на всех объектах строительства, и я получил первые впечатления о них и о текущих задачах их деятельности. Я уже самостоятельно побеседовал с главными специалистами и начальниками отделов управления предприятия, из докладов которых узнал текущее состояние дел на горных и строительных объектах, ближайшие и перспективные их задачи. Но, для скорейшего вхождения в курс и возможность влиять на ход работ, пришлось весь рабочий день посвящать посещению и подробнейшему обходу всех рабочих мест горных объектов в первую очередь, а в их числе и подразделения подземных работ. После короткого отдыха дома, примерно с 20 часов и до «упора», 22–23 часов, занимался изучением проектных материалов, текущей переписки, многочисленных директивных документов, протоколов, технических решений и прочих, которые надо было расписать в соответствующие службы с резолюцией о дальнейших действиях, решениях и т. п. И пошла ежедневная круговерть – к половине восьмого утра в управление на пол часика, отъезд на один из объектов, обход там всех рабочих мест, замечания по ходу обхода сопровождающим меня руководителям объекта, помывка в бане (на горных объектах), обед в столовой,

небольшой разбор результатов обхода, просьбы и подготовленные сотрудниками объекта технические решения, мои пожелания и задания на ближайший период. В конце рабочего дня в управление, обмен информацией с А. А. Петровым, отдых в гостинице (или потом уже дома), вечерние бдения за «бумагами», если этот день обходился без каких-либо ЧП.

Примерно через месяц мне вручили ключи от двухкомнатной квартиры в одном из двухквартирных коттеджей первого микрорайона, и я отправился в Янгиабад за семьей. Вслед за мной туда был командирован ЗИЛ-151 (трехосный вездеход) для перевозки наших домашних вещей. К этому времени мы уже имели много по тем временам «скарба», особенно книг. Художественная литература доставалась, как правило, через распределение отделами пропаганды партийных органов, или по «блату» (так это называлось в Советской действительности), и мы пользовались этими каналами. Кроме того, мой родной дядя Илья Белинский, имевший два высших образования, работал в «Книжной лавке писателей» в Ленинграде, на «Невском», снабжал нас дефицитной литературой, которую мы привозили с собой, возвращаясь из отпуска, или он высылал почтой. Была и мебель, в том числе книжные шкафы, купленные мною у бывшего директора предприятия Владимира Яковлевича Опланчука при его отъезде в Чкаловск, куда его назначили директором комбината № 6, а шкафы эти были по его заказу выполнены в деревообделочном цехе предприятия, где трудились, в основном, высококвалифицированные специалисты немецкой национальности, бывшие спецпоселенцы, многие из которых так и остались на предприятиях Минсредмаша. Юлия уже имела опыт переездов и частично подготовила многое к перевозке. Мы устроили прием по случаю отъезда, состоявшийся на открытом воздухе во двореке нашего коттеджа по форме «а-ля фуршет», который посетили многочисленные наши друзья и товарищи, пожелавшие нам всех благ и успехов. Не могу не перечислить многих из них, это семьи наших соседей Аникиных и Божко, а также Шапиро, Дмитриевы, Соколовы, Красиковы, Каны, Афанасьевы, Шитовы, Савостины, Черепановы, Кожевниковы, Вера Смотуга – начальник МСЧ, Георгий Куприянович Кирилин – главный гинеколог медсанчасти, Тимофеевы, Вальберги и многие другие. На следующий день грузовик был загружен, мы в нашей «Волге» ГАЗ-21, (дети гостили в Ташкенте у Юлиных родителей), отправились в дорогу на Самарканд – Навои. К вечеру прибыли в Навои и заехали во двор коттеджа, в котором проживали наши друзья-однокашники Смирновы Павел Васильевич и Феля,

его супруга, переночевали у них и по утру, часов в 5, отправились на Учкудук. Наше путешествие от Навои до Учкудука продолжалось около 17 часов, особенно тяжелым было преодоление барханных песков, где «садилась по брюхо» наша «Волга», и приходилось ее вытаскивать буксиром с помощью «ЗИЛа».

Поселились в квартире, детей привезли лишь к началу учебного 1963–64 года. Юлия приступила к работе в отделе главного энергетика, которым в это время был Гранит Федорович Матухин. Какова была структура Учкудукского предприятия на момент моего начала работ и каково состояние подразделений его составляющих? Вот на это и обратим мой рассказ. Начну с быта. Основные его учреждения и управления ими находились в «городке строителей», что располагался километрах в 3–4-х от начатого строительства постоянных объектов жилья «поселка городского типа», и здесь в бараках размещались больница на 20 коек, клуб-кинотеатр и он же место проведения собраний трудящихся, столовая общепита, конторы субподрядных строительных и монтажных организаций, несколько жилых барачков и два, или три многоквартирных деревянных коттеджа, в одном из которых проживала семья заместителя директора предприятия Бориса Апполинаровича Миролюбова, горного техника-механика, участника ВОВ, отслужившего на флоте, какие-то сараи-склады, магазинчик продуктовых и промышленных товаров. Только управление предприятием и строительное управление предприятия незадолго до этого переместились в деревянные сборные бараки, в районе строящегося постоянного поселка, о чем я уже сообщал. Между «городком строителей» и постоянным поселком находился «городок военных строителей» – это типовый набор деревянных казарм всех назначений для полка военно-строительных войск, а вблизи границы начала микрорайонов постоянного поселка размещался лагерь заключенных строгого режима, обитатели которого использовались на строительстве жилых и поверхностных промышленных объектов и на работах уже действующих и строящихся объектах промышленной зоны, где размещались БСИ (база стройиндустрии), базы участков субподрядных монтажных организаций, строились объекты базы снабжения ОРСа. В строящемся «Поселке городского типа» уже были готовы и заселены большинство коттеджей 1-го микрорайона, велось строительство коттеджей 2-го микрорайона, двухэтажных домов 3-го микрорайона, школы на 270 учащихся, функционировал единственный продуктовый магазин № 5, размещенный в проектом каменном здании, были сооружены «зоны» (инженерные ограждения выделенных для строительства участков,

при использовании труда заключенных) для строительства 4-го и 5-го микрорайонов. Были частично построены объекты автобазы № 1 и цеха по ремонту горного оборудования. Велось строительство ТЭЦ-6 и подстанции 220/35 № 0 («нулевая»). Электроснабжение промобъектов и жилья осуществлялось от действующего энергопоезда № 1 и в горячем резерве находилась «ДЭС». В один из первых дней моего пребывания в Учкудуке А. А. (так я впредь буду называть А. А. Петрова) позвал меня на ДЭС, объявил сигнал «тревоги», означающий необходимость разворота резервных электромощностей и глядя на часы, засекал время полного включения агрегатов. На все ушло менее 5-ти минут! Это соответствовало утвержденному аварийному плану. А. А. с гордостью отметил это, его лицо выражало полное удовлетворение.

Теперь, каково было состояние основных, горных объектов? Самый отдаленный от центра, поселка и объектов всех видов снабжения – это объединенный в одну административную единицу Рудник № 2, в состав которого входили строящиеся объекты шахтных полей № 1 и № 2. Вся территория на поверхности была обнесена соответствующей «зоной», так как на строительстве поверхностных и подземных сооружений использовались ЗК, размещенные в лагере ЗК № 2 по нашему счету, а вернее в учреждение у/я № ... (не помню) строгого режима, находящегося в 1,5–2 километрах южнее и соединенного с «зоной» рудника коридором колючки, по которому их проводили на смену и обратно, с внешним сопровождением охраны. В соответствии с проектом, вскрытие каждого из указанных шахтных полей предусматривалось центрально-сдвоенными стволами, соответственно, № 2 и № 2-1 на ш. п. № 2 и № 1 и № 1-1 на ш. п. № 1. Из поверхностных сооружений действовали уже временный административно-бытовой комбинат, постоянные механические мастерские, столовая, котельная. Ствол № 2-1 был пройден до проектной отметки, из него рассечен рудничный двор на дренажном горизонте, пройдены камерные выработки и смонтировано большинство насосного оборудования центральной водоотливной установки, шла проходка восточного дренажного штрека. Ствол оборудован постоянным подъемом и шло строительство надшахтного здания, центральной вентиляционной установки. Ствол № 2 «главный» был пройден почти до проектной глубины, заканчивалась проходка части его для стволового водоотлива и монтажа подклетьевого полка. Ствол был оборудован проходческим бадьевым подъемом, временным копром. На шахтном поле № 1 были пройдены до проектных отметок оба ствола, на дренажном гори-

зонте ствола № 1-1 оборудованы руддвор, насосная станция и часть квершлага, на стволе № 1 произведена рассечка части руддвора в одну сторону и забетонирована постоянной крепью. Здесь я должен пояснить некоторые специфические технические положения, хотя этого не хотелось делать, наверное, скучно неспециалистам, но важно для понимания тех трудностей, ситуаций и прочих обстоятельств, которые было необходимо преодолеть и нести ответственность, в первую очередь практическим работникам Учкудука, производственных отделов Управления Комбината и многим участникам этого процесса от научно-исследовательских отделов и проектировщиков Генерального проектного института.

На месторождении «Учкудук» продуктивными, т. е. в которых имелись урановые рудные тела, являлись стратиграфические горизонты «Учкудукский» на большинстве шахтных полей и «Кендыктюбинский» (кажется правильно назвал) на шахтных полях 7 и 8. И тот и другой водоносные с высокими напорами. На фланговых шахтных полях (№№ 1, 2, 6 на западе и 7, 8 на восток), вошедших в отработку 1-й очереди, над этими водоносными горизонтами не было совсем, или были маломощные другие водоносные горизонты, не представлявшие особых проблем при проходке их вскрывающими стволами. Вмещающие песчано-глинистые горные породы в продуктивных горизонтах отличались составом и соотношением глин и песков, что существенно влияло на возможность и характер работ по снятию напоров и осушению, необходимых для отработки рудных тел. Поэтому и были запроектированы «Опытные рудники № 2 и № 7», которые на практике, как опытные, не состоялись, как будет понятным из дальнейшего, но все технические решения пришлось проверять методом «тыка», что, естественно, очень замедляло выполнение желаемых темпов работ, приводило к многочисленным первым неудачам, авариям, несчастным случаям с трудящимися, и требовало невероятных усилий, смекалки инженеров и техников, да и вольнонаемных рабочих, бригадиров и проведению на работе большую часть суток, как говорили «ненормированный рабочий день».

Продуктивный «Учкудукский» горизонт подстилался мощным гранитным горизонтом, верхняя часть которого была представлена выветрелыми разностями крепостью 7–8 по шкале Протодяконова, требующих взрывных работ при проходке, но и крепления выработок. Это и предопределило проектный вариант проведения в гранитах дренажного горизонта на рудниках №№ 1, 2, 6, из которого должны были проводиться специальные мероприятия по

окончательному снятию напоров и осушению продуктивных участков, подлежащих отработке. На шахтных полях №№ 7 и 8, где такого не было и продуктивный горизонт был более глинистым, предусматривались иные методы и средства осушения и проведение горных работ из стволов сразу по продуктивному горизонту.

На руднике № 6 (шахтное поле № 6), самом большом по площади рудных полей, подлежащих отработке, к моменту моего прибытия были пройдены стволы № 6 «главный», № 6-1 в центральной части и на самом южном фланге ствол № 6-2, вентиляционный. Кстати, был пройден и ствол № 6-3 на проектную отметку и воротниковая часть ствола № 6-4, на самом северном фланге шахтного поля, необходимости в которых не было никакой, которыми так и не воспользовались до самой отработки месторождения. Думаю, что их проходили в свое время лишь потому, что они были в самых благоприятных горных условиях и только для выполнения планов по выданной «на-гора» горной массы, для оправдания статьи «заработная плата», требуемой в те, Советские, времена планово- бухгалтерской отчетностью, да и докладов «наверх» о проводимой активной деятельности. Ствол № 6-1 был оборудован постоянным подъемом, на стволе № 6 шел монтаж постоянного копра, подъемной машины, на стволе № 6-2 – бадьевого подъем. Велось строительство постоянных зданий АБК, надшахтного здания ствола № 6. Отопление временных и др. зданий шло от котельной рудника № 2. На дренажном горизонте были пройдены рудничный двор, центральная насосная станция с помойницами, значительная (метров 150) часть дренажного штрека на запад.

На руднике № 7 были пройдены ствол № 7 «главный», из него рудничный двор в одну сторону, закрепленный постоянной железобетонной крепью ступенчатой формы, проходилась квершлаг к будущему сопряжению со штреками на север и юг. Ствол № 7-1 был пройден до проектной отметки, но никаких работ здесь не велось. Дело было в том, что при рассечке из ствола руддвором произошел вывал, а попытки его ликвидации привели к обширному образованию пустот по высоте у пройденной части ствола, грозившие его (ствола) обрушением. Работы по закрепному тампонированию с поверхности не дали положительных результатов. Характерно, что при первом же посещении рудника № 7 с А. А. мы в бадьях в сопровождении начальника рудника Виталия Николаевича Сигедина (выпускник Томского политехнического института 1959 года) и главного инженера рудника Юрия Ивановича Чурбанова (выпускник Среднеазиатского политехнического института, молодой

специалист) спустились к месту завала, из которого «веяло» затхло-стью и повышенной температурой от гниения дерева, загнанного в завал, и А. А. сказал, что это место, которым мне надо будет заняться в первую очередь. Здесь мне надо рассказать очень важную деталь.

Дело в том, что уже более четырех месяцев на рудоуправлении не было главного инженера. Бывший главный инженер Е. А. Попов был уволен по неизвестной мне причине и долгий период, также по непонятной мне причине, не назначался на эту должность никто из сотрудников Учкудука и управления комбината. А делать дальнейшие попытки ликвидации завала в стволе № 7-1, связанных с большим риском как для людей при выполнении этих работ, так и с возможностью большой деформации самого ствола, никто не решался, не имея главного ответчика, главного инженера рудоуправления. Я понял, что А. А. ждал появления нового главного инженера, который и возьмет на себя организацию работ и, естественно, ответственность за их результат. Ниже я на этих обстоятельствах останавлиюсь подробнее.

Шахтное поле № 7 вскрывалось тремя стволами по фланговой схеме – в центре ствол № 7-гл., а на противоположных флангах стволы № 7-1 и № 7-2. Последний заканчивался проходкой. На поверхности из постоянных сооружений были только подъем главного ствола. Шло строительство АБК. Временные сооружения обогревались от примитивной доморощенной котельной. На подземных горных работах использовались, в отличие от рудников №№ 1, 2, 6, только вольнонаемные трудящиеся, а на строительстве поверхностных сооружений – военные строители. При первом посещении рудника № 7 с А. А. мы застали В. Сигедина и Ю. Чурбанова в забое квершлага на стволе № 7, где они совместно со звеном горнопроходчиков осваивали отбойку и погрузку горной массы комбайном ПК-3, на гусеничном ходу, с вращательным на стреле баром, со сменными армированными победитом зубьями, с электроприводом. Картина было очень неприглядная: гусеницы комбайна погружались в разжиженную глинистую массу на высоту верхних траков и пробуксовывали при включении хода, загребаяющие, типа «крот» лапы были залеплены полностью глинистой массой и со скрежетом передавали на скребковый конвейер небольшие порции породы, рабочие и руководители были в нижнем белье от спецодежды и пот потоками лился с их лиц и тела, температура воздуха была не менее 35°. Проветривание забоя производилось по металлическим трубам с поверхности по стволу и квершлагоу проходческими вентиляторами, а температура воздуха

на поверхности под 40° . В воздухе, кроме прочего, стоял сплошной мат. Нам рабочие высказывали свои соображения о непригодности комбайна этого типа к существующим условиям. К этому вернемся в соответствующем месте.

На открытых горных работах к моменту начала моей работы организационно был сформирован «Район № 1» – это карьероуправление, которое размещалось в здании постоянного АБК, отапливаемого от доморощенной котельной-«самовара», во главе с начальником Василием Матвеевичем Равжаевым, горным техником, имевшим опыт работ в Табошарах Ленинабадского комбината, главным инженером Юрием Владимировичем Соколовым, горным инженером, выпускником Московского горного института. На самом западном фланге, так называемом «сапожке», предназначенном по проекту для проведения опытных работ, действительно шли горные работы по вскрыше первого уступа, но уже не теми первыми механизмами (скреперами Д-188 емкостью 6 м^3 , трактора С-100, экскаватор Э-1251), которыми в 1960 году начались выемка и транспортировка первых кубометров вскрыши, а работал первый в Учкудуке роторный экскаватор ЭРГ-350/1000, заводской № 004 Донецкого машиностроительного завода. Но горная масса от него отвозилась самосвалами типа КРАЗ-222, ЗИЛ-555 на северный борт и, естественно, непрерывности выемки не получалось. На западном фланге карьера № 1 проходила разрезная траншея на первом уступе для монтажа конвейерных линий и установки КГТО-2 № 1, т. е. полного комплекса оборудования для непрерывной выемки горной массы производительностью 1000 м^3 в час в целике, в который входили экскаватор ЭРГ-350/1000, конвейерные линии длиной около 5 км и шагающий отвалообразователь ОШ-125/1500 (длина отвальной стрелы 125 м, производительность 1500 м^3 разрыхленной горной массы в час). Траншея проходила экскаватором ЭКГ-4 (гусеничный с емкостью ковша 4 м^3) с отвозкой горной массы автосамосвалами КРАЗ. Это была первая комплексная бригада – машинисты экскаватора, водители самосвалов – первые из которых входили в штат карьера, а вторые – в штат автобазы. На опытном участке проводились работы по снятию напоров с Учкудукского продуктивного горизонта путем бурения примерно десятиметровых скважин с помощью бурошнекового станка, оборудовались проволочные фильтры, в которые опускались всасывающие патрубки специальных вакуумных электронасосов, откачивающих из скважин воду с небольшой производительностью.

Перед самым моим приездом, примерно в мае месяце, начались работы по выемке первых кубометров въездной траншеи на карьере

№ 2 бригадой экскаватора ЭКГ-4 № 2, организационно принадлежащей Району № 1, начальником этого участка был назначен горный инженер, молодой специалист, работавший горным мастером карьера № 1 Николай Иванович Кучерский, и начались работы по снятию первых кубометров на площади будущего, большого карьера № 5 самоходными скреперами емкостью 9 м³. Начальником карьера № 5 был назначен тот же Н. М. Семченко, который уже до этого побывал после рудника № 2 начальником «Района № 1», начальником геологоразведочного участка № 11. Н. Семченко отличался большой способностью организатора вновь создаваемых коллективов, человека умевшего достать все необходимое в кратчайший срок, не чураясь и прибрать у соседа что-либо лежащее без присмотра, «выдавать» бесчисленное число предложений при необходимости преодолеть какие-либо препятствия и осуществить их. Вот такое состояние открытых горных работ было на момент начала моей работы главным инженером Учкудука, т. е. имелось несколько десятков скреперов емкостью 6 м³ с тракторными толкачами, самоходные колесные скреперы емкостью 9 м³, два экскаватора ЭКГ-4 с емкостью ковша 4 м³, один роторный экскаватор «ЭРГ-350/1000», практически используемый как «школа обучения для освоения новой техники». Для вывозки горной массы имелось несколько десятков самосвалов «ЗИЛ-555» грузоподъемностью 5 тонн и «КРАЗ-222» грузоподъемностью 12 тонн, приписанных к автобазе № 1, еще существовавшей во временных сооружениях, и где трудились с большим энтузиазмом руководители, водители и ремонтники, которые одновременно участвовали и в стройке все более необходимых сооружений для ремонтных отделений и стоянок автомобилей. В автобазе к этому времени эксплуатировалось (кроме автомобилей для горных работ) автомобили ЗИЛ-585, ЗИЛ-164, ГАЗ-63, МАЗ-205, ГАЗ-51, несколько легковых автомобилей – одна «Волга-21» (директорская) и 3–4 ГАЗ-69 (Главного инженера, замов по монтажу и строительству) – задачей которых было обеспечивать перевозки всех грузов с мест прибытия на ж.д. станцию, временный аэропорт, а также внутри предприятия с базы стройиндустрии на строительные объекты, со складов в магазинчики и столовые, трудящихся от поселков до рудников и карьеров, одним словом, все необходимые перевозки и по еще не всегда обустроенным дорогам. Для завершения рассказа о положении на открытых горных работах скажу, что за 1961 год на открытых работах было вынуто лишь 600 тыс. м³ горной массы

На промплощадке «Района № 1» строилась и частично уже функционировала «монтажная площадка №1» – это проектный объект,

специальные сооружения которого предназначались для складирования, временного хранения конструкций, деталей, электрооборудования и сборки тяжелой горной техники, предусмотренной для работы в карьерах первой очереди.

Шло строительство подъездных железных дорог от станции «Учкудук» МПСа к промышленным площадкам основных объектов и, в первую очередь, к карьеру № 1, его монтажной площадке, к месту склада балансовой руды карьера № 1, а затем далее к карьеру № 5, рудникам №№ 6 и 2. Улучшались грунтовые дороги, частично покрывались черным покрытием путем смешения гравийно-песчаной смеси с нефте-мазутным составом, грейдирования и уплотнения катками.

Питьевое водоснабжение поселков обеспечивалось с Айтымского скважинного водозабора по водоводу, а на строящиеся горные объекты доставлялась питьевая вода в приспособленных автоцистернах, сделанных силами автобазы. Шло строительство оригинального водозабора «Мингбулак», водовода от него протяженностью 70 км с двумя перекачными насосными станциями, линией электропередач 35 кВ и подстанциями 35/6 кВ.

Энергоснабжение всего хозяйства производилось от уже действующего энергопоезда (о нем я уже рассказывал), и в резерве были ДЭС и отдельные временные передвижные электростанции мощностью 50–60 кВт на рудниках 1, 2, 7. Велось строительство и монтаж нескольких подстанций ГПП-35/6/0,4 кВ и линий электропередач к ним 35 кВ к карьерам 1, 2, 5. Только-только сформировались энергетические цеха со своими функциями, коллективами и материально-технической базой, разместившиеся во временных зданиях и сооружениях, построенных своими силами: ЦСП – цех сетей и подстанций (сети электроснабжения производств и поселков); ДЭС – дизельная электростанция, в состав которой вошли три источника водоснабжения (Айтым, Бешбулак, Мингбулак) с магистральными водоводами; энергопоезд (позже ТЭЦ-6) с промышленными котельными. Проектная документация на их строительство отставала, да и физических сил на их строительство не хватало, ощущался большой дефицит в рабочих, автотранспорте, материалах. Наличные строительные мощности и возможности направлялись на строительство объектов жилья и первоочередные промышленные объекты.

Пришло время познакомить читателя, после описания географии и состояния объектов строительства и эксплуатации, с людьми, теми руководителями и специалистами, с которыми мне предстоя-

ло непосредственно общаться, ими руководить, советоваться, присматриваться к ним, определить взаимоотношения и т. п. Начну с верхнего эшелона рудоуправления. О моем руководителе, Петрове А. А., первое впечатление описал, как складывались отношения будет ясно по дальнейшим рассуждениям. Заместитель директора по строительству, он же начальник управления строительства Леонид Иванович Тимошенко, участник ВОВ, как практик работавший с 1947 по 1951 гг. техником-строителем в сельских организациях, с 1951 по 1959 гг. – десятником, прорабом, начальником участка строительного управления Минсредмаша в районе Пятигорска, с 1959 по 1960 – старшим прорабом, начальником участка первого отряда строителей под руководством Горшкова А. П., а с 1960 года перешел на работу в Учкудукское рудоуправление. Это человек выше среднего роста, ширококостный, с черной шевелюрой и зычным командирским голосом приятного тембра. Умело организовывал ход строительных работ, его и побаивались, и уважали и подчиненные, и спецконтингент (ЗК), с которыми он умел контактировать, в конце 1962 года стал заместителем Директора по общим вопросам. Л. И. Тимошенко в 1967 году закончил Навоийский промышленный техникум по специальности «Промышленное и гражданское строительство» и еще много сделал хороших дел в строительстве многих и важнейших объектов в составе строительных организаций комбината. Замом по строительству и начальником управления строительства был назначен подполковник Ф. П. Рубилов, военный строитель. Следует заметить, что достаточно много на должностях среднего и старшего звена строительных подразделений использовались офицерские кадры военных строителей, не уволенных из армии. Почему так? – я не понимал и никогда не старался допытываться до истины. Главным инженером управления строительства работал инженер-строитель Анатолий Петрович Касатиков. Взаимоотношения с руководителями строительства сложились ровные, несмотря на некоторую настороженность с их стороны в самом начальном периоде, и, если возникали какие-либо разногласия, а это могло быть чаще всего по распределению автотранспорта, или строительных механизмов, в которых всегда ощущался недостаток, то мы или находили компромисс, или мое слово брало верх, как первого заместителя директора. В текущее управление строительными работами я не вмешивался, но принимал самое активное участие в планировании объемов работ по направлениям на месяц, квартал, год, сроки ввода объектов в эксплуатацию, добиваясь соответствия сроков окончания строительства промышленных объектов с плана-

ми производства горных работ и ввода в эксплуатацию добычных мощностей рудников и карьеров. А с замом по общим вопросам Л. И. Тимошенко у нас сложились самые лучшие отношения, мы стали товарищами и друзьями, общались семьями, он (Тимошенко) всегда принимал к немедленному исполнению мои просьбы, подчеркивал, что я есть первый зам. Юлия Максовна сдружилась с супругой Леонида Ивановича, Дарьей Николаевной Соловьевой, очень симпатичной казачкой из Ессентуков, о которой будет еще рассказ впереди.

Главным механиком рудоуправления был Леонид Данилович Ефанов, горный инженер-электромеханик, окончивший Среднеазиатский политехнический институт в 1958 г. и с 1959 г. работавший в Учкудуке электрослесарем, механиком шахты, а затем и главным механиком рудника № 2, худощавый, энергичный, с часто не сходящей с лица улыбкой и юморком в разговоре (впоследствии выяснилось, что пишет и неплохо стихи) среднего роста человек. Оказался очень покладистым, прекрасным мне помощником в делах, безотказным, не считающимся в затратах времени на производстве, смекалистым механиком. За все время моей работы в Учкудуке между нами не было серьезных размолвок, наоборот, мы стали друзьями и общались впоследствии до самого моего отъезда из Узбекистана.

Главным геологом трудился Алексей Михайлович Корнилов, уже опытный геолог, прошедший «урановую» школу на предприятиях комбината № 6. Нижнесредней упитанности, остролицый и остроносый, с достаточно большой рябиной, но умной головой, добрейший человек. Умело руководил складывающейся геологической службой предприятия, прививая ответственность за важные показатели разубоживания, полноты выемки, потерь, умения подсчета запасов в блоках, участках с учетом сложной морфологии, условий формирования и залегания рудных тел. К сожалению, страдал синдромом запоев, которые учащались, скрывать и прощать которые стало невозможным. Летом 1964 г. запой закончился «белой горячкой» и мне (в это время исполняющему и обязанности директора – А. А. был в отпуске), пришлось самолетом отправить его (Корнилова) в Бухару, в спецмедучреждение. Главным геологом был назначен Матвей Иванович Минькин, инженер-геолог, переведенный с Красногорского предприятия ЛГХК.

Начальником также очень важного отдела рудоуправления – производственно-технического (ПТО) – был Аркадий Николаевич Орехов, переведенный в Учкудук в 1961 году с одного из зарубежных предприятий, где, как мне рассказывали, он не смог выполнять

инженерные обязанности, поэтому работал в «режимном отделе». В отделе работали Борис Дмитриевич Фелицин (до Орехова – начальник отдела), старший инженер Геннадий Ильич Коноплев, до этого поработавший после окончания института на заграничном предприятии, а с 1958 года в Учкудуке на руднике № 2, Дина Габитовна Якупова, курировавшая подземные горные работы, Э. Ш. Топорская, курировавшая открытые горные работы. Обе эти женщины, горные инженеры, проработали в ПТО Учкудука более 35 лет, очень активно и оперативно выполняли все поручения по оформлению документации для производства горных работ, по многообразным возникающим техническим решениям, вносили свои предложения, умело подготавливали протоколы технических совещаний по моим указаниям. А. Н. Орехов произвел на меня впечатление с самого начала, которое и осталось до конца моей работы в Учкудуке и в дальнейшем многолетнем общении по производственным делам, человека безразличного, апатичного, дорожающего своим здоровьем, не принимающего «в душу» все перипетии творящихся дел, но умело передающего идеи и предложения «сверху вниз» и в обратную сторону, высказанные специалистами и руководителями, так, что они могли казаться исходящими от него. Совершенно не общительный в быту, не состоящий ни в одной компании, да я так и не видел его супруги и детей за три с лишним года совместной работы. Этот человек на одном месте, в одной должности проработал 32 года, без понижения или повышения, причем, в условиях, когда предприятие и комбинат бурно развивались, кадры росли, передвигались вверх, или вниз в порядке наказания за те или иные провинности, и никому не приходило в голову его куда-либо передвинуть, его как бы нет, его не замечают. Он и по выходу на пенсию не уехал из Учкудука, продолжал работать на разных «конторских» должностях. Но... время, стаж делали свое дело и его даже и наградили орденом. Очень редкий тип и судьба. Я очень удивлялся тому, что очень опытный и крутой руководитель, каким был А. А. Петров, терпит до моего появления, при мне и много лет потом малоактивного и не очень задерживающегося на работе сотрудника Орехова. Объяснения у меня нет, кроме одного – думаю, что он был негласным агентом, а может быть, и штатным сотрудником КГБ. Я же тоже старался не замечать Орехова А. и чаще отдавал распоряжения и указания непосредственно сотрудникам отдела.

Главным гидрогеологом в составе Геологического отдела был Леонид Иванович Лунев, очень грамотный, эрудированный инженер-гидрогеолог, прежние места работы и стаж которого я не знаю.

Роль гидрогеологической службы в деле освоения, подготовки и отработки Учкудукского месторождения очень велика, имея ввиду, что вопросы снятия напоров и осушения водоносных продуктивных горизонтов были первоочередными, а решение их требовало большой теоретической проработки и значительных практических методов работ на базе существующей и вновь создаваемой техники. Л. Лунев вносил много дельных технических предложений, всегда и упорно добивался выполнения принятых из них, активно участвовал во всех многочисленных технических совещаниях, проводимых на предприятии и в комбинате на всех уровнях. Вместе с тем, в нем чувствовалась какая-то ленца, не любил задерживаться на работе. Наверное, поэтому у него были несколько натянутые отношения с А. А. Петровым. Ниже среднего роста, с какой-то кукольной красотой с несколько восточным разрезом глаз и хитрецей в них, всегда в наглаженной одежде (благодаря заботам его супруги, Наташи, инженера-строителя, очень активной сотрудницы производственного отдела управления строительства) Лунев производил весьма положительный эффект своей ученостью и действительно, на базе проводимых в Учкудуке работ и исследований, защитил кандидатскую диссертацию, в дальнейшем стал сотрудником МГРИ (Московского геолого-разведочного института), затем доктором и профессором.

Функционировали и отделы плановый, ОТиЗ, бухгалтерия во главе с главным бухгалтером, 1-й отдел (режим секретности) и другие службы, необходимые в управлении комплексным хозяйством. Отделом кадров руководил все тот же первый кадровик – Р. Х. Мансуров, человек с красивой седой прядью от лба в черных волосах. Был и АХО (административно-хозяйственный отдел), которым много лет руководил Василий Федоров, очень активный и расторопный, прекрасно понимавший А. А. с полуслова, кроме всего прочего, сделавший много для развития спорта в Учкудуке на первых порах.

Чтобы стало совсем понятным, следует еще рассказать и основные положения «Проекта на строительство и отработку 1-й очереди месторождения». Как уже отмечал, было принято и осуществлялось решение о строительстве промышленных объектов параллельно с проведением опытных работ, поэтому многие технические решения в проекте приняты были на основании теоретических проработок и знаний. Пластообразный и пологий характер залегания продуктивных горизонтов и рудных тел в них, песчано-глинистые вмещающие породы и руды предопределили применение проходческой и добычной техники, да и систем разработки, аналогично существующим при строительстве и разработке угольных месторождений

и выпускаемых машиностроительными заводами СССР. Правда, в проекте предлагалось проводить исследования и конструкторские разработки для приспособления механизмов к некоторым конкретным характеристикам Учкудукских условий, как например, абразивность, влажность, слеживаемость, и разработке новых конструкций и механизмов, для чего в сметные расчеты и планируемую себестоимость закладывались необходимые средства. Для выемки огромных масс вскрышных пород на карьерах предусматривалось применение роторных комплексов непрерывного действия большой производительности, к выпуску которых готовились машиностроительные заводы СССР. Но, проектирование, разработка конструкций и изготовление на заводах указанной техники затягивалось, а предусмотренные в планах сроки получения конечной продукции – уранового концентрата – могли быть сорваны. Такое «не могло быть» в условиях партийного диктата в Советской Великой Стране, поэтому принимались самые разные технические решения, исходящие, в первую очередь, с мест, от инженеров и руководителей рудников, предприятия и комбината, поддерживались руководителями главков и министерства, составлялись локальные проекты, выделялись материальные средства, и не малые, а поставленная задача должна быть выполнена!

Теперь будет правильным немного рассказать о тех, кто стоял над Учкудукским рудоуправлением, я имею ввиду не просто управление комбината, а его основных руководителей, состояние строительства на площадках г. Навои. О начальнике (директоре) комбината я уже говорил и о нем напишу особо в подходящем месте. Главным инженером был Антон Петрович Щепетков, участник ВОВ, пятидесятилетний горный инженер, с самого начала, с 1945 года работавший на первом уранодобывающем предприятии Табошарах (кстати, где начальником был З. П. Зарапетян), а с 1956 года начальником предприятия № 24 (месторождение «Чаули», поселок «Красногорск», Ташкентской области) комбината № 6 и с 1959 первый главный инженер комбината № 2 (НГМК). Замечу, что А. П. в Табошарах женился на Вере Мячиной, инженере-геологе, выпускнице нашего горного факультета на два года ранее меня, но с которой я был знаком и общался во время совместной учебы и поездок на сборы хлопка. У них тоже к этому времени было двое детей-сыновей. Антон Петрович никогда не «поднимал» голоса, выражал свои мысли слишком большим числом слов, на мой взгляд, вкрадчиво как-то, хотя прекрасно знал все положения проектов, циркуляров, чувствовалось, что он прочитывает много

специальной литературы, ищет новинки и старается этим удивлять (и как-то унижать) собеседника, подчеркивая этим свое превосходство. Удавалось ему это, на мой взгляд, потому, что он большую часть рабочего времени проводил в кабинете и читал техническую и информационную литературу, которую ему подбирали сотрудники библиотеки. Горные работы, ведущиеся в Учкудуке, единственном тогда в составе комбината горном объекте, он посещал редко, но положение дел знал за счет докладов подчиненных ему сотрудников горного и других производственных отделов управления, которые, наоборот, уж слишком много «уделяли» внимания Учкудуку, приезжая в командировки. Сразу оговорюсь, что доклады подчиненных, были, естественно, субъективными, и не могли отражать истинного положения во многих случаях, что вело, зачастую к неприятным разговорам между мной и А. П. по телефону, или при встречах. Со временем я убедился, что А. П. не брезгает иметь «стукачей» среди работников Учкудука (наверное, и в других подразделениях), с которыми ранее работал и приблизил к себе. Начальником горного отдела управления комбината был Павел Васильевич Смирнов, мой однокашник (о нем уже писал ранее), бывший уже первым начальником Учкудукского предприятия, а ранее проработавший в Табошарах после окончания института, где работали Зарапетян и Щепетков. П. В. еще студентом женился на нашей студентке из группы геологов, Феле, и у них был сын Юрий. В горном отделе работало 5–6 инженеров, курировавших определенные направления. Главным механиком и начальником отдела был Борис Исаакович Шварцман, наш товарищ по работе в Янгиабаде, где он был главным механиком рудника № 2, а затем переведенный в Рудоуправление № 24 на должность главного механика, в 1961 году перемещенный в Комбинат № 2 уже главным механиком Комбината, участник ВОВ. В семье Б. И. росло четверо детей – три сына и дочь – воспитываемых замечательной его супругой Марией, красивой, статной казачкой. К сожалению, ее судьба закончилась безвременной кончиной от рака. Главным энергетиком комбината был Юрий Михайлович Маслов, инженер-электрик, выпускник САИИ, однокашник Юлии, прошедший производственную школу в ЛГХК, а с 1959 года переведенный в комбинат № 2 и ставший его первым главным энергетиком. В энергетическом отделе было 4–5 инженеров, курирующих множество направлений энергетики: сети и подстанции, теплоснабжение, водоснабжение и канализацию. Главным технологом и начальником отдела был Юрий Николаевич Щеглов, инженер-технолог, очень серьезный, мало улыбающийся человек,

прекрасный специалист и организатор, принимающий нужное решение после глубокого анализа и всестороннего обсуждения всех предлагаемых вариантов. В 1974 году переведен на работу в филиал № 2 ПромНИИпроекта в г Желтые Воды, где вскоре стал его директором, а с 1980 года – заместитель главного инженера по технологии ПромНИИпроекта (г.Москва), главным геологом – Николай Александрович Якушев, опытный, с солидным стажем работ, в том числе, на первенце уранодобывающей отрасли Табошарах. Главным гидрогеологом – Александр Михайлович Величенко, ниже среднего роста, очень подвижный человек, грамотный, несмотря на среднетехническое образование, специалист с большим стажем и опытом работ, несколько лет проработал в заграникомандировке в КНР на высоких должностях, очень интересно и ярко рассказывал о Китае и вообще был прекрасным рассказчиком и оратором. Плановым отделом руководил Бородин, ОТиЗом – Валентин Кузьмич Жук, инженер по экономике и организации горного производства, с 1950 по 1961 г. проработавший в Майли-Су (комбинат № 6, а затем комбинат № 5). Главным бухгалтером Сергей Тимофеевич Смирнов во главе групп бухучета (материального, заработной платы, финансов).

С 1959 года в Комбинате в должности заместителя начальника комбината по капитальному строительству (КС) работал Константин Павлович Павлычев, инженер-строитель, выпускник Горьковского индустриального института, с 1948 года проработавшего на стройках в Табошарах ЛГХК прорабом, нач. участка и в Майли-Сайском рудоуправлении комбината № 5 на должностях заместителя начальника управления строительства. С этого же, 1959 года был и организован отдел капитального строительства – ОКС, первым начальником которого стал Ефим Менделеевич Маламуд, инженер-строитель, выпускник Горьковского индустриального института, также проработавшего на стройках в Табошарах ЛГХК и в Майли-Су (комбинат № 5) от прораба до начальника СМУ. В составе ОКСа уже сформировались группы по направлениям работ – производственно-техническая, сметно-договорная, материально-техническая, генерального плана, технического надзора. Еще до организации ОКСа технический надзор за строительством подрядными и субподрядными организациями проводился группой генплана, руководимой очень энергичным, подвижным и грамотным инженером-геодезистом Вадимом Петровичем Телешевым. С ним мы были знакомы со времени совместной работы на Янгиабадском рудоуправлении ЛГХК. Это был своеобразный человек, очень болею-

щий за дело, никому, не взирая на лица, не прощающий каких-либо проступков, ошибок, панибратства. Очень много времени проводил на строительных площадках, между которыми мотался на собственном, переконструированном своими силами ГАЗ-57, который приобрел в результате списания с производства за небольшую цену.

Как видите, подавляющее большинство руководителей и специалистов это переведенные по собственному желанию, или по принуждению, кадры, прошедшие школу на предприятиях первого уранодобывающего комбината № 6 – ЛГХК.

На Навоийской площадке в районе, выделенном для промышленности, примерно в 3–4 км на северо-запад от границ будущего города, только закончилось строительство корпуса опытного цеха, шло строительство здания ЦНИЛа и отдельных переделов гидрометаллургического завода – ГМЗ-1.

Было начато строительство Ремонтно-механического завода (РМЗ), полным ходом шло строительство первой очереди Навоийской ГРЭС, на трассе ЛЭП-220 от ГРЭС до Учкудука начался монтаж подножников для опор и вывозка деталей опор. Шло строительство и монтаж водоводов, паро- и теплопроводов для снабжения промобъектов и строящегося города, который пока снабжался от временных котельных. Строился Навоийский химический комбинат для Минхимпрома. Все стройки вело Навоийское управление строительства (НУС) и его субподрядные монтажные организации – «Югпроммонтаж», МСУ-79 и др. – Минсредмаша. Кадров не хватало, шло отставание в обеспечении металлоконструкциями, не хватало механизмов, поэтому руководством Минсредмаша в Навои перебрасывались бригады монтажников и задействовались мощности по изготовлению металлоконструкций в Сибири и других регионах, на принадлежащих Минсредмашу предприятиях.

В городе Навои были построены первые микрорайоны из двухэтажных домов и несколько десятков одноэтажных двух- и четырехквартирных коттеджей. Большинство первых руководителей проживало в деревянных коттеджах в городке строителей. Там же и располагалось управление комбината, как я уже писал. Шло строительство в городе уже 4-этажных кирпичных домов, объектов торговли, кинотеатра, больничного городка и др. Высаживалась первая зелень вдоль первых улиц.

Должен вернуться и сказать, что забыл упомянуть о важной отрасли – это снабжение населения товарами народного потребления. На площадке Навои функционировал отдел рабочего снабжения, образованный еще в 1958 году, которым руководил с 1962 года

Борис Петрович Рудометкин, инвалид ВОВ. Подразделения ОРСа обеспечивали всем необходимым торговые точки и столовые общественного питания, имели уже складские, холодильные мощности. В Учкудуке функционировало подразделение ОРСа, руководимое его первым руководителем Владимиром Михайловичем Каминским. К 1962-му году функционировал один продовольственный магазин в постоянном здании № 5 по ул. Комсомольской, первая столовая «Весна» и первые холодильники на строящейся базе ОРСа. С 1961 года подразделение рабочего снабжения в Учкудуке преобразовали в отдел рабочего снабжения – ОРС № 7.

Не рассчитывал, но на описание общей обстановки ушла целая глава, а я еще и не приступил к непосредственной работе.

ГЛАВА 4

*Как завоевать авторитет. Главные направления.
Первые удачные результаты. Работа с «ЗК».
Первые щиты. Много о подземных работах*

Началась ежедневная круговерть трудовых будней с раннего утра и до 22–23 часов при обычных рабочих днях и еще больше, если случались ЧП, а они, естественно, случались. Но, я понимал, что есть главные направления – это развитие подземных горных работ, где больше технических проблем, требующих решительных действий и искусства, большего риска, чем на открытых работах, хотя и на последних немало проблем. Поэтому мое внимание было направлено на работы на рудниках

№№ 2 и 7. На дренажном горизонте из ствола № 2-1 проходил-ся дренажный штрек по выветрелым гранитам, где испытывались разные виды крепления и по результатам наблюдения за которыми надо было принять решения в проектах. Были уже участки, закрепленные деревянной крепью с деревянной же затяжкой, и металлической крепью из специального металлического профиля СП-22 с деревянной затяжкой, штанговой крепью с сеткой и без. Но в практике уже был случай прорыва кровли и образования крупного купола вплоть до продуктивного горизонта, где в будущем должен был проходить штрек. Принимаемые меры по ликвидации завала не давали желаемых результатов, выполнение плановых объемов срывалось и руководство рудника, очевидно с согласия и руководства рудоуправления, приняло решение отступить и обойти завал по новой трассе, что и было выполнено. Может быть это было и в конкретном случае и обоснованным, но такая практика не должна была стать приемлемой. Я узнал об этих обстоятельствах из объяснений, данных мне на мой вопрос, почему искривлен штрек. Я в очередном

посещении горных работ рудника № 2 высказал по этому поводу свои принципы Бушевцеву В. и Демичу Л. Особого «удовольствия» они не проявили, но молча «съели».

В первый же месяц моей работы главный гидрогеолог Леонид Лунев и зам. нач. ПТО Борис Фелицин во время вечерних докладов мне по производственным вопросам пытались перейти на доверительный разговор с целью рассказать о имевшем место конфликте между А. А. Петровым и бывшем главным инженером Е. А. Поповым, причем, чувствовалось, что они были сторонниками последнего, одновременно осуждая директора за крутой нрав, грубость и т.п. Я немедленно обрывал такие попытки и говорил, что впредь не разрешаю «просвещать» меня, и что я сам разберусь во всех делах и особенностях обстановки. Но вместе с тем я понял, что в среде управленцев, а может быть, и среди линейного инженерно-технического персонала имеются разные оценки первого руководителя.

Примерно на втором месяце работы при очередном обходе рудника № 7 я попросил подробно ознакомить меня с документацией, зафиксировавшей произошедший завал рассечки руд двора из ствола № 7-1 и дальнейшие действия по его попыткам ликвидации. Изучив их, предложил руководителям рудника Виталию Сигедину и Юрию Чурбанову подобрать лучших, наиболее опытных горнорабочих, согласных включиться в бригаду по ликвидации завала, работ ответственных и опасных. Поручил инженерам ПТО рудоуправления и рудника разработать проект-паспорт производства этих работ, заключающийся просто в прямом проникновении в завал, где выкладывать «костры» из дерева до самого верха купола – это первый и самый опасный этап. Я надеялся, что все-таки проведенные ранее работы по цементации с поверхности в определенной степени улучшили устойчивость пород. В последующих этапах пройти высечку малым сечением в средней части будущего руд двора, а затем из этой рассечки малыми заходками расширять сечение, одной стороной крепи опираясь на ранее возведенную. Все работы в этом забое проводить при постоянном присутствии горного надзора (горных мастеров). Понимая огромную ответственность за принятое решение, я предложил Сигедину и Чурбанову также быть в забое по 12 часов – сутки пополам. На поверхности у ствола был создан запас материалов, крепи и других, на подъемную машину выделены лучшие машинисты, надзор за работой подъема усилил механик рудника А. Н. Остапенко. Нормировщиками рудника был составлен специальный наряд на оплату работ по первому этапу, в котором были предусмотрены большие доплаты за сокращенные сроки

работ и всякие другие поощрения, в сумме дающие возможность при выполнении их получить высокую зарплату по сравнению с обычной в Учкудукских условиях. Перед началом работ мы собрали всех ее участников на совещание, на котором я рассказал о всех задуманных решениях и просил соблюдать строжайшую дисциплину при производстве работ, подчеркнув всю их опасность. Требовалось, кроме всего прочего, во время работы в забое не разговаривать, соблюдать тишину, чтобы вовремя услышать признаки начинающегося вываливания крупных кусков пород из купола, команды удаляться под установленную крепь выполнять мгновенно. На месте работ были смонтированы дополнительные средства освещения, чтобы можно было заглядывать, при необходимости, до самого купала. Работы начались. Я ежедневно, с самого начала и до окончания выкладки всего «костра», по 6–8 часов сам находился на месте работ. И Сигедин, и Чурбанов, и я не просто наблюдали за ходом работ, а принимали прямое участие в выкладке «костра». Участники работ на рабочем месте попеременно менялись – одни выложив порцию бревен в «костер» удалялись под крепь, а другие поднимались в купол, а первые подавали бревна. Однажды место работ посетил и А. А. Петров, который даже поднялся на небольшое время в купол, оценил всю сложность и опасность. Удалось закрепить вывал, возвести крепь в центральной части (заходке) руддвора, затем расширить эту заходку и закрепить ее металлической крепью сплошную из швеллера № 30. Затем из этой рассечки прошли часть штрека уже за районом вывала нормального сечения. Рудничный двор на нормальное сечение и крепление удалось лишь выполнить через почти 2 года, когда был пройден весь штрек со стороны ствола № 7 механизированным щитом МПЩ-3,7. Таким образом мною было выполнено первое задание-просьба А. А. Петрова. Я почувствовал его ко мне отношение несколько «потеплело» по сравнению с некоторой настороженностью на первых порах. Я в дальнейшем постараюсь поменьше изобилловать специальными терминами и техническими подробностями, но те, что имели важное значение для осуществления труднейших задач производства и, вместе с тем, для моего становления и роли в этом процессе, приходится освещать.

Как уже говорилось, на рудниках № № 1–2, 6 применялся труд заключенных, отбывающих срок в лагере № 2 усиленного режима. Непосредственно забойная группа рабочих и на этих рудниках состояла из вольнонаемных трудящихся, и это были, в основном, квалифицированные кадры горнорабочих из других предприятий

Минсредмаша. Большинство же вспомогательных работ под землей и на поверхности производили ЗК. Но многие из этих работ, такие как машинисты электровозов, электрослесари, инструментальщики, требовали определенной квалификации, а подавляющее большинство ЗК были из мира уголовников, убийц, торгашей или совслужащих, проворовавших крупные суммы. Не на все и вспомогательные виды работ можно было допускать ЗК, например, машинистами подъемов, стволовых, и такие работы выполняли вольнонаемные женщины, вторые члены семей, хотя не поощрялось пребывание женщин в охраняемых «зонах», где трудились ЗК. При очередном посещении рудника № 2 опять же на дренажном горизонте я обнаружил, что изменяется трасса проходки и на мой вопрос я получил ответ от начальника рудника Василия Бушевцева, здесь же был и главный инженер Леонид Демич, что это предложено ими не помню по какой причине и что это одобрил посетивший их вчера А. Петров. Я раскритиковал это решение, но отменять его не стал. Вечером, в Управлении при обмене информацией о прошедших за день делах рассказал, что был на руднике у Бушевцева, где мне доложили о принятом решении и что решение правильное, но, по моему мнению, необходимо несколько изменить его, обосновал почему. А. Петров полностью со мной согласился и сказал: «Конечно ты прав и действуй!» На следующий день я опять поехал на рудник № 2, собрал руководство, выругал (как мог – а я мог это делать), попросил впредь обсуждать технические решения в первую очередь со мной, первым техническим руководителем работ рудоуправления, изменил ранее принятое, письменно утвердил свое решение, понимая, что имею полную поддержку от Петрова. На этом кончились попытки испытывать меня со стороны руководителей подразделений. Думаю, что обмен мнениями между ними проходил при них, как говорят сегодня, тусовках.

Конечно, те, кто начал работать в Учкудуке с первых месяцев в период 1958–59–60 годов прошли весьма тяжелую школу первопроходцев в суровейших условиях пустыни Центральных Кызылкумов, претерпели все неудобства проживания во временных бараках, водоснабжения с «колес» по норме, ограниченном ассортименте продуктов и т. д. и т. п. Прошли первые стволы, казалось бы, по обычным горнотехническим условиям. Правда, досталось и проходчикам, и инженерам при проходке участков стволов, особенно первого, № 2-1, через водоносный Учкудукский горизонт. Здесь пришлось применить все возможные способы и приемы борьбы с выносом обводненных пород, пlyingунов из-за крепи, забивать

передовую шпунтовую деревянную, в конце концов металлическую крепь, забивать места выноса матрацами, списанными и новыми из ЖКО, преодолеть и пережить много моментов, когда казалось, что уже «конец», невозможно победить стихию. Но упорство, энтузиазм и смекалка побеждали. Хвала этим людям. Практически все участники этих событий продолжали трудиться, и я с удовольствием назову некоторые их имена, в дополнение к уже названным ранее, это – горные мастера и начальники участков Олег Александрович Янушпольский, выпускник моего факультета в 1959 году; В. И. Тимошенко, М. Г. Дергунов, Ю. П. Ефремов, Л. Д. Ефанов, А. Ф. Рольцов и др.

Но настало время приступить к самому главному – войти горными работами в продуктивный горизонт, соорудить горно-капитальные выработки, которые обеспечат возможность подготовить, начать добычу урановой руды и обеспечить ее стабильность. На это оставалось немного времени, ставилась задача к 1964 году обеспечить рудой работу еще строящегося в Навои гидрометаллургического завода, ГМЗ-1, и выйти на проектную производительность по добыче руды в 1965 году. Я пока говорю о подземных рудниках. Для этого необходимо было решать и решить много еще проблем, начиная от видов крепи горных выработок всех указанных видов, имея ввиду, что теоретические расчеты предсказывали величину нагрузок на крепь до 100 т/м² и более, удастся ли достаточно осушить продуктивный горизонт скважинами с дренажного, как будет себя вести породная и рудная массы при загрузке их в бункера, возможность выгрузки их из бункеров и еще, и еще массу других. В головном проектном институте, ГСПИ-14, были созданы научно-исследовательские группы и отделы, сотрудники которых теоретическими выкладками, практическими экспериментами на месте, у нас в Учкудуке, а в возможных случаях и на макетах, должны были обосновывать и выдавать рекомендации проектным отделам и нам, практикам. На предприятии все время находились представители этих отделов в командировке, которые вели свои работы и наблюдения, постоянно информируя меня о результатах и чаще просили помощи в решении их запросов, так как на местах им не выделяли нужных рабочих, материалов или мест для осуществления опытов. Мне приходилось «приводить в чувство» некоторых руководителей в таких случаях, особенно этим отличался начальник рудника № 2 В. А. Бушевцев. Например, чтобы проводить опыты для определения слеживаемости пород в бункерах, возможность выгрузки пород из бункеров (восстающих выработок) и наиболее пригодных

конструкций и материалов затворов, на поверхности был сооружен в натуральную величину «специальный» бункер – часть проходческого копра, внутри которого создали емкость и течку с затвором. Но эксперимент не продвигался из-за того, что Бушевцев не выделял нескольких рабочих, не подавал нужный объем породы и транспорт для отвозки породы в отвал. Научные сотрудники «простаивали», сроки получения результатов, ожидаемых в Москве, срывались. Пришлось принять меры и даже в изданном мною приказе по рудоуправлению наказать начальника рудника В. А. Бушевцева. Он пытался апеллировать к А. А. Петрову, но последний не поддержал его. Может быть забегая несколько вперед скажу, что почти каждый шаг продвижения к цели не только на подземных, но и на открытых горных работах в области освоения новой техники, осушения, устойчивости бортов карьеров и др. вопросов, и в области питьевого водоснабжения города, и озеленения сопровождался необходимостью разнообразных исследований, опытов на местах и участия в этом десятков Институтов, специализированных проектных и конструкторских организаций, заводов изготовителей. Число их достигло сорока. Все возможные и невозможные места проживания, так называемые «гостинички» (проектная гостиница и не начиналась строительством) были забиты командированными, которых зачастую поселяли и на открытом воздухе на раскладушках вблизи «гостиничек». Представители всех этих организаций обязательно должны были быть приняты мною для обсуждения целей и задач приезда и получения резолюции в адрес соответствующих руководителей отделов, подразделений и режимного отдела. По окончании командировки, да и в процессе ее, также проходили встречи с обсуждением результатов и обязательным подписанием протокола. Такие приемы и совещания с представителями этих организаций проводил, как правило, в вечерние часы, после незначительного отдыха от дневного посещения и разбора текущих дел того или иного производственного объекта. Конечно, крупные комплексные вопросы обсуждались на более широком уровне, с привлечением многих наших специалистов и под руководством моим или, в нужных случаях, проведения совещания при директоре А. А. Петрове. Плановый и фактический бурный рост объемов производства на всех видах работ вызывал необходимость увеличения численности трудящихся и их квалификации. Пополнение шло как за счет притока с других предприятий Министерства, так и за счет привлечения кадров, демобилизованных из рядов Советской Армии, привлекаемых кадровиками работников из традиционных

шахтерских регионов Союза – Подмосковья, Донбасса, Кузбасса. Инженерные кадры пополнялись, в основном, за счет молодых специалистов ВУЗов из многих городов. Надо отметить, что подавляющее большинство среднего линейного инженерно-технического персонала состояло из молодых специалистов, которые быстро набирались опыта и мы, руководители рудоуправления, имею ввиду А. А. Петрова и меня, и руководители подразделений поощряли выдвижение и назначение отличившихся на более высокие и ответственные должности. Большинство молодых специалистов на многие годы остались работать здесь, в Учкудуке, довольно быстро продвигались по служебной лестнице и некоторые из них достигли больших высот, о чем мы узнаем из дальнейшего. Но необходимо было обучать нужным специальностям, поднимать квалификацию и персонала из ЗК. Инженерно-техническому персоналу рудников №№ 2-1, 6, особенно механикам, да и горнякам, приходилось после работы на объекте отправляться в лагерь ЗК, где отбирались кандидатуры, объединялись в группы по специальностям, и проводить занятия по программам, разработанным группой подготовки кадров, созданной при ОК рудоуправления. Обучение инженеры проводили на общественных началах, хотя я старался иногда и какими-то путями оплачивать их труд. Так убийц и торгашей переделывали в слесарей, машинистов электровозов, электриков, машинистов насосных, кочегаров и т. п.

Думаю, интересно будет многим, не имевшим «счастье» работать с ЗК, узнать, что это такое, кроме того, что они знают об этом из художественной литературы, кино или спектаклей. Сколько существовала советская власть, столько и использовался на стройках промышленных предприятий, особенно в местах «не столь отдаленных», труд заключенных, которых в те времена было миллионы, находящихся в исправительно-трудовых лагерях – ИТЛ разных степеней режима. В 30–40-е годы, практически, все «социалистические» и «коммунистические» стройки Сибири и Дальнего Востока, каналов Беломорско-Балтийского, Москва-Волга и многих других велись с использованием основной рабочей силы – заключенными. Организационно это выглядело так: начальником стройки назначался сотрудник МВД в высоком звании, он же был руководителем всех лагерей мест заключения и, наверное, подразделений охраны мест заключений и «зон»строек. Таким образом, такое «единоначалие» способствовало беспрекословному выполнению распоряжения «Главного» всеми руководителями всех участвующих подразделений. В описываемые годы все уже было по-другому.

В составе МВД ИТЛ подчинялись одному главку, а подразделения охраны – Главному Управлению Внутренних Войск. На местах их подразделения не подчинялись друг другу. Каждое из этих ведомств ежегодно заключало договоры с администрацией рудоуправления о предоставлении рабочей силы в количестве, определяемом в зависимости от объемов работ (ИТЛ), и численность подразделений охраны ВВ (Внутренних Войск) в зависимости от числа охраняемых объектов, конфигурации их зон. В договорах указывались взаимные обязательства, некоторые из которых такие: администрация обеспечивает объемы работ и выплату зарплаты подразделениям ИТЛ по действующим расценкам и нормам выработки, энергообеспечение лагерного городка и др.; оплату стоимости содержания каждого поста охраны, энергообеспечение городка ВВ и др. Руководство ИТЛ обеспечивает требуемую наполняемость лагеря, процент выхода на производство не менее 87% и др. Подразделение ВВ – охрану постоянных и передвижных (при необходимости) мест производства работ и оперативной деятельности при ЧП. Такая организационная структура очень осложняла работу, требовало больших усилий администрации (а это значит нас, руководителей рудоуправления, управления строительства) при возникновении любых нестандартных обстоятельств, которые возникали и очень часто.

Начальником лагеря № 2, предназначавшегося для использования на работах на рудниках, был подполковник МВД Иван Лабуня (никак вспомнить отчество, чисто украинского звучания, не могу). Это был очень опытный «лагерник», прекрасно знавший психологию ЗК, умело использовавший эти знания. Довольно крупный по складу, с зычным командирским голосом и острым взглядом Лабуня мог мгновенно успокоить любые проявления недовольства группы (не говоря об одиночных) ЗК, в чем я неоднократно убеждался во время проведения собраний – слетов «передовиков производства» в лагере, практиковавшихся ежеквартально. Не знаю, по каким причинам, но между А. А. Петровым и И. Лабуней пробежала «черная кошка», взаимоотношения у них не складывались и, думаю, по инициативе А. А. руководство МВД Республики перевело в начале 1963 года Лабуню в Ташкент, кстати, с повышением в звании и на должность начальника одного из отделов, о чем он не сожалел, рассказав мне об этом при нашей встрече в будущем. Начальником лагеря стал бывший заместитель Лабуня майор Виктор Афанасьевич Черников. Тоже опытный, но не имевший такого «авторитета» среди ЗК, как имел его Лабуня, среднего роста, полноватый (весом более 100 кг), но выглядевший вполне нормальным,

Учкудук. Собрание «актива» в лагере ЗК № 2 по итогам работы в 1962 году. На трибуне – и. о. нач. лагеря В. А. Черников, за столом президиума – второй слева Л. Б. Бешер-Белинский, четвертый слева – Л. М. Демич

я даже сказал бы, спортивным офицер МВД. Рассказывали, что незадолго до моего прибытия в Учкудук, в лагере на него напал «зек» с топором, пытавшийся нанести удар по голове, но В. А. сумел отвести удар, топор лишь почти отрубил ухо, которое хирурги удачно пришили на место, и скрутил нападавшего. Вскоре В. А. произвели в подполковники.

В дальнейшем я как-то сдружился с В. А., вернее, он стал участником нашего круга общения, который сложился со временем и в который входили А. А. Петров, Л. И. Тимошенко и ваш покорный слуга. Этим кругом мы, как правило, собирались на вечеринки по поводу празднования «красных дат», при этом не исключались и участие тех, или иных товарищей, например, Розенко Ивана Герасимовича, первого начальника первых механических мастерских на руднике № 2, затем председатель местного комитета профсоюза предприятия и других. В. Черников проживал в Учкудуке «холостяком», супруга его навещала из Ташкента, но не очень часто.

Но главными трудностями работы с ИТЛ заключались в том, что у руководства этих учреждений были свои главные заботы – это выполнение тех показателей, которые планировались их вышестоящими органами, а именно, заработок на один отработанный «зекодень»

(кажется 3,07 рубля) и выполнение норм выработки не менее, чем 90%. Персонал лагерных надзирателей (старшины, лейтенанты) занимался, главным образом, обработкой горных мастеров, начальников цехов и участков, где трудились их подопечные, выводить им хороший процент выполнения норм выработок на любых работах и, соответственно, дневной заработок. Часто это удавалось надзирателям, и вполне устраивало руководство лагерей. Выполнение производственных планов работ, качества работ их интересовало меньше всего. И это вызывало, конечно, разногласия, иногда и неприязнь, между нами. Может быть именно это и было причиной неприязни А. А. Петрова к И. Лабуне. В результате многоразовых встреч и разборок находили общий язык, но уходило на это большое драгоценное время и нервы, а иногда приходилось влиять через общий для всех партийный комитет предприятия.

Начальником ИТЛ № 1 был подполковник Татаренко, более мягкий, чем Лабуня, человек, но положения взаимоотношений были такими же и задачи те же. Интересно, что между ИТЛ (Учреждения УИ №...) шли социалистические соревнования в рамках их главного управления на лучшее «Учреждение» по их «производственным показателям», конкурсы на лучшее оформление территории лагеря и т.п. Для «показухи» руководство негласно отдавало команду, передававшуюся вниз, до исполнителей – «зеков», выносить с производственных зон в лагерь (просто красть) нужные материалы и инструменты для изготовления красочных стендов, лозунгов на территории, строительства, не предусмотренных типовыми проектами мест заключения, зданий, например, «чайханы», «красных уголков» и т.п. И это не содействовало улучшению взаимоуважения между руководителями всех уровней. Полная солидарность возникала при ЧП, куда я отношу побеги ЗКа, тем более группы. А такое бывало, хотя, казалось бы, куда бежать, ведь центр пустыни! При мне произошло три или четыре побега. Один весьма оригинальный. Бежал «зек» из-под земли, с рудника № 1. Дело в том, что для проветривания отдаленных от стволов горных выработок до запуска центральной вентиляторной установки (УЦП) пробуривались скважины диаметром 500 мм, на устье которых на поверхности устанавливались вентиляторы местного проветривания. Одна из таких скважин на поверхности располагалась вне ограждения территории рудника. Так вот, один «зек», естественно хорошо проработавший план побега, наверное, не без помощи кого-то из вольнонаемного персонала, решился подняться на высоту более 80 метров внутри 500 миллиметровой скважины, в которой был проложен лишь электрический

кабель, питающий вентилятор. Беглец выбрался на поверхность и пытался уйти (не понимаю, куда). Побег обнаружился при переключке на выходе из «пешеходного коридора» в лагерь, через несколько часов после побега. А. А. Петров объявил ЧП, и в группу поиска включились, кроме солдат ВВ, все свободные от вахты лица надзора лагеря, ИТР рудника и рудоуправления, местная милиция, автотранспорт, были задействованы все необходимые службы предприятия. Из лагеря не выводились на работу ЗК до поимки беглеца, или если уже стало известным, благодаря работе спецслужб, что беглец уже за территорией пустыни, возможной зоны досягаемости нашими силами (такое тоже было). Проводилось прочесывание местности и днем и ночью с помощью освещения фарами автомобилей, по всем наиболее вероятным направлениям побега. Как правило, беглец обнаруживался, как и в этом случае, через несколько часов (или пару дней). Ему (беглецу) доставалось, в первую очередь, от солдат ВВ, которые во все время поисков находились в работе без отдыха, затем и от надзирателей лагеря, ну и затем судом получал «добавку» к сроку отбывания наказания. Конечно такие ЧП отражались на срыве работ в наших подразделениях.

Бесперывно шло и обучение профессиям вольнонаемного состава трудящихся, многие из которых были после демобилизации из армии и не имели никаких специальностей. Курсы организовывались сотрудниками группы подготовки кадров рудоуправления и проводились непосредственно в подразделениях, и классах школы после уроков школьников. Особенно много таких курсов было для обучения специальностям машинистов экскаваторов, турнодозеров, электрослесарей, взрывников для открытых горных работ, повышения их квалификации. Эта часть кадровой работы руководилась мною, главным инженером. Об открытых работах, их развитии рассказ позже.

Еще об одной интересной обязанности главного инженера – быть председателем совета молодых специалистов – а это значит курировать их абсорбцию в производство, решение вопросов их быта, развлечений и т.п. Не очень легкое дело вообще, а в условиях бурно развивающегося многоотраслевого производства, при систематической нехватке жилья и объектов обслуживания быта в отдаленной пустыне, архитрудное. Ведь число только инженерно-технических работников, занятых в руководимых нами производствах очень скоро перевалило за 800 и большинство из них были молодые специалисты.

Резко увеличивались объемы строительства жилья и объектов соцкультбыта. А. А. Петров уделял этой части нашей деятель-

ности наибольшее внимание. Уже в 1962 году было сдано в эксплуатацию 18,5 тыс. м² жилья и к 1 сентября – первая школа на 280 ученических мест в двухэтажном кирпичном здании. Кстати, честь выступить и разрезать ленточку после митинга по случаю открытия школы была предоставлена мне, А. А. был в трудовом отпуске. В 1963 и 64 гг. сдано по 30 тыс. м² жилья, школа № 2 на 536 учащихся, спорткомплекс с плавательным бассейном, детские сады. В начале 1965 года был сдан в эксплуатацию первый кинотеатр. Для поддержания порядка и чистоты в городе, уходу за высаженной зеленью в составе ЖКО не хватало рабочей силы и стараниями А. А. в город был завезен контингент УДО (условно-досрочное освобождение), в основном женщины, и организована комендатура для их «обслуживания». Создавшийся «букет» из множества «холостяков» вольнонаемного состава трудящихся, солдат военных строителей, зеков вольнохожденцев (и такие бывают), поселенцев из УДО не лучшим образом отразился на криминальной обстановке в городке, участились случаи драк, воровства и других проявлений. А. А. Петров издал приказ о создании «Добровольной народной дружины» под его непосредственным руководством. Начальником штаба «Дружины» назначил меня, определил численность выделяемых всеми производственными подразделениями дружинников и личную ответственность руководителей подразделений за явку и организацию работ во время дежурства и т. п. Я к работе штаба привлек сотрудников-мужчин отделов управления и разработал графики дежурств, формы журналов, необходимых для учета работ. Дежурство бригад дружин проводилось с 20 часов и до 5 утра. Я ежевечерне к 20 часам приезжал в штаб, убеждался, что явка дружины на дежурство состоялась во главе с руководителем, определял маршруты движения групп и т. п. В штабе дежурили сотрудники управления предприятия. Это стало еще одной немаловажной нагрузкой на задействованных ИТР и руководителей, но и дало весьма положительный эффект.

Но главным делом оставалось развитие горных работ и, в первую очередь, подземных. Еще незадолго до моего приезда, по инициативе главного инженера комбината А. П. Щепеткова в Подмосковский угольный бассейн, конкретнее в «Туласспецшахтопроходка», была направлена группа специалистов-горняков из предприятия и комбината для изучения опыта проходки в этом тресте горных выработок в слабых, неустойчивых породах щитами ПЩ-3.2. Наши специалисты положительно оценили возможность использования имевшихся у туляков оборудования и опыта в условиях Учкудука. Комбинатом был заключен договор с трестом «Туласспецшахтопроходка»

на проходку определенной горной выработки на руднике № 2, для чего туляки отгрузили оборудование, детали (секции) крепи, вспомогательного оборудования и инструмента и направили в Учкудук группу специалистов-проходчиков. Прибывшую группу возглавлял довольно солидный по возрасту, лет 55, а то и старше, начальник по фамилии Варгасов, в котором, при более близком знакомстве, угадывался горняк с большим практическим опытом и хорошей жизненной школой, железной хваткой, но не имеющий высшего, а может быть и среднетехнического, образования. В группу входило 6–7 опытных проходчиков, горный мастер и начальник участка. Последний был горный инженер Виктор Петрович Щепетков, родной племянник А. П. Щепеткова, главного инженера Комбината. На основе упомянутого договора между Комбинатом и Трестом «Туласпешахтопроходка» и в его развитие нами, с одной стороны – дирекция предприятия в лице А. А. Петрова, а с другой – представителя треста в лице Варгасова протоколно решили:

Рудоуправление:

А) выделяет место и обеспечивает сооружение специальной, требуемой проектом камеры, в которой будет собран и подготовлен к проходке щит ПЩ-3.2;

Б) передает спецучастку необходимое число проходчиков для укомплектования бригады, в которой звеньевыми будут специалисты спецучастка;

В) обеспечивает все необходимые работы по вывозке горной массы от проходки, доставку элементов крепи и других вспомогательных материалов к месту работ и прочие вспомогательные услуги.

Спецтрест:

А) обеспечивает поставку всех необходимых элементов крепи из железобетонных сегментов на предприятие на запроотоколенный объем;

Б) обеспечивает проходку капитальной горной выработки с требуемым качеством и проектным объемом в принятые сроки;

В) обучает проходчиков рудоуправления методам работ по управлению щитом.

Г) передает рудоуправлению чертежи металлических опалубок для изготовления сегментов кольцевой железобетонной крепи.

Местом для проходки капитальной выработки щитом стало расщепка руддвора на Учкудукском горизонте из ствола № 2-гл. и сюда было направлено главное внимание специалистов и мое. Все принимаемые меры по снятию напоров и осушению продуктивного горизонта и с поверхности, и с дренажного горизонта давали эффект, но

никак не снижали остаточного гидравлического давления на почву ниже 6–10 метров водяного столба. Это значило, что при вскрытии расщелины будет вынос песков в виде плывунов, поддержание груди забоя и кровли потребует невероятных сил и смекалки, а камеру для монтажа и сборки щита следовало пройти сечением «всвету», достаточным для размещения самого щита, подъемных средств (талей грузоподъемностью 0,5 тонны) и длиной не менее 7–8 метров. Руководители рудника Бушевцев и Демич создали бригаду лучших горняков-проходчиков (к сожалению, фамилии не помню), выделили горных мастеров, механики подготовили средства откачки водопритока, специальные доморощенные тележки, в которых могла размещаться бадя для уборки и подъема отбитой горной массы, изготовленные в мехмастерских, заготовили все возможные варианты элементов временной крепи, сегменты и стойки из швеллера № 30 для возведения постоянной крепи камеры. Специалисты «Тулашахтопроходки» проверили комплектность прибывших на предприятие элементов и деталей щита, проследили за доставкой их на площадку рудника и раскладку в порядке будущей подачи их в камеру для сборки. Все службы рудника и рудоуправления были нацелены на оказание помощи, при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Вскрытие и последовательность выемки и крепления расщелины производилось по уже апробированной схеме – заходками сверху вниз, креплением груди забоя и др. – но, удалось лишь отойти на 2–3 метра от контура ствола и пришлось затянуть грудь забоя сплошной крепью, продвигаться дальше мы посчитали невозможным, во избежание крупного завала.

После широкого обсуждения, проведенного мною со специалистами рудника, Спецучастка, представителей от науки ГСПИ-14, постоянно присутствовавших в Учкудуке, были, конечно, и кто то из горного отдела Комбината, приняли решение смонтировать щит ПЩ-3.2 прямо в сечении ствола и пройденной части расщелины без «юбки» и создав упоры для домкратов щита из металлических конструкций необходимой конфигурации, изготавливаемых в механических мастерских только что сданного в эксплуатацию корпуса ЦРММ (Центральные ремонтно-механические мастерские) в промзоне предприятия, где первым начальником стал очень грамотный специалист и организатор Яков Григорьевич Ширяев и первым мастером – Анатолий Петрович Комиссаров, инженер механик, молодой специалист. Основной и единственной рабочей силой ЦРММ были заключенные лагеря № 1, которые отбирались по прежним, «на воле»

близким профессиям и обучались указанными выше руководителями. ЦРММ были оснащены хорошим парком обрабатывающего и котельно-сварочного оборудования, грузоподъемными средствами. Именно здесь в дальнейшем были изготовлены сложнейшие по конфигурации опалубки для элементов кольцевой железобетонной крепи, широко используемой на проходке щитами ПЩ-3.2 и попозже щитами ПЩ-3.6 и МПЩ-3.7, о которых разговор впереди.

На уровне почвы выработки в стволе соорудили мощный полук с проемами для пропуска погружных насосов водоотлива, смонтировали балки для подвески грузоподъемных средств и начался спуск деталей и монтаж щита. Вынужден несколько подробнее объяснить устройство щита, чтобы было понятно и несведущим читателям, в чем его преимущества. Именно применение этого средства и его дальнейших модификаций, уже создаваемых по разработкам специальной научной лаборатории в составе НИО института ГСПИ-14, руководимой талантливейшим инженером – конструктором, энтузиастом и человеком большой души Григорием Трофимовичем Шираем и его помощниками – Юрием Владимировичем Литинским, Кузнецовым и др. – сделали возможным пройти многие капитальные горные выработки на рудниках №№ 2, 1, 7 и создать условия для подготовки и отработки запасов урановых руд. Щит состоял из собственно оболочки диаметром 3,2 м., выполненной из металла толщиной (точно не помню) 20–30 мм, в которой смонтировано 7 горизонтальных гидродомкратов и средств управления ими, гидродомкрат с противовесом для захвата и установки сегментов железобетонной крепи в кольцо, два гидродомкрата для распора временной крепи груди забоя в верхней части. В верхней части оболочки имела выступающий, опережающий козырек, в определенной мере удерживающий кровлю забоя при вдавливании в его грудь. К собственно оболочке щита прикреплялась «юбка» также диаметром 3,2 метра из металла более тонкого, в которую, по мере передвижения щита силой выдвигаемых домкратов, упираемых в торец ранее установленного кольца крепи, попадало несколько колец крепи, каждое из которых имело длину 0,7 метра. В пределах юбки смонтирована платформа с рельсовыми путями и разминировкой на одну вагонетку, резервуары и гидронасосы на давление 20 атмосфер. Наш эксперимент удался, смонтированный щит с временным расположением гидравлики, приспособлениями для упора домкратов сдвинулся с места и по мере его продвижения и установки колец крепления за контуром ствола, смонтировали «юбку» и все необходимое для нормальной работы и проходки намеченной горной

выработки. Конечно, быстро в сказке говорится, на самом деле, работа шла с большим риском раздавить крепь ствола, на которую, в конечном счете, передавалось давление домкратов, неудобства передачи спускаемых конструкций к месту сборки и выдаваемых пород «на-гора» в первый период, представлявших большой риск для находящихся в стволе трудящихся, предельное напряжение нервов у руководителей (и у меня, непосредственно отвечающего), практически всё время находящихся на месте работ или в их районе. Это один из эпизодов (уже не первый), дающий представление о способах и путях преодоления препятствий, создаваемых природой, не отдающей своих богатств без «боя».

По инициативе А. А. Петрова было принято решение взять проходку щитами в свои руки, отказаться от подрядной организации «Тулашахтопроходка». Уже в 1963 году спецучасток во главе с В. П. Щепетковым перешел в рудоуправление. На поверхности рудника № 2, были построены пропарочные камеры по чертежам ПТО управления строительства, где трудилась очень грамотная и инициативная инженер-строитель Наталия Лунева, над ними установили «козловой» кран, изготовленный в ЦРММ по чертежам, выполненным А. Комиссаровым, с тельфером (тоже с риском, так как не согласовывался с инспекцией котлонадзора), и организовали изготовление железобетонных элементов кольцевой крепи собственного производства. Здесь очень много инициативы, труда и энтузиазма проявил и отдал инженер-строитель Равиль Хамидулаевич Ремеев. Очередной щит ПЩ-3.2 был изготовлен в РМЗ Комбината, в г. Навои. Щитами ПЩ-3.2 начали проходить наклонные горные выработки на шахтных полях 1 и 2 – бремсберги, из которых затем проходились горно-подготовительные выработки, нарезались столбы для отработки их лавами.

Диаметр щитов 3,2 м не устраивал нас, так как в таком малом диаметре невозможно было разместить с требуемыми зазорами транспортные средства и обеспечить свободный проход для людей в горной выработке. В дальнейшем, как я уже отметил, исследовательскими и проектно-конструкторскими отделами ГСПИ-14 были разработаны и выполнены рабочие чертежи щита ПЩ-3.6 и механизированного щита – МПЩ-3.7, в которых уже был вписан рабочий орган – планшайба – производящий отбойку забоя и его поддержание, механизированная погрузка отбитой горной массы в вагонетки, увеличена длина «юбки» с размещением в ней усовершенствованного комплекса обмена вагонеток, система блокировок и элементы автоматизации. Этими комплексами были пройдены капитальные

штреки и часть бремсбергов на руднике № 7. Это все в период моей работы в Учкудуке с 1962 и по август 1965 годы. Все, что я пишу – это только о делах, проходивших при мне и с моим участием.

Несмотря на то, что именно щитовая проходка дала возможность проходить в конкретных горнотехнических условиях большой объем важных горно-капитальных выработок, позволивших и снимать остаточные напоры и даже осушать продуктивные горизонты, эта проходка имела весьма существенные недостатки. Слабые обводненные породы и тяжесть конструкции щита приводили к тому, что щит «клевал» в нижнюю сторону и невозможно было выдерживать требуемый уклон горной выработки в 5 промилле (0,005) для отвода вод и профиль откаточных путей, в силу чего приходилось останавливать проходку, принимать всякие доморощенные меры по выправлению щита и исправлению брака. Что же касается отсутствия необходимых зазоров и проходов, то пришлось нам придумывать разные мероприятия, уменьшающие вероятность несчастных случаев, согласовывать их с горнотехнической и технической инспекциями. Очень опасными были и откатка горной массы в вагонетках по бремсбергам лебедками. Бывали случаи обрыва вагонетки с верхней площадки при несрабатывании стопоров, или расцепления прицепного устройства. Вагонетка по рельсам пролетала как снаряд и представляла смертельную опасность для находящегося в это время в бремсберге или у сопряжения его со штреком. Разработанные и внедренные системы сигнализации, блокировки не давали гарантий безопасности и действительно имели место несколько несчастных случаев с летальным, или тяжелым исходом. Нашими умельцами и силами конструкторов ГСПИ-14 разрабатывались и прошли испытания несколько вариантов ловителей сорвавшихся вагонеток, но ни одна из них не получила положительной оценки из-за ненадежности. Тем не менее, щитовая проходка была освоена, воспитались специалисты ведения щита, конструкция щитов постоянно улучшалась, была разработана конструкторами ГСПИ-14 приборная оптическая система контроля направления как по вертикали, так и по горизонтали. Скорость проходки забоем при применении щита МПЩ-3.7 достигли 60–70 метров в месяц, качество систематически улучшалось.

В результате проведенных многообразных опытов определились и стали принятыми варианты крепления горно-подготовительных выработках, это, в зависимости от конкретных горно-геологических условий, кольцевая металлическая крепь, или арочная металлическая крепь из специального профиля СП-27 с деревянной затяжкой

боков и кровли. Отбойка горной массы в забоях горно-подготовительных выработок производилась отбойными молотками, начали внедряться комбайны, заимствованные из угольной промышленности, 4ПМ, ПК-3 (о последнем уже говорилось), но их применение было особенно непроизводительным в выработках с кольцевой крепью, где более 30% объема приходилось на ручную отбойку (в нижнем своде). После поездки группы специалистов Рудуправления, в том числе и меня, во главе с главным инженером комбината Щепетковым А. в Украину (о ней подробно будет впереди) и посещения комбината «Никополь-марганец», стали внедряться комбайны МБЛ, получившие широкое распространение и на проходке, и в первых очистных забоях. Конструкция последних также постоянно усовершенствовалась по предложениям рационализаторов, конструкторского отдела комбината в ЦРММ рудуправления и на РМЗ комбината.

Несмотря на все трудности, преодолевая множество препятствий, о которых мне уже не хочется распространяться, из-за еще большего числа технических подробностей, неинтересных для непосвященных, подземные горные работы увеличивали темпы, кадры росли численно и набирались опыта, в коллективах рудников появились свои традиции, сплоченность, дух соревновательности. Закрепились, росли по иерархической лестнице, многие инженеры и техники на подземных, более трудных работах, чем открытые, такие, как Л. М. Демич, В. А. Бушевцев, И. Т. Кавешников, В. И. Тимошенко, Г. А. Галустян, Э. А. Вартпатриков, В. П. Щепетков, В. В. Веневцев, С. М. Тарасов, А. Н. Волошин, А. Н. Остапенко, О. А. Янушпольский, В. Н. Сигедин, Ю. И. Чурбанов и многие другие. Почему-то большую симпатию у меня вызывали горняки, молодые специалисты А. Ф. Вагис и Г. А. Галустян. Очень добродушный с тихим голосом и приятной улыбкой А. Вагис, выглядевший не очень здоровым физически, никогда не отказывался от любого задания. Вскоре он по состоянию здоровья был переведен на работу в Управление Предприятия и прекрасно освоил работу плановика. Худощавый, черноглазый несколько «желчный», очевидно из-за язвенной болезни желудка, Г. Галустян тоже не считался ни с какими трудностями, добываясь необходимого результата. Практически большинство руководителей горным производством на уровне рудника, рудуправлений прошли школу на горных работах рудника № 2 (шахтные поля 1 и 2).

Как я уже упоминал, проектирование подземных горных работ, велось в генеральной проектной организации, ГСПИ-14. Проек-

тами были определены схемы вскрытия шахтных полей первой очереди, предназначавшихся для подземной отработки. Это центрально-сдвоенное, или фланговое расположение стволов, блочная компоновка приствольных поверхностных сооружений – блок главного ствола, блок вспомогательного ствола – с соответствующим набором зданий специального назначения. Схемы же развития горных работ, трассы основных капитальных выработок тоже определялись проектом в зависимости от расположения, характера рудных залежей, их контуров и т. п. Но, в процессе работ постоянно вносились коррективы и даже значительные изменения направлений таких выработок по предложениям работников практики, рудоуправления или комбината. Особенно много таких предложений исходило от сотрудников горного отдела комбината, руководимого П. В. Смирновым, и, главным образом, от Виктора Сергеевича Кременчугского, горного инженера, выпускника Ленинградского горного института 1947 года, переведенного из предприятия № 11, ЛГХК Табошар. Очень эрудированный, смекалистый, активный и инициативный, он бывал частым гостем в Учкудуке, предлагал множество всяких идей более теоретических, чем возможных к исполнению на практике. Но, одно из многих его предложений получило одобрение и было осуществлено. Это схема выхода на продуктивный горизонт на руднике № 6.

Рудник № 6 был одним из больших по запасам и площади распространения рудных тел. Начались горные работы на этом руднике позже, чем на шахтных полях № 2 и 1. После проходки центрально-сдвоенных стволов на главной промплощадке и ствола № 6-2 на фланге, были пройдены руддворы на дренажном горизонте, оборудованы все околоствольные камеры водоотлива, помойницы, подземной подстанции и др., смонтировано все оборудование в них, смонтировано оборудование обмена вагонеток, автоматика и блокировка. Шла проходка капитального штрека с постоянным металлическим креплением и укладкой между рамами крепи в боках и кровле железобетонной затяжки, изготавливаемой в цехе ЖБИ на руднике № 2, о котором я уже говорил, где и изготавливали крепь для щитовой проходки. Здесь (в штреке) был уже учтен опыт проходки на руднике № 2, эта выработка выглядела очень, я бы сказал, даже красивой при полном освещении шахтными светильниками через каждые 6 метров (такое требование «Правил ТБ»), выкрашенных битумом электрических кабелей, побеленной затяжкой. Прямо показательная выработка! Пока шла проходка, в рядах специалистов, главным образом, наших, Учкудукских и Комбинатских шли

дебаты по схемам и способам выхода на продуктивный горизонт, имея ввиду меньшие неприятности при его вскрытии, а значит, и меньшие потери времени и затрат. Не буду приводить все предлагаемые варианты, но в результате всех обсуждений, в которые, естественно, были втянуты и специалисты ГСПИ-14, был принят «Вариант № 6 Г», выдвинутый и обоснованный В. С. Кременчугским. Он и был осуществлен. А заключался этот вариант в том, что из капитального дренажного штрека в точке, представляющей примерно середину контура основных рудных залежей, пройти капитальный квершлаг до встречи с пологопадающим продуктивным пластом, а затем по пласту щитовой проходкой пройти бремсберг, из которого будут проходиться подготовительные выработки для нарезки столбов и отработка рудных тел лавами от контуров обратным ходом. В процессе исполнения этого варианта не обошлось без многих неприятностей, но он все же осуществился и именно по этому варианту была отработана большая часть балансовых запасов рудника. Это произошло уже позже, после моего отъезда из Учкудука. Виктор Сергеевич Кременчугский еще лет десять работал в горном отделе комбината. К сожалению, он был привержен к известной болезни – пристрастие к спиртным напиткам – с которой справиться не смог, положение усугублялось и он, при появившейся возможности, был отправлен на пенсию и вскоре скончался. Сотрудники генерального проектного института – проектировщики, ученые и конструкторы систематически приезжали на предприятие, докладывали свои соображения, проработки и протоколно, как правило, согласовывали с нами, специалистами и руководством дальнейшие свои направления работ. Очень тесный контакт сложился у меня с главным инженером проектов Эдуардом Тиграновичем Оганезовым его заместителем по горным работам Львом Христофоровичем Мальским, с которыми я был знаком уже много лет. Заместителем главного инженера института стал бывший начальник предприятия № 13 комбината № 6 (Майли-Су) Василий Григорьевич Вишняков, тот самый, конфликт с которым заставил меня уйти с работы и перевестись на предприятие № 22 и тот, которого я обругал всевозможными нецензурными словами. Если помните, то он при встрече со мной уже на предприятии № 22, не здоровался со мной и не замечал меня, видно обида еще не прошла.

В феврале 1963 года все выше перечисленные товарищи (так ведь тогда называли друг друга) были в командировке у нас, в Учкудуке. Здесь уже В. Г. Вишняков не мог обойти меня, я главный инженер, и деловые встречи проходили обычно без натяжек. А 5-го

февраля мой день рождения. Я пригласил московских товарищей домой на ужин, и В. Г. Вишняков это приглашение принял. С этого дня произошло наше примирение. Ужин прошел в «дружеской обстановке». Надо подчеркнуть, что В. Г. Вишняков – очень эрудированный горный инженер с большим производственным и жизненным опытом сыграл значительную роль в принимаемых проектных решениях по Учкудуку и в дальнейшем по освоению других месторождений этого региона. Он решительно принимал технические решения, когда казалось, что дело зашло в тупик. В частности, по всем классическим теоретическим выкладкам по определению возможных нагрузок на постоянную крепь капитальных выработок в условиях пород Учкудукского и Сарбатырского горизонтов, нагрузка выходила за 200 тонн. Толщина железобетонной крепи при таких нагрузках должна была быть толщиной не менее 2 метров при соответствующей арматуре, что делало нереальным ее возведение ни технически, ни экономически. Именно В. Г. Вишняков прекратил все споры-раздоры по этому поводу, подписав протокол, определявший расчетную величину давления в 100 тонн. Его интуиция, опыт и решительность во многих случаях открывали путь для продвижения проектных решений в реальность на практике. Сразу же здесь скажу, что деловой и товарищеский контакты с Л. Х. Мальским, В. Г. Вишняковым и Э. Т. Оганезовым продолжались во все время моей работы и до конца их жизни, они «ушли» каждый в «свой час»,

Рудник № 6. Штрек закрепленный кольцевой крепью из СП

будучи порядочно старше меня. А с Э. Т. Оганезовым у нас сложилась настоящая дружба и не было ни единого случая, чтобы, оказавшись на одной географической территории, по производственным или частным (во время отпуска) делам, мы не встречались в кругу семейном, у нас или в Москве, у них. Мы дружили, как говорят, семьями.

Подавляющее число сотрудников ГСПИ-14, как мне казалось, с удовольствием контактировали со мной, оценивали мое благожелательное к ним отношение, оказываемую им поддержку и помощь, а также и здоровую критику. Были с их стороны и предложения помочь мне написать диссертацию (а тем для этого, как я уже отмечал, было множество), с моей стороны нужно было лишь написать заявление и затем минимум дальнейших усилий, считаясь с моей занятостью и напряженным трудом. Но я всегда отказывался от таких предложений, считая, что мне это не нужно, что у меня и так неплохая перспектива (так я думал, по наивности) и никаких «кандидатских» мне не нужно. В каком-то далеком будущем я в уме и душе пожалел, что не «сделал диссертацию».

Рудоуправление работало по ежегодно утверждаемому вышестоящей инстанцией – комбинатом – «Промтехфинплану», основой которого были «Планы горных работ» на соответствующий год. В сентябре–октябре каждого года состоялись расширенные совещания, проводимые З. П. Зарапетяном на месте, у нас в Учкудуке, куда он прибывал с большой группой руководящих сотрудников комбината и на которых рассматривались планы горных работ по каждому объекту (руднику, карьеру), тщательно разработанных соответствующими отделами рудоуправления совместно со специалистами этих объектов и рассмотренных нами, А. А. Петровым и мною. Естественно я непосредственно руководил всем процессом составления планов горных работ. Доклад об этих планах на совещании делал главный инженер. Первый мой такой доклад состоялся осенью 1962 года, я очень волновался, но кажется доложил четко, обоснованно. Сейчас буду говорить лишь о подземных горных работах, об открытых – в другой главе. Так вот, в планах подземных работ, основывающихся на проработке условий, способов проходки и применяемых механизмов, видов креплений по каждому из планируемых забоев средняя скорость на забой в месяц по предприятию на 1963 год получилась 15 метров. После обсуждений, в заключительном слове Зарап Петросович «в пух и прах» раскритиковал наши проработки, сказал, что мы хотим создать себе «комфортные условия жизни», что надо ускорить развитие подземных работ

и переработать в кратчайший срок весь план горных подземных работ с целью получить среднюю скорость проходки на забой не менее 25 метров в месяц. Потом в частной беседе со мной Зарап Петросович сказал мне, что, имея большой опыт добычи урановой руды, я должен направить все свои усилия на то, чтобы привить чутье, «нюх» большинству ИТР, не понимающих и еще не знающих необходимости «бережного» отношения к очень ценному и очень нужному продукту, недопустимости разубоживания, потерям руды. Это моя и не менее важная задача наряду с многими другими. Промфинплан 1963-го года был утвержден из расчета объемов подземных горных работ со скоростями 25 метров на забой в месяц, т. е. определены и затратные показатели, и себестоимость видов горных работ и пр., пр., пр. В результате, ни одно из подразделений подземных горных работ месячных планов по объемам и по экономическим показателям на 100% выполнить не смогло и лишалось получать какие-либо поощрения (возможные премиальные). Но, в результате года средняя скорость все же получилась около, но меньше 25-ти метров на забой – 22–23 метра. И так же на 1964 год мы планировали 25 метров на забой в месяц, а З. П. – 40 и мы их достигли конечно за счет невероятных усилий, на которые нацеливал З. П. Зарапетян, и благодаря продвижению внедрения механизации хоть и не приспособленных для конкретных горнотехнических условий комбайнов, погрузмашин, предназначенных для угольной промышленности.

Время шло быстро, события развивались стремительно, несмотря на невероятно напряженный режим труда у большинства ИТР, особенно у руководителей, каждое достижение – удачно провели рассечку на продуктивном горизонте, пустили в работу очередной щит, комбайн, прошли горно-подготовительную выработку и вскрыли балансовую руду, начали первую заходку в первом очистном забое, пошла первая добыча, хотя производительность труда на человеко-день была очень низкой, из-за отсутствия механизации, пробурили первые скважины, по которым стали доставлять элементы крепи в очистные, да и другие, забои, и многие другие – приносили удовлетворение, гордость за коллектив и личную, это во многом компенсировало горечь неудач и, в частности, последствий происходящих несчастных случаев с тяжелыми исходами, а такие имели место, несмотря на то, что я, как главный инженер вопросам техники безопасности уделял достаточно внимания и требовательности, ведь у меня был большой опыт работы в этой области. Заместителем по ТБиОТ у меня был горный инженер (не помню

фамилию), не имевший нужного авторитета, недостаточно активный и «не рвущийся в бой». Через некоторое время по моей инициативе его сменил горный инженер-маркшейдер Виктор Александрович Хихлич, до этого с 1959 года работавший в Учкудуке участковым маркшейдером, начальником каменного карьера (и такой был в составе рудоуправления). Это был энергичный, подвижный, инициативный человек, со здоровым юмором. Он стал хорошим помощником в деле укрепления дисциплины в вопросах ТБ, но, естественно, это не могло и не исключало полного искоренения нарушений и их последствий как на горных работах (особенно, если учесть горно-технические условия, применение труда ЗК), так и на стройках и прочих подразделениях, входящих в состав рудоуправления и учитываемых в соответствующей отчетности. Коэффициенты частоты и тяжести травматизма на производстве были не лучшими, но и не худшими среди рудоуправлений Первого главного управления Минсредмаша. Вот пришло и время, когда производственная единица, определенная проектом как рудник № 2 (второе шахтное поле), достигло немногим более половины проектной мощности по добыче руды, стабильно обеспечивало развитие горных работ по подготовке к выемке запасов, было начато и шло освоение комбайнов и механизированной крепи на очистных работах, было обеспечено кадрами и т. д. и т. п., всё то, что должно быть отражено в «Акте Государственной комиссии по приемке в эксплуатацию...». Такая комиссия была назначена приказом по Первому главному управлению Минсредмаша и ее председателем стал заместитель начальника горного отдела этого управления Флор Семенович Власов. Это опытный, с большим стажем горный инженер, весьма интеллигентный и эрудированный, подтянутый, скромно, но прилежно одевавшийся, всегда выбритый человек. Ф. С. Власова мы, молодые специалисты, застали еще летом 1948-го года на должности главного инженера комбината № 6 в управлении в старом Ленинабаде (помните, в кабинете за шкафом) вскоре, месяца через два, он был переведен в Москву, а место главного инженера занял А. А. Попов. Я был определен в члены комиссии, а сдающими объект стали В. А. Бушевцев и Л. М. Демич. Но фактически я оказался в двух ролях и сдающим, и принимающим. Ф. С. Власов прибыл в Учкудук с полным набором необходимой технической литературы, определяющей порядок производства приемки в эксплуатацию объектов горнодобывающих отраслей, необходимых для этого документов основных и приложений и т. п. Мне пришлось все время пока Флор Семенович был в Учкудуке быть при нем, курировать его. Кроме приведенных

ранее его характеристик, он был болезненного вида, весьма, мягко говоря, худощавый человек и была необходимость питаться по диете, не легко осуществимая в наших условиях. Главное же, чему я очень многому научился у него, положил в свою копилку знаний и опыта – это весьма ответственное и прилежнейшее отношение к выполнению порученного дела, скрупулезное написание документа, неоднократные правки акта в черновике, повторные посещения объекта с целью убедиться в правильности отражаемых в акте положений и т. п. Особо нелегко было обосновывать отступления и изменения от проекта в специальном разделе «Акта...». Приказом о создании комиссии по приемке рудника № 2 определялся и срок представления «Акта...» на утверждение руководству главка и этот срок был выдержан безукоризненно, для чего Флор Семенович приложил достаточно усилий. Все вечера до поздней ночи в течение всех 10–15 дней мы с Ф. С. оттачивали документ, готовили вопросы для разбора на следующий день, какие и кому дать поручения. Наконец, «Акт...» был завершен, в нем коротко, ясно, отражались все требуемые характеристики, причем на очень грамотном русском языке, состоялись подписания и Ф. С. Власов отбыл в Навои и далее в Москву, где «Акт...» был утвержден без замечаний.

Такая же процедура произошла через несколько месяцев и со сдачей в эксплуатацию Рудника № 1 (шахтное поле). Председателем комиссии также был Ф. С. Власов. С Ф. С. Власовым я в дальнейшей своей работе встречался много раз до его ухода на пенсию и мне казалось, что он тоже относился ко мне с симпатией, наверное, оценил мое, тоже очень большое стремление и желание как можно лучше выполнять порученное дело и прилагаемые для этого усилия.

Руда пошла на подготавливаемый к сдаче в г. Навои гидрометаллургический завод – ГМЗ-1 – который был тоже с героическими усилиями сдан в эксплуатацию в декабре месяце 1964-го года.

Мне хочется как можно больше описать события и факты, дающие возможность наилучшим образом понять читателю производственную обстановку, быт, общественные отношения в одном из строящихся и работающем крупном по тем временам предприятии Минсредмаша, по которым можно будет понять и аналогичные параметры, обстановку на 1/6 части планеты Земля, где полным ходом шло строительство «коммунистического рая»! Но постараюсь все же выдержать какой-то порядок, здесь уже не хронологический, а больше тематический. Закончив о подземных работах, перейду к открытым, затем строительным, быту и культуре, а затем об общественных и людских взаимоотношениях.

ГЛАВА 5

А теперь об открытых горных работах и еще кое о чем!

Как я уже где-то говорил, на открытых горных работах, к моменту моего прибытия в Учкудук, было организационно сформировано карьероуправление № 1 во главе с техником Василием Матвеевичем Равжаевым и главным инженером Юрием Владимировичем Соколовым. Назвали его почему-то «Районом № 1», который должен был отрабатывать проектные карьеры №№ 1 и 2. На карьере № 1, условно разделенном на западный, восточный фланги и «сапожок» (самый западный участок) велись горные работы: на «сапожке» роторным экскаватором ЭРГ-350/1000 с вывозкой горной массы автосамосвалами, проходка дренажных водоотводящих траншей экскаватором Э-625 и эксперименты по осушению вакуумными насосами; на западном фланге экскаватором ЭКГ-4 № 1 проходила разрезная траншея, предназначавшаяся для монтажа в ней забойного конвейера «Комплекса горнотранспортного оборудования непрерывного действия» – «КГТО-2» – в составе роторного экскаватора ЭРГ-350/1000, ленточных транспортеров с шириной ленты 2 метра и длиной до 800 метров с приводными станциями в необходимых количествах, шагающий отвалообразователь ОШ-125/1500. Я специально так подробно перечислил весь набор, чтобы стало понятным о грандиозности задуманного, добавлю – вес всех металлоконструкций, подлежащий монтажу на монтажной площадке для этого набора, составляет более 10 тысяч тонн. Только-только начали проходить въездную траншею в карьер № 2 экскаватором ЭКГ-4 № 2 и начались работы по вскрыше имевшимся парком скреперов (о них сказано ранее) в контурах будущего карьера № 5, одного из больших по объемам вскрыши и производительности по добыче руды согласно проекту. Начальником участка

на карьере № 2 был Николай Иванович Кучерский, а начальником «Района № 5» – все тот же Николай Михайлович Семченко, бесменный начинатель новых работ и коллективов.

На монтажной площадке в районе промплощадки карьера № 1 еще не оконченной строительством собственных объектов, полным ходом шел монтаж прибывающих один за другим экскаваторов ЭКГ-4 силами монтажных бригад рудоуправления и приданных им монтажников из Навои. Здесь же велся монтаж первого отвалообразователя ОШ-125/1500 и шагающего экскаватора ЭШ-10/60 № 1 силами монтажников подрядных организаций – механомонтаж МСУ-39 от треста «Югпроммонтаж» начальник В. Ф. Кек, прораб В. Елисеев; электромонтаж – МСУ-66, где начальником был Гусев, прорабом В. П. Якименко. Для обеспечения кадрами выходящих в работу указанных серьезных механизмов были организованы курсы по их обучению еще до моего прибытия, но и дальше их число и качество преподавания приходилось увеличивать и совершенствовать. Все обучающиеся сами участвовали в монтаже соответствующих механизмов, преподавателями курсов были ИТР в основном из молодых специалистов, одни из которых прошли сами обучение и стажировку еще в 1960–61 гг. в Часовом Яре, куда направлялись руководством рудоуправления и комбината, а другие сами постигали знания «за счет сна». Это были энтузиасты, которые вели обучение после проведенного рабочего дня, а потом, ночью готовились к лекциям. Здесь особо отмечу некоторых из них, это механики: Анатолий Харитонович Варфоломеев, Владимир Феликсович Квятковский, горняки: Олег Николаевич Мальгин, Николай Иванович Кучерский и др.

Уже в июле–августе 1962 г. был закончен монтаж первого отвалообразователя ОШ-125/1500. По разработанному ПТО Рудоуправления локальному проекту, утвержденному мною, из-за еще не готовности разрезной траншеи на западном фланге, первая пара ЭРГ-350/1000 и ОШ-125/1500 была передвинута на восточный фланг карьера № 1, где разрабатывала первый уступ с выдачей пород на северный борт. Эти отвалы существуют и по сей день в Учкудуке, на них позже была установлена одна из отработавших свой срок буровая установка в память о первооткрывателях-геологах.

В сентябре–октябре вышел из монтажа первый шагающий экскаватор ЭШ-10/60. Это драглайн с емкостью ковша 10м³ и длиной стрелы 60 м. Его установили на проходку дренажной траншеи на карьере № 1 глубиной 27 м. и шириной 60 м. с двойной переэкскавацией отвалов. После проходки дренажной траншеи эта бригада

была переброшена на карьер № 5 для проходки разрезной траншеи под установку в ней очередного «монстра» – ЭРГ-1600/3000, роторного экскаватора производительностью 3 тыс. м³ грунта в час, который предусматривался в комплексе с соответствующими конвейерами и отвалообразователем работать на 30-метровых уступах. Мне почему-то запомнился один из первых машинистов ЭШ-10/60 Григорий Князев, крупный черноволосый гигант, под стать механизму, на котором он работал и очень бережно к нему относился. Я часто и много времени уделял открытым горным работам и решениям возникающих проблем и нравилось мне посидеть в кабине каждого вида механизмов и наблюдать работу машиниста. Я очень симпатизировал Князеву и любовался как он умело, акробатически забрасывал десятикубовый ковш к месту резания пород.

На выполненной разрезной траншее на западном фланге карьера № 1 был смонтирован забойный конвейер, смонтированы магистральные и отвальный конвейеры и запущен весь комплекс КГТО-2-1000. Начальником комплекса был назначен О. Н. Мальгина, механиком А. И. Соколенко, бригадиром комплекса П. Я. Фохта. Я ранее не сказал, что экскаватор ЭРГ-350/1000 в этом комплексе, первый пришедший к нам в Учкудук, был лишь четвертым (заводской №004), выпущенным в СССР. Комплекс выдавал породы на северный борт карьера, вернее они укладывались на расстоянии не менее 50 метров от северного контура карьера во избежание возможных разрушений борта уступа от дополнительных нагрузок.

В начале 1963 года, где-то весной были закончены монтажом следующий ЭРГ-350/1000 за заводским № 009 и второй ОШ-125/1500 и они были установлены в работу на карьере № 2, где были смонтированы все линии конвейеров и начал работать КГТО-2-1000 № 2. Начальником комплекса был назначен Н. И. Кучерский, механиком А. И. Головачек.

Части, детали и электрооборудование горнотранспортного оборудования, подлежащих монтажу, поступали на железнодорожных платформах и крытых вагонах. Мест для складирования на монтажной площадке не хватало, крытых складских помещений вообще не было, поэтому некоторые части – металлоконструкции стрел, течек, перегрузочных тележек и др. – разгружались прямо вдоль ж.д. путей и лежали на грунте, иногда на деревянных подкладках. Особенно плохое положение создалось в этом смысле с поступавшим оборудованием уникального комплекса КГТО-2-3000. Дело в том, что его монтаж предусматривался на монтажной площадке у карьера № 5, строительство которой по разным причинам затягивалось.

Если довольно большая площадная часть уже была выполнена, т. е. забетонирована (толщина бетона не менее 20 см) и в проектных местах заасфальтирована, то не были построены помещения для механических мастерских, электроцеха, крытых складов для мелкого и ответственного электрооборудования и средств автоматики и, очень важно, не смонтирован мощный порталный кран. А оборудование комплекса стало поступать и поступать и раскладывать-ся вдоль ж.д. путей. Мне пришлось приложить громадные усилия чтобы убедить А. А. Петрова, который, совершенно справедливо, уделял свое главное внимание жилищному строительству, выделить дополнительные людские и материальные ресурсы для усиления строительства монтажной площадки. Меры были приняты, темпы строительства значительно возросли, начался монтаж токарного и другого оборудования, но не решался вопрос с порталным краном, так как его оборудование на предприятие не поступало. Решить эту проблему удалось лишь при помощи начальника треста «Югпром-монтаж» полковника Александра Павловича Сивопляса. Я с ним познакомился именно с возникшей проблемой монтажной площадки. Он прилетел в Учкудук, и мы встретились по договоренности на злополучной площадке. Долго решали какие принять действия и со стороны предприятия (заказчика и генподрядчика) и со стороны субподрядчика, т. е. со стороны возглавляемой им организации. Наконец он предложил смонтировать имеющийся в распоряжении «Югпроммонтажа» башенный кран большой грузоподъемности.

Карьер № 5. Роторный экскаватор ЭРГ-1600/3000 в забое

Эти решения и были приняты и довольно быстро выполнены. Монтаж экскаватора ЭРГ-1600/3000 начался.

После договоренности на площадке мы отправились в действующую к этому времени столовую, где было оборудована небольшая комната для приема высоких гостей, и пообедали с большим удовольствием и хорошим воздействием. Александр Павлович оказался очень приятным и интересным собеседником, понимал шутки и сам проявлял и юмор, рассказал немного о себе, оказалось, что он из цыган, прошел довольно трудную жизнь. Мы остались в хороших дружественных отношениях во все дальнейшее время работы, хотя оно не было долгим.

Точно не помню в каком году, кажется в 1965-м, мы с Юлией Максовной были в Москве, я по делам, а она в отпуске, и посетили в Сокольниках выставку промышленного оборудования и материалов многих зарубежных фирм, где среди прочего были представлены образцы транспортерных лент Японского производства с характеристиками, очень подходящими для использования на механизмах комплексов горнотранспортного оборудования, действующих в Учкудуке. При выходе с территории выставки мы встретились с группой руководителей монтажных подразделений во главе с А. П. Сивоплясом. Он меня увидел, громко окликнул, и мы уже вместе пообедали в одном из многочисленных ресторанчиков. Обед прошел в дружественной, веселой обстановке при чудной погоде. Группа отправилась на выставку, а мы с Юлией по своим делам. На следующий день в Министерстве узнал, что А. П. Сивопляс был на одной из улиц травмирован ударом по голове тяжелым предметом нетрезвым гражданином. Этот пьяница пытался нанести побои женщине (супруге). Но, кто-то из группы монтажников, оказавшихся рядом, задержали пьянчугу и предотвратили побои. Буян через несколько минут сзади настиг идущих в группе и ударил кого-то из них – это был А. П. Сивопляс. Травма оказалась очень серьезной. Александр Павлович долго пролежал в больнице, но уже на прежнюю работу не возвратился, получил инвалидность. Через несколько лет он скончался, не помню в каком городе Центральной России, где жил последние годы. – Пусть память о нем сохраниться навсегда!

Следует рассказать, что наш городской прокурор грозил привлечь меня к уголовной ответственности за нарушения «Правил хранения и сохранения важного Государственного оборудования...», в соответствии со статьями такими-то и такими-то уголовного кодекса и такие можно было пришить мне. Мне уже до этого

пришлось неоднократно вести очень неприятные беседы с горпрокурором (стараюсь, но никак не могу вспомнить его фамилию, а звали его Вячеслав) по поводу того, что я давал разрешения, а иногда и прямое указание использовать хранящиеся на складах монтажной площадки новые электродвигатели главного привода экскаватора ЭКГ-4 для установки их вместо «сгоревших», вышедших из строя таких же на действующем в карьере экскаваторе. Таким образом я предотвращал многодневный простой высокопроизводительного оборудования и большой комплексной бригады. А такая бригада уже работала на уровне 100–110 тыс. м³ грунта в месяц. Выход же очередного экскаватора из монтажа не задерживался, так как на нем монтировался такой же двигатель очередного экскаватора, или возвращенный из ремонта на РМЗ отправленный нами двигатель. Были «стукачи», которые докладывали о моих подобных командах прокурору, а для него, бюрократа, мои действия подходили под статью «разукomплектование» ценного оборудования, наносящее ущерб! Он очень пытался меня на чем-то «зацепить», чтобы поднять свою значимость. Такие «подвиги» со стороны работников, так называемых «правоохранительных органов» были «модны» в Советской действительности, и с ними мне пришлось сталкиваться и впредь. Меня Слава (Вячеслав) очень удивлял. Я с ним неоднократно встречался в доме Анатолия Анатолиевича, куда он, Вячеслав, был вхож, проводил у них много раз вечера, выходные дни. Правда, я видел, как Анатолий Анатолиевич относится к нему, весьма снисходительно, с юмором. Вячеслав был высокого роста, прыщеватый, еще молодой человек, со странным произношением (как бы детским) некоторых букв, быстро пьянел от относительно малых доз. Последнее особенно приводило А. А. в умиление. Прокурор был полностью подавлен авторитетом и волей А. А. Мне казалось, что он (прокурор) просто ревнует меня за хорошее ко мне расположение А. А. Петрова, сложившееся по мере нашей совместной работы. А иногда мне казалось, что прокурор по просьбе А. А. испытывает меня, поддамся ли я страху от прокурорских придинок. Но это я анализировал потом, а тогда я просто старался как можно больше принимать мер для ускорения работ по монтажу действительно дорогостоящего оборудования и продолжал разрешать, в отдельных случаях, использовать отдельные агрегаты, хранящиеся на «складах» во избежание крупных простоев тоже дорогостоящего и высокопроизводительного оборудования на карьерах. Прокурорские придиры не изменили моего подхода к этим вопросам. Дело в том, что двигатели выходили из строя главным образом из-за очень

для них тяжелых режимов работы – неимоверная запыленность и высокие температуры в летний период. О кондиционерах мы в те времена и не мечтали. Электродвигатели не выдерживали, а люди выдерживали – в кабинах экскаваторов температуры доходили до 45–50°C. Это тоже была одна из проблем, над решением которой работали и рационализаторы, предприятия и наука института.

При мне же вышел из монтажа и был отправлен на карьер № 5 третий по счету ЭКГ-4 с бригадой, во главе которой был А. В. Яковлев, очень опытный машинист. И действительно эта бригада установила рекорд в 1963 году, разработав более 1,5 миллионов м³ горной массы при проектной производительности 1,1 миллиона м³.

Я уже не стану перечислять последовательность, номера местные и заводские каждого вновь вступающего в работу механизма или комплекса, скажу лишь, что монтаж и ввод в работу очередных КГТО и экскаваторов ЭКГ-4 шли все с большей интенсивностью. Благодаря большой помощи «сверху», имею ввиду руководителей главка и министерства, в первую очередь Е. П. Славского и Н. Б. Карпова, эти агрегаты поступали в Учкудук беспрерывно, организация монтажных работ совершенствовалась и ускорялась, подготовка фронта их использования тоже улучшалась. Как пример скажу, что полная сборка с нуля и до выхода с монтажной площадки своим ходом экскаватора ЭКГ-4 на первых порах длилась 1,5–2 месяца, а довели ее до регулярности в 12 календарных дней. В период моей работы главным инженером Учкудукского рудоправления (1962–65 гг.) были смонтированы и введены в работу более 20 экскаватора ЭКГ-4, комплексов КГТО-2-1000 – пять, смонтирован и перегнан в забой карьера № 5 роторный экскаватор ЭРГ-1600. Сам перегон (первый в практике) этой машины от монтажной площадки до забоя, да еще по наклонной въездной траншее, представлял собой очень сложный и ответственный процесс, потребовавший специальных расчетов и дополнительных горных работ, отраженных в «Проекте перегона...», выполненном специалистами Рудоправления и карьера и утвержденного мною. Сам перегон шел несколько световых дней, и я сопровождал весь процесс на месте, строго следя за беспрекословным исполнением всех мер, предусмотренных проектом и принимая те или иные решения при возникновении непредвиденных обстоятельств. За указанный период парк автосамосвалов КРАЗ-222 и 256 стал более 500, значительно увеличился парк вспомогательных механизмов: бульдозеров, тракторов, турнодозеров, катков, тракторных погрузчиков, автокранов. В 1962 году весь технологический автотранспорт был

выделен в автобазу № 2, первым начальником которой стал А. Пивень, а главным инженером А. Н. Яцко, много вложивших труда и умения в строительство гаражных сооружений и создание ремонтных служб, а позже начальником этой автобазы стал Николай Иванович Костарев, с которым я был знаком по совместной работе на Янгиабадском рудоуправлении, где он был тоже начальником автобазы, но с другой автотехникой, мелкой по сравнению с нашей, Учкудукской.

Освоение указанной выше техники, ее усовершенствование, систематическая работа по улучшению организации работ и многое, многое другое (о чем рассказ ниже), создали условия резкого увеличения объемов открытых горных работ из года в год. Вот сухие цифры, на память, но соответствующие действительности: разработано горной массы из открытых горных работ с выдачей на внешние отвалы в 1961 году – 0,6–0,8 млн м³, в 1962 году – 4,5 млн м³, в 1964 году – 12,5 млн м³, в 1965 году – около 30 млн м³.

Это позволило в запланированные сроки, даже с некоторым опережением ввести в эксплуатацию карьеры №№ 1, 2 и 5 и обеспечить добычу урановых руд в объемах, обеспечивающих работу ГМЗ-1 в г. Навои на полную мощность уже в 1966-м году.

Открытые горные работы, хотя и более «открытые», чем подземные, ставили перед всеми участниками процесса их производства, совершенствования, освоения техники множество загадок и задач, которые были успешно преодолены за счет напряженнейшего труда тысяч трудящихся и в первую очередь ИТР карьеров, рудоуправления, при содействии многих работников и руководства комбината. И я опишу некоторые из множества примеров этого периода с моим видением и так, как не пишут в официальных документах, протоколах, отчетах, газетных обзорах и других восторженных реляциях.

Уже на опытной площадке, «сапожке», где определялись возможности и средства снятия напоров и осушения продуктивного горизонта, где этот горизонт был наиболее близким к поверхности, при снятии второго, предочистного, уступа неожиданно «вспучило» почву, приподняв и работающий здесь экскаватор, а борт первого уступа, где ранее работал первый ЭРГ-350, «закололся», появилась большая трещина с угрозой его полного сползания во внутрь карьера. Практика показала, что осушение через скважины вакуумными насосами не обеспечивает выполнение этой задачи и технически, и во времени, что отработка рудных тел вблизи контура карьера следует вести не по фронту, а поперечными заходками и с немедленной засыпкой первой заходки пустыми породами при начале разработки

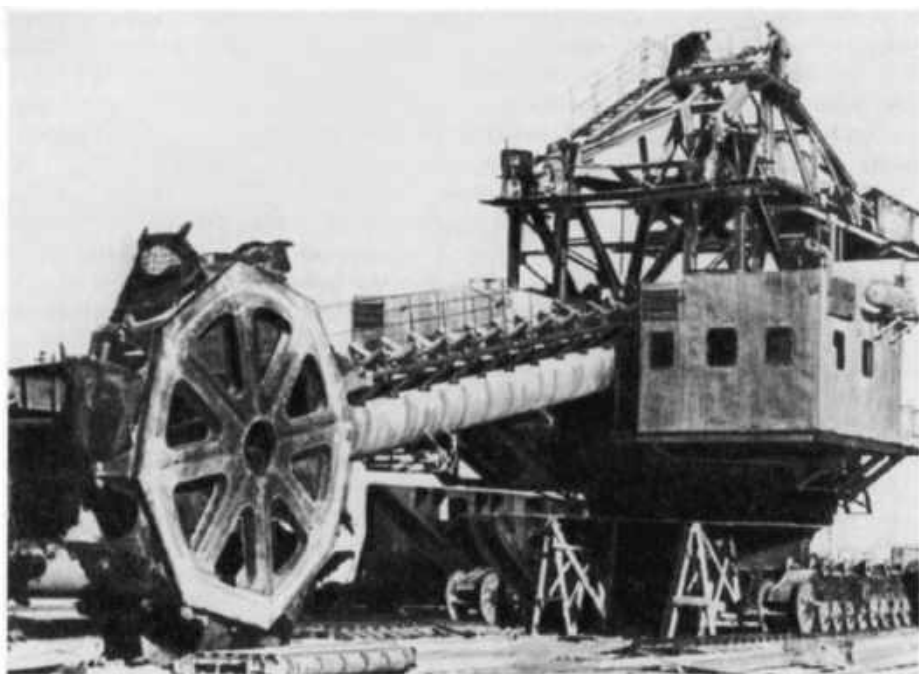
третьей заходки. Осушения можно добиться лишь опережающими глубокими дренажными траншеями. Это подтвердилось и при проходке въездной траншеи на карьере № 2, помните, где был поставлен в работу второй в Учкудуке ЭКГ-4 и где начальником участка назначили Н. И. Кучерского. Как только въездная (наклонная) траншея приблизилась к водоносному горизонту, а предварительные снятия напоров и осушение проводились через скважины, экскаватор погрузился в разжиженную глинистую массу и «тонул» в этой «грязи». Мы приняли решение подкладывать под гусеницы экскаватора «слани» – это конструкция типа плота из бревен, скрепленных скобами и тросами. Работа улучшилась, но не решала проблемы – возможная производительность экскаватора не достигалась, шло отставание во времени по подготовке разрезной траншеи для установки второго роторного комплекса. Эти положения в дальнейшем были приняты и закладывались в проекты. Происходило это в июле–августе 1962 года. Именно на участке «сапожок» была вскрыта первая руда на открытых работах и здесь отрабатывались первые опыты по определению механизмов, способов выемки ими руд, характер взаимодействия геолого-геофизических служб с исполнителями для получения наименьших разубоживания и потерь. В институтском «Проектном задании...» предусматривалось производить выемку руды роторными экскаваторами ЭРГ-350! Нами, специалистами карьера и Рудоуправления, сразу стала понятным неосуществимость такого – терять вдвое производительность таких мощностей, которые можно более производительнее и экономичнее использовать на вскрыше! Было принято решение применять на очистных уступах экскаваторы-мехлопаты прямого действия. Насколько мне помнится, по инициативе самого З. П. Зарапетяна конструкторскими силами комбината были разработаны чертежи, а на РМЗ изготовлен роторный экскаватор на гусеничной базе ЭКГ-4, который назвали НЭРО – «Навоийский экскаватор роторный очистной»! Были нами проведены его испытания на «сапожке», но оказалось, что некоторые расчеты были неверными, при резании уступа экскаватор «клевал». Он был демонтирован и отправлен на ГМЗ-1, где использовался на резервном крытом складе руд для погрузки их на транспортеры. В конечном счете на очистных уступах стали применять мехлопаты ЭКГ-4, которые успешно применились до конца отработки карьеров в Учкудуке. Была принята и практически доведена до совершенства схема работы по выемке руд: над очистным уступом оставлялся слой до 1-го метра предочистного уступа, разрабатываемого экскаватором ЭКГ-4, который в дальнейшем

бульдозером под неусыпным надзором геофизиков счищался по всему блоку, оставляя над рудным пластом сантиметров 10. Экскаватором ЭКГ-4 проводилась выемка очистного уступа с прихватом в кровле и почве по примерно 10 см пород для уменьшения потерь руды. Руда грузилась в автосамосвалы КРАЗ, которые на поверхности у въездной траншеи проходили геофизический контроль на РКС и разгружались на рудном складе, где руда затем экскаваторами 1,25 м³ (а в будущем и большей) грузилась в ж.д. полувагоны и вертушками отправлялась в Навои на ГМЗ-1. Кстати, и в геолого-геофизическом обслуживании горных работ особенно добычных были свои и немаловажные проблемы, которые тоже решались благодаря активных усилий плеяды специалистов. Не буду вдаваться в подробности, да и не помню многих, но дело было в том, что еще шли теоретические споры о генезисе (происхождении) Учкудукского месторождения урана, не были выяснены радиологические особенности руд и отсюда несовершенства методик интерпретаций геофизических данных. Из-за вышесказанного в эти первые годы основной контроль за полнотой выемки и разубоживанием шел проведением трудоемких и не очень оперативных кернового и бороздового опробования, усовершенствовались методики интерпретации геофизических измерений с помощью гамма-радиометров УР-4М, каротажными установками типа КРЛ, РСР-6. Этим занимались сотрудники организованной в 1963 году физико-химической лаборатории под руководством В. Г. Эрастова, уже опытного, весьма грамотного специалиста. Сам процесс добычи в забое довели до ювелирности, многие машинисты ЭКГ-4 настолько освоили управление этой, все-таки машиной – ковш 4 м³ – что могли аккуратно, не задев ни грамма грунта, ковшом поднять с почвы спичечный коробок. Это зрелище вызывало умиление до слез. Добыча шла круглосуточно и, естественно, в каждом добычном блоке постоянно находились радиометристы с прибором-радиометром, коллектор от геологической службы, которые на основании данных опробования и радиометрического контроля выставляли колышки по поверхности очистного блока и проводили визуальный контроль. Такие штаты были обучены через сеть курсов и для выполнения этих функций привлекались и женщины, вторые члены семей, чем решалась и проблема занятости населения.

Первый роторный комплекс был смонтирован на западном фланге карьера № 1. Длина забойного конвейера составляла около 800 метров, а общая длина конвейерных линий более 3-х километров с 4 станциями управления конвейерами. Начальником комплек-

са (повторюсь) был назначен О. Н. Мальгин один из тех, кто в свое время проходил стажировку и практику в Часовом Яре, участвовал в монтаже роторного экскаватора, занимался подготовкой кадров для работы на нем. Настал день запуска КГТО-2-1000 в работу, праздник с тревогой – «Как пойдет?» И пошел! Уступ высотой 15 метров должен был заходками роторным экскаватором вынут на 24 метра по фронту. После этого следовало передвинуть забойный конвейер на эти же 24 метра для дальнейшей выемки очередного цикла. Немного углублюсь в детали – роторное колесо диаметром в 8 метров с ковшами, режущей кромкой и зубьями на них, вращаясь снизу вверх, перегружал вынутый грунт на конвейер рабочей стрелы, затем породы перегружались на конвейер хвостовой стрелы, с нее через перегрузочную тележку породы попадали на забойный конвейер, далее у каждой перегрузочной станции (там же и кабина управления конвейером, где находится машинист) шла перегрузка на наклонный, затем магистральный–отвальный конвейеры, перегружались на приемный конвейер отвалообразователя, с него на конвейер отвальной стрелы отвалообразователя, с которого формировался конус отвала. Понятно, что запуск конвейеров начинался с «хвоста», т. е. с отвалообразователя и по цепочке к забойному конвейеру. Для этого была предусмотрена система автоматизации запуска и блокировки, обеспечивающая остановку всех конвейеров при аварийной (или ручной) остановке любого из конвейеров. Перед запуском давался звуковой сигнал о начале запуска через репродукторы, смонтированные на каждой перегрузочной станции. Но, через несколько минут работы комплекс пришлось остановить – выявились десятки конструктивных и других ошибок и недоработок: на перегрузочных узлах конвейеров значительная часть пород попадала на почву мимо следующего конвейера, лента конвейеров во многих местах выходила за габариты роликов качения, где тоже образовывались просыпи, большие просыпи отбитой породы песчаной фракции через цепи ковшей рабочего колеса экскаватора, громадное пыление при экскавации и многое другое. Все эти вопросы выявлялись не с одного раза, а в процессе продолжающейся несмотря на все трудности работы. Ставили дополнительно людей на уборку просыпей, потом и тракторные погрузчики в местах перегрузок, регулировали натяжение лент, стали приваривать дополнительные вертикальные ролики против сползания лент, смонтировали вдоль всех конвейерных линий дополнительную систему возможности остановки конвейера с любого места для предотвращения крупных аварий и несчастных случаев, на перегрузочных

тележках увеличили (сгустили) число роlikоопор, сконструировали и навесили ограничители разлета пород с подающих конвейеров, расширили борта перегрузочных тележек и многое-многое другое. Все это проводилось по предложениям многих активно включившихся в преодоление трудностей рабочих, слесарей, умельцев-энтузиастов и, конечно ИТР, механиков, горняков. Комплекс работал с большими простоями, производительность была меньше, чем ЭКГ-4, а на одного трудящегося мизерная. Выявлялись еще и более серьезные недостатки, например, исполнение двигателя привода роторного колеса не соответствовало уровню запыленности при его работе, да еще и при здешних температурах. Пошли соответствующие письма и телеграммы в адреса заводов-изготовителей оборудования Донецкий, Новокраматорский и др. Стали появляться у нас представители этих заводов, но зачастую они стремились доказать правильность их решений, старались списать «грехи» на разные недостатки в эксплуатации, т. е. со стороны нас. С каждым днем все же работа слаживалась, принимаемые решения и их осуществление, стремление комплексной бригады к увеличению объемов выданной горной массы, а значит и заработков, снижали величину простоев, но производительность комплекса была очень далека от проектной.

Учкудук. Идет монтаж роторного экскаватора
ЭРГ-400/1000 на монтажной площадке карьера № 1

Отработали первый цикл, первые 24 метра уступа сняты – опять праздник! Наступил момент первой передвижки забойного конвейера. Честно говоря, я сам не верил в предусмотренный проектом и инструкцией способ передвижки с помощью турнодозера. Это трактор (не помню какой марки) на базе которого на специальной консольной стреле подвешивался механизм, называемый турелью, а на противоположной стороне трактора на консоли устанавливался соответствующий противовес. Секции забойного (да и других) конвейера устанавливались на деревянные шпалы, по которым с двух противоположных сторон проходили ж.д. рельсы с шириной колеи под перегрузочную тележку. Рельсы к шпалам и стыки их между собой крепились точно по конструкциям путей на железных дорогах. Так вот, катками турели зажимали головку рельса, а турнодозер должен был быть ведом машинистом так, чтобы оттягивать рельс в сторону забоя на 40 см. Рельсы под натягом несколько изгибались, не деформируясь, и протаскивали шпалы и секции конвейеров на эти же 40 см. Я многократно раз сам штудировал инструкцию по передвижке турнодозером, не верил в эту возможность, но кадры машинистов готовили к этому процессу. Была проведена соответствующая подготовка к передвижке – спланирована почва в сторону передвижки, расставлены колышки для ориентировки машинистам турнодозеров, убрана перегрузочная тележка, отпущена натяжка ленты и др. Я прибыл на место вместе с А. А. Петровым, собралось все руководство карьера, участка. Турнодозер стал в исходную позицию и была дана команда начинать – поехали! На первом же стыке рельсов оказалось, что катки турели не проходят – мешают ж.д. накладки. Стали их обходить, разжимая катки. Деревянные шпалы стали ломаться, раскалываться, рельсы на стыках лопаться, секции со шпал упали – процесс остановили. Полное разочарование окружающих, все смотрят на Петрова и меня с вопросом в глазах: «А что делать?» Предлагаю Анатолию Анатольевичу вариант – зацепить 6–7-ю тракторами V-образными тягами участки рельс и по команде одновременно продвигать всю конструкцию на шаг в те же, размеченные 40 см. Получаю добро от Анатолия Анатольевича. Даю распоряжение по организации задуманного. Через какое-то время все выполнено и проинструктированные трактористы отмашкой красным флажком получают сигнал «двигаться»! Одновременности не получилось, изогнулись не только рельсы, но и некоторые секции конвейеров, полный хаос. Произвели восстановление конвейера путем установки заново. Ж.д. накладки было принято решение прострогать на станках, шпалы заменить, а в дальнейшем перей-

ти на металлические и многое другое. Короче говоря, передвижка проходила шесть световых дней! Но, в результате выявили ошибки, несурезицы, сумели их и другие выявляемые потом при каждой передвижке устранить и добились производить передвижку забойного конвейера за 1,5–2 световых дня, а в дальнейшем, уже после 1965 года – за 10–12 часов.

Простой комплексов уже двух, да и таких махин, как ЭШ-10/60, шагающий драглайн, имели место не только из-за конструктивных недостатков, но и по причинам выхода из строя тех или иных узлов, агрегатов из-за несвоевременного ремонтного обслуживания и в первую очередь несвоевременной смазки или замены масел, требующихся по заводским эксплуатационным инструкциям. При каждом расследовании фактов аварийных остановок, простоев и необходимости внеплановых ремонтов вышедших из строя агрегатов, невозможно было определить виновных из состава работающих на машинах, вину возлагали наначальников, механиков участков или комплексов, но нужного результата не получалось. А происходило это потому, что при трехсменном, круглосуточном режиме работы механизмов, когда в каждую смену вступала в работу другое звено рабочих, вину за случившееся перекладывали на «предыдущую» или «последующую» смены. Обсуждая этот вопрос А. А. Петров предложил мне издать документ, в соответствии с которым руково-

Передвижка забойного конвейера турнодозерами

дители районов обязаны своими приказами закрепить за каждым звеном бригады определенные агрегаты машины, за техническое обслуживание (смазку, смены масел, замена агрегата после отработки предусмотренных часов и т.п.) которых они несут персональную ответственность и материальные потери. Такое «Распоряжение главного инженера» мною было издано, установлен жесткий контроль за его исполнением и это важное мероприятие вошло в повседневную жизнь, что дало значительное снижение часов простоев высокопроизводительных механизмов.

Шагающий отвалообразователь ОШ-105/1500 в работе на карьере № 5

Конвейерные линии роторных комплексов укомплектовывались транспортерными лентами, выпускаемыми отечественными заводами (Воронежским и другими, кажется, — точно не помню). При монтаже на монтажной площадке роторных экскаваторов, отвалообразователей склейка стыков транспортерных лент производилась специальными приспособлениями и сложными составами клеев. Но все это делалось как бы в стационарных условиях. При работе же комплексов, особенно магистральных конвейеров со множеством стыков склейка разошедшихся или новых стыков при замене участков ленты, стали занимать по 20–24 часа, т. е. с такими простоями никак смириться нельзя было. Службы механиков комплексов, карьеров не справлялись с имевшимся у них оборудованием,

тяжелым, непригодным для оперативного перемещения, началась самостоятельность с применением разных вариантов клеев и их растворителей, режимов склейки. Качество склейки стыков не только не улучшалось, а становилось хуже, стойкость стыков уменьшалась, простои увеличивались. По инициативе Анатолия Анатолиевича, о чем он посоветовался в первую очередь со мной, была создана централизованная группа из слесарей и электриков, во главе которой был поставлен горный инженер выпускник САЗПИ 1959 года, прошедший уже школу на должностях горного мастера, помощник начальника участка Талгат Галимьянович Габдуллин. Этой группе был выделен спецавтомобиль с прицепом, оборудовали его подъемными средствами, электрооборудованием для склейки лент – электронагреватели-прессы, мощные струбцины, места для персонала под тентом и прочее, прочее. Талгат Габдуллин начал изучать техническую литературу о способах и средствах склейки промышленных лент, наиболее подходящих для каждого вида выпускаемых Советской промышленностью и зарубежными фирмами материалов лент, наборов клеев и реактивов для их склейки. Эта группа вначале вошла в состав ремонтно-монтажного участка, возглавляемого Александром Александровичем Тепловым, а затем стала самостоятельным цехом, подчинявшимся ОГМ рудоуправления. Инициативный, любознательный, энергичный, неустоящий Талгат, день и ночь вызываемый со своей оперативной бригадой на аварийные «стыковки» лент, или на плановые монтажные клейки лент, не унывал, шутил, рассказывая всякие байки с симпатичным татарским акцентом. Работники группы, цеха систематически совершенствовали оборудование, приспособления склейки, подкрепляли свои практические действия изучением многочисленных инструкций, брошюр по этим вопросам, поставляемые им технической библиотекой рудоуправления. Время склейки стыка 2-метровой ширины ленты специалистами цеха было доведена до 4–5 часов, а оснащенность цеха позволяла одновременно производить склейку 2–3 стыков на разных участках работ. Простои по причине разрыва стыков лент стали минимальными. Т. Г. Габдуллин проработал в Учкудуке до 1977 года, а затем был переведен в Навои, где до пенсии работал в ОГМ комбината.

Выявленные конструктивные недостатки многих узлов, агрегатов, конструкций комплексов непрерывного действия, многие из которых были оперативно (но не так уж и быстро) устранены силами ремонтных служб подразделений и рудоуправления, доводились конструкторами заводов-изготовителей по замечаниям, направляе-

мым на заводы и в соответствии с протокольными решениями, совместно составляемыми нашими, рудоуправления, и заводскими специалистами при их приездах по вызовам. Комплексы стали работать устойчиво, профилактические ремонты стали производиться в строгом соответствии с графиками ППР, разрабатываемыми специальной группой отдела главного механика рудоуправления по всем видам высокопроизводительных механизмов, постепенно сокращалась численность вспомогательного персонала за счет улучшения работ средств автоматики (уменьшения числа отказов), внедрения дополнительных средств автоматизации отдельных операций. В отдельные месяцы достигалась уже проектная производительность КГТО-2-1000.

Как я отмечал в числе КГТО работали в нашем рудоуправлении роторные экскаваторы ЭРГ-350 за заводскими №№ 004, 009, 011, 012, 015 и 016. Последний вступил в работу уже в 1966-м году без меня. Где испытывались первые номера не помню, знаю, что два или три таких комплекса стали в шестидесятые годы работать на карьерах нового комбината, возникшего на базе месторождения «Меловое», где построился город Шевченко на западе Казахской ССР и директором которого стал бывший начальник Первомайского рудоуправления комбината в Желтых Водах Григорьян (к сожалению, не помню имени и отчества этого, весьма уважаемого ветерана Минсредмаша), о котором я уже упоминал в первой книге моих писаний. Но высокие правительственные инстанции приняли решение провести Государственную приемку для утверждения серийного выпуска экскаватора ЭРГ-350/1000, вернее, еще до приемки, после внесения некоторых конструктивных изменений экскаватор маркировался ЭРГ-400/1000, экземпляр за № 004, работавший в Учкудуке. В Москве был издан совместный приказ министров нескольких ведомств, определивший состав государственной комиссии, место и сроки ее работы, срок представления акта. Председателем Государственной комиссии был назначен главный инженер комбината Антон Петрович Щепетков, а заместителем председателя госкомиссии главный инженер рудоуправления Леонид Борисович Бешер-Белинский. Членами комиссии были специалисты многих заводов и ведомств, участников разработки документации и изготовителей экскаватора и отдельных агрегатов, представители главных управлений соответствующих министерств. Вам понятно, что вся черновая работа по организации работы этой высокой комиссии, по подготовке черновика «Акта...», ведению многочисленных совещаний по выработке положений акта и т.п., легла на мои плечи. А. П. Щепет-

ков прибывал в Учкудук лишь пару раз, на начало работы комиссии и подписание «Акта...» в окончательном виде. Экскаватор был принят в серийное производство. Надо отметить, что через некоторое время к нам приехал директор Донецкого машиностроительного завода им. 15-летия ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР Доценко (в правильности фамилии не уверен), главный изготовитель экскаватора, с сопровождающими его лицами. Он был принят на предприятии по всем статьям на «высшем уровне». Он благодарил наш коллектив за проделанный большой труд по освоению экскаватора, а между А. А. Петровым и Доценко возникли дружеские отношения, которые, мне кажется, продолжались и дальше. Я долго сохранял присланный в рудоуправление экземпляр совместного приказа о назначении Госкомиссии на приемку экскаватора ЭРГ-400/1000 лично у себя, нарушив инструкции, вынужден был уничтожить его (в числе многих других личных документов, писем, фотографий) лишь в период подготовки к отъезду на ПМЖ в Израиль, из-за строгой ограниченности веса багажа, выпускаемого из страны.

Не могу не рассказать об одном, весьма неординарном случае, имевшем место кажется в 1964 году. Возникла необходимость передислоцировать шагающий отвалообразователь ОШ-125/1500 с карьера № 1 на карьер № 5. Это 4–5 км пути. Перегон такой тяжелой техники своим ходом представляет собой очень сложный и ответственный процесс, требующий тщательной подготовки самой трассы перегона, увязки перехода через существующие коммуникации (автодороги, ЛЭП и др.), сопровождения бригады по обслуживанию и т. п. На каждый такой перегон сотрудниками ПТО Рудоуправления составлялся «Проект перегона...», который утверждался мною. Такой проект был составлен и на описываемый случай. Трасса перегона на значительном участке проходила вдоль располагающихся отвалов пород карьера № 6. Чтобы стало понятным читателю, незнакомому с описываемой уникальной техникой, вынужден обратиться к некоторым техническим деталям. Как шагает машина весом около 1000 тонн? Круглая многотонная база отвалообразователя является основанием, на котором смонтированы все конструкции и силовые агрегаты, предназначенные для исполнения многообразных функций. Сквозь базу по диаметру проходит мощный коленчатый вал, на концах которого расположены «лыжи», мощные металлоконструкции. Они являются дополнительными опорами во время работы на отвалообразование, предотвращающие опрокидывание всей конструкции. Второй же, не менее важной, функцией «лыж» является

создание опоры, на которую опирается вся конструкция во время передвижения отвалообразователя с одного места нахождения на другое. При вращении коленчатого вала вся конструкция поднимается, опираясь на «лыжи» и опускаясь делает шаг, не помню какой длины. Теперь конструкция стоит на круглой базе, а «лыжи» поднимаются и опускаясь до земли, занимают положение для следующего шага. Так многотонная конструкция медленно передвигается в нужном направлении. На перегон в 4–5 км уходит дней 10 (движение только в светлое время суток). Не помню кто из ИТР был руководителем перегона, но и главный механик Рудоуправления Леонид Ефанов, и ваш покорный слуга ежедневно «заглядывали» к месту движения, убеждаясь в выполнении необходимых мер, предусмотренных «Проектом», и для устранения возникающих неувязок. В один из дней уже глубоко во второй его половине мне поступило сообщение, что на перегоне произошла авария.

Немедленно прибыв на место, я увидел грандиозную картину: на почве лежат груды металлоконструкций и тросы от 125-метровой отвальной стрелы. Из доклада ответственного узнал, что в момент очередного шага машинист по ошибке развернул стрелу и ею задел за конус породного отвала. При падении по счастливой случайности разваливающиеся металлоконструкции не задели никого из сопровождающих лиц. В первые моменты я был в шоке. Не понимал, что и как нужно делать, чтобы восстановить отвалообразователь, без которого будет в бездействии целый комплекс и сорвутся планы горных работ на карьере № 5. Конечно, то что авария произошла без несчастного случая с людьми, уже хорошо. Я вернулся в контору и позвонил главному механику Комбината Борису Шварцману в Навои. Договорились, что он утром вылетает к нам, а пока никому (руководству Комбината) не сообщать о случившемся. По прилету Б. Шварцман, осмотрев состояние валявшихся деталей упавшей стрелы, сделал предварительное заключение, что большинство из них можно восстановить. Мы приняли решение: создать бригаду из лучших слесарей-ремонтников и механо-монтажников и на выделенном поблизости от монтажной площадки карьера № 1 месте соорудить стенд, где вести круглосуточные работы по восстановлению деталей металлоконструкций (трубы разных диаметров из спецсталей) и вант стрелы и сборку ее по мере готовности. Оплату труда бригады произвести по аккордному наряду, предусматривающему солидные прибавки за качество и сокращение сроков производства работ. Руководство работами осуществлял Александр Теплов, по 12–14 часов в сутки на месте находился Борис Шварцман и

Леонид Ефанов. Умельцы сделали невозможное – стрелу восстановили за 8–9 суток. Правда, часть деталей (труб из спецсталей) концевой части стрелы самого меньшего диаметра и наиболее подвергнувшихся деформации не удалось выправить. Стрелу уменьшили на 20 метров и стала она общей длиной 105 метров. Перегон отвалообразователя был закончен, комплекс КГТО запущен в работу и с такой укороченной стрелой отвалообразователь доработал до списания. О произошедшей аварии не стало известно ни З. П. Зарапетяну, ни руководству главка. Срыва планов горных работ не произошло. Я всю жизнь был благодарен Б. И. Шварцману за его выдержку, высокую квалификацию и оказанную нам поддержку.

В 1964 году полностью организационно сформировались четыре подразделения открытых горных работ и их коллективы – карьер № 1 с описанным ранее руководством; карьер № 2, где начальником был Н. И. Кучерский; карьер № 5, где начальником стал очень грамотный инженер, перешедший работать в Учкудук из головного проектного института (мы его агитировали) Виктор Сергеевич Воскобойников, а через некоторое время главным инженером – Олег Николаевич Мальгин, главным механиком – Владимир Федорович Скворцов; карьер № 6, где начальником стал Борис Николаевич Зиздо, горный инженер выпуска 1961 года, прошедший должности горного мастера, главного инженера карьера № 5.

Горные работы развивались в соответствии с планами, наметившееся отставание по объемам было ликвидировано, более того, объемы вскрыши стали опережать проектируемые и планируемые. Добываемая на карьерах №№ 1 и 2 руда автотранспортом доставлялась на рудный склад у «сапожка» карьера № 1, где погружалась в полувагоны прямой лопатой (экскаватор Э-1,25). Институт запроектировал и здесь был выполнен мощный бетонный пандус, на который въезжали груженные КРАЗы и разгружали руду прямо в стоявшие полувагоны. Полувагоны передвигались по ж.д. путям в районе рудного склада специально смонтированными лебедками. Но бывали и просыпи, да и вагоны не всегда оказывались на месте, поэтому данная схема долгой жизни не получила. Восточнее ж.д. станции «Учкудук» МПСа, была построена станция «Заводская», вошедшая в состав прирельсовых путей предприятия, где сооружены специальные ж.д. весы, с монтажом, тарифовкой и сдачей в эксплуатацию межведомственной комиссии с которыми лично мне пришлось много повозиться, создано путевое развитие, необходимые здания и оборудование. Здесь и был организован центральный рудный двор, где были необходимые условия для уравнивания отгружаемых руд

на завод по содержанию, взвешиванию наполненных полувагонов. Последнее сняло и многие претензии МПС к превышению норм загрузки полувагонов при их передаче на ж.д. магистраль МПС. Полноценный центральный рудный склад начал функционировать уже после моего отъезда из Учкудука.

Пришло время сдачи в эксплуатацию и карьеров. Не буду описывать эту процедуру, она проходила аналогично сдаче подземных рудников. Таким образом, были сданы Госкомиссиям карьеры № 1 и № 2. Проектная производительность по добыче руды с открытых работ была достигнута к 1965 году.

Думаю, что пропустил и не отметил еще один важный момент, имевший довольно важное значение в производстве и развитии открытых горных работ, это обнаружение в 1963 году твердых «пропластков» среди песчаных разностей вскрышных работ на карьере № 6, крепостью 6–8 по шкале Протодяконова, наличие которых резко снизило производительность ЭКГ-4. Оказалось, что их наличие не нашло отражения в геолого-разведочных материалах Краснохолмской экспедиции, а фактически они (пропластки) распространялись без всякой закономерности и по площади, и по мощности уступов. Пришлось срочно принимать меры по организации рыхления этих участков буровзрывным способом. Быстро построили временный склад ВМ при карьере, обучили взрывников, стали бурить скважины станками СБВ-2, выделять время для производства взрывов, обеспечивать безопасность во время их осуществления и многое другое. Понятно, что это проделать не так уж просто и быстро, но и в этом деле нашлись энтузиасты, которые не просто выполняли возложенные на них служебные обязанности, а и проявляли инициативу, смекалку, оперативность и успешно справлялись с проблемой это назначенный начальником участка буровзрывных работ Михаил Михайлович Кириченко и старший инженер по буровым работам рудоуправления Г. А. Есаулов Эта работа получила дальнейшее распространение и расширение, в связи с необходимостью разработки роторными экскаваторами неокисленных плотных алевроитовых глин. Этой проблемой уже занимались не только сотрудники карьеров, рудоуправления, комбината, но и целая плеяда ученых и исследователей института ВНИПИпромтехнологии, такие как В. Н. Мосинец, А. Н. Лукьянов, А. Б. Штейнберг и другие. Картина открытых горных работ будет не полной, если не сказать несколько слов об участке, созданном в 1962 году и названом УСМ – участок строительных механизмов. Его возглавил с самого начала техник-строитель Мустафаев Эдем Мустафаевич (крымский

татарин), прекрасный организатор, наставник, просто хороший человек. На этом участке были сосредоточены все механизмы, без которых открытые горные работы, и не только они, но и другие – подземные, строительные, монтажные – не могут быть выполнимы: трактора, бульдозеры, грейдеры прицепные и самоходные, тракторные погрузчики, тракторные грузовые тележки и многое другое. Строительство и поддержание автодорог карьерных, планировка автомобильных отвалов горных пород, ремонтные и монтажные работы на карьерах, промплощадках рудников, в ЖКО и других подразделениях, поддержание грейдерных автодорог между контурами карьеров и отвалами, вдоль многих километров водоводов, ЛЭП и других магистралей и коммуникаций не были мыслимы без четкой работы этого подразделения, а эта четкость была создана и стала традиционной именно благодаря замечательным качествам характера Эдема Мустафаевича, воспитанных им молодых специалистов, быстро занявших руководящие должности на этом участке А. Д. Федчуна и А. Г. Радецкого, ставшими, соответственно, главным инженером и начальником эксплуатации УСМ. Механизаторы УСМ работали безотказно, техника была всегда «на ходу». Даже солдат из полка военных строителей, принятый Э. М. в свое подразделение, работавший в карьере № 1, я запомнил его фамилию – Ремезов, рыжий молодой человек, ниже средней упитанности – постоянно был передовиком производства, тогда как солдаты военно-строительных отрядов не очень и не всегда отличались прилежностью и энтузиазмом на выполняемых ими, в основном строительных, работах. Этот солдат за два года службы заработал достаточно денег, несмотря на вычеты с него за содержание в войсковой части, что мог приобрести автомобиль «Москвич», который мы выделили ему (по моей настоятельной просьбе), и он отправился «на дембель» домой с автомобилем. Конечно, использование военно-строительных частей на стройках Системы Минсредмаша было очень оправданным, но по многим причинам (об этом попозже) работать с ними было нам, «хозоргану», также тяжело, как и с органами мест заключения.

И еще необходимо остановиться на одном из важных вопросов, который в определенной степени удалось решить собственными силами, это борьба с запыленностью атмосферы на открытых горных работах и, что не менее важно, и в растущем городке. Начну со второго момента. Песчано-глинистые грунты, особенно их верхний лессово-песчаный слой, легко разрушался под воздействием техногенных процессов и наиболее интенсивно от проезда тяжелых автотранспортных средств, тракторов, автокранов и др. Так как

строительство межплощадочных дорог отставало, а городок строился опережающими темпами, пылевые тучи, вздымаемые автотехникой при ее движении на карьеры и обратно, с производств промзоны на объекты строительства в городке накрывали поселок. И даже когда определенные участки дорог уже были покрыты черным покрытием, благоустроены водители имели «привычку» проезжать по грунтовым, «кратчайшим» маршрутам, не считаясь с пылевой обстановкой. Неоднократные указания, приказы на эту тему должного результата не давали. А. А. Петров решил повести с этим явлением настоящую войну, были организованы бригады общественных инспекторов в помощь представителю Госавтоинспекции, которым были даны права задерживать водителей, нарушающих требования «Правил дорожного движения», и особенно за проезд по пылящим проселочным дорогам за периметром и внутри городка. Сам Анатолий Анатолиевич имел «компостер», проделывающий «дырки» в талонах к водительским правам, и пользовался им довольно часто. Такой же компостер изготовили и мне в ЦРММ, отделение ГАИ выдали мне удостоверение общественного инспектора, и я тоже пользовался им в необходимых случаях. Водители, неоднократно нарушившие проезд по запрещенным местам просто уже приказом по автобазе, или рудуправлению отстранялись от работы на определенный срок, получали наказание и начальники колон, подразделений, не обеспечивающие дисциплину подчиненных им водителей. Жесткость требований, неотвратимость наказания сделали свое дело, и пылевая обстановка в городке относительно быстро стала сносной, насколько это было возможно в условиях песков Центральных Кызылкумов, где пылевые облака поднимались и часто дуящими ветрами, а в летний период и частыми бурями и «смерчами».

Где-то я уже упоминал, что запыленность в районе работы роторных экскаваторов была очень велика, точнее уровень запыленности в 10–15 метрах от рабочего органа составляла сотни норм, а в кабине машиниста – десятки норм, предусмотренных «Правилами...». В забоях, где работали экскаваторы ЭКГ-4, запыленность была значительно меньше, но также далека от норм. Пылили и карьерные дороги при непрерывном движении по ним самосвалов. Для уменьшения пылеобразования на внутрикарьерных дорогах мы стали применять систематический полив дорог технической водой из поливочных машин, которые силами автобазы были выполнены путем сварки емкостей большого объема (по грузоподъемности) на базу самосвалов КРАЗ. Внутрикарьерные дороги, после различных

опробованных вариантов, стали отсыпать вскрываемыми на карьере плотными красными и синими глинами, уплотнение их катками и движущимися автосамосвалами, что создавало плотное покрытие, регулярный полив которого значительно устранил и почти ликвидировал пыление, да и дорога становилась «как асфальтированная». Были опробованы нами и несколько добавок в воду реагентов, уменьшающих испарение влаги с поверхности дорог и увеличивающих время на необходимость повторного полива. Для уменьшения же пылеобразования при экскавации стали замачивать уступ сверху водой из поливочных автомобилей, которых, конечно не хватало, но со временем, стали монтировать технические водоводы к поверхности разрабатываемых уступов, из которых замачивали породы уступа на участках, опережающих во времени их выемку. Атмосферные условия улучшились во много раз.

В конце 1962 года в информационных материалах, поступающих из Главка, появились сведения о проводящихся на отдельном участке, кажется именуемым «Девладово», на комбинате в Желтых Водах, опытах по извлечению урана из пластовых вод. И у нас, в Учкудуке, в это же время главный гидрогеолог Л. И. Лунев высказал мнение о возможности извлекать уран из растворов подземных вод, обогащенных им, на что указывает повышенное содержание урана в водах из дренажных скважин и в дренажных траншеях. Идею проводить такие опыты поддержал главный инженер Комбината А. П. Щепетков, который стал активнейшим проводником развития этих работ в дальнейшем, несмотря на некоторое сопротивление этому со стороны начальника комбината З. П. Зарапетяна, считавшего, что отвлекаться в данный момент от главных задач по строительству и развитию горных работ на рудниках и карьерах не должно. Однако, и А. А. Петрова, и меня заинтересовала идея попробовать в небольших объемах такие эксперименты. Наши геологи и гидрогеологи выбрали для проведения опытов обособленную, вне контуров карьеров залегающую на небольшой глубине залежь 30, где уран приурочивался в основном к песчаным разностям. Организовали опытный участок в составе района № 1. Руководить этим участком поручили Н. М. Семченко и активнейшее участие в работах принял горный инженер Г. В. Некрасов, приехавший в Учкудук с Янгибадского предприятия. Выделили технические средства, пробурили несколько скважин, обсадили по конструкциям подобным дренажным. В одну из скважин закачивали просто откачиваемые из другой скважины пластовые воды. В дальнейшем были последовательно опробованы различные варианты закачиваемых растворов,

в которые добавляли соду, серную кислоту в определенных процентах, закачивали в скважину отработанные газы от дизельного двигателя внутреннего сгорания и многие другие варианты. Откачиваемые растворы проверяли на содержание урана, других химических элементов, а весь их объем по трубам закачивали в подготовленную в грунте неглубокую, но площадную емкость-яму с глиняным экраном. Водяная фракция растворов довольно быстро испарялась, а в оставшихся твердых осадках содержание урана достигало промышленных значений. Это даже можно было определить визуально по очень красивой расцветке образующавшейся на поверхности корке различных солей урана зеленовато-желтовато-голубоватого оттенка. Результаты экспериментов то радовали, то огорчали, но продолжались с достойным упорством. Проведение их требовало материальных затрат, не предусмотренных никакими планами, а отражать их в отчетах тоже невозможно было по правилам социалистического хозяйствования, тем более, что отвлечение на это средств не поощрялось самим З. П. Зарапетяном. Я отдаю распоряжение начальнику карьера В. М. Равжаеву отнести накопившиеся расходы опытного участка ПВ-101 (так его называли) в размере 70 тыс. рублей на открытые горные работы, что он выполняет, но с сопротивлением и лишь после моих повторных и настоятельных (не без соответствующих «выражений») требований. Через некоторое время я получил большущий разнос со стороны З. П. Зарапетяна, узнавшего об этом, как потом выяснилось, от того же В. Равжаева, «стукнувшего» на меня, хотя никакой необходимости для этого у него не было. На открытых горных работах себестоимость кубометра извлекаемых пород, как правило, была меньше планируемой и систематически снижалась, экономические показатели на открытых работах были уже всегда положительными, кстати в отличие от таковых на подземных горных работах. Руководители открытых горных работ всегда были «на коне», получали премиальные за положительные показатели выполнения планов и себестоимости работ, а руководство и ИТР подземных работ, даже при выполнении планов по объемам, лишались премиальных доплат за превышение себестоимости, да и за случившиеся серьезные травмы на производстве, которые происходили на подземных горных работах значительно чаще, чем на открытых горных работах. Мне лично было обидно за горняков-подземщиков, которых я курировал по понятным причинам больше, чем А. А. Петров. Положительные результаты опытов позволили к концу 1964 года перейти на режим эксплуатационного извлечения урана на залежи 30 и подготовки к экспериментам и

отработки залежи 28 в восточной части карьера № 1, но имеющей более худшие условия для извлечения урана через скважины, в связи с приуроченностью руд к более глинистым разностям пород. Опыты были здесь проведены, но уже в последующие годы, о которых я буду говорить уже с позиции работы в новом амплуа, но к которым имел отношение.

Для развития горных работ и на рудниках и на карьерах следовало развивать и строительство необходимых коммуникаций – линий электропередач напряжением 35 и 6 кВ, понизительных подстанций 35/6 кВ (ГПП), водопроводов и теплопроводов и т. п. Строительная часть таких работ выполнялась, как правило, военно-строительными отрядами, иногда подвижными точками ЗК с соответствующей охраной, что было сложно организовывать, как я уже об этом говорил, а монтаж и наладка оборудования велись силами вольнонаемных бригад подрядных организаций, или службы КИПиА рудоправления, тоже организованной в 1962 году, и которую в скором времени возглавил Бениамин Кивенко. Так сложилось, что на мою долю были возложены обязанности, да я в этом был заинтересован, в постоянном курировании строительства указанных, и не только их, промышленных объектов. Заключалось это в том, что необходимо было постоянно увязывать передачу одних видов строительных работ с другими видами, сдачу строительных частей под монтаж оборудования, которые производились по соответствующим актам, приемку рабочими комиссиями отдельных законченных объектов, что оформлялось также соответствующими актами и председателем последних был постоянно я. Все эти виды работ курировала служба ОКСа комбината, группа которых функционировала при рудоправлении и возглавлял ее А. Д. Кандрин, в ней работали инженер-строитель А. В. Ращупкин, инженер-электрик И. П. Захаров. Зачастую срыв намеченных графиком строительства сроков проведения скажем монтажных работ, происходящих из-за нехватки рабсилы, руководители участка пытались объяснять тем, что им строители не сдали готовность строительных конструкций, а иногда это соответствовало действительности. В каждом таком случае приходилось разбираться, проводить совещания с участием заинтересованных лиц. Особенно затяжными были совещания, проводимые при подписании «Акт приема-сдачи в эксплуатацию» отдельных, законченных строительством объектов из комплекса, рабочими комиссиями. Эти акты имели важное значение, они должны обязательно прикладываться к «Актам...» государственных комиссий по сдаче в эксплуатацию рудника, карьера или других комплексных объектов,

например, ТЭЦ-6. Со стороны принимающих объект эксплуатационников всегда отмечались строительные недоделки, отсутствие благоустройства и прочее, они сомневались в том, что строители, или монтажники выполняют отмеченные недоделки в указанные в акте сроки. Приходилось давить и на ту, и на другую стороны, обещать выполнение, грозить карами, а иногда даже не выпускать из кабинета тех, кто отказывался подписывать акт до тех пор, пока подписание состоится. У меня эта работа получалась очень удачно, как-то совершенствовалась, участники таких мероприятий все больше убеждались, что обещанное мною выполняется и подписание таких актов становилось все менее болезненными. Анатолий Анатольевич неоднократно высказывал мне по этому поводу, как бы шутя, но вполне серьезно, приятные фразы. Наверное, ранее такие мероприятия проходили не очень успешно и вызывали много неприятностей и у него отрицательных эмоций. Особенно хорошо с большим прилежанием к работе в техинспекции ОКСа трудился молодой специалист А. В. Ращупкин. Кажется, в 1963 году он подал заявление о выделении ему для покупки автомобиля. Известно, что такие дефицитные покупки можно было совершить лишь по решению руководства предприятия и комитета профсоюза, и то после бурных дебатов на совместном совещании. На таком сборище я настоял о выделении именно А. Ращупкину автомобиля «Волга» ГАЗ-21. Я требовал это как главный инженер и председатель совета молодых специалистов и добился этого. Анатолий Васильевич был несказанно благодарен мне и много, много лет всегда в компаниях рассказывал об этом.

Очень тяжелым делом, запомнившимся на всю жизнь, хотя это и не столь важное на фоне многих других, главных дел и событий, было сдача многих важнейших объектов строительства под наладку, в процессе и окончании монтажа. Это относится, в первую очередь, к ГПП-35/6 кВ, т. е. главных понизительных подстанций для обеспечения энергоснабжения по постоянным схемам горных объектов, щитов управления электрооборудованием и средствами автоматики во многих важнейших объектах, как ТЭЦ-6 и др. Дело в том, что строительную часть таких объектов как правило выполняли солдаты военно-строительных отрядов, некоторые солдаты работали, иногда, и в составе монтажных бригад. Укомплектованные различными красивыми детальками из разноцветных пластмасс, хромированными деталями, лампочками, тумблерами, реле разных назначений, измерительными приборами щиты немедленно солдатами разукomплектовывались, эти детали варварски вырывались с

мест установки. Круглосуточно охранять объекты не представлялось возможным. Приходилось опять же прибегать к осуждаемой органами прокуратуры системе – выдавать вторично монтажникам укомплектованные щиты, хранящиеся на складах ОТС (отдела технического снабжения) и предназначенные для других аналогичных объектов. Более того, пришлось организовывать бригаду по аккуратному снятию необходимых деталей с оборудования на складах и выдавать под расписку вторично монтажникам. Не могу сказать, что это вызывало восторг у начальника ОТС рудоуправления, которым работал очень оригинальный человек Владимир Шайбель, блондин с крупным лицом, говорили, что немец по национальности, но этим я не интересовался. О нем у меня сохранились самые лучшие воспоминания потому, что он, несмотря на крикливый и излишне эмоциональный характер, хорошо ориентировался в весьма обширной номенклатуре потребляемых материалов и оборудовании, умело распределял ресурсы по подразделениям, знал нормы расходов, старался, мягко говоря, прижать руководителей-транжирщиков, всегда имел «зачапку» дефицитных материалов и по команде А. А., моей или Л. Тимошенко (его непосредственном начальнике) оперативно доставлял нужное к месту назначения.

ГЛАВА 6

*Город строится. Праздник открытия бассейна.
Коровник или Браверман. Цена хлеба и тепла.
Семья, радости, покупки. Дела общественные*

Закончив рассказ о делах «горных», конечно главнейших, создание и развитие которых и были конечной целью, хочу поделиться и многими, тоже важными, делами и обстоятельствами, формировавшими всю нашу жизнь, я бы сказал, почти в экстремальных условиях, оказавших значительное влияние на ход главных дел, выявлявших характер и стойкость большинства и слабость на грани трусости некоторых участников событий.

Начну с бытовых дел и условий. Напомню, что во время моего приезда в Учкудук вся деловая и культурная жизнь сосредотачивалась в так называемом «старом городке», только рудоуправление уже переместилось в барак в районе строящегося «Рабочего поселка». Школа, клуб, больница, столовая, два магазинчика, конторы подрядных организаций, несколько жилых бараков, десяток сборных двухквартирных домов и еще что-то – это и есть «старый город». Я до приезда Юлии, вместе с Анатолием Анатолиевичем Петровым побывал на одном киносеансе в клубе, обстановка точно такая как показывали в кинофильмах картинки быта деревень тридцатых годов. А вместе уже с Юлей мы в первый раз участвовали в партийном собрании всей парторганизации, состоящей к этому моменту, примерно, из 150 членов. Секретарем парторганизации был Н. М. Дворяжкин, начальник и куратор строящейся ТЭЦ-6. Собрание проходило весьма скучно, выступать по обсуждаемому вопросу никто не хотел, чувствовалось отсутствие единства, скованность, решение, конечно, приняли единогласно.

В самом «Поселке городского типа» уже были заселены десятки двух- и четырехквартирных коттеджей, возведенных из «самана» и других местных строительных материалов в микрорайонах 1, 2 и строящемся 3. Большинство квартир были двухкомнатными, а некоторые трехкомнатные. Небольшая жилая площадь, планировка комнат, наличие двух входов в квартиру с главного фасада и со «двора», совмещенная ванна с туалетом, низкие потолки не только вызывали недоумение, а просто удручали, давили на настроение, благо мало времени приходилось проводить в квартирах и в основном в спящем состоянии. Были сданы первые два-три двухэтажных кирпичных дома в микрорайоне 3«А» и единственный продуктовый магазин № 5 в кирпичном же исполнении на ул. Комсомольской. Но полным ходом шло строительство жилья в микрорайонах 4 и 5, выделенных в «зоны».

Созданное управление строительства при рудоуправлении (хозспособ), пуск в эксплуатацию железной дороги «Навои–Учкудук», по которой стали доставляться строительные материалы, лес строительный и крепежный, многое, многое другое создали условия для организации круглосуточного производства работ строительного цикла. Необеспеченность жильем препятствовало набору рабочей силы, притоку кадров ИТР, необходимых бурному развитию строительства и эксплуатации промышленных объектов, инфраструктуры и бытовому обслуживанию населения. Анатолий Анатолиевич

Учкудук. Первые жилые дома в первом квартале застройки

Петров, Леонид Иванович Тимошенко, фронтовики, с неослабным упорством, волевым стилем и неусыпным контролем и днем, и ночью, преодолевая где дипломатическим путем, где напором, присущим фронтовым приемам, все несурезицы (о них я уже где-то отмечал) управления прямо неподчиненными им поставщиками рабочей силы – заключенных, солдат – организовывали работу строительных подразделений и обеспечение их всем необходимым. По их предложениям создавались различные виды поощрений, не предусмотренные нормами и существующими в те годы многочисленными инструкциями, для заключенных и солдат, выполняющих и перевыполняющих производственные задания. Таким заключенным выдавались дополнительные пайки, чаи (очень котиrowались для питья «чифира»), возможность получать внеочередные посылки от родственников, дополнительные свидания с родными, дополнительная спецодежда и т. п. Солдатам – денежные и вещевые премии, отпуск на побывку домой и т. п. В условно дневные смены трудились в «зонах» строители-ЗК, а в ночные смены – строители-солдаты и вольнонаемные трудящиеся подготавливали фронт работ для дневных смен, запасы материалов, сложные опалубки и т.п. Уже в 1962 году были закончены строительством микрорайоны 3 и 3«А», часть трехэтажных домов микрорайона 4, было сдано 18,5 тыс. м² жилой площади и первая (кирпичная) школа на 270 ученических мест (о ней уже упоминал ранее), детские сады №№ 1 и 2. Строительство объектов жилья и соцкультбыта набирали темпы, в 1963 и 64 гг. ввели в строй 60 тыс. м² в микрорайонах 5 и 6, две школы по 536 ученических мест каждая, детские сады №№ 3 и 4, прачечную, был введен в эксплуатацию плавательный бассейн из строящегося спортивного комплекса, первый двухэтажный магазин «Горняк», первая столовая (ставшая рестораном), а затем столовая на 300 посадочных мест с тремя залами, один из которых для спецпитания работников открытых горных работ, первый кинотеатр «Комета», магазин «Спутник», полным ходом шло строительство микрорайона 7 с объектами больничного городка. Застройка «Поселка городского типа» велась по проекту, выпущенному филиалом № 1 (г. Ташкент) Московского института ГСПИ-14, предусматривающего развитие его на 25 тыс. населения с обеспечением всех требований санитарно-технического и культурно-бытового обслуживания. Уже в первой половине 1965 года вырисовался в натуре центр поселка, где заканчивалось строительство Дома связи, здание рудоправления, спортивного стадиона. Все это дало возможность усиленно привлекать требующиеся кадры трудящихся и обеспечивать

ими вводимые промышленные производства и объекты обслуживания населения.

Учкудук продолжал оставаться «закрытым городом», как и все города, поселки и производства Минсредмаша. Въезд сюда только по пропускам, которые проверялись в поездах до прибытия на станцию «Учкудук», в аэропорту в Навои. Это осложняло и возможности приглашать в городок концертные бригады, театры, да и помещений для этого еще не было. На этом фоне хочу рассказать интересную историю, которую мало кто опишет.

А. А. Петров решил провести открытие плавательного бассейна – три чаши, в т. ч. «лягушатник» для малышей, вышка для прыжков в воду, трибуны для зрителей – который выделили из строящегося спортивного комплекса, 2-го мая 1964 года. Анатолий Анатолиевич хотел, чтобы это событие – «Плавательный бассейн в центре пустыни!» – прошло очень и торжественно, и запомнилось надолго учкудукцам. Он добился разрешения и пригласил концертную бригаду из Ташкента. В связи с ограниченностью мест на трибунах, были выделены пригласительные билеты для распространения среди трудящихся подразделений. Празднование 1-го мая, праздника солидарности трудящихся, прошло как всегда с демонстрацией трудящихся, прошагавших колоннами подразделений перед воздвигнутой трибуной, на которой стояли руководители предприятия, партийной, профсоюзной организаций, передовики производства. Колонну представителей управления предприятия возглавлял я. Открытие бассейна было назначено, насколько помню, на 14 часов 02.05.64. Все было подготовлено к празднику – чаши бассейна заполнены водой, вход в комплекс (крытая часть, раздевалки, душевые, холлы) был украшен флагами и транспарантами, гремела музыка из репродукторов, транслируемая из радио студии. Желających попасть на трибуны было гораздо больше площадных возможностей, однако, приглашения тщательно проверялись. Празднично одетые приглашенные, многие с детьми, заполнили трибуны. Анатолий Анатолиевич произнес небольшое приветствие, поздравил присутствующих и всех трудящихся Учкудука (по микрофону) с двойным праздником. Решили не митинговать, а прямо приступить к концертной программе. На площадке, рядом с вышкой конференсье объявлял очередной номер, и исполнители выполняли его. Публика, соскучившаяся по таким развлечениям, аплодировала с остервенением. Особенно бурно были встречены номера комических акробатов, прыгающих с вышки в клоунских одеяниях прямо в воду, проделывая в воздухе различные сложные фигуры! День был

солнечный, достаточно теплый и благоприятствовал возбужденному настроению и, не исключая, дополнительному приему частью сидящих на трибунах «допинга» (спиртного). Как только было объявлено о закрытии торжества, многие бросились к бассейнам и стали прыгать в воду. Наблюдающие за порядком милиционеры (их не много), дружинники из добровольной организации и активисты спортобщества не смогли справиться с действиями «толпы». Анатолий Анатольевич (а рядом с ним были мы – я и Л. И. Тимошенко) дал распоряжение вытеснять публику к выходу, на это ушло какое-то время. После удаления основной массы оказалось, что вокруг чаш бассейнов лежат не востребуемыми детские трусики, рубашки, сандалии, ботиночки! Мысль о том, что в бассейне мог кто-то утонуть, «подняло волосы на голове». Дали распоряжение немедленно начать спуск воды из бассейнов, на что должно было уйти не менее 5–6 часов, спортсменам нырять и искать, вызвали подразделение горноспасателей, которые стали с помощью «кошек» (пучок крючьев) прорабатывать дно бассейна с целью зацепить (если есть таковые) утопленников. По радио стали приглашать родителей, чьи дети могли забыть одежду в бассейне. Думаю, читатель понимает, что творилось в умах наших (руководителей предприятия и организаторах праздника) до тех пор, пока выяснилось, что в бассейнах нет «утопленников». Это стало уже окончательно понятным к глубокому вечеру, и мы семьями собрались у Анатолия Анатолиевича, где «разрядились» приняв «хорошие» коньячные дозы, которые почему-то было принято в нашей среде пить большими фужерами и закусывать всем тем, чем закусывают питье водки, а не лимончиком. Это касается конечно мужской части компании. Как уже упоминал, непосредственно в «Рабочем поселке...» с 1962 года начал функционировать первый магазин под № 5, продуктовый. Ассортимент реализуемых товаров был очень ограниченным. Хлеб, молоко и молочные продукты, а в сезон и свежие овощи и фрукты доставлялись в Учкудук самолетами в количествах, не обеспечивающих потребности населения. Зачастую задержки доставки молочных продуктов к самолету в Навои, задержки полета по разным причинам и от самолета до мест реализации в Учкудуке приводили к их порче (прокисали, теряли товарный вид и т. п.) Поэтому, утром у магазина выстраивались очереди, к обеденному времени и к вечеру уже купить самое необходимое возможности не было. Страдали в первую очередь дети.

Однажды осенью 1962 года А. А. Петров попросил меня дать указание и включить в план строителям закладку фундаментов под

строительство «Коровника на 200 коров» в районе Айтыма, проект которого уже давно находился в архиве и строительство которого ранее задерживал сам А. А. Он считал, что это авантюра – содержать коров на стойловом режиме в Учкудукских условиях и игнорировал приказы З. П. Зарапетяна о строительстве коровника. Я с ним в этом был согласен. Но он (Петров) получил последнее предупреждение, телефонный «втык» и решил, чтобы, не теряя своего достоинства, выполнить распоряжение моей властью. Я дал распоряжение выдать проектную документацию коровника в производство работ и включить в план работ строителям на очередной месяц. Работы были начаты, и все фундаменты под колоны сооружения были выполнены за пару месяцев. В это же время, как оказалось, начальник ОРСа Комбината Борис Петрович Рудометкин подсказал Анатолию Анатолиевичу выход из положения, по которому можно обойтись без коровника. Борис Петрович привез в Учкудук старого еврея из Ташкента (лет около 70) Йосифа Моисеевича Бравермана. Он, не имеющий официального образования, был большим специалистом в области производства многих нужных и вкусных продуктов, о чем станет ясно из дальнейшего моего повествования по этому вопросу.

Браверману выделили однокомнатную квартиру в одном из коттеджей. Затем с ним обсудили главные проблемы, которые должны быть решены с его помощью. Но надо же и оплачивать его труд!? Он запросил довольно «приличную» оплату и квалифицированно обосновал ее. Анатолий Анатолиевич в конфиденциальном разговоре со мной предложил мне подписать приказ о назначении Бравермана на вакантную в этот момент должность главного инженера ТЭЦ-6. Почему именно я должен подписать такой противозаконный приказ? А. А. разумно объяснил, что в случае чего-либо он, Директор, деликатно отменит этот приказ, и это не выйдет во внешний мир. Короче говоря, я подписал такой приказ о назначении Бравермана главным инженером ТЭЦ-6 с окладом содержания 300 руб. в месяц. Это значило, что Й. М. будет получать около 500 руб. в месяц, что его устраивало. Я еще в первой своей книге забыл сообщить, что в СССР в 1961 году была проведена денежная реформа – выпуск новых денежных знаков в 10 раз увеличенных по содержанию и, соответственно, цены на товары снизились в 10 раз. В Учкудуке к окладам доплачивались 60% пустынно-безводных.

За пределами границ строящегося «Поселка ...», примерно в километре на запад, высились разрушившиеся стены бывшего пункта забоя скота, пасущегося в пустыне и принадлежащего совхозам. Анатолий Анатолиевич решил использовать остатки этого соору-

жения для создания цеха по выпуску цельного молока методом восстановления из сухого молочного порошка. Эта задача и была первоочередной для Бравермана. Он отправился в Ташкент уже в командировку и через пару недель вернулся, отправив оттуда оборудование и специальные трубы. Ему были выделены лучшие бригады вольнонаемных строителей и монтажников, работа шла в две смены под руководством неуставшего Й. М., который «на пальцах» давал указания где укладывать трубы, устанавливать насосы, компрессоры, как отделять помещения и т. п. Он был и проектировщиком, и мастером, и прорабом. А. А. заглядывал на эту «стройку» ежедневно, снимал все возникающие вопросы, и дело шло очень бодро. Й. М. не терял времени и с нашей помощью набрал нескольких женщин, которых обучал будущим специальностям. Через месяц-полтора «Молочный цех» уже проходил наладку оборудования и подготовку к началу выпуска продукции. Й. М. построил на огороженной территории цеха шалаш из деревянного каркаса, покрытого не знаю откуда взявшимися ветками и камышом, и стал проводить здесь все 24 часа. Молоко замечательного качества, охлажденное, в соответствующих бидонах стало поступать в торговлю. Уже через небольшое время Й. М. организовал производство из молока сметаны, сливок. И всё это было с хорошими вкусовыми качествами и соответствовало всем нормам стандартов. Уже позже, когда я познакомился с Йосифом Мойсеевичем поближе, он мне сказал, что не терпит всяких мошеннических приемов снижения качества выпускаемых продуктов за счет недовложений необходимых исходных составляющих, или замены их более дешевыми, воровства готовой продукции, он этого придерживался всю свою жизнь. Поэтому всех своих обученных специалистов молочного цеха во время учебы и в процессе уже работы нацеливал именно на эти принципы и лично контролировал систематически круглосуточно. Й. М. пошел дальше и предложил производить в «Молочном цехе» квас. Петров дал согласие. Очередная командировка Бравермана и появляется необходимое дополнительное оборудование, опять монтаж по указке, пуск и население получает высочайший по вкусу, холоднейший из спецбочек-тележек, как в крупных городах, квас. Квас этот прославился на всю округу не только в пределах Комбинатского влияния, а на всю Бухарскую область. Все в Учкудуке вздохнули, выпуск продукции «Молочного цеха» стал полностью удовлетворять потребности городка и столовых. Цех стал снабжать все производственные бригады карьеров льдом для охлаждения питьевой воды в летнее время. Представитель-водитель каждой бригады или комплекса

перед сменой заезжали в цех и получали в специальной емкости лед. Трудящиеся молочного цеха и его руководитель (цех вошел в структуру ОРСа Учкудука) стали работать сдельно, в зависимости от объемов выпускаемой продукции. Браверман Й. М. был «уволен» с должности главного инженера ТЭЦ-6. Йосиф Моисеевич все больше удивлял нас всякими новинками. Он стал выпускать и мороженое, правда не в очень большом количестве, но прекрасного качества. Более того, в мой день рождения, помните, на который пришли наши товарищи-москвичи Оганезов, Мальский, Вишняков, неожиданно раздался стук в дверь и посыльный передал от имени Й. М. Бравермана большой торт из мороженого, очень красиво выполненный и оказавшийся очень вкусным.

У Й. М. Бравермана было три сына, все получили высшее образование и трудились в разных концах Великого Союза, а он с супругой жили в Ташкенте в собственном доме и ждали встреч с детьми и внуками (как в известной песне).

В 1964 году был сдан в эксплуатацию хлебозавод на 10 тон продукции в сутки. Я бы его хлебозаводом не назвал, а пекарней скорее. Видно, проект его был из устаревших. Тем не менее, это событие значительно улучшало снабжение населения первейшим продуктом, который до сих пор завозился самолетами или поездами. Но то ли монтаж был выполнен не очень качественно, то ли сама конструкция не соответствовала надежности, но довольно часто цепи системы форм соскакивали с ведущих звездочек, и пекарня останавливалась. Чтобы ликвидировать такую аварию было необходимо ожидать не менее 12–15 часов на остывание всей печи, а затем лишь допускать ремонтников к месту для восстановления поломки. Это означало – оставить город и учреждения общественного питания без хлеба, так как организовать доставку хлеба из г. Навои в короткий срок никаким образом не удастся. Заместитель директора по общим вопросам Л. И. Тимошенко, о котором я еще раз хочу сказать самые теплые слова и вспомнить добрым словом, так как дружил с ним до дней его кончины («Да, не померкнет память о нем!»), не мог допустить срыва поставки хлеба и принимал решительные меры на свой страх и риск. А как это бывало, сейчас расскажу, так как стал однажды соучастником такого события. В один из зимних вечеров (вернее ночей) зимы 1964–65 гг. мы, Анатолий Анатолиевич, Л. И. Тимошенко и я, очень поздно закончив рабочие дела, собрались у Петровых, где обсуждали события дня под, не без этого, выпивку и «ужин», раздался телефонный звонок. Было уже часа 2 ночи и звонки в такое время вызывали неприятные эмоции. Оказалось, что произошла очередная

авария на пекарне, пекарня стоит. Тимошенко немедленно собрался. А. А. и я, имея водителей на служебных автомобилях, как правило, после 6 вечера отпускали их с работы и сами водили служебные автомобили. Л. И. Тимошенко не водил автомобиль, пользовался только им при шофере. Л. И. не стал вызывать своего водителя, и мы отправились на моем транспорте. Мы поехали в пекарню. В пекарне, осмотрев состояние дел, Леонид Иванович позвонил соответствующим лицам и приказал привезти уже известных ему ЗК из лагеря № 1, которые и были доставлены. Их было четверо. Двое оделись в несколько пар нижнего белья, ватные штаны и телогрейки, поверх которых натянули еще и брезентовые робы, на руки перчатки и рукавицы (все это из арсенала спецодежды для горняков на подземных горных работах), к их ногам были привязаны страховочные тросы, и они полезли в печь, в которой еще очень высокая температура и попытались надеть упавшую цепь на зубья приводных звездочек. С первого раза не получилось, находиться в печи более 4–5 минут невозможно. Им помогли выбраться наружу с помощью страховок и в печь направилась другая пара. Первую пару облили холодной водой, спецодежда на грани возгорания, раздели, отпоили водой, чаем и приготовили очередную порцию спецодежды. Цепи были восстановлены на место, поддоны и формы закрутились, форсунки запустили, процесс хлебопечения пошел. Конечно риск был громадный, не надо объяснять, но какое дело было сделано! Такое мог проделывать только человек смелый, преданный своему долгу. Таким и был Леонид Иванович Тимошенко.

В самом конце 1962 года было закончено строительство, монтаж и наладка главного корпуса ТЭЦ-6, резервуаров мазута и коммуникаций, и стало возможным осуществить пуск ее в работу. Этого момента ждали все. Действующие энергопоезда не покрывали потребности в электроэнергии, еще больший дефицит ощущался в отоплении и горячем водоснабжении жилого фонда. На пуске присутствовал лично З. П. Зарапетян. Работа ТЭЦ-6 сняла эти и другие вопросы. На площадке ТЭЦ продолжалось строительство и монтаж оборудования подстанции «0» с двумя трансформаторами 220/35 кВ мощностью 30 МВт каждый, заканчивалось строительство химводоочистки и строительство ЛЭП-220 от Навоийской ГРЭС до подстанции «0» в Учкудуке. Эти объекты были запущены в 1963 году.

Всем известно, что в Кызылкумах, особенно Центральных, климат резко континентальный. При очень высоких дневных температурах в летний период в тени + 45–47°C, в зимнюю пору холода приближаются к минус 20–25 градусов при частых ветрах

до 15–20 м/сек. Было замечено, что примерно по четырехлетнему циклу зимы снежные и осадки в весенний период более холодные и обильные. В январе 64 года морозы достигли максимума, ветры продували квартиры через все щели (качество столярки, строительства и пр. желали лучшего, в летний период на подоконниках через каждые 2–3 дня скапливались горки песка, задуваемого извне). ТЭЦ-6 отапливало систему по соответствующему графику и тепловой режим в квартирах и учреждениях поддерживался на нормальном уровне. И вдруг, стали поступать тревожные сигналы, что на предприятие не поступают запланированные цистерны с мазутом, на ТЭЦ-6 уже срабатывают резервные емкости. Все телефонные и телеграфные запросы в комбинат, главк не улучшали обстановку. Кто то, где-то не так, или несвоевременно, что-то не написал, не вписал, не адресовал в социалистическом плановом хозяйстве, а результат грозил остановкой главного и единственного источника тепла в уже солидном по населению и очень важном по назначению городке и размораживанием всей системы коммуникаций тепло- и горячего водоснабжения. Назревало ЧП неимоверного масштаба. Петров не отходил от телефона, Л. И. Тимошенко выезжал в г. Навои для ускорения решения вопроса, нам обещали, что вот-вот завернут на ж.д. цистерны на Учкудук из Красноводска, занаряженные в другие точки. Обещали, ... обещали!.. Но по проверкам получалось, что на подходе цистерн нет. На предприятии был определенный запас горючего, дизтоплива, попросту «солярки», используемой двигателями внутреннего сгорания карьерного автотранспорта и другими дизельными двигателями. Заполнены ею и емкости мобилизационного резерва. Когда в мазутных резервуарах оставалось мазута на 8–10 часов работы, а на ближайших ж.д. станциях не было цистерн с мазутом, вынужден был дать распоряжение сливать в них дизтопливо, чтобы не останавливать работу котлов. Но, не тут-то было! И директор ТЭЦ-6 В. П. Разумовский, и главный инженер, кажется в это время был В. А. Скворцов, и начальник теплоцеха в один голос заявили, что этого делать нельзя – взорвем котлы!.. Потребовали письменного указания. Я выехал на ТЭЦ-6, продиктовал машинистке Распоряжение Главного инженера рудоуправления, подписал его, дал команду сливать «солярку», остался на станции в теплоцехе у форсунок. Не ушли отсюда и главный энергетик Г. Ф. Матухин, и моя супруга Ю. М. Шатуновская, и руководители все цехов и участков ТЭЦ. Юлию я все же уговорил ночью уехать домой, ведь дети дома. Мое и других безвыездное бдение на ТЭЦ-6 продолжалось около

трех суток, до прихода и слива цистерн с мазутом и начала подачи его в форсунки котлов. Аварии, слава Богу, не произошло и работа вошла в норму. Конечно, такие события не принято вспоминать в официальных реляциях, а ведь нервы щипало всем находящимся на ТЭЦ, обстановка была напряженной, но в воздухе чувствовался дух единства участников в желании преодолеть угрозу аварии! А как же проходила личная жизнь в эти, более трех лет, годы в Учкудуке. Думаю, что те, кто хоть какое-то время проработал на новостройках, в глубинке на, как говорили тогда, ответственных производственных должностях, знал, что личная жизнь в таких случаях – дело второстепенное, подчиненное главному – производству. Это не значило, что дела семейные совершенно игнорировались. Юлия тоже не работала от сих до сих. Ей тоже приходилось бывать на работе и по вечерам, а при авариях в электросистеме, и более. Детей мы привезли в Учкудук летом 1963 года. К этому времени мы поменяли двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, которая освободилась в связи с отъездом семьи бывшего зама директора по общим вопросам Ефима Петровича Филоненко, который перевелся на другое предприятие Минсредмаша. С Е. Филоненко мы были знакомы по работе на предприятии № 22, ЛГХК, где он трудился в управлении строительства. После Филоненко должность зама по общим вопросам занял Л. И. Тимошенко. Трехкомнатная квартира в коттедже была в 3 микрорайоне, в ней сделали косметический ремонт. Времени на переезд все не хватало. Наконец я попросил своих товарищей, с которыми отношения сложились по-дружески на почве соседства, просто симпатии, В. Хихлича, Л. Лунева, еще кого-то и поздно вечером прошла передислокация всего имущества. С усталости, не расставляя мебель по местам, улеглись спать. И вдруг просыпаюсь от яркого света, вижу неимоверную картину – Юлия в слезах стоит среди комнаты, а весь потолок, стены, простыни на кровати и раскладушке кишат от миллионов клопов, все краснеет! Мы быстро, забрав раскладушки, вернулись на прежнюю квартиру, где уже прокоротали остаток ночи и утром отправились на работу. Нач. ЖКО получил от меня «благодарность» и просьбу заняться ликвидацией колонии клопов. Это оказалось не простым делом и заняло несколько дней. Говорили, что во время строительства ЗК специально приносили клопов в строящиеся квартиры в спичечных коробках для потехи над «вольными».

Переезд окончательно состоялся, детей привезла Юля и зажили семьей. Сыновья пошли в сентябре в школу. Это была уже школа № 2 на 536 учащихся, где директором стала Дарья Николаевна

Соловьева, супруга Л. И. Тимошенко. Это была вторая его жена, а он был у нее вторым супругом. Совместных детей у них не было, а от первого брака (муж скончался) у нее было двое детей – дочь и сын. Это была довольно крупная и круглолицая, темно-русая, с красивым голосовым тембром и легким акцентом, присущим людям казачьего сословия, а она и была таковой, женщина, привлекающая внимание. Она была школьным педагогом и в Ессентуках, где и проживали ее дети с матерью покойного супруга в собственном доме. Дарья Николаевна хорошо вела уроки русского языка и литературы, проявила организаторские способности и заслуженно была выдвинута на директорскую должность. Дети учились хорошо, и на их долю тоже досталось «хлебнуть» Учкудукского порядка жизни. Они очень помогали нам, в первую очередь маме вести «хозяйство», а это значило узнать, что есть, когда привезут в магазин те или иные продукты, занять очередь и не прозевать ее, принести домой и подготовить к употреблению, о чем получали «ЦУ» по телефону от мамы, провести уборку в квартире. Со временем заканчивалось строительство здания музыкальной школы, проект которой был выполнен по личной просьбе А. А. Петрова, а музыкальные уроки уже шли в здании обычной школы. Дети продолжили начатые еще в Янгиабаде уроки по музыке, а мы приобрели пианино, очень неплохой и довольно красивый инструмент немецкого производства. Бывали и «праздники» у них (детей), правда редкие, имею ввиду не государственные, а наши семейные – это выезды на природу, за пределы «Поселка...» и производств. Помню, как в один из майских воскресных дней 1964 года, года со сверхнормальными осадками, мы всей семьей на ГАЗ-69 выехали на северо-восток от городка километров на 15–20. Пустыня вся в зелени, не назовешь «пустыней» – разнотравье, мелкие цветущие тоже мелкими цветами кустики, торчащие ввысь стебли «пустынной капусты» (так это называли дети) почти в рост мальчишек, даже благоуханье. Среди зелени много грибов, да-да, грибов, называемых «степной белый гриб» и до очень крупных размеров. Дети «воевали с буржуинами», сбивая верхушки «капусты», мы охотились за грибами. Вот кто-то из нас увидал передвигающуюся черепаху-мamu, вслед за которой одна за другой строго в «кильватер» «шагали» семь маленьких-маленьких черепашек. Картина – глаз не оторвешь! До умиления, до слез. Мы все наблюдали их, не трогая, не менее получаса. Очень хорошо и приятно провели выходной день. По приезду промыли и разобрали грибы, из которых Юлия приготовила вкусные яства.

По случаю праздников, или дней рождения, собирались компанией, чаще это было почему-то в семье Петровых. Постоянной частью компании были семьи Тимошенко, наша, Розенко, ставшего председателем месткома профсоюза предприятия, и В. С. Пасынкова, ставшего начальником ОРСа предприятия в конце 1962 года, после Каминского, который был уволен после какого-то скандала, связанного со значительной потерей заготовленного на зиму картофеля, но оказавшегося подмороженным. К компании присоединялись в каждом случае приглашаемые те или другие сослуживцы с семьями или без. Застолья были обильными, выпивали по многу, тосты и прочее. Через какое-то время женская «половина» общества в своем кружке обсуждала свои проблемы, а мужская продолжала «производственные» темы. Замечу, что окружавшие меня товарищи-друзья Петров, Тимошенко, Черников, Розенко были довольно крупными людьми с весом за 100 кг, а во мне было не более 65 кг. И картина, как правило, проходила по одному и тому же сценарию в праздники или когда компания возникала поздно вечером, после трудового дня: наливались большие фужеры (стаканы) водки, чаще коньяка, выпивались одним дыханием, затем по второму, поговорили, закусили, налили по третьему. Доходило до четвертого. Я переворачивал свою емкость

Учкудук, 1963 г. Слева направо: Л. Б. Бешер-Белинский, Л. И. Тимошенко, зам. директора по режиму, А. А. Петров, нач. 1-го отдела Т. Т. Зайцев

вверх дном и говорил: «На килограмм живого веса я уже обогнал вас, больше не буду!» Конечно, следовали просьбы выпить, но не настаивали. Юлия, конечно, высказывала дома иногда мне «фе» по поводу чрезмерной, с ее точки зрения, выпивки, но не очень настоятельно, потому что я не перепивал, чувствовал себя в норме и вел себя соответственно.

Наверное, к личной жизни надо отнести и вопросы проведения трудовых отпусков, крупных покупок и т. п. Отпуск получить не удавалось за каждый отработанный год. Очень неохотно и тяжело отпуская в отпуск З. П. Зарапетян, никогда невозможно было спланировать заранее, когда и куда поехать отдохнуть, постараться заказать путевки в санаторий. Если, наконец, и получал добро на отпуск, то совершалось это в одночасье, бегом оформлять, хватать ближайшие путевки в санаторий, имеющиеся в резерве МК профсоюза, и быстрее убираться из Учкудука, пока З. П. не передумал.

Будучи в отпуске с Юлией в Москве, мы на улице Горького увидели проезжавший медленно новенький автомобиль «Москвич-408» темно-красного цвета, он нам очень понравился необычным по тем временам дизайном. Эта марка недавно стала выпускаться заводом. По возвращению домой, в Учкудук я заявил Комитету профсоюза о желании приобрести «Москвич-408» с условием, что продам очереднику нашу «Волгу» ГАЗ-21 по оценочной цене. Наша «Волга» к этому времени прошла не более 20 тыс. км. Такой вариант состоялся, очередник, водитель КРАЗа, приобрел нашу «Волгу» за 3700 руб., а мы купили «Москвича-408» темно-красного цвета за 4500 руб. Мы были очень довольны и на нем совершали далекие путешествия по стране. Машина эта послужила нашей семье более 15 лет.

Бывали мы, естественно, на торжественных собраниях по поводу известных революционных, государственных дат и профессиональных праздников. Иногда устраивались и банкеты в столовых того или иного подразделения, куда приглашали и руководство рудоуправления, и мы с супругами принимали участие в таких торжествах. После сдачи в эксплуатацию первого кинотеатра «Комета» на 400 мест довольно часто ходили на просмотр фильмов. Вместимость кинотеатра не удовлетворяла потребности населения, приобрести билеты на сеансы было сложно, поэтому несколько мест в последнем ряду не реализовывались и всегда были готовы для посещения трем руководителям рудоуправления – директору, главному инженеру, заму по общим вопросам. Несколько ближе, чем с остальными, наша семья была с семьями Колбаевых, Разумовских, Луневых, с которыми

общались просто по-соседски или по случаю торжественных дат. Так совмещались производственные дела и личная жизнь.

Учкудук 1964 г. Подруги: слева на право – Зина Колбаева, Дарья Николаевна Соловьева, Лидия Репина (в командировке из филиала № 1 ГСПИ в Ташкенте), Юлия Шатуновская

И я и Юлия были членами КПСС и, естественно, участвовали в общественной жизни коллектива. Впечатление о первом партсобрании, участниками которого мы были в 1962 году, я уже описал. Численность партийной организации бурно увеличивалось по мере роста числа трудящихся и приема в члены партии на месте. Секретарь парторганизации Н. М. Дворяжкин вскоре был переведен для работы в г. Навои, где полным ходом шло строительство ГРЭС, и он понадобился там. Состав парторганизации позволил в скором времени иметь партийный комитет предприятия, а в подразделениях – свои первичные ячейки с секретарем или партбюро. В состав парткома входили и партийные организации всех подразделений: подрядных, производственных, военных строителей, мест заключения, правоохранительных и советских органов. Получив статус «Поселка городского типа» районного подчинения, Учкудук вскоре стал городом областного значения. Был создан и избирался поселковый Совет депутатов трудящихся. В 1965 году и я был избран депутатом поселкового Совета. Партком получил значимость в управлении общественными делами города и производств. Не помню, кто был избран секретарем парткома (кто-то из геологов предприятия),

но единая партийная организация дала возможность легче объединять усилия всех участников производственного процесса и жизни города к достижению поставленных задач и целей, а их было кому ставить! Понятно, что А. А. Петров был бессменным членом парткома, его авторитет и положение давали ему возможность активнейшим образом влиять на все решения, принимаемые парткомом и, как правило, секретарем этого важнейшего органа избирался тот, кого рекомендовал Анатолий Анатолиевич.

В 1955 году я избирался делегатом Бухарской областной партийной конференции (не помню ее очередной номер), участвовал в ее работе и избирал делегатов на XXII Съезд КПСС от Бухарской областной партийной организации. В числе избранных были З. П. Зарапетян и А. А. Петров. Они участвовали в работе этого Съезда, а по возвращению из Москвы Анатолий Анатолиевич подарил мне экземпляр номера журнала «Огонек», в котором на два разворота была фотография зала с участниками Съезда и ясно смотрелась фигура его, Петрова. Я хранил этот журнал до отъезда на ПМЖ в Израиль, увезти его с собой не было возможности, к великому сожалению.

ГЛАВА 7

Трудные вопросы формирования отношений. А. А. Петров

Как понятно из предыдущего, близкое окружение нашей семьи было небольшим, друзей уже в этом возрасте (за 35 лет) приобретают нелегко. Круг же общения на производственной основе был очень широким, ведь численность трудящихся в Рудуправлении дошло до пяти тысяч, только ИТР более 800 человек. С большинством тех, с кем приходилось взаимодействовать, я старался иметь ровные, насколько возможно, товарищеские, без фамильярности, отношения. В основном это получалось. Бывали, конечно, моменты и обстоятельства, когда я с учетом моего взрывного характера, «выдавал» подчиненным определенным лексиконом, характер которого понятен. Правда, я произносил эти недозволенные тирады, не оскорбляя лично выговариваемого. Я быстро отходил от гнева и забывал о расхождениях, переходил на деловое обсуждение произошедшего и к мерам по устранению возникших негативных последствий. Вообще я всегда не терпел таких качеств в человеке, как безразличное отношение к делу, безынициативность, вранье, в том числе неправильное описание положения дел, обстоятельств, докладываемых мне для принятия решения, разглагольствование и попытка бесконечного обсуждения многих вариантов без предложения своего единственного мнения, трусость. Последние три имеют особое значение в горном производстве. Многие обстоятельства, но главным образом отраженные выше, формировали мое отношение к сослуживцу. Поэтому у меня за период совместной работы сложились не одинаковые, естественно субъективные мнения о многих трудящихся, главным образом ИТР, руководителях среднего звена и подразделений. Многие из них впоследствии достигли

определенных и немалых высот в иерархической лестнице, причем и те, что нравились мне, и те, к которым я относился не совсем с симпатией. Нет возможности перечислить всех, которых бы хотелось, но некоторых перечислю. Самые хорошие воспоминания о проведенном, как будто бы и небольшом периоде работы (более трех лет), но насыщенном многими важнейшими событиями и решениями, давшими возможность преодолеть препятствия, созданные природой, построить и ввести в действие первую очередь крупнейшего уранодобывающего предприятия и подготовить плацдарм для дальнейшего развития и совершенствования работ и раскрытия подземных богатств в Центральных Кызылкумах, оставили у меня: Л. М. Демич, В. Н. Сигедин, Ю. И. Чурбанов, И. Т. Кавешников, Г. А. Галустян, М. Г. Дергунов, Ю. П. Ефремов, О. А. Янушпольский, Н. М. Семченко, А. В. Лейманченко, В. С. Горуля, С. М. Тарасов, А. Н. Волошин, А. Н. Остапенко, В. А. Раужев, П. Л. Нижников – из плеяды подземщиков; О. Н. Мальгин, Н. И. Кучерский, В. С. Воскобойников, Б. Ю. Сикстель, В. Ф. Квятковский, А. Х. Варфоломеев, В. Ф. Скворцов, А. И. Соколенко, Ю. Ф. Павличенко, Е. Д. Ларионов, В. Ф. Малинов, М. М. Бискер, В. Н. Муллов, А. Г. Мусин, В. К. Панкратов, Г. М. Князев, Беджелов, Колыхалов, Юртаев и др. – из плеяды открытчиков; Б. А. Миролюбов, Л. Д. Ефанов, А. А. Теплов, Я. Г. Ширяев, А. П. Комиссаров, Т. Г. Габдуллин, Г. Ф. Матухин, В. П. Разумовский, Е. Д. Разумовская, В. А. Скворцов, В. И. Ишкулов, Х. К. Рагимов и др. – из плеяды энерго-механических служб.; А. Н. Длугунович, А. Н. Яцко, А. Пивень, Н. И. Костарев, И. Е. Качкалов, Э. М. Мустафаев, А. Д. Федчун и др. – из плеяды автотранспортников и механизаторов; В. П. Лавренчук, Н. А. Махтей, Е. А. Пономарев, Н. Лунева, А. В. Ращупкин, Н. В. Щукин и др. – из плеяды строителей и ОКСа.

Можно было бы назвать многих и из работников ЖКХ, МСЧ, ОРСа, которые также вложили много труда в общее дело, но выветрились фамилии, имена. Но лица всех, кого назвал и не назвал, стоят перед моими глазами до сих пор. Со многими товарищами мы были связаны и в дальнейшей моей работе, а с другими неоднократно встречался во время командировок в Учкудук, так как вся моя трудовая деятельность до ухода на пенсию, вернее, до отбытия из Узбекистана в Израиль, была связана и с Учкудуком. Но раз назвал тех, что нравились следует и назвать некоторых, которых не очень уважал, или больше того просто презирал. Очень неровно я относился к Борису Зиздо. Вроде неплохой молодой специалист, проявлял зачастую инициативу, но очень увлекался охотой, да, да,

охотой! Была такая страсть у некоторой части работников Учкудука, которая используя Государственные средства передвижения и свое служебное положение, организовывала выезды и не на один день в соответствующие сезоны охотиться то на кабанов, то на сайгаков, то на перелетную дичь. Должен заметить, что Анатолий Анатолиевич почему-то относился к некоторым таким лицам с симпатией. Так вот, Борис Зиздо мог плюнуть на рабочие дела даже в такие периоды, когда с моей точки зрения это делать не следовало, и с разрешения А. А. отправлялся на охоту. Были случаи, когда он на охоте задерживался больше времени, чем предполагал и на которое получал разрешение. Я придирчиво относился нему и не пропускал ни одного раза, чтобы не наказать его за какие-либо провинности. Б. Зиздо в дальнейшем выправился, стал и главным инженером, и директором Северного рудоуправления, удостоился Государственных наград, а при состоявшихся многократных встречах со мной в будущем, по окончании официальной обстановки, когда встречи переходили в «застольную» часть, любил вспоминать, как я объявлял ему дисциплинарные взыскания. Совершенно негативно я относился к одному из инженеров-горняков Григорию Григорьевичу Белозерских (даже не хочется писать прописными буквами), который стал главным инженером рудника № 6, но в серьезные моменты, когда требовалось рисковать (иногда и с опасностью для жизни), а такие моменты в практике горных (особенно подземных) работ бывают, всегда старался увильнуть, «стать больным», или подождать, когда ответственность возьмет на себя кто-либо другой, скажем начальник рудника, или кто по выше. Почувствовав большую вероятность стать ответственным при проходке в опасных условиях вскрытия водоносного горизонта, он находил причины уволиться и уехать из Учкудука. Но жизнь свела меня с ним еще на порядочный период уже на другом предприятии, о чем я расскажу, и мое мнение о нем не только не изменилось, а получило подтверждение. Очень непросто складывались взаимоотношения с главными, первыми лицами. Как я уже где-то отмечал, мне всегда было тяжело вливаться в новый коллектив из-за ярко-красного цвета рыжих волос (с возрастом потускневших), огромного числа веснушек не только на лице, но и по всему телу, что это у меня был с детства, «синдром стеснения». Но, со временем, я научился преодолевать этот недостаток, и меня даже считали и считают очень коммуникабельным человеком. Немного уже из предыдущего рассказа можно понять, как шла притирка с Анатолием Анатолиевичем Петровым. Это был ведь сложившийся, опытный руководитель, бывший офицер-фронтовик,

«крутой» хозяйственник. Он и внешне выглядел солидно, крепыш, бывший спортсмен с прической под «бокс», располневший, но не разжиревший, с «налитыми» мышцами, да и спортсменской походкой. Коренной москвич с правильной русской речью, он был довольно интересным рассказчиком в узком кругу, а вот выступать с официальной речью, докладом на большую аудиторию мне казалось он не любил и чувствовал себя напряженно. Со временем он тоже преодолел этот недостаток, я это замечал за многие годы общения с ним до самого его ухода на пенсию (1985 г.) и встреч после этого. О его принципиальности и приверженности к достижению намеченной цели свидетельствует даже один такой факт, как тот, что он решился разойтись с первой супругой несмотря на то, что у них была дочь. Супруга не пожелала проживать и работать в Учкудуке. Не знаю кем был родной отец Анатолия Анатолиевича, а воспитывался он отчимом, еврейской национальности, бывшим крупным сотрудником МВД СССР, которого к моменту нашего знакомства уже не было в живых. С мамой Анатолия Анатолиевича я познакомился, будучи однажды у нее, в Москве, по поручению А. А. Она на меня произвела очень сильное впечатление – чувствовалось воспитание «старой русской интеллигенции». Анатолий Анатолиевич одевался очень просто, чаще всего носил спортивную куртку бежевого цвета (в соответствующий сезон), которую очень любил (с ней у меня связано особое воспоминание, о котором, возможно, расскажу позже), никогда не надевал галстука, в жару очень часто вытирал пот с лица, выступавший беспрерывно. На работу по утрам он появлялся несколько позже официального начала рабочего дня, не к 8, а к 8.30 – 9 часам. Но рабочий день у него был всегда неопределенным, как говорят – «до упора». В «конторе» проводил достаточно времени для выслушивания докладов от руководителей подразделений о делах за прошедшие сутки, просьбах, подписи текущих документов и пр. пр. пр. Уже во второй половине дня, после обеденного перерыва, который проходил с 12 по 14 часов, объезжал работы того или иного подразделения, стройки. Если собирался на одно из горных подразделений, и я в этот день тоже был с утра в управлении, то спрашивал не нарушит ли моих планов, если я поеду с ним. Естественно, я чаще всего такие приглашения принимал. По ходу посещения объекта при сопровождении местного руководства он делал замечания, предлагал меры для устранения их и каждый раз спрашивал меня, правильны ли его решение. Как правило, я соглашался с ним, но если считал необходимым несколько подправить его указания, то делал это позже уже в отсутствии подчиненных. По началу, как я

уже рассказывал ранее, он присматривался ко мне, моим действиям, их результатам и понял, как мне сдается, что я могу грамотно решать и добиваться исполнения принимаемых решений. Но чтобы понять характер этого человека и руководителя, я хочу просто описать ряд эпизодов, по которым, на мой взгляд, думающим читателям представится эта возможность.

Я понял, что «пришелся ко двору», принят Петровым уже после того, как он предложил мне связаться с командиром батальона ВВ (Внутренних войск) майором Борзуновым и согласовать с ним тему и время проведения лекции, которую я должен прочитать перед солдатами ВВ, несущими охрану «зон» строительства и рудников №№ 1, 2, 6. Я выполнил указание Петрова и в один из вечеров в клубе в/ч провел такую лекцию, а тему выбрал самую простую, это об Учкудукском предприятии, участниками строительства которого являлись слушатели, его характере, важности и необходимости для страны, о престижных профессиях, имеющихся на предприятии, возможности их пополнения и желательности поступления к нам на работу демобилизующихся солдат, сержантов и старшин. После лекции и ответов на многочисленные вопросы, закончившейся аплодисментами и угощением меня солдатским ужином, я спросил Борзунова, а зачем это мероприятие, на что получил ответ: «Я дал задание всем участникам собрания хорошо запомнить личность лектора, который является главным инженером предприятия и первым заместителем начальника предприятия Петрова А. А.»

Дело в том, что на все объекты, находящиеся в «зонах», проход вольнонаемного персонала возможен лишь через предусмотренные специальные КПП шлюзового типа, где в окошко необходимо сдать специальный пропуск с фотографией дежурному солдату и где получаешь этот пропуск при выходе из «зоны». Проезд в «зону» автотранспорта производился через спецворота-шлагбаумы, в центре шлюза из которых имелась смотровая яма для осмотра днища транспорта. В автомобиле мог находиться только его водитель, тоже отдающий пропуск. Только первое лицо – начальник (директор) предприятия имел право проезжать, не выходя из автомобиля, без досмотра автомобиля, без предъявления пропуска, через ворота в обе стороны. Так вот, Петров такое же право дал и мне, первому заместителю, и я стал пользоваться им.

Обычно после вечерних бдений за разбором бумаг, проектов, так это около 22 часов открывалась дверь моего кабинета и А. А. говорил: «Наверное, достаточно, давай по домам!» И мы отправлялись каждый на своем автомобиле восвояси. А бывало, и нередко,

по-другому. Он заходил и предлагал: «Давай съездим на рудник № 2» (или другое подразделение). Естественно, я соглашался. Садились в его «Волгу» и отправились. На руднике заходили в помещение диспетчера, Анатолий Анатолиевич поднимал телефонную трубку и звонил начальнику рудника В. Бушевцеву: «Ты спишь? А я на руднике!».

Этого бывало достаточно, чтобы В. Бушевцев вместе со своим главным инженером Л. Демичем через полчаса был на руднике, а мы за это время одевали спецодежду, и вся группа отправлялась под землю, обходили большинство забоев, выявляли имевшиеся безобразия, грязь на горных выработках, вранье при дневных докладах нам и по действительному положению в некоторых забоях и т. п. По ходу А. А. делал свои замечания и выговоры с виртуозными саркастическими выражениями, которые могли и обидеть выговариваемого. По выходу на поверхность и приема хорошего душа в бане, разговор переходил на нормальные тона и подытоживался результат посещения с принятием тех, или иных решений. Такие внезапные посещения очень дисциплинировали подчиненных.

Примерно в конце 1962 года главный инженер рудника № 2 Леонид Михайлович Демич (Да не померкнет память о нем в наших сердцах!) все чаще стал злоупотреблять спиртными до недельных и более запоев, дело принимало недозволительные пределы. Конечно, другой руководитель снял бы с ответственной должности пьяницу, перевел бы на какую-нибудь конторскую должность с большой потерей в зарплате или еще хуже, уволил бы с предприятия. Но Л. М. Демич был старейшим работником в Учкудуке, старательным грамотным специалистом, добрым человеком, но со слабостью в характере, которую использовали ближайшие к нему друзья-товарищи. Анатолий Анатолиевич предложил мне собрать всех (свободных от работы) ИТР не только рудника № 2, а и других горных подразделений, что я и выполнил. На этом кратком собрании А. А. сделал небольшой анализ дел по употреблению спиртных напитков, имевших место у нас, на предприятии, а в заключение заявил, что если кто-нибудь из присутствующих и отсутствующих будет уличен в приеме спиртного с Л. Демичем, доставит это зелье к Демичу домой и т. п. – будет уволен и в течение 24 часов выдворен с Учкудука! Все поняли по тону, что эта угроза будет выполнена. Помогло! Много усилий для «выздоровления» приложил сам Л. М. Демич и его супруга Лидия. Я этот факт описал не для того, чтобы позорить Л. М. Этот человек своим дальнейшим трудом, умом и умением сделал очень много для Учкудукского рудоуправления,

комбината и развития всего региона, став заслуженно главным инженером Северного (Учкудукского) рудоуправления, зам. главного инженера, а затем и главным инженером НГМК. О нем и о нашей совместной работе и дружбе многое в рассказах впереди. Скончался он в 1999 году после ухода на пенсию на 70-м году жизни.

Анатолий Анатольевич считал необходимым, и уделял этому вопросу достаточно внимания, иметь хорошие, деловые и товарищеские отношения с Партийными и Советскими руководителями вышестоящих органов. Так я познакомился с Первым секретарем Тамды-Булакского районного комитета КП УзССР Владимиром Николаевичем Петровым. Поселок Учкудук до получения статуса Областного подчинения, административно входил в состав этого района. Районный центр Тамды находился, примерно в 120 км по прямой от Учкудука и в свою очередь входил в состав Бухарской области Узбекистана. Тамды-Булакский район по площади почти равен площади Франции. Население же в нем исключительно казахское. Совершенно не понятно почему при дележе территорий советская власть отнесла эти земли Узбекистану, а не Казахстану. Но мы знаем, что такие прецеденты были не только в этом регионе, а и в других. Фактически наша партийная организация входила в состав парторганизации комбината и не имела прямых связей с районной. По линии советской власти наш поселковый совет входил в райисполком, но ведь все жилье и вся инфраструктура Учкудука была на балансе предприятия и районные власти к этому не имели никакого отношения. Однако и В. Н. Петров, и председатель райисполкома бывали частыми гостями у нас, и это являлось результатом большущей помощи, которую оказывало предприятие району. В зоне действия нашего предприятия в пустыне на разных, и не малых расстояниях от нас, располагались животноводческие хозяйства и фермы, пасущие сотни тысяч каракулевых овец. Но состояние и оснащенность этих хозяйств были таковыми, что при наступлении холодов, особенно в аномальные годы (о них я уже сообщал), овцы оказывались необеспеченными дополнительными запасами кормов кроме пастбищ, которые становились недоступными под большим слоем снега или под образующимися ледяными корками на почве. Начинался падеж овец (да и других животных), значительно уменьшавший поголовье. Почему-то только тогда усиленно подвозили корма из резервов республики, в том числе на ж.д. станцию «Учкудук». Но доставить этот объем помощи от железной дороги до мест расположения ферм, загонов овец по бездорожью, снегу, гололеду госхозы были не в состоянии. А. А. Петров в этих случаях поступал

решительно. Правда поступали «команды» и от З. П. Зарапетяна, и от областного комитета КП УзССР об оказании помощи сельскому хозяйству. Можно было эту помощь оказать в каком-то объеме без урона для работ предприятия и отчитаться. Но А. А. Петров со всей серьезностью и большим упорством организовывал специальные бригады, в состав которых включались кроме грузовых автомобилей грейдеры, бульдозеры, трактора с прицепами. Каждая бригада возглавлялась ответственным лицом из ИТР автобаз, УСМ и других подразделений, участники бригад экипировались необходимой теплой одеждой, провиантом, радиосвязью. И начиналась борьба за вывоз кормов к местам назначения. За передвижениями колонн с грузами и обратно круглосуточно наблюдала вся диспетчерская служба, бывали случаи потерь связи с какой-либо бригадой, направлялись транспорты на поиски и т. п. Со своего производства снималось большое число авто и других средств, людей и других ресурсов, из-за чего снижались объемы и темпы основного производства. Это не нравилось и руководителям подразделений, да и я в душе не одобрял действий Анатолия Анатолиевича, ведь потом приходилось наверстывать потерянные объемы! Все механизмы, участвовавшие в «битве» за овец, приходили в плачевное состояние и требовали серьезного ремонта, а какое-то количество оставалось в степи уже непригодным для дальнейшего использования и приходилось искать возможности списания их с баланса. Знаю, что такое рвение Анатолия Анатолиевича иногда осуждал и З. П. Зарапетян. Но, воистину, такие действия А. А. Петрова спасали от смерти много тысяч овец, и никто не мог его осуждать в открытую, а только благодарить за оказываемую большую помощь. Приезды Петрова «Тамдынского» кроме официальных встреч, оканчивались вечерним приемом в отдельном зальчике той или иной столовой, или в номере малой гостиницы. На такие приемы часто приглашали и меня. В. Н. Петров был чем-то похож на А. А. Петрова, тоже светловолосый, коренастый крепыш, но меньшего объема с розовым оттенком загара, хорошо разговаривал и по-казахски. Анатолий Анатолиевич мог, как говорят, хорошо выпить. В застольях он следил за тем, чтобы участники выпивали с ним на одном уровне. Ему нравилось, когда тот, с кем он «ужинает», приходил в состояние полного опьянения. Сам он, выпивая фужер за фужером, только больше потел, но не пьянел. Я убеждался неоднократно, что он мог выпить более литра коньяка (или водки) и при этом быть в полном «здравии» и даже за рулем развезти всех участников застолья по домам. В. Н. Петров тоже под «хорошую закуску» мог принять много, но соревнования с А. А.

не выдерживал. А. А. в застольях щадил только меня и не принуждал выпивать более моей нормы.

Однажды, точно год не помню, днем, когда Анатолий Анатолиевич и я были в Управлении, поступило сообщение, что на дороге вблизи автобазы № 1 произошел несчастный случай с солдатом-водителем экскаватора на колесном ходу. Мы, захватив и Ю. М. Шатуновскую, на автомобиле немедленно прибыли к месту происшествия. На месте оказалась следующая картина: ковш, поднятый стрелой экскаватора на высоту, касался провода 6 кВ ЛЭП, а машинист-водитель (солдат из отряда военных строителей), очевидно пытавшийся сойти из кабины, замертво повис на ступеньке. Экскаватор находился под напряжением. Шатуновская, распорядившись никому не подходить и ничего не трогать, бросилась в диспетчерскую автобазы, откуда по телефону дала команду энергодиспетчеру отключить ЛЭП (соответствующий номер по электросхеме) и поставить заземляющие закоротки. Быстро вернулась к месту и, демонстративно зажав руками провисшие провода ЛЭП, показала, что линия обесточена, разрешила действовать подоспевшим электрикам и медикам по оказанию возможной помощи пострадавшему и ликвидации аварийного состояния ЛЭП. А. А. Петров с большим удивлением и затаенным восторгом смотрел на действия Юлии Максовны и с тех пор к ней относился с каким-то особенным уважением.

Работа шла у нас слаженно, у меня не было никаких претензий к А. А. Петрову, мне казалось, что и у него ко мне нет таковых. Он не стеснялся поправлять мои некоторые промахи, а я не стеснялся спрашивать у него разъяснений по вопросам его действий или распоряжений кажущимся мне непонятным или нецелесообразными. Обычно это проходило один на один и заканчивалось нормальным обменом мнений.

Незабываемы и отдельные эпизоды из внепроизводственной сферы. Однажды мы в две семьи, Петровых и нашей, с детьми (Петровы взяли вне Учкудука на воспитание и усыновили мальчика по имени Андрей) выехали на маевку в степь, 2-го мая. Весна, пустыня в цвету, у нас подстилки – полежать «на травке», волейбольный мяч, запас еды и питья. Через небольшое время видим мчащегося в нашу сторону всадника на красивом коне, картина хорошо просматривается на фоне чистого голубого неба. Спешившись, гонец обращается к А. А. Петрову, ведь все его знают, личность у животноводов известная, и от имени руководства совхоза приглашает всех нас к расположенным невдалеке юртам, где собрались сотрудники по случаю праздника. Посоветовавшись с женщинами, решили принять

приглашение, и отправились на машинах к указанным нескольким юртам, у одной из которых была развернута кухня, где шло приготовление национальных блюд, а в других за столами сидели участники празднества. Нас встретил и пригласил в юрту директор госхоза, где разместилось руководство, и усадил на почетные места. Шло чаепитие и размеренный разговор, на столе – национальные молочные продукты – курт, сюзьма и еще, названия которых не знаю, лепешки и другие мучные изделия типа хвороста, карамель, конфеты. За пределом юрты были слышны несколько шумные разговоры, из которых было понятно, что кто-то резал и свеживал барана. Вместе с чаем не забывали и наливать по стаканам водку и произносить тосты, в том числе с благодарностью руководству предприятия за оказываемую помощь сельскому хозяйству вообще и конкретному совхозу (названия кого не помню). Через какое-то время было подано к столу самое главное казахское национальное блюдо – бешбармак! Жирный дымящийся паром бульон, в котором густо плавали мучные ромбики и куски баранины. Под такую еду наливалась одна за другой порции водки, но опьянения не наступало. Никто не следил и не настаивал пить до дна, поэтому я воздерживался, да и А. А. не очень налегал, нам же за рулем возвращаться домой, хоть и по степи, где ни встречных автомобилей, ни светофоров, да и формальных дорог нет. Уже на заходе солнца, под доброжелательные напутствия хозяев застолья, выехали и благополучно добрались до дома. Женщинам нашим было не очень весело от такого общения, но они нас прощали, понимая определенную необходимость такого мероприятия.

Между А. А. Петровым и мною сложились, на мой взгляд, нормальные отношения людей, выполняющих общее и важное дело. Анатолий Анатолиевич увидал во мне старающегося, квалифицированного специалиста, приверженного делу сотоварища, который не подведет и не выдаст, с которым можно, как говорят «идти в разведку». Так оно и было. Я же видел в Анатолии Анатолиевиче Петрове старшего товарища, умелого, волевого руководителя, именно такого, который необходим в нашем конкретном деле. Я не допускал панибратских выражений ни в присутствии третьих лиц, ни один на один, хотя называл его не Анатолий Анатолиевич, а Толь Толевич, на что он никогда не возражал.

В первые два–три месяца моей работы в Учкудуке мне не выплачивали вторую часть зарплаты, а выдавали только авансы. На мои вопросы главный бухгалтер отвечал, что нет приказа из комбината об установленном мне окладе. Удивительно, ведь приказом по

Первому главному управлению Минсредмаша о назначении меня главным инженером предприятия п/я 11 был установлен оклад в 400 руб. в месяц. Наконец я задал этот вопрос А. А. Петрову. В ответ А. А. с улыбкой разъяснил мне, что вопрос уперся в щепетильные обстоятельства. Оказалось, что у А. А. Петрова оклад 360 руб. в месяц, т. е. меньше, чем назначено мне. Вилка должностных окладов у директора и у главного инженера Рудоуправления одинаковая и равна 360–400 руб. в месяц, т. е. мне назначили максимальную ставку, а у А. А. минимальная. Говорю:

– Так почему же не установить и Вам 400?

– Тогда мы будем получать больше, чем З. П. Зарапетян, Директор Комбината. У него оклад 450 руб. и только 25% надбавки, а у нас 60% надбавки пустынно-безводных.

Видно З. П. долго согласовывал с начальником главного управления вопрос уменьшения мне оклада, а не повышения Петрову. Вообще я замечал и в дальнейшем, что взаимоотношения между двумя этими достойными руководителями, при всей внешней видимости хороших, были весьма натянутыми. Шло негласное, ревностное соревнование между двумя сильными людьми. Да в результате так и вышло – директором комбината после З. П. Зарапетяна стал А. А. Петров. Как это было – в нужном месте и в нужный час.

Не могу не рассказать и случай с любимой Петровым спортивной курткой, с которой связано и другое приятное воспоминание, которое в определенной степени характеризует Петрова. Не то в 63, не то в 64-м году я был по какому-то поводу в командировке в Москве, в Минсредмаше, на Ордынке (номер дома не помню). Анатолий Анатолиевич попросил меня зайти к его маме и забрать оставленную им для химчистки спортивную куртку. Естественно дал адрес и номер домашнего телефона. В министерстве я неожиданно встретился со своим другом и однокашником Борисом Хоментовским, который к этому времени уже работал главным геологом Комбината № 5 в г. Майли-сае. Мы много лет не виделись, а я уже на следующий день должен был улетать. Договорились после окончания рабочего дня в 18.00 встретиться у выхода из Министерства. Так и состоялось. Но прежде чем отправиться в какое-либо питейное заведение я попросил Бориса съездить со мной за курткой, так как до этого времени я ее не забрал. На такси и отправились. Быстро нашли квартиру по адресу, зашли, познакомились с мамой А. А., попили предложенный ею чай, получили сверток с курткой и собрались уходить. Хозяйка дома (не помню имени и отчества) спросила: «Куда молодежь торопится?»

Отвечаем:

- Посидеть в ресторанчике и пообщаться после многих лет.
- Смотрите, не пейте много, не забудьте куртку, Толя ее очень любит!
- Нет-нет, все будет в порядке! – и отправились.

«Приземлились» мы в одном из залов ресторана «Прага», где по нашей просьбе метр организовал нам столик на двоих в сторонке, в укромном местечке, чтобы мы могли спокойно обмениваться информацией – мы же не можем обойтись без производственных дел. Под бутылочку коньячка и весьма приличную закуску разговор шел у нас насыщенный и взаимно интересный. Вдруг, откуда не возьмись, слышу голоса: «Да ведь это Леонид Борисович!»

Вижу стоящую группу из 5–6 человек в воинской форме и в гражданской, направлявшуюся к нам. Оказалось, что все они мои знакомые офицеры, продолжающие служить на Семипалатинском полигоне, а сейчас «обмывающие» успешную защиту кандидатской диссертации подполковником (имярек, мне знакомом) в другом зале, а они решили прогуляться по залам ресторана. Под громкие возгласы, компания предложила нам пройти в зал, чтобы я поздравил новоявленного кандидата, тем более, что там и генерал И. Н. Гуреев, который тоже будет рад встрече. Ребята не знали, что я расстался с генералом не вполне приятном плане. Несмотря на некоторое сопротивление с моей стороны, нас чуть ли не унесли на руках – ребята уже были в «хорошем» подпитии. Действительно, в том зале оказалась довольно большая компания, встретившая нас с доброжелательными возгласами, усадили за стол. Я поздравил приятным тостом «именинника», поздоровался со многими знакомыми мне офицерами, пару минут переговорил с И. Н. Гуреевым, который не проявил никаких признаков неприязни ко мне, и извинившись, с Борисом отправились к своим местам. Приятная встреча добавила возбуждения, наша беседа продолжилась, и под закрытие мы рассчитались. В гардеробе (была зима) получили пальто и на такси отправились в гостиницу на Набережную Горького. Лишь при входе в гостиницу я вспомнил, что свертка-то нет в моих руках! На том же такси вернулись в «Прагу», но ресторан был уже закрыт, и ни с какой стороны войти было невозможно. На неоднократные звонки и стуки в двери никто не откликнулся. Решили явиться сюда завтра, мне отправляться в аэропорт во второй половине дня. Часов в 10 утра следующего дня нам дежуривший гардеробщик объяснил, что вчерашний дежурный будет на работе лишь через два дня на третий, что пропажи быть не может, сверток, если был сдан

(сомневался, могли по нетрезвости потерять и в другом месте), то он в индивидуальном сейфе дежурившего, к которому доступа нет, а адреса своего сотоварища не знает. Расстроился, но делать нечего. Прошу Бориса, еще остающегося в Москве на несколько дней, обязательно связаться с гардеробщиком, вызволить куртку и передать ее нашему куратору в горном отделе главка. Каждый большой комбинат курировался одними из сотрудников горного отдела главка, который естественно знал всех руководящих лиц комбината и его предприятий, помогал командированным в Москву решать дела и задачи. В это время таким куратором комбината № 2 был очень приятный инженер Калинычев. Я улетел и по прилету в Учкудук ничего Толь Толечу о случившемся не сказал. Думаю, что он уже знал о том, что куртку я у мамы забрал, но вопросов не задавал! Я бы на его месте не выдержал. Примерно через неделю мне сверток передали, и я с облегчением отдал его А. А. Петрову с рассказом о случившемся. Его прозорливая мама точно предвидела события. Анатолий Анатольевич только улыбнулся.

ГЛАВА 8

А. П. Щепетков. З. П. Зарапетян.

Интересный опыт украинских шахтеров и горняков

Довольно интересно и неприятно складывались отношения с главным инженером Комбината Антоном Петровичем Щепетковым. Как я уже упоминал ранее, Антон Петрович не часто приезжал в Учкудук, он был больше кабинетным руководителем, хотя знал положение дел из докладов подчиненных сотрудников отделов управления комбината, которых направлял к нам в командировки целыми группами. Не могу сказать, что все они оказывали существенную помощь нам, руководителям на местах. Это касалось не всех, значительную помощь и по существу могли и часто оказывали такие главные специалисты и специалисты ниже рангом, как Б. И. Шварцман, П. В. Смирнов, Е. М. Маламуд, П. Г. Улькин и др. Пользовался он и услугами «стукачей» среди части ИТР нашего управления и подразделений. Поэтому имел не совсем верную информацию и при телефонных переговорах со мной мы зачастую переходили на повышенные тона. При посещении же я естественно его сопровождал во все подразделения, выслушивал все его рассуждения, замечания, обсуждал предложения и т.п. Но чтобы понять его стиль, от которого я приходил в ярость, стараясь не очень показать это в присутствии окружающих, но выходявшую наружу при разговоре с ним тет-а-тет, расскажу несколько конкретных примеров.

Спустились в шахту на руднике № 7. Обстановка уже однажды описанная мною. Комбайн ПК-3 тонул в разжиженной почве, а уплотненные зеленые глины средней и верхней части забоя очень трудно отбивались рабочим органом, не хватало мощности, требовался переход на частичное разрыхление пород забоя взрыванием небольшого числа шпуров, но их же надо было и бурить. Бурить

шпуры в таких конкретных условиях затруднительно и ручными электросверлами, и перфораторами. Зашли в забой, работа прекратилась, стали обмениваться мнениями. Один из проходчиков, рассказывая о всех трудностях – плохое проветривание, некомфортная температура, спецодежда не выдерживает временных норм носки из-за мокрых условий, грязи и т.п. и между прочим сказал: «Было бы неплохо к стреле рабочего органа комбайна ПК-3 приделать пару буровых агрегатов с принудительной подачей, и это очень бы облегчило труд проходчиков, и увеличило бы производительность труда».

«Конечно же, конечно!» – изрек А. П. Щепетков и добавил: «Леонид Борисович, так ты распорядись, пусть эту идею выполняют в ЦРММ, а я в следующий приезд через недельку проверю исполнение!»

Я промолчал, но после подъема на поверхность, приема душа, обеда, когда мы остались вдвоем, сказал Антону: «Каким образом могу я, не имея конструкторского отдела, технологов машиностроения, необходимой базы сконструировать и внести изменения в конструкцию комбайна, да еще и за неделю! Это под силу Вам, имеющему уже в управлении комбината мощный проектно-конструкторский отдел и мощный РМЗ, а безответственное указание мне в присутствии рабочих только подрывает мой авторитет». Он нашелся мне ответить лишь в повышенном тоне: «Ты не инженер!?»

Щепетков знал, что директор З. П. Зарапетян поставил передо мной главную задачу – развитие подземных горных работ, наиболее трудных среди всех трудностей освоения Учкудукского месторождения, приучить молодой состав ИТР всех видов горных работ к ответственному отношению к урану, как очень ценному сырью, к условиям минимальных потерь и разубоживанию руд. Но А. П. считал возможным укорять меня в том, что я мало внимания уделяю проведению опытов и развитию скважинного способа добычи, хотя это было неправдой. Я достаточно внимания уделял и этому вопросу, о чем уже писал выше.

Особенно не нравилось мне, когда А. П. Щепетков, несмотря на описанные выше между нами разногласия, переходил при встречах с ним в его кабинете, или в Учкудуке в гостинице, когда мы оставались одни, на фамильярный тон, называя меня «Леня!» и полушепотом сообщал мне, как тяжело работать с З. П. Зарапетяном, каков он (З. П.) деспот, на всех давит, не поддерживает инициативы, неграмотен и т. п. Я в таких случаях замолкал и старался не высказывать

никаких комментариев, думаю, что А. П. чувствовал мое неодобрение таких его речей, но продолжал в том же духе, пока кто-либо не входил в кабинет, или не кончалась наша встреча. Я, анализируя его поведение, никак не мог понять, то ли он провоцировал меня, чтобы я тоже оговорил Зарапа Петросовича, и тогда он меня выдаст, или он двурушник – ведь он уже много лет работал с Зарапетяном, с 1945-го года, и мог бы не соглашаться перейти с работы начальником рудоуправления 24 (Красногорск) ЛГХК на комбинат № 2 по приглашению того же Зарапа Петросовича. Изошренное двуличие! Особенно старался А. П. Щепетков «насолить» мне в приказах по Комбинату, завершающих расследование производственных несчастных случаев со смертельным исходом, а таковые имели место. В любом из них (в приказах), при любых обстоятельствах А. П. находил в чем-либо мою вину и накладывал на меня то или иное взыскание – выговор, на вид, предупреждение и т. п. Ведь тексты приказов готовила служба главного инженера, он визировал, а подписывал Зарапетян. Был случай, когда мне надоело сложившееся отношение ко мне А. П. Щепеткова и после очередного, «крупного» разговора с ним, я, посоветовавшись с А. А. Петровым и получив добро от З. П. Зарапетяна на выезд из Учкудука, прилетел в Навои и встретился с Зарапом Петросовичем. Я изложил ему сложившиеся обстоятельства (естественно, ничего не говоря о «бочке», которую А. П. катит на самого З. П.), невозможность продолжать мою работу и просьбу освободить меня от занимаемой должности. З. П. Зарапетян меня выслушал, но сказал:

– Иди работай, продолжай свое дело, получается у тебя неплохо! А Антона не трогай!

Что значит – «Не трогай!» – я так и не понял. Я понял, что и А. А. Петров относится к А. П. Щепеткову с осторожностью, чувствует его двуличие и неискренность. Это подтвердилось со временем. Забегая вперед, скажу, что, став директором комбината, А. А. Петров заменил главного инженера, добившись получить на эту должность Ивана Ивановича Белова, горного инженера, занимавшего должность начальника горного отдела главка, а до этого отработавшего много лет на зарубежных урановых предприятиях. С ним мы встретимся позже.

Кто читал мою первую книгу знает, что Зарапа Петросовича Зарапетяна я увидел впервые еще в 1948 году, когда мы, группа молодых специалистов, ожидали приема в приемной начальника комбината № 6 Б. Н. Чиркова, управление которого находилось еще в старом городе Ленинабада. Затем видал его я раза два или

три на профсоюзных общекомбинатских конференциях или слетах передовиков. Но легенды о нем слышал много раз, в которых отражались его энергия, жесткость и в то же время и забота о подчиненных и разное другое. Высокий рост, темно-седые волосы, внимательный и пронизывающий взгляд, явно восточное обличье, резкая жестикуляция, почти незаметное прихрамывание выдавали волевого человека, лидера. Как я был принят им в первый приезд на работу, я уже описал. Первое более близкое знакомство произошло в сентябре 1962 года, когда ушел в отпуск Анатолий Анатольевич и Зарап Петросович провел несколько дней в Учкудуке, очевидно желая понять, справлюсь ли я со сложным хозяйством. Я конечно много времени сопровождал его, особенно в нерабочей обстановке. А рабочее время он старался меня не занимать, сам встречался с кем хотел и посещал объекты по своему усмотрению. Тактика, считаю, правильная, именно так он мог понять, управляю ли я процессом. Понятно, что во время вечерних и ночных бесед за рюмкой коньяка и чашкой чая речь шла и производственных и о всяких других, в том числе личных, семейных делах. Я узнал, что Зарапетян работал на строительстве канала «Москва–Волга», затем на строительстве и эксплуатации Норильского горно-металлургического комбината под руководством легендарного А. П. Завенягина. В Норильске З. П. был начальником карьера. Думаю, что и на первое уранодобывающее Предприятие в Табошарах Зарап Петросович попал благодаря рекомендации Завенягина, который возглавлял одно из важных направлений в системе создания и развитии атомной проблемы в то время.

Второе продолжительное общение состоялось весной 1963 года, когда мы запустили в работу второй комплекс КГТО-2 на карьере № 2. Начальником комплекса был назначен еще молодой специалист Н. И. Кучерский. Хотя это уже был не первый комплекс, и были учтены некоторые ошибки конструктивные и организационные, выявленные на первом, но слишком небольшое время между этими запусками не исключили необходимости доводить разные технические узлы, шла притирка коллективов бригад на каждом агрегате и в целом всей комплексной бригады и прочее, прочее, прочее. Поэтому, простои были велики, производительность значительно меньше проектной. Первый конус-отвал мы даже не смогли довести до возможной высоты, пришлось перегонять отвалообразователь для более удобной схемы расстановки конвейера наклонного и ремонта отвального. Приехал З. П. Зарапетян и прямо на комплекс. Он более суток не уходил отсюда, просиживал в кабинах

машиниста экскаватора, отвалообразователя и приводной станции одного из конвейеров. Он не уходил на обед, мы организовывали ему питание прямо к месту его нахождения, хотя он ругался и возражал. Он убедился во многих ненормальностях, касающихся недоделок, конструктивных ошибок и других обстоятельств, которые рабочие и ИТР оперативно старались преодолеть, не считаясь со временем, потерей в заработках и другими последствиями. Подмечал он и некоторые промахи организационного порядка, зависящие от непосредственных руководителей и рудоуправления, и за них выдавал «по первое число». У него было умение не криком, а особым взглядом, от которого шел «холодок», так довести до сознания свое «фе», что это запоминалось надолго. Комплекс № 2 через несколько месяцев заработал устойчиво, я много уделял времени посещению его коллектива, помогал возможными средствами. Народ, не знаю по чьей инициативе из бригады, назвал отвальные конусы от укладываемых отвалообразователем пород, похожих на горную гряду с отдельными пиками, – «Бешер-тау». Эти отвалы так и стоят по сей день. Я видал их при последнем посещении Учкудука в сентябре 2003 года, в дни празднования 45-летия НГМК!

Еще одно многочасовое общение произошло у меня с Зарапетяном в уникальной обстановке. Однажды, глубокой осенью какого года не помню, опять же А. А. Петров был в отпуске или командировке, Зарап Петросович прилетел на денек в Учкудук. На следующий день погода сильнейшим образом испортилась и по прогнозам стала нелетной на несколько дней. А на следующий день было назначено какое-то серьезное собрание – то ли общекомбинатский актив, то ли конференция – и ему (З. П.) позарез необходимо было вернуться в Навои. Он связывался несколько раз с какими-то руководителями разных инстанций и как я понял, вопрос был решен: за ним прислали железнодорожную дрезину. Часов через шесть она прибыла на станцию Учкудук. Ехать следовало и мне. Я отдал приказ об отбытии и назначении и. о. директора Л. И. Тимошенко, дал поручение начальнику АХО Василию Федорову загрузить в дрезину провиант, и мы отправились в путь. Дрезина представляла собой кабину для водителя-машиниста, отделенную от салона застекленной шумопоглощающей перегородкой, довольно просторный салон, оборудованный столиком, сиденьями у него и несколькими креслами. Погода была «мерзопакостной», туман, слякоть и брррр! Мы разместились за столом. Я его сервировал и пошел разговор под неоднократные возлияния. З. П. мог тоже под настроение выпить изрядное количество, но сразу скажу, что пьяным его никогда не видал и не представляю.

Разговор был откровенным. Зарап Петросович фактически изложил свое отношение ко многим обстоятельствам жизни, к целям, относящимся к развитию региона, его замыслам. Но главное прозвучало в выражениях, которые я запомнил на всю жизнь это: «Я себя чувствую на месте только там и тогда, когда идет стройка, и ее география и объемы растут и расширяются! Не люблю и не буду работать там, где стройка завершена, где идет только эксплуатация!» – (это не цитаты, а точное изложение мысли).

Я его понял. Ведь я и сам уже был в определенной степени заражен пафосом «стройки», радостью «первый дом, первая улица, первая... первая... первый»! Ведь мы (с Юлией) уже в третий раз начинали трудиться и жить на новостройках. Главную же прелесть этого чувства я в полной мере осознал позже, работая уже директором нового предприятия – Сабырсай – по «путевке» З. П. Зарапетяна. Но об этом позже. Время нашей поездки подходило к концу – более 6-ти часов – и это событие осталось памятным мне на всю жизнь.

В то же время Зарап Петросович был закоренелым консерватором, особенно в вопросах быта, семьи и т. п. Я в Учкудуке почти с момента прибытия, перестал брить усы, стал усадым. В какой-то приезд Зарапа Петросовича (кажется вместе с Министром в октябре 62 года) А. А. Петров, я и еще 2–3 встречающих ожидали выхода прилетевших. Первым спустился З. П. и здороваясь с нами вдруг произнес: «Тоже мне главный инженер – с усами!» – и сделал жест вдоль рта, вроде надо сбрить. Как будто усы – это стыдно. Я остался верен себе и усы остались на всю оставшуюся жизнь. В другой раз такая же картинка произошла по другому поводу. Учкудукский климат, частые ветры с пылью, и мои густые волосы несмотря на жесткость, развевались в разные стороны и создавали дискомфорт. Я стал носить берет. При такой же встрече опять возглас: «Что за главный инженер – в берете!» Я не реагировал на эти замечания. Более того, однажды Зарапетян прибыл к нам вместе с начальником Первого главного управления Карповым Н. Б., который вышедши из самолета, надел берет. Я взял на себя смелость и глазами показал З. П. на это. Зарапетян отвернулся и сделал вид, что не понял моего намека. Берет остался предметом моего одеяния на многие годы. Но непредсказуемость, оригинальность этого человека можно в какой-то степени понять из следующих эпизодов.

Примерно в октябре 1964 года в середине рабочего дня со мной связался по телефону из Навои Зарапетян, Анатолий Анатольевич был в отпуске. После вопросов как идут дела, получил распоряжение – завтра отправить в Навои 200 рабочих с шанцевым инструмен-

том на пару месяцев для завершения работ на строительстве ГМЗ-1. У меня волосы дыбом встали, снять такое количество вольнонаемных рабочих с горных и строительных работ, означало сорвать выполнение всех планов. Я немедленно собрал на экстренное совещание Л. И. Тимошенко, нач. управления строительства Ф. П. Рубилова, секретаря парткома, председателя месткома профсоюза. Посоветовались и решили в первую очередь включить в отправляемый состав всех мужчин из УДО (условно досрочное освобождение) вместе с представителем комендатуры, их обслуживающей, дополнить их частью вспомогательных рабочих строительных подразделений, а недостаток последних восполнить увеличением выхода на этот период ЗК из лагерей, о чем было потребовано от их руководства, несмотря на их сопротивление. Начальнику ОТС было приказано выделить необходимый новый инструмент, спецодежду. Начальнику ОРСа обеспечить питание в пути за счет фондов спецпитания, начальнику железнодорожного цеха – обеспечить подвижной состав и отправку его в Навои. Все это закрепил соответствующим приказом по предприятию, в котором и поручил организацию всего указанного заму по общим вопросам Л. И. Тимошенко. Эта сложнейшая операция была выполнена безукоризненно. Воля и организаторские способности Леонида Ивановича еще раз подтвердились. Он лично выехал с командированными, довел до «ума» все дела на месте работ на ГМЗ-1 и, вернувшись, доложил о полном порядке. От З. П. Зарапетяна не услышал ни одного хорошего или плохого слова по описанному поводу.

На февраль 1964 года была намечена поездка группы специалистов во главе с главным инженером комбината А. П. Щепетковым на Украину для изучения опыта по нескольким вопросам горного производства, имеющегося у шахтостроителей по проходке вертикальных стволов в Донбассе, на комбинате «Никополь-Марганец» по проходке и способам крепления горных выработок в горно-технических условиях близких по некоторым параметрам к Учкудукским, в Часов-Ярском карьере по эксплуатации роторных комплексов, в ЦНИЛА РТ (Желтые Воды) по механизации и автоматизации процессов обмена вагонеток на рудничных комплексах и др. В состав группы были включены, кроме меня, Б. Н. Зиздо, Н. И. Кучерский, А. Х. Варфоломеев, В. Н. Сигедин. День вылета был намечен, все бумаги оформлены. За день до вылета из Навои был назначен актив комбината по обсуждению результатов работы коллективов комбината в 1963-м году и задачах на 1964-й год. Управление Комбината по-прежнему находилось в здании барачного типа, а собрать

человек 100–150 на актив можно было только в клубе НУСа, находящегося в том же городке строителей и который арендовал комбинат. Вся наша Учкудукская группа, следовавшая на Украину, была и в составе делегации на актив. Доклад сделал З. П. Зарапетян, выступило с десяток представителей подразделений, в том числе и А. А. Петров. В одном из перерывов З. П., спустившись со сцены президиума подозвал меня и сказал: «Может не поедешь на Украину, смотри сколько серьезных и важных дел предстоит, а ты развлекаться едешь!»

Я чуть не лишился чувств, весь покраснел от напряжения и внутреннего возмущения, но решился и сказал: «Зарап Петросович, я сейчас лягу здесь на пол и не двинусь никуда, пока Вы не измените этого решения, в кое веки собрался вырваться посмотреть на внешний мир, а Вы меня не пускаете!»

Видно, у меня был угрожающий вид, не знаю, что, но З. П. махнул рукой и изрек: «Ладно, езжай!»

От сердца отлегло. На следующий день мы вылетели в Ташкент и дальше в Ворошиловград (Луганск).

Поездка действительно была интересной, приятной и познавательной, благодаря А. П. Щепеткову, сумевшему на основе своих знакомств и родственных связей четко организовать средства передвижения, условия быта и прочего. Играли роль и высокая должность Щепеткова и уже известность НГМК как важного, крупного и перспективного хозяйства. В Ворошиловграде мы осмотрели один из находящихся в проходке ствол большого диаметра, побывали в управлении комбината «Ворошиловуголь», в котором трудился не то родственник, не то однокашник А. Щепеткова. Был февраль, погода морозная и ветреная, по утру туманы, заснежило, слой снега небольшой, поземка. Погода нелетная. А нам срочно (время командировки ограничено) необходимо было в Донецк. Комбинат «Ворошиловуголь» нанял два такси, «Волги», и мы отправились по заснеженным дорогам в путь. Несколько небольших приключений, связанных со скольжениями и заносами автомобилей с трассы. Часов через 6–8 мы в Донецке, в гостинице тоже, кажется, «Донецк». Утром нас принял сам начальник треста «Донецкшахтопроходка» Герой Социалистического Труда Волобуев. Коренастый, похожий на борца, мышцы играют, круглолицый, чем-то похожий на нашего Н. Б. Карпова, горняк любезно, с чувством собственного достоинства рассказал о работах, проводимых трестом, успехах в скоростных проходках вертикальных стволов, столь необходимых в силу разработки все более глубоко залегающих углей, особенно самых

ценных, антрацитов. На стендах и графиках продемонстрировал схемы проходки, виды оборудования, организацию работ и т. д. С ним были согласованы места, дни и время посещения нами участков работ, чтобы в натуре посмотреть и «пощупать» всё то, о чем было рассказано. Мы побывали на проходке ствола шахты «Пролетарская-глубокая», который по проекту намечался глубиной 1200 м, а в момент нашего посещения забой был где-то на глубине 800–850 м. Картина грандиозная, конечно. Специальный проходческий комплекс, двухбадьевой подъем с емкостью бадей по 3 м³, трехэтажный проходческий полук, буровое оборудование с дистанционным управлением и т. д. и т. п. – не буду загружать повествование техническими терминами. В забое стоял невероятный шум, туман от выходящего из оборудования сжатого воздуха, струи воды сверху и на почве, разговаривать невозможно, участники объяснялись только жестами, значение которых известно только им. Ад крошечный, но... впечатляет! На следующий день мы посетили один из сооружаемых глубоких стволов, где шел монтаж подъемной машины и постоянного копра, где до этого закончили монтаж постоянных расстрелов и проводников. Побеседовали с начальником участка, бригадиром. Выяснилось, что внутреннее оборудование ствола велось бригадой скоростным методом и полностью завершилось за 4 месяца, но между завершением навески проводников и началом сооружения постоянного копра, и монтажом постоянного подъема более 7 месяцев здесь ничего не делалось. Оказалось, что все виды работ по строительству шахтного ствола, одной из важнейшей части строительства «угольной шахты», как производственной единицы, производились специализированными бригадами, и все они вели свои работы скоростными методами, ставили рекорды. Но из-за недостатка числа специализированных бригад, неувязок материально-технического обеспечения, других непредвиденных обстоятельств между окончанием одного вида работ и началом очередного проходили месяцы простоев стройки, «ничегонеделание»! В результате «крейсерская» скорость проходки и сооружения готового вертикального ствола равна 12 погонных метров в месяц!? Результат плачевный, фактически не уменьшивший сроков строительства шахт в Донбассе против имевших место до скоростных методов. Таким образом, весь «бум» вокруг скоростных методов, родивший многих «Героев...», при прочей неорганизованности и бесхозяйственности, не дал каких-либо ощутимых результатов для угольной промышленности Донбасса в тот период. В Учкудуке мы проходили стволы (конечно других параметров) рудников первой

очереди обычным методом, сооружая постоянную крепь и расстрелы, и при преодолении участков водоносных горизонтов в слабейших породах, достигли «крейсерскую» скорость сооружения готового ствола точно такую же – 12 погонных метров в месяц.

Из Донецка перелетели в Днепропетровск, где нас встретил представитель ЦНИИЛА РТ из Желтых Вод и доставил на место назначение. Начальник ЦНИИЛА оказался близким товарищем А. П. Щепеткова, принял нас очень доброжелательно, организовал нам осмотр всех достижений, имевшихся в его лаборатории в области средств автоматизации комплексов обмена вагонеток рудников и других процессов подземных горных работ, обеспечил вечернюю развлекательную программу и выделил нашей группе микроавтобус «РАФ» для поездки по намеченным в дальнейшем объектам. Отсюда мы отправились в «Никополь-Марганец», где очень внимательно осмотрели, «пощупали» близкие нам по горнотехническим условиям процессы проходки горно-подготовительных выработок, виды и поведение их креплений, механизацию работ и т. п. Побывали на двух рудниках, вернее, «рудничках», потому что эти рудники по добыче руд марганца были очень малой производительности. Достаточно сказать, что и в руд дворах на горизонтах, и на верхней приемной площадке стволов вся «механизация» обмена вагонеток емкостью 1 м³ выполнялась двумя женщинами (на каждом горизонте) с достаточно развитыми формами, которые мускульной силой разворачивали каждую вагонетку на металлических плитах, которыми покрывались площадки у ствола, и направляли их в нужный круговой опрокид над соответствующим бункером, а опорожненную – к стволу и в клеть. Опыт работ на этих рудничках нам очень понравился и пригодился.

Побывали в «Часовом-Яре», но роторный экскаватор ЭРГ-400/1000 оказался на ремонте, и в работе КГТО посмотреть не удалось.

Проезжая по Днепропетровской области, мы увидели какой-то карьер, на котором работал роторный экскаватор, а обнаженные уступы состояли из розово-красных пород, очень красиво смотрящиеся в солнечный день. Решили спуститься в карьер посмотреть марку экскаватора, характер работ и понять назначение карьера, о котором ничего не знали. Осуществили задуманное, подъехали – экскаватор Чешского производства, кажется К-600, – но не успели что-то спросить у машиниста, как примчался легковой автомобиль, и быстро вышедшие из него два гражданина атлетического сложения приказали нам предъявить документы и объяснить, каким об-

разом мы здесь оказались. Документы мы предъявили, но нам предложили следовать за ними, и привезли нас в карьероуправление. Здесь представитель куда-то долго звонил, выяснял значение наших почтовых ящиков, указанных в наших документах и наконец получив разъяснения, вернул их и сказал, что мы свободны. Оказалось, что карьер разрабатывал какое-то стратегическое сырье, рудник тоже относился к почтовым ящикам, но не нашего, а другого ведомства. Расстались друзьями! Побывали мы и на одном из карьеров, разрабатывающих уголь (Западный Донбасс), где работал большой комплекс «Роторно-отвального моста», вывезенного в порядке репараций из Германии сразу после окончания Отечественной войны. Комплекс произвел большое впечатление.

Вернулись в Желтые Воды, распрощались и нас отвезли в Днепропетровск, откуда вылетели в Москву. Но не все. Б. Зиздо и Н. Кучерский попросили разрешения побывать по паре дней у родных, проживающих поблизости, и отправились к ним, каждый к своим.

В Москве, кстати, я впервые и единожды за всю жизнь посмотрел «живой» хоккейный матч на Центральном стадионе. Играли самые знаменитые в то время советские хоккейные команды.

Вернулись в Навои, доложили о поездке руководству, прилетели в Учкудук и приступили после «отдыха» к исполнению обязанностей. Естественно, провели совещание с ИТР горных работ с докладом о результатах поездки, полезных моментах необходимых к внедрению в наших условиях.

Приведенные выше примеры не дают полной характеристики такого сложного характера и человека, каким был З. П. Зарапетян. Но с ним не расстаемся еще, впереди будет достаточно обстоятельств и картинок, дополняющих и раскрывающих и характер, и отношение его ко мне и моего к нему.

ГЛАВА 9

Немного воспоминаний

Пребывание в Донецке вызвало у меня целый букет воспоминаний, сравнений и других эмоций, ведь в этом городе прошли многие годы отрочества, юности, видал я его полуразрушенным в 1946 году во время первой производственной практики и вот теперь в 1964 году. Сделаю некоторые хронологические отступления и обращусь к воспоминаниям.

В довоенном 1940 году ул. Артема (первая линия) города Сталино, на которой я жил, тянулась от ворот металлургического завода им. Сталина несколько километров до студенческого городка. По ней проходила троллейбусная трасса, и всю ее можно было проехать за 20–30 минут. Я проходил этот маршрут не однажды пешком. Застройка радовала многими красивыми зданиями советского периода – кинотеатр «Комсомолец» (недалеко от нашего дома), Дворец Пионеров, школа № 1, гостиница

«Донецк», Донецкий индустриальный институт, Дом Советов, несколько 3–4-этажных жилых домов, Театр оперы и балета и, наконец, Студенческий городок из многоэтажных типовых зданий-общежитий. За ним километров 7–8 – пустыри, несколько шахтерских поселков, и так до железнодорожного вокзала. По этому маршруту, начинавшемуся с 7-й линии (параллельной ул. Артема) ходил трамвай. Трамвайные маршруты по поперечной улице (названия не помню) соединяли центр города с поселками завода им. 15-летия ВЛКСМ, Смолянкой, Рутченковкой, расположенными довольно далеко, от 5 до 10 км. Вдоль тротуаров были высажены деревья, на небольших площадях перед современными зданиями гостиницы, Дома Советов, Оперного театра цветники. Поддерживалась чистота.

Бомбежки города, начавшиеся уже в июле–августе 1941 года, оккупация немецкими фашистами, нанесли колоссальный урон городу, и это я увидал в 1946 году, хотя кое-что уже было восстановлено со дня освобождения города. Кинотеатр «Комсомолец» еще не функционировал, шли ремонтные работы, но многие капитальные здания сохранились. Полностью были разрушены все здания ж.д. вокзала, действовали деревянно-картонные временки, в которых было несколько касс по реализации ж.д. билетов и приема багажа. Толпы пассажиров, жаждущие уехать, располагались прямо на площади на земле. Как проходила моя первая производственная практика на шахте в тресте «Снежнянтрацит» описал в первой книге, напомним лишь, что вся наша группа, работая на рабочих местах, очень прилично заработала, мы возмужали и подкрепились физически, получая по 1,2 кг хлеба в день и соответственно другие продовольственные товары по шахтерским нормам. В конце августа получили расчет на шахте и отправились на пригородном поезде в г. Сталино. Напомню, что при выезде на практику в Донбасс еще действовала система пропусков для проезда по железным дорогам и авиалиниям, а в июле 1946 года Правительством СССР эта система была отменена. Народ хлынул на поезда, «россияне» двинулись в путь по многочисленным причинам – возвращение на освобожденные территории, воссоединение с родственниками, устройство на работу, поиск лучшей доли и т. п. Очередь в кассы для приобретения билетов, а нам необходимо было ехать на Москву, по записям составляла не менее 800 человек, а реализовывалось в наше направление в сутки не более 40–50 билетов. Нас было семеро, в том числе одна девушка. Устроились, как и все, на площади, подстелив какие-то картонки и одежду. Вечером и ночью было уже достаточно прохладно. Да, очень важная деталь – на ж.д. было правило, что по 10 билетов на каждый поездной маршрут реализовывались участникам ВОВ по спецталонам к орденским книжкам и студентам. Но и студентов впереди нашей очереди было много, мы где-то в 4–5-м десятке. Расчет шел на поездные маршруты, формируемые от города Сталино. Но была еще пара проходящих маршрутов, на которые реализовывались билеты при наличии свободных мест. Мы устроили у кассы толкучку, стремясь силой нашей численности попасть к окошку при продаже билетов на проходящий поезд, и нам удалось на третий день пребывания в Сталино, приобрести 3 билета. К этому времени заболел наш товарищ по фамилии Люгай (кореец), очевидно простыл, температурил. Проходящий поезд стоял на станции 30 минут, из которых уже прошло не менее половины. Необходимо быстро решить, кто из нас едет и

разделить деньги и рейсовые хлебные и продуктовые карточки, которые находились у самого выдержанного из нас Леонида Цоя. Так как я был старшим в группе (назначен деканом факультета при отъезде на практику), то принял решение: отъезжают – больной Люгай, девушка Рогожина, а с ними крепкий Федя Абрамов. Все побежали к составу, на ходу поделили совместное имущество. Кое как «запихнули» в вагон (общий) отъезжающих, Л. Цой вручил Ф. Абрамову деньги и еще что-то и поезд тронулся. Возвратились на площадь, начали решать о дальнейших действиях и обнаружили, что большая часть денежных средств оказалась у Ф. Абрамова, а большинство хлебных и продуктовых карточек у Л. Цоя. Делать нечего, устроились на ночлег. Рано утром отправился в город, где попытался найти одного хорошего знакомого с довоенных лет моей мамы, бывшего директора треста хлебопекарной промышленности города Сталино Ривлина Льва Владимировича. На трамвае приехал в центр. Здесь в здании Дома Советов узнал, где находится трест и отправился по адресу на 7-ю линию. Небольшой одноэтажный дом с запечатанным крыльцом, вход в здание через двор, во входном коридоре на стенде висело много объявлений, приказов по тресту и увидел, что приказы подписаны именно Ривлиным. Зашел в приемную, секретарь задал мне вопрос:

– Вам кого? По какому вопросу? Вас вызывали?

Объяснил:

– Я по личному вопросу!

– Сейчас нет приема по личным вопросам!

– Прошу доложить Льву Владимировичу, что просится на прием Белинский, сын Доры Иосифовны.

Несколько удивленные глаза секретарши, но она поднялась и вошла в кабинет. Через минуту вышла и пригласила меня войти. Сидящий за столом в полувоенном костюме с орденскими колодками с седеющей шевелюрой черных густых волос, несколько полноватый мужчина долго рассматривал меня и потом произнес: «Леня! Это ты? Где Вы, как мама? Никогда бы тебя не узнал! Садись, рассказывай!» Довольно сокращенно рассказал Льву Владимировичу все перипетии эвакуации из города (он уже был мобилизован в Армию), дальнейшей жизни нашей с мамой, ее работе, моей учебы, и как я оказался здесь, возвращаясь с производственной практики. Изложил и просьбу помочь выбраться нам, четверым из города для возвращения в Ташкент. После нескольких вопросов Л. В. поднял телефонную трубку и сделал несколько звонков. Прервал один из разговоров и спросил меня:

– А самолетом полетите?

– Конечно да!

Он закончил телефонный разговор и мне объяснил:

– Через несколько часов отправляется самолет спецрейсом в г. Куйбышев. Вы можете улететь на нем, а там уже ближе и легче добраться до Ташкента. Полетите?

Я, не очень раздумывая, бодро согласился. Л. В. написал две записки.

– Вот эту дашь в аэропорту (такому-то), а эту – в магазине, который находится здесь недалеко, через два двора и получишь кое-какие продукты. Бери мою машину и поезжай, водитель отвезет по адресам.

Все было как в сказке! Мне вручили несколько пакетов с хлебами, бубликами, печеньем, карамелью. Подвезли к вокзалу, где уже заждались оставшиеся товарищи и которые несказанно обрадовались, узнав о немедленном отъезде и испробовав вкусные угощения. Водитель отвез нас в аэропорт. Нашли нужного сотрудника, который послал нас в кассу, и здесь нам оформили билеты, за которые пришлось заплатить более 2000 рублей. Это была еле набравшаяся у нас в наличии сумма. Вернее, у нас осталось на четверых лишь 20 рублей. Оказалось, что летим мы не самолетом «Аэрофлота», а на двухмоторном самолете типа «Дуглас», цвета хаки, оборудованном внутри боковыми металлическими скамьями, где в хвостовой части был уложен и закреплен груз (добротные деревянные ящики). Кроме нас никого в салоне не было. Экипаж в кабине пилотов. Поднялись в воздух и через час начали замерзать от холода – отопления не было. Одеты мы были по-летнему, теплой одежды нет и в наших вещах, не брали с собой. Надели на себя все что можно из чемоданов. Ходили по салону, пространство позволяло. Наконец прилетели в Куйбышев. Аэропорт в 20 км от города. Автобуса нет. Вышли на шоссе и «проголосовали», подобрал нас грузовичок в кузов. Въехали в город, остановились и водитель потребовал:

– По червонцу, ребята!

Вынул последние 20 рублей и отдал:

– Больше нет ни копейки! Мы студенты, и так получилось, что денег нет.

Водитель выругался и дал газ.

Зашли в ближайший продуктовый магазин, отоварили часть купонов карточек и получили три буханки хлеба, крупу и консервы. Отправились на городской рынок. Двое остались на входе в рынок, я с Иваном Задорожным вошли на рынок и узнали цены продаж

подобных товаров. Иван принес буханки хлеба, крупу и консервы. Начал продажу. Товар шел быстро, отдал несколько дешевле рыночной цены. Продовольственные товары на рынке реализовывались по ценам в сто раз большей, чем в магазине по продовольственным карточкам. Но нужно питаться и самим. Купили по пол-литровой банке кислого молока (ряженки), цены довольно доступные, и с оставшейся буханкой хлеба прямо на тротуаре устроили трапезу. Добрались до центрального вокзала. Перед вокзалом большая площадь, центр которой занимал садик, огороженный невысокой чугунной изгородью. Вдоль всех тротуаров у изгороди сидели, лежали, кушали, спали потенциальные пассажиры. Внутри вокзала в большом зале битком народа, у касс – очередь в несколько рядов, стоял неимоверный гомон, в середине зала скамьи были заполнены сидящими и лежащими. Кассы работали по направлениям поездов. У наших касс (на Среднюю Азию) узнали, что на Ташкент поезд, формируемый в Куйбышев, ушел несколько часов ранее, очередной рейс – послезавтра. Регистрируемся у активистов в студенческой очереди – 214–217-е. Это на 10 продаваемых на каждый рейс билетов для студентов. Перспектива удручающая. На ночлег попытались устроиться в скверике, но не тут-то было! Оказалось, что на изгороди висели плакаты, запрещающие ночлег в сквере, «старожилы» говорили, что милиция арестовывала нарушителей. Попытались пробиться в очередях при реализации билетов на проходящие поезда – «Москва–Ташкент», «Москва–Андижан» и др. Создали в очереди поближе к кассе неразбериху, спровоцировали скандал, дополнительный шум, вмешалась милиция. Число реализуемых билетов на проходящие поезда очень мало, шансов никаких.

Предложил товарищам отправиться в гостиницу, вдруг удастся устроиться. Возразил только Леонид Цой, считая, что нас и близко не пустят в гостиницу. Зашли в холл, разместились на стоящих креслах. Взял документы и пошел к администратору. Попросил дать нам, студентам, возвращающимся из производственной практики, 4 места. Недолгое раздумье и неожиданное предложение оплатить проживание за двое суток. Разместили нас в пятиместном номере, где уже жил молодой старший лейтенант, демобилизованный из армии и оформляющий документы в штабе военного округа. Оказалось, что он пока без средств и фактически голоден. Устроили «царский» ужин, выставив на стол наши запасы хлеба, консервов. Офицер был очень благодарен нам и обещал завтра, после получения им положенных средств, повести нас на набережную Волги, где можно интересно провести время и вкусно пообедать. Утром

отправились опять в магазины и на рынок. Отоварили оставшуюся часть карточек, продали уже по реальным рыночным ценам наши товары, но увлеклись процессом так, что почти ничего не оставили себе. Возвратились в гостиницу. Наш сосед, офицер был разочарован – его документы еще не были готовы, он без средств. Успокоили его и отправились на набережную. Очень красивые виды, много аттракционов, торговых ларьков, забегаловок для питания, пиво и всё такое. Погуляли, вкусно пообедали с пивом. Настроение хорошее. В гостинице даже попели песни, офицер имел приятный голос. Рано утром, выписавшись из гостиницы, пошли на вокзал, должны были реализовывать билеты на наш поезд «Куйбышев – Ташкент». В очереди, все жаждущие получить билет были расставлены по классификации – по орденским книжкам, студенты, общая очередь. Студентов не так много, но мы никак не попадали в первую десятку. Решили при открытии кассы устроить давку, прорываться в первые ряды. Наш план частично удался, я и крепыш Иван Задорожный с шумом и нахальством врезался в очередь у кассы, началась почти драка, крики, зов милиции! Гомон такой, что быстро появились два милиционера, один из которых довольно крупный, рыжеволосый лет пятидесяти с большими кулачищами и волосатыми пальцами. Он схватил меня за воротник куртки и вырвал из толпы. Я сопротивлялся, пытался вырваться и матерился. Второй милиционер схватился с Иваном Задорожным, но не очень-то мог справиться с ним. Пока шла эта заваруха, Леонид Цой прорвался к кассе. Я был доставлен в комнату дежурного линейного отделения милиции и через некоторое время сюда привели и Ивана. Дежурный, допрашивая меня, никак не мог понять моей фамилии – Бешер-Белинский – для него это было слишком сложно и не понятно. Предъявить документа не могу, все у Л. Цоя. Рассказал, что мы студенты, возвращаемся домой, денег нет и т. п. У приведенного Ивана разорвана рубашка, он тоже подтвердил наше положение. Возвратился в дежурку «рыжий» милиционер и сказал, что меня надо оформить как злостного хулигана, грозил посадить в «кутузку». Дело осложнилось. Но вот, в дежурную комнату вбежал Л. Цой и предъявил наши документы и билеты на поезд. Через час-полтора должна быть объявлена посадка в поезд. Был долгий и унижительный разговор с дежурным офицером. Он, наконец, отпустил нас. На перроне уже стоял состав и пассажиры с котомками и чемоданами, расталкивая впереди стоящих, штурмом пытались проникнуть на ступеньки вагонов и в заветную дверь, чтобы занять местечко. Проводники справиться с толпой были не в состоянии и стояли поодаль от вагона, только

качая головами. Нам удалось захватить четыре третьих полки (не пассажирские, а предназначенные для багажа), мы разлеглись на них, постепенно приходя в себя.

Поезд тронулся в путь. Номерной индекс поезда 501. Некоторые из читателей может быть и знают, но большинство, наверняка, нет, и я сообщу им, что в то послевоенное время (да и в мирное) на железных дорогах Страны были приняты коды пассажирских поездов под номерами, имеющими важное значение. Поезда с номерами из одного числа (1–9) – это экспрессы, скорые дальнего следования; из двух цифр (11–99) – пассажирские дальнего следования с ограниченным числом остановок; трехцифровые – пассажирские местного и дальнего следования и в зависимости от первой цифры (сотни, двухсот и т. д.) скорость их уменьшалась и число остановок по маршруту увеличивалось. Самыми медленно едущими и останавливающимися на каждой станции и полустанке были пятисотые, их окрестили «пятьсот веселыми»! Наш «пятьсот веселый» пыхтел от Куйбышева до Ташкента 5 суток. Все было бы ничего, но нам было очень некомфортно, у нас не было практически денег, всего одна круглая буханка хлеба и пол-литровая стеклянная банка сливочного масла, все что осталось от наших продовольственных карточек и чрезмерного увлечения продажей, полученного по ним продовольствия. С этим запасом провианта мы и доехали до места. В первый же день пути мы съели наш «запас». Утром следующего дня все пассажиры первых и вторых полок развернули свои «тормозки» и приступили к завтраку. Мы продолжали лежать и смотреть в окна на проходящие пейзажи. Иногда принимались попевать веселые песенки. Для соседей не прошло незамеченным наше пренебрежение к еде. В обеденное время нас уже стали приглашать к трапезе – русская жалостливость к голодному даже в трудные времена в простом народе известна – но мы благодарили и упорно отказывались, объясняя, что еще не проголодались. «Но голод не тетка» говорят на Руси, и мы выходили на стоянках на станции и проходя по рядам торгующих местных жителей вареным картофелем, огурцами, помидорами, вяленой рыбкой, ломтями мамалыги, кислым молоком и прочим в зависимости от проезжаемой местности, умудрялись кое-что стащить, пока другой торговался в цене. Апогеем таких экспедиций было целое ведерко катыка (кислое молоко) на одной из станции в Казахстане, схваченное в момент начала движения поезда, и никакие причитания пострадавшей женщины не могли ей помочь. В конце концов соседи по «купе», вернее отсеку, стали уже друзьями, делились с нами снедью, весело обсуждали всякие байки,

съедали и наш вклад несправедливо уведенных продуктов под веселые прибаутки. По прибытию в Ташкент мы расстались, каждый уехал на своем трамвайном маршруте, у каждого было в записке мелочь на приобретение трамвайного билета.

Эти воспоминания были навеяны мне тем, что я увидал, гуляя по городу Донецку (бывшему Сталино) в 1964 году, когда он (город) за этот период неузнаваемо преобразился, стал очередным городом «миллионником» с красивейшими новыми зданиями нестандартной архитектуры и многими стандартными домами-«хрущевками», выстроенными на бывших пустырях и соединившие центр с отстроенным вокзалом, поселками Смолянки, Рутченковки и другими, превратив город в единый ансамбль. За эти восемнадцать лет изменилась страна, совсем другим стал мой статус, резко изменились условия поездки по Донбассу, всё это проплыло в моей памяти.

ГЛАВА 10

Интересные и знаменитые люди.

Министр Е. П. Славский и Ш. Р. Рашидов.

Меня переводят на работу в Управление Комбината

В период моей работы непосредственно в Учкудуке, мне повезло познакомиться с целым рядом интересных и известных, во всяком случае в среде Минсредмаша, и не только людей, о которых хочется рассказать.

Уже в первые месяцы работы я по какому-то поводу был в командировке в Навои. В это время из Москвы прибыли начальник Первого главного управления Н. Б. Карпов, директор ГСПИ-14 Б. И. Нифонтов, с ними группа сотрудников, да, вспомнил, в порядке подготовки к прилету Министра Е. П. Славского. В кабинете Зарапетяна собрались высокие гости, А. П. Щепетков, несколько начальников ведущих отделов управления комбината, был приглашен и я. На стенах были развешаны проектные чертежи и карты по месторождению Учкудук, таблицы и прочее. И вот, еще до начала официального совещания среди сложившейся тишины раздался голос Б. И. Нифонтова, несколько фамильярно обращающегося к Н. Б. Карпову и показывающего на примитивную схему вскрытия рудника № 2 висющую на стене, со словами:

– Смотри, Николай, вот руда, а вот стволы шахты. Подходи и бери руду!

Многие переглянулись между собой, я ожидал, что кто-то выскажет хоть малый протест по поводу весьма неквалифицированного и действительно примитивного рассуждения известного всем нам крупного руководителя и ученого, но все промолчали. Я, еще «молодой» член коллектива, не решился возмутиться, хотя внутренне порывался. С тех пор я был разочарован в этом корифее.

Я Б. И. Нифонтова после этого приезда больше никогда не видал, но всегда удивлялся тому, что он через пару лет был переведен в Карело-Финскую Академию Наук (была такая республика) и стал чуть ли не ее президентом. Может быть у меня сложилось неправильное представление о Нифонтове, но я не мог простить неимовернейшей глупости, вышедшей из его уст.

Однажды, в начале 1963 года, опять же в отсутствии А. А. Петрова, в Учкудук прилетел генерал-майор А. Н. Комаровский, заместитель министра по капитальному строительству. Его сопровождал Павлычев Константин Павлович, зам. директора комбината по КС. Я с руководителями нашего управления строительства встретил их у трапа самолета. А. Н. Комаровский был одет в полную генеральскую форму. Стройный, слегка полнеющий, с очень строгим выражением лица, он довольно сухо прослушал сообщение К. Павлычева, представлявшего нас. С «аэропорта» мы отправились прямо в расположение военного городка, место дислокации полка военных строителей, где неделю тому назад случился пожар, в результате которого сгорела столовая полка. Там полным ходом шли восстановительные работы. Пока солдат кормили частично с полевой кухни, частично с подвоза из столовых ОРСа. Пожар возник в дневное время, пожарные прибыли быстро, но деревянные конструкции полыхали (я тоже сразу же приехал к месту, получив сообщение о случившемся) так, что огонь мог распространиться на другие казармы. Зная повадки пожарных, всегда стремящихся максимально разрушить и растащить горящие конструкции так, что если все и не сгорит, то все равно сооружение подлежит строительству заново, я запретил разрушать кухонную часть столовой, выполненную капитально из кирпичных конструкций, и ее удалось сохранить, сократив объем восстановительных работ. Удалось сбить огонь и не дать ему распространиться на другие сооружения. Тем не менее картина была удручающей, и стала поводом недовольства «большого» начальства. Вся дальнейшая поездка по объектам строительства и обсуждение результатов в кабинете начальника управления строительства Ф. Рубилова проходили как-то «сухо», как бы под гнетом первого, «пожарного» впечатления. Получив много ЦУ от высокого гостя и пожелания успехов в дальнейшей работе, проводили А. Н. Комаровского в тот же день. Все равно у меня осталось хорошее впечатление о Комаровском, чувствовалась в нем большая эрудиция, громадный опыт и инженера, и организатора. Через относительно небольшое время стало известно, что А. Н. Комаровский стал заместителем министра обороны СССР, ему присвоено звание генерал-полковника.

Заместителем министра среднего машиностроения по КС стал генерал Петр Константинович Георгиевский.

В Учкудукский же период я познакомился и неоднократно встречался с министром среднего машиностроения, легендарным человеком Ефим Павловичем Славским. Раньше я его видал однажды, кажется в 1957 году, сидящим в президиуме, при его первой поездке в ранге министра в ЛГХК, о чем писал в первой книге. Здесь же все проходило по-другому, да и я уже был в другом ранге и порядочно повзрослел. Ефим Павлович приезжал в Комбинат № 2 (НГМК) ежегодно и как правило в октябре месяце. Эта традиция продолжалась до самого его ухода на пенсию, если не ошибаюсь, в 1987 году. Я не буду описывать каждую встречу, а несколько обобщу, в чем-то внесу и некоторые детали, уже присущие дальнейшим годам. Прилетал Ефим Павлович обязательно в сопровождении начальника Первого главного управления Н. Б. Карпова, зам. министра по КС, иногда еще некоторых начальников главных управлений министерства. В г. Навои они прилетали на самолете, закрепленном за министром, а в Учкудук – на арендованном ПО-2, сядившемся на примитивное «летное поле», а когда в Учкудуке был построен аэропорт с бетонной посадочной полосой, то на своем самолете, в последние годы АНТ-24 военного образца со специально оборудованным салоном. Как правило, встречать в аэропорт приезжал А. А. Петров, я и зам. по строительству. Заранее в Навои и соответственно в Учкудук прилетали представители, чаще первые руководители, заинтересованных организаций и Предприятий, Институты в т. ч. обязательно руководитель и главный инженер проектов от генерального проектировщика ГСПИ-14, областных партийных и советских организаций. Кроме легковых наших машин, подавался микроавтобус типа «РАФ», в котором любил ездить Ефим Павлович. С ним садились сопровождающие его лица, З. П. Зарапетян, А. А. Петров. Остальные на своих машинах в порядке ранга седока. Объезжали медленно городок. Да, забыл подчеркнуть, что впереди кавалькады обязательно ехал автомобиль с офицером милиции (ГАИ), а численность милиционеров в городке увеличивалась за счет командированных из г. Навои. На опасных перекрестках или поворотах дежурили милиционеры, останавливающие встречный транспорт и не дающие обгонять кавалькаду сзади движущимся автомашинам. Объезжали некоторые карьеры, где со смотровых площадок разворачивалась панорама работающих механизмов, состояние уступов, давались пояснения начальником подразделения или А. Петровым. После осмотра производственных объектов возвращались в городок.

В одном из четырехквартирных коттеджей, построенном напротив «малой» гостиницы (внутренними двориками) была переустроена внутренняя планировка, в одной половине которой предусмотрена просторная столовая с кухней, а в другой – две спальни. Обе половины по главному фасаду объединялись длинным по длине всего дома салоном шириной не более 3-х метров, выглядевшим кишкой, в котором размещались кресла, стулья, журнальные столики, цветы и который превращался в зал заседаний только при приезде Министра. Здесь развешивались все необходимые материалы (проектные и исполнительные чертежи, графики, таблицы), иллюстрирующие доклад о проделанном за год, поставленных задачах и мерах по их выполнению, который делал А. А. Петров. На вопросы, задаваемые Е. П. Славским, отвечал Петров или тот из присутствующих, в компетенции которого был этот вопрос. Всё было поставлено так, чтобы понял, сделал вывод именно Министр, все работают на него. В заключение Ефим Павлович делал анализ проделанного, отмечал промахи и достижения и, что всегда меня удивляло, особенно подчеркивал выполнили ли мы, Учкудукцы, взятые на себя обязательства и рубежи, звучавшие в докладе директора в прошлом году. Помнил все!!!

На совещание допускалось лишь ограниченное число участников, имеющих прямое отношение к обсуждаемому вопросу и по заранее составленному списку и имеющие соответствующую форму «допуска». За этим зорко следили начальник и сотрудники 1-го отдела. Никаких обсуждений, прений не было. По окончании совещания в коттедже оставались лишь самые высокие гости, З. П. Зарапетян (если был, то и Щепетков А. П.), первый секретарь обкома КП УзССР, директора генеральных проектного и технологического институтов, главный инженер проекта, а из хозяев-учкудукцев А. А. Петров и я. После небольшого перерыва и перекура усаживались за обеденный стол, подготовленный на заранее обговоренное число участников и шел непринужденный разговор, поглощались вкусно приготовленные угощения, запивались разнообразными спиртными напитками на любой вкус. Ефим Павлович любил пошутить, ему вторили его ближайшие помощники, редко подключались к шуткам более низкие чины.

На улице во дворе продолжали ожидать многие руководители подрядных и других организаций, которых могли позвать в любую минуту для решения каких-либо возникающих вопросов или которым по своей инициативе хотелось встретиться с министром для решения своих вопросов. Как правило, министр оставался на

ночевку в Учкудуке, размещался здесь же, в этом коттедже. Пища готовилась нашими лучшими поварами под руководством и наблюдением заместителя начальника (а потом начальника) УРСа Аркадия Арминаковича Халатова, который и умел лично прекрасно готовить пищу, особенно экзотические Азиатские и Кавказские блюда, умел подавать их и «себя», будучи симпатичным, круглолицым с приятной улыбкой, всегда очень чисто, аккуратно и модно одетым человеком явно армянского происхождения.

Не помню по какому случаю, но кажется в 1963 году в день прилета Министра мы встречали и очень высоких гостей – первого секретаря ЦК КП УзССР Шарафа Рашидовича Рашидова и председателя президиума Верховного Совета Узбекистана Насретдинову. К этому приезду в Учкудуке заранее сосредоточились значительные силы МВД и КГБ, чувствовалась большая напряженность в области создания безопасности. Я никак не мог понять, почему такой ажиотаж, кто и зачем угрожает этим высокопоставленным лицам. Думаю, что «напряженку» создавали сами спецслужбы, показывая свое особое рвение и миссию и выслуживаясь перед первыми лицами. Надо сказать, что Ш. Р. Рашидов всегда знал о министерских прилетах в наш регион, неоднократно встречался со Славским в этих краях, всегда был в курсе происходящих здесь событий, потому что здесь не только создавался НГМК Минсредмаша, но и этим министерством строились крупные промышленные комплексы (химкомбинат, электрохимзавод, цементный комбинат), возводились новые города, раскрывались недра ранее мертвого пустынного района, повышалась значимость Узбекистана в среде Союза. Но об этом еще расскажу, а сейчас о первом моем участии в такой высокой компании. Не было никаких митингов, собраний трудящихся. Самые высокие гости посмотрели растущий город, большую технику в действии на одном из карьеров, поучаствовали в совещании, ход которого был таким же, как я описал ранее. По окончании застолье в «Министерском домике», за столом человек 20, не более. Тосты, здравицы в честь того, или другого высокого гостя (министр за Рашидова, Рашидов за Славского, Славский за Насретдинову). Запомнился тост Е. П. Славского, поднявший бокал и изрекший:

– Предлагаю выпить за здоровье моего помощника и друга, главного моего горняка Николая Борисовича Карпова! Его талантом здесь разворачиваются увиденные нами дела!

Все дружно поддержали тост одобрительными возгласами.

Ш. Р. Рашидов вел себя очень просто, голос его при разговоре и произношении тоста был ровным, не громким, без пафоса. Мне

очень понравился его облик и стиль поведения. На что обратил внимание — это то, что ел он очень мало, а спиртное только пригублял, не выпивая. Узбекские высокие гости на ночевку не остались, улетели. Остальное было в обычном, традиционном порядке.

Очень много событий хороших и не очень, но запомнившихся и важных выпало на 1964 год. Во-первых, следует напомнить многим, или просветить не знавших, что в 63–64 гг. в стране стало плохо с зерновым обеспечением. Хрущевские (и его команды) сельскохозяйственные «успехи», наверное, и не только они, превратили страну, бывшую житницу, в импортера зерна. Государственные хлебопекарные учреждения стали выпускать хлеба с кукурузными и другими добавками, в торговле ко второй половине дня хлеба на полках уже не было, в учреждениях общественного питания хлеб стали подавать по порциям, ведь до этого хлеб здесь ставился на обеденные столы заранее и подавался в неограниченном количестве. Понятно, что были перебои и с другими мучными изделиями. Правительством были подняты цены на мясо и мясные изделия. В силу этих мер выросли цены и на другие продукты питания и в Госторговле, и на рынках. Официальные власти объясняли происходящее временными трудностями. Простой народ тихо роптал. Руководители производств среднего и старшего звена делали вид, что ничего не происходит, хотя и старались улучшать снабжение своих коллективов.

Летом 1964 года З. П. Зарапетян с большой группой сотрудников управления комбината были у нас в командировке, кажется подвели итоги полугодового периода. Дела у нас, в Учкудукском рудоуправлении шли достаточно хорошо, ввод объектов всех видов обеспечивался в намеченные сроки, добыча руды шла в нужных объемах и т. д. и т. п. Вечерком большой компанией собрались в гостиничке за чашкой чая и рюмкой (по желанию) и Зарап Петросович сообщил, что на днях они выезжают на новое урановое месторождение в Самаркандской области, передаваемое министерством геологии для строительства и эксплуатации. Будут они выбирать площадку под строительство городка для трудящихся будущего предприятия и что директором этой новостройки намечается назначить присутствующего здесь Павла Васильевича Смирнова, моего однокашника и друга. Мы его тут же и заранее поздравили. Я в порядке шутки имел неосторожность произнести:

— Паша, возьми меня главным инженером!

Зарапетян очень косо взглянул на меня. Но всё закончилось как всегда. Команда вся на завтра улетела восвояси. Жизнь потекла в

обычном нашем напряженном ритме. Через какое-то время узнаю, что действительно состоялась работа официальной комиссии по выбору площадки строительства городка для Предприятия на базе месторождения «Сабырсай». Комиссия была назначена министерством, и в нее входили представители всех заинтересованных организаций, обычно включаемых в таких случаях. Когда прошла официальная часть работы комиссии и участники на природе у костров и мангалов отмечали успешное ее завершение, назначенный директором Предприятия П. В. Смирнов высказал какую-то мысль, показавшуюся З. П. Зарапетяну «крамольной», и тут же был «освобожден от занимаемой должности». На его место начальником предприятия был назначен А. П. Касатиков, главный инженер управления строительства нашего Рудоуправления. Из Учкудука Зарапетян забрал В. М. Равжаева, начальника карьера № 1 и назначил его главным инженером предприятия п/я 12, несмотря на то, что последний имел лишь среднетехническое образование. С этого началось строительство подъездной автомобильной дороги и в дальнейшем промышленных объектов по созданию второго уранодобывающего предприятия в сфере НГМК, с которым судьба связала и меня и мою семью в недалеком будущем, о чем и будет рассказ во второй части этой книги.

В октябре 1964 года состоялось очередное посещение министром Е. П. Славским комбината и Учкудука. Съехались как обычно все и сопровождающие министра из Москвы и прибывающие до этого по указанию министра и его штаба. Все происходило по заведенному сценарию. Но на следующий день состоялся перелет министра и большой группы его сопровождающих на площадку вновь закладываемого города, связанного со строительством будущего крупного промышленного комплекса по добыче и извлечению золота на уникальном месторождении «Мурунтау», открытого и разведанного подразделениями Главного управления геологии и охраны недр Узбекистана. Вкратце может быть мне удастся описать историю этого открытия, но сейчас я о другом. Освоение этого, еще раз скажу, наиуникальнейшего месторождения золота, проектирование, строительство и эксплуатацию которого правительством СССР после значительных дебатов, было поручено министерству среднего машиностроения, точнее Навоийскому горно-металлургическому комбинату, хотя упорно претендовало и министерство цветной металлургии. Документ об этом был выпущен в июне 1964-го года, а в августе уже поработала комиссия по выбору площадок для строительства промышленных объектов, города, главных инженерных

коммуникаций, которую возглавлял лично З. П. Зарапетян. Чтобы обеспечить высокие темпы строительства З. П. Зарапетян доказал необходимость вести строительство этого крупного комплекса хозяйственным способом и с разрешения Правительства вести стройку первой очереди по локальным проектам и сметам. Для этого приказом по Комбинату было организовано Центральное рудоуправление, а директором его назначен Виталий Николаевич Сигедин, наш начальник рудника №7.

На месте строительства поселка, который в недалеком будущем получил статус города Зарафшан, должны были состояться официальная церемония закладки первого камня и митинг по этому поводу. А. А. Петров улетел в составе группы, а я остался «на хозяйстве». Из рассказов очевидцев опишу коротко дальнейшие события. У западной границы будущего города были заранее установлены две большие палатки – одна для совещаний, другая для торжественного обеда. После совещания состоялся митинг, во время которого была открыта стела и на ней надпись: «Здесь волей Партии и руками Народа будет город сооружен!» После официальных церемоний определенный круг приглашенных участников устроились за столами, где первый тост, произнес Министр Е. П. Славский:

– За верного Ленинца – Никиту Сергеевича Хрущева!

Все дружно выпили. А было это в тот же день и уже часа через два–три после прошедшего в Москве Пленума ЦК КПСС, на котором Хрущев был снят с должностей и отправлен на «пенсию». Министр и его свита узнали о случившемся лишь по прилету в Навои. Ефим Павлович очень огорчился и даже растерялся, он ведь был Членом ЦК КПСС, а его не известили о намечавшемся заседании ЦК. Он немедленно вылетел в Москву. А жизнь – работа, семья, заботы – текла по заведенному темпу и ритму, которые не уменьшались. Наоборот надо было обеспечивать бесперебойную и равномерную поставку руды на действующий ураноперерабатывающий завод в Навои, заниматься вопросами приспособления угольной техники к реальным Учкудукским условиям на подземных работах и ее внедрение и т. п.

В июле 1965 года произошел на карьере № 1 несчастный случай со смертельным исходом, гибелью молодой рабочей-коллектора геологической службы, которую завалило обрушившейся породой в забое одного из экскаваторов. Естественно, моей прямой, да и косвенной вины, в случившемся не было. Но видно сработала давно задуманная А. П. Щепетковым мысль, и приказом по комбинату меня отстранили от занимаемой должности, как не обеспечившего

выполнения требований безопасности работ. На предприятие приехал А. П. Щепетков с большой группой сотрудников управления комбината с целью проведения актива по вопросам состояния ТБ и ОТ, где и должен был быть оглашен приказ. Я на этот актив просто не пошел. Через несколько дней А. А. Петров ознакомил меня с другим приказом из комбината, согласно которому меня переводом с выплатой компенсации на переезд назначают заместителем начальника горного отдела комбината по КС. Анатолий Анатольевич Петров, как мне показалось, не был доволен всей возней вокруг меня и предложил мне остаться в Учкудуке. На мой вопрос: «А в качестве кого?» – он ответил: «Выберем тебя секретарем партийного комитета, а потом видно будет, разберемся!»

Я от этой должности отказался, объяснив Анатолию Анатолиевичу, что это не по мне, стараясь не обидеть Петрова. На этом моя непосредственная работа в Учкудуке закончилась, о чем я сожалел, но с удовольствием при каждой возможности приезжал сюда в командировки по роду своей дальнейшей деятельности. Главным инженером Учкудука был назначен Петр Григорьевич Меньшиков, работавший в горном отделе комбината с 1964 года, а ранее с 1951 года в Майли-Су.

В Учкудуке же продолжался напряженный ритм работ по внедрению новой техники, завершению освоения I очереди предприятия, совершенствованию экономических показателей работ, проектированию и осуществлению строительства второй еще более сложной очереди, которые также успешно осуществились на основе приобретенного коллективом специалистов ИТР и рабочих опыта, кадры росли и стали резервом для выдвижения на руководящие должности, создания костяка для освоения очередных месторождений урана, золота и других ценных ископаемых открываемых геологами.

Заканчивая эту главу скажу, что за более чем трехлетний период работы непосредственно в Учкудуке, периода настоящего разворота горных и строительных работ здесь, периода завершения строительства первой очереди предприятия и выхода его на проектную мощность по добыче урана, мне посчастливилось познакомиться с большим числом людей уже знаменитых, или ставшими таковыми впоследствии, учеными, конструкторами, инженерами и обычными, рядовыми тружениками, подавляющее большинство которых с энтузиазмом выполняли свои задачи, и всегда был рад встречам с ними в будущем, при которых с теплотой вспоминались дела и события этих дней.

09.10.04. Нетания

*...и обратился я и видел под солнцем, что
не проворным достается успешный бег,
не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не разумным – богатство,
...но время и случай для всех их!*
Экклезиаст

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Начал в Навои – оказался в Сабырсае

И так, август 1965 года, я в г. Навои. Получаю одноместный номер в гостинице «Навои», уже функционировавшей здесь. Это девятиэтажное здание в центре нового города, пока окруженное ограждениями строящихся вокруг Дома Советских организаций, торгового центра и др. Управление комбината по-прежнему в здании барачного типа, в городке строителей. Я заместитель начальника горного отдела П. В. Смирнова, моего однокашника. В городе уже работает первый кинотеатр «Узбекистан», идет стройка многих объектов жилья и соцкультбыта в многоэтажном исполнении, начато строительство Дворца культуры. На окраине уже высится заканчиваемое строительством четырехэтажное здание для управления комбината. В горном отделе 6–7 сотрудников, инженеров, старших инженеров, главный маркшейдер. П. В. Смирнов и я в одном кабинете, все остальные размещаются по несколько сотрудников в других помещениях. В мои обязанности входят курирование всех работ по капитальному строительству горных объектов предприятий

Учкудука, Сабырсая, Заравшана. Последние, как помните, были созданы в конце 1964 года. Я должен был знать положение дел и составлять пояснительную записку по горно-капитальным работам к ежеквартальным техническим отчетам, отправляемым в главное управление министерства, участвовать в решении многих текущих вопросов, своевременных обоснований и заказов оборудования для горно-капитальных работ и объектов, выполнять отдельные задания руководства комбината. Вскоре мне вручили ордер на квартиру в сданном новом панельном четырехэтажном доме по ул. Льва Толстого, напротив уже действующих частично и строящихся корпусов медико-санитарного отдела (МСО). Квартира трехкомнатная, просторная по тем меркам, более 45 м² жилой площади, со всеми удобствами. К началу учебного года переехала семья, вернее с нами остался младший сын Виктор, а старшего мы оставили в Ташкенте у бабушки с дедушкой, чтобы они не скучали. Юлия стала работать руководителем электромеханической группы в проектно-монтажном отделе, которым руководил Александр Андреевич Коробейников, весьма почтенный эрудированный специалист, москвич, ранее работавший в проектно-монтажном институте п/я 1119. В этом институте он организовывал проектную группу от этого института в г. Ленинабаде – СПБ-2. Заместителем начальника проектного отдела был Юрий Леонидович Полев, горный инженер, участник ВОВ, переведенный в 1963 году с Табошарского предприятия. Пошла обычная, будничная работа управленца, не столь напряженная, как на производстве, но и не рутинная под управлением весьма необычного, беспокойного и не дающего никому «почивать на лаврах» руководителя, каким был З. П. Зарапетян. Очень помогала Зарапу Петросовичу его верный и преданный секретарь Федосия Гавриловна Гусева, которая понимала его по каждому жесту или невнятно сказанному слову. Одно из первых, особых заданий мне было добиться утверждения в Министерстве документа о выплате комбинату премии за своевременные вводы в эксплуатацию рудников 1 и 2 Учкудука, которые совершились во время моей работы в Учкудуке. Дело в том, что документ, обосновывающий право на получение такой премии, должен пройти согласование в головном проектно-монтажном институте, получить заключение в 9-м ГУ министерства (УКС), быть утвержденным министром или его заместителем по КС. Такие документы были Комбинатом оформлены, отправлены в Москву, но движения, по каким-то причинам, не имели. Примерно 25 или 26 декабря 1965 года меня пригласила Федосия к Зарапетяну. Он был немногословен:

– Надо быть 1-го января в Москве, в министерстве. Утром первого позвонишь мне домой!

Ошеломленный, я вышел из его кабинета, понимая, что лететь надо не позднее 31-го декабря. Ведь в Москву тогда еще летали из Ташкента. Значит Новый год встречать в пути и не с семьей. Стал оформлять командировочные документы. Оказалось, что мой паспорт просрочен уже на несколько дней. В Министерство попасть с просроченным паспортом невозможно. Я вынужден был заявить Зарапу Петросовичу о создавшихся обстоятельствах, на что он, хмыкнув, поднял телефонную трубку и соединился с начальником отдела спецмилиции, обслуживающей закрытые объекты Минсредмаша, и попросил быстро решить мою проблему. Спецмилиция находилась в деревянном сборном домике почти напротив управления комбината. Не прошло и часа как начальник милиции пришел ко мне в кабинет, забрал мой паспорт и фотографию. На следующий день я у него получил новый паспорт с пропиской и прочими отметками. Всё это произошло без всяких заполнений анкет, заявлений и прочих процедур, требуемых органами милиции при рядовом оформлении аналогичной операции. По звонку Федосии мне был заказан билет на Москву через Ташкент. 30-го я был в Ташкенте, 31-го вылетел в Москву, где в гостинице на набережной М. Горького меня ждал номер.

В 8 утра 1-го января 1966 г. я позвонил Зарапу Петросовичу домой, он пригласил меня приехать к нему. У семьи Зарапетянов была (и есть до сих пор) довольно большая квартира в доме № 6 по улице М. Горького (ныне Тверская), в большом доме, стоящем на углу площади с памятником Юрию Долгорукову, что напротив Мосгорсовета. У Зарапетянов, Зарапа Петросовича и Клавдии Михайловны, две дочери, старшая Ирина и младшая Сусанна, и сын Сергей. Ирина к этому времени уже была замужем за чешским специалистом, если не ошибаюсь, его звали Мирек (фамилию совсем не помню), и проживали они в Чехословацкой Республике. Сусанна училась в Москве и жила здесь вместе с няней, очевидно, уже много лет служившей в этой семье, ставшей ее членом. На встречу Нового года вся семья (кроме сына) на сей раз собралась в Москве, что, думаю, бывало не часто. Мне открыл входную дверь сам Зарап Петросович. Пригласил, извинившись, пройти в кухню. Здесь уже был зять Мирек. Зарап Петросович сказал, что женщины еще спят. На столе было достаточно закусок. Мы приступили к завтраку (я в гостинице так рано, естественно, не завтракал). З. П. налил всем по фужеру водки, и под тост дружно выпили. Закусывал я не очень плотно, чувствуя какую-то неловкость. З. П. налил по второму фужеру – выпили,

закусили. Затем, З. П. сказал мне отправляться в министерство, что пропуск мне заказан, что он появится там несколько позже, я его должен там разыскать.

В то время Новый год, т.е. 1-е число января, не был праздничным, а был рабочим днем. Пока я ехал в министерство почувствовал себя не в форме, но старался держаться. Из бюро пропусков я позвонил нашему куратору Калинычеву, который спустился и встретил меня. Он сразу понял, что я не в форме, проводил меня к себе в кабинет, где были рабочие места и других кураторов. Здесь они меня напоили крепким чаем. Мы обменялись разговорами о всяких пустяках. В туалете я привел себя в порядок. Появился Зарап Петросович часа через полтора, пригласил меня идти с ним. Он впереди, я за ним. Прошли по нескольким кабинетам начальников производственных отделов и замов начальника главка. З. П. представлял меня, хотя многие меня знали до этого, а затем он сказал мне, чтобы я остался в Москве и решил все вопросы по оформлению премий. Я немедленно отправился в гостиницу, где, не раздеваясь, уснул. Меня уже вечером разбудил Анатолий Илларионович Андриенко, главный инженер ГГТИ министерства, с которым мы были давно дружны. Жил он в 12-этажном доме, стоящем рядом с гостиницей. Андриенко предложил мне освежиться и поехать в центр, чтобы посидеть в ресторане, пообщаться, что мы и сделали. С определенными трудностями попали в ресторан «Русская кухня», где и провели хороший вечер, обменялись многими рассказами о наших и производственных, и семейных делах.

Пробыв в Москве более недели, прошел по нескольким отделам в головном проектном институте. Особенно тяжело было в сметном, где начальником группы была опытная и очень себялюбивая дама (фамилию не помню), но и ее убедил в правильности наших отчетных цифр. Мне очень помогали, давали нужные советы и зам ГИПа Лев Христофорович Мальский, и ГИП Эдуард Тигранович Оганезов, мои давнишние знакомые и просто друзья. Получив все необходимые визы в отделах и заключение, подписанное Руководством Института, продолжил обход, согласование документа в отделах 9-го ГУ и получил заключительную подпись у Александра Васильевича Короткова, начальника этого главного управления. На этом моя миссия по утверждению документа о выплате комбинату премии за ввод рудника № 2 была закончена. Получить утверждение у министра, или его зама, было делом техники. За этим должен был проследить наш куратор Калинычев. Это действительно было осуществлено, документ был утвержден и через несколько недель

был отправлен комбинату. Полученная солидная премия была распределена по подразделениям, участникам строительства рудника и определенным лицам. В соответствии с «Инструкциями...», конкретную величину премии могли получить участники строительства в зависимости от их вклада в процесс, по оценке руководителя подразделения. Величина премии для конкретного участника ограничивалась тремя месячными окладами. Мне Зарап Петросович положил максимум, и я получил более 800 рублей.

В самом конце 1965, начале 1966 г.г. начались переговоры с Руководством Краснохолмской геологоразведочной экспедиции, выступившей инициатором, о производстве комбинатом на подрядных началах горных работ по проходке вертикальных стволов на двух перспективных участках, разведываемых экспедицией. Дело в том, что детальная разведка скважинами подтвердила наличие промышленных запасов урана на достаточно большой площади, названной «Сургалы». Продуктивные горизонты залегали на большой глубине, более 400–500 метров, и были представлены песчано-глинистыми разностями пород, сильно обводненными термальными водами с температурами более 40°. Кроме того, на глубине 250–270 метров был еще один напорный водоносный горизонт – «Сарбатырский» – мощностью около 20 м. Проходить такие стволы в таких горно-геологических условиях геологоразведчикам не под силу. Будущее месторождение располагалось в районе действия комбината, всего в 20 км от строящегося уже поселка Зарафшан и промышленных объектов для отработки крупного месторождения золота «Мурунтау». Естественно, что такой руководитель, каким был З. П. Зарапетян, не мог не только отказаться, а, наоборот, предпринял самые энергичные действия для заключения договора. Я был одним из участников переговоров и составления подрядного договора, который был подписан. В этот период, я познакомился с руководителями геологоразведочной партии № 20 – начальником Сикорским Владимиром Васильевичем и главным инженером Кестен Ефимом Алаисовичем, руководством Краснохолмской экспедиции мингеологии СССР – начальником Петренко Алексеем Александровичем и главным инженером Гафтом Рувимом Сауловичем. С этими Руководителями и в дальнейшем с будущими руководителями Краснохолмской Экспедиции, ее геологических партий мне повезет взаимодействовать, встречаться много и часто за все время работы, т. е. до 1995 года. Стволы должны были проходиться на залежах 2-3 и 4. К району будущего ствола «Кызылкумский» (так его называли) начали подводить коммуникации водопровода, электроэнергии, автодорогу, а на

месте строить временные сооружения дизельной, мехмастерских, бытовок.

В районе, в составе Центрального рудоуправления действовало Зарафшанское управление строительства, которым руководил Щукин Николай Владимирович, инженер-строитель, работавший ранее в Учкудуке в 1963–65 гг. начальником участка, главным инженером СМУ. У будущего города Зарафшана развернулось строительство базы стройиндустрии, базы материально-технического снабжения. Уже в конце 1965 года был сдан первый четырехэтажный жилой дом в 1-м микрорайоне. Развернулось строительство еще десятка жилых домов, магазина, школы. Отдельные бригады этого управления строительства начали обустройство и поверхности участка шахты «Кызылкумская». Начальником участка проходки ствола был назначен Аякпергенев Михаил Васильевич (имя и отчество русифицированы – паспортные данные другие, казахские), горный инженер, выпускник САЗПИ.

В феврале 1966 г. я опять вылетел в Москву с задачей провести согласование и утверждение документа по выплате премии за ввод рудника № 1 Учкудука. И на этот раз мне удалось провести все процедуры. Документ был оформлен и через небольшое время был утвержден. И в этот раз я получил премию в размере трех окладов, но перечислены они были мне уже на предприятие п/я 12, где я стал директором.

Об этом чуть позже, а сейчас о некоторых, думаю, интересных деталях, в которых мне пришлось принять участие, хотя прямых полномочий на это не имел. Дело в том, что во время последней моей командировки в Москве готовился к открытию и открылся очередной, XXII Съезд КПСС, в выборе делегатов на который от Бухарской областной организации я участвовал. На одном из заседаний намечалось вручение съезду, Генеральному Секретарю КПСС Брежневу Л. И., подарка от Узбекской Организации – первых золотинок («корольков») – полученных усилиями сотрудников ЦНИЛа комбината из руд месторождения «Мурунтау». З. П. Зарапетян поручил начальнику ОКСа Комбината Маламуду Ефиму Менделеевичу выехать в Москву и организовать изготовление специальной шкатулки у лучших мастеров-ювелиров, в которой можно будет поместить золотые корольки в виде фразы: «XXII Съезду КПСС от Узбекистана» (это не цитата, а изложение). Мы с Ефимом Менделеевичем проживали в одном номере гостиницы, и я оказался в курсе вопроса. Мы обсуждали варианты, куда лучше обратиться для выполнения столь необычного задания, по вечерам обменивались

результатами поисков и т.п. В этом вопросе участвовал и сотрудник ОКСа Улькин Петр Григорьевич. Делегаты Съезда размещались в центральных гостиницах по принципу – делегаты от каждой Республики в одной гостинице. Узбекская делегация находилась в гостинице «Украина». Зарап Петросович проживал здесь, а не у себя в квартире, таково требование. Недалеко от нашей гостиницы на набережной М. Горького находилась гостиница «Балчуг», в которой была размещена делегация на Съезд от одной из республик (не помню какой). По предложению Маламуда, мы с ним каждое утро заходили в «Балчуг», сдавали пальто на вешалку в вестибюле и отправлялись в парикмахерскую на второй этаж. Здесь Маламуд брился, после этой процедуры мы спускались в вестибюль, где делегаты обслуживались по разным вопросам, в том числе, одним-двумя кассирами, по продаже билетов на спектакли всех Московских театров. Мы подходили к кассиру и приобретали билеты, как делегаты, благо, кассиры не требовали удостоверений. Таким образом, мы побывали на нескольких спектаклях и даже в «Большом». Шкатулка была приобретена, Маламуд Е. М. отправлялся в гостиницу «Украина» для передачи ее З. П. Я отправился вместе с ним, так как у меня возникли некоторые вопросы, получив по телефону разрешение от Зарапетяна. Встреча с ним состоялась, выбор шкатулки был одобрен, я решил свои вопросы.

В январе или феврале месяце управления комбината передислоцировалось в новый дом. Выстроенное по проекту, как говорили, «Главного архитектора Зарапетяна», четырехэтажное здание действительно была запроектировано и привязано проектным отделом комбината. Отличалось оригинальным фонарем-козырьком над крышей со стороны главного фасада, на котором высвечивались цифры световых часов. В этом здании управление комбината и концерта «Кызылкумредмета» находится и сейчас. Претерпело оно несколько реконструкций, расширилось, появилось централизованное кондиционирование и т. п. Руководство комбината и основные производственные отделы – горный, технологический, плановый, 1-й, машбюро – разместились на втором этаже, как отделы, наиболее связанные с секретными материалами. Я получил отдельный кабинет рядом с кабинетом начальника отдела, а сотрудники отдела заняли еще две большие комнаты на втором же этаже. Но не долго я пользовался этими благами.

Как то, в одной из поездок с Зарапом Петросовичем, я попросил его выделить моей семье коттедж, так как есть необходимость забрать на постоянное место жительства родителей Юлии, здоро-

вые которых не блещет, да будет и помощь нам в воспитании детей. Зарап Петросович не ответил мне ни отказом, ни согласием. На этом этот вопрос для меня остался открытым, вернее, я считал, что до меня очередь не дойдет. В «военном городке», уже комбинатом был построен ряд каменных коттеджей, в которых жили первые руководители комбината и некоторые начальники основных подразделений. В самом первом по счету от здания старого управления комбината, размещалась семья главного механика Б. И. Шварцмана, за ними семья начальника УРСа Б. П. Рудометкина, за ними семья начальника (директора) ГМЗ-1 С. Н. Витковского, за ними семья Н. М. Дворяжкина, работавшего на Навоийской ГРЭС, и т. д. Все построенные коттеджи были, естественно, заселены. Некоторые сотрудники комбината жили в коттеджах деревянных, ранее построенных и находящихся на балансе НУСа, например, семья начальника горного отдела П. В. Смирнова, семья главного бухгалтера Комбината С. Т. Смирнова и другие. В один из дней конца апреля 1966 г. мне позвонил начальник ЖКХ Комбината (фамилию не помню) и пригласил подъехать к нему для получения ордера на вселение в коттедж, который освободился в связи с отъездом семьи бывшего председателя горисполкома Навои, переведенного на работу в г. Бухару. Я немедленно отправился к нему, получил ордер и в приподнятом настроении отправился в управление, где собирался обрадовать Юлию. Как только я появился в кабинете, меня тут же пригласила Федосия Гавриловна к Зарапу Петросовичу, который, как она сказала, меня уже давно требует. Я немедленно отправился к нему и вошедши увидел сидящего у него Секретаря Навоийского Горкома КПУз В. Н. Сигедина. На вопрос З. П.: «Как дела?» – с радостью поделился о получении ордера на новое жилье, хотел было поблагодарить его, но он меня перебил и сказал: «Не надоело ли тебе еще протирать штаны в кабинете? Вот мы решили назначить тебя директором Сабырса! Касатиков уже строит Зарафшан! А коттедж ты себе там и построишь!»

От неожиданности я сразу не смог вымолвить ни слова. В. Н. Сигедин тут же пожал мне руку, поздравляя с новым назначением, а З. П. поднялся и говорит: «Поехали на дачу! Там всё и обговорим!»

На автомобиле мы троим приехали на дачу, находящуюся на окраине старого Кермине. Молодой сад, окружавший выстроенный здесь большой коттедж, некоторые подсобные сооружения, очень небольшой, прямоугольный бассейн. Здесь, на веранде, уже был накрыт стол на три персоны. Мы часа 2–3 провели за трапезой, в течение которой З. П. изложил свое видение развития нового предпри-

ятия, именуемого п/я 12, предстоящие трудности и перспективы. Кстати, тогда же и высказал мысль о передаче этому предприятию, разведываемого уранового рудопроявления «Кетменчи». Обед наш закончился предложением Зарапа Петросовича: «Завтра же отправляйся в Сабырсай и приступай к работе!»

Юлии пришлось все рассказать, понимая, как она огорчится – следующий переезд, новые школы и прочие прелести передислокаций семьи, которые в основном ложатся на нее. В Сабырсае я уже бывал в командировках, об условиях жизни здесь представление имел, основные положения и технические решения проекта строительства I-й очереди знал. Четко представлял себе все предстоящие трудности новостройки в еще более сложных горнотехнических условиях месторождения, чем в Учкудуке. Но инженерный азарт, желания самоутверждения воодушевляли на преодоление всех предстоящих невзгод и трудностей. Выезд сразу осуществить не пришлось. На следующий день, утром мне позвонил З. П. Зарапетян и спросил:

– Кто у тебя есть в Ташкенте?

Я ответил, что там родители Юлии, у них наш старший сын и проживает моя мама, которая вышла на пенсию и вернулась, после работы в органах спецмилиции на предприятиях Майли-су и Адрасман, в Ташкент. З. П. сказал мне:

– Немедленно вылетай в Ташкент, там произошло сильное землетрясение!

Я вылетел в Ташкент.

ГЛАВА 2

Землетрясение в Ташкенте

Мне придется отвлечься на время от рассказа о производственных делах и перейти к очень важному событию – Ташкентскому землетрясению которое очень во многом изменило всю жизнь и города Ташкента, и всей Республики Узбекистан, и многих тысяч граждан и их семей.

Из аэропорта на такси я быстро добрался до дома по ул. Энгельса, 23. Дом с фасада цел, поднялся на крыльцо, вошел в комнату (первая направо) – никого! В комнате валялись куски лепнины от карнизов, которыми был украшен весь периметр комнаты на высоте почти 4 метра, осколки посуды, полный беспорядок, у торцевой стены стояла кровать, на которой лежали большие осколки той же лепнины. Дом, в котором проживали родители Юли, был дореволюционной постройки и в те времена принадлежал семье купцов Рудометкиных. На каменном фундаменте были возведены стены из сырцового кирпича толщиной не менее метра. Высота жилых помещений более 4 метров. В Советское время в этом доме, в котором ранее проживало две семьи братьев Рудометкиных, размещалось 43 семьи советских тружеников. Одну комнату, правда в 40 м², занимали родители Юли, Макс Борисович и Рахиль Исаевна Шатуновские, пенсионеры и с ними наш старший сын Борис (подробно о семье Шатуновских – в 1-й книге). Лишь через некоторое время я увидел, что торцевая стена, как бы, отклонилась от вертикали, и между верхом ее и потолком зияет просвет величиной сантиметров в 20. Я отправился во двор по сквозному коридору и здесь увидел картину «лагеря беженцев»: все свободное пространство двора было занято раскладушками, стояла пара небольших палаток, бегали дети, старики готовили пищу на керогазах, примусах, мангалах. Шатуновские и Борис были здесь же. Жертв не было среди жильцов дома, некоторые отделались несколькими ушибами. Оказалось, что Борис, спавший на описанной мной кровати обычно головой к

торцевой стене, ночью вел себя беспокойно и развернулся головой в противоположную сторону, свернулся в клубок. В момент землетрясения тяжелые куски лепнины упали на кровать, к счастью, не задев Бориса. Он только очень испугался и многие годы спустя остро реагировал на неожиданные шумы, крики или другие подобные обстоятельства. Когда я обошел дом, то увидел, что торцевая стена квартиры Шатуновских удержалась от падения за счет огибавшей ее трубы большого диаметра централизованного газоснабжения.

Я решил отправиться прогуляться по городу, чтобы подробнее рассмотреть последствия землетрясения. Я прошел пешком по улицам Энгельса, Карла Маркса, Ленина, Кировской и др. Особых разрушений визуально не просматривалось, лишь в двух-трех местах видел разрушения небольших зданий во дворах, при которых рухнули стены и покрытия провалились. Именно при таких разрушениях могли быть, как правило, жертвы. И действительно, по официальным данным жертв было немного, в том числе несколько детей в круглосуточном детском саде по ул. Кирова, где провалилась часть кровли. Но многие здания получили крупные трещины, особенно те, что были из сырцового кирпича. Что вызвало положительные эмоции, так это просто удивительный порядок на улицах, я имею ввиду, никаких признаков паники, мародерства, инцидентов. На многих, не магистральных улицах, прямо по их оси на проезжей части стояло уже много палаток разной вместимости, в которых уже располагались жильцы пострадавших строений. В некоторых, над которыми развевались флажки «Красного креста и полумесяца», размещались медицинские пункты по оказанию помощи населению, во многих местах действовали походные кухни и другие средства приготовления пищи, в которых могли получить горячее питание горожане, причем бесплатно. По всем улицам дефилировали группы по три-четыре вооруженных автоматами офицеров милиции и войсковых частей с повязками на рукавах и зорко следили за происходящим. Думаю, что были сделаны правильные выводы после всего того, что было во время Ашхабадского землетрясения 1948 года (кажется правильно назвал год). Возвращался и уже видал, что в некоторых жилых палатках звучат голоса радио и телевизионных передач – идет жизнь!.. Остался на ночевку в нашем дворе. Все время довольно часто происходили небольшие толчки землетрясений. А вот рано утром вдруг проснулся от гула, сильного толчка и, открыв глаза, увидел сверкания «молний», не то действительных, не то от коротких замыканий электросетей. Все проснувшиеся говорили, что все очень похоже на вчерашние события, но

чуть менее сильное качание. В первый же день побывал у мамы, которая к этому времени проживала на втором этаже двухэтажного дома во дворе по улице (не помню точно названия), дома из сырцового же кирпича, но выстоявшего с минимальными повреждениями. Сюда она переехала в порядке обмена на квартиру (комнатку) по ул. Туркестанской дом № 7, где мы с ней проживали во время ВОВ, до окончания мною Института и ее переезда на работу в Майли-Су, к месту моей первой работы. Квартира была забронирована за нами, в соответствии с имеющимися в Минсредмаше правилами.

28 апреля я улетел из Ташкента в Навои, рассказал об обстановке Юле, и мы приняли решение о передислокации части имущества ее родителей из Ташкента в Сабырсай. Выехал на работу на предприятие, где и пошли «горячие» дни трудовых будней. Чтобы закончить с Ташкентской эпопеей и делами нашей семьи отступлю от хронологии.

Всем известно, что вся страна по призыву партии и правительства стала помогать Ташкенту восстанавливать разрушения, которые охватили в основном европейскую часть застройки Ташкента, центр деловой и культурной жизни. Я считаю, что партийное руководство и правительство Республики Узбекистан умело использовали произошедшее и добились того, чего очень желали – полностью перестроить Ташкент, сделать его современным городом за счет общесоюзных ресурсов. В Ташкент пошли сотни эшелонов из всех республик со строительной техникой, материалами, людскими ресурсами. Перестраиваемая часть города и окраин были распределены на строительные районы, каждый из которых был отдан соответствующим республикам или общесоюзным ведомствам для осуществления ими застройки своими ресурсами, проектами и т.п. Здания старой застройки в центре стали валить танками и спецстроительной техникой, строились временные сооружения стройиндустрии, в воздухе витала пыль и газы, мгла при Ташкентской жаре, ведь шло лето. Я раза два–три на денек прилетал в Ташкент и видал обстановку. Навоийское управление строительства (НУС) получило задание от Минсредмаша на строительство нескольких жилых кварталов в новом районе – «Каракамыш», а проектирование было поручено филиалу № 1 ГСПИ-14. Несколько позже НУС и Югпроммонтаж вместе с целым рядом монтажных организаций Минсредмаша из других регионов страны построили высотную по тем временам гостиницу «Узбекистан» в самом центре города у Центрального сквера между улицами Пушкинская и Карла Маркса. Большинство Ташкентских семей, лишившихся жилья, стали

расселять по студенческим общежитиям (студенты на каникулах), многим стали выдавать ордера на квартиры в будущих домах, это называлось «под котлован», с обязательством этих семей, что они будут весь период ожидания проживать на съемной квартире или у родственников. На таких условиях получила ордер и моя мама, которой выделили однокомнатную квартиру в том же районе, где она проживала, застройку которого вели строительные организации Украины. Правда, решение о выделении маме однокомнатной квартиры пришлось добиваться мне. Дело в том, что большинству одиночек власти выделяли однокомнатные квартиры на двух жильцов, объединяя совсем чужих людей, чаще всего пожилых, понятно, что это ни к чему хорошему не могло привести. Зарап Петросович Зарапетян подписал письмо на имя заместителя председателя Ташкентского горисполкома Мелкумова с просьбой выделить Д. И. Белинской, ветерану МВД, матери ответственного сотрудника комбината Минсредмаша, отдельную однокомнатную квартиру, с учетом их заслуг и ее болезни. Немаловажную помощь в этом вопросе сыграл и сотрудник промышленного отдела ЦК КПУз Аброл Кахарович Кахаров, с которым меня связал Зарап Петросович. Впоследствии А. К. Кахаров стал сотрудником комбината. Мы неоднократно встречались и стали хорошими товарищами. Месяцев через 8–9 мама вселилась в однокомнатную квартиру в соответствии с ордером на 4-м этаже четырехэтажного дома в массиве «Украина», где и прожила до кончины в 1984 году. («Благословенна да будет память о ней!»). Шатуновских вселили в общежитие одного из учебных институтов, но к сентябрю их должны были оттуда выселить. Родители Юлии много лет мечтали выехать на постоянное место жительства из Средней Азии, где Рахиль Исаевна себя неважно чувствовала из-за жаркого климата. Жизненные обстоятельства все время как-то складывались так, что этот важный шаг не смогли осуществить. В связи с землетрясением многие города Союза стали выделять определенное число квартир для пострадавших ташкентцев, а Ташгорисполком организовал запись желающих на переселение. Макс Борисович Шатуновский несколько запоздал с записью, и ему достался для переселения город Ярославль. Он, посоветовавшись с Юлией, дал согласие. Напомню, что Юлия с младшим сыном Витей продолжала жить в г. Навои. 20 Ташкентских семей получили ордера на квартиры во вновь строящемся районе города Ярославля. Отправка этих семей и их багажа была организована Ташкентскими властями на самом лучшем уровне – ж.д. билеты в купейном вагоне, багаж заранее отправлен в контейнерах. Все это без оплаты. Юлия

приняла решение проводить родителей до самого места вселения и Макс Борисович, участник ВОВ, сумел приобрести ж.д. билеты для нее и Виктора. Они всей семьей прибыли через Москву в Ярославль, где местные власти встретили пострадавших в землетрясении с оркестром, небольшим митингом. На легковых такси доставили до новенького дома, где каждая семья была заселена в заранее предназначенную квартиру. Семья Шатуновских получила отдельную двухкомнатную квартиру на втором этаже. Юлия осталась в Ярославле для оказания помощи родителям в устройстве на новом месте, до прихода багажа, приобретения мебели и нормального устройства. Все это произошло в июле месяце.

ГЛАВА 3

Как много обязанностей у директора – даже потеря глаза

Что представляло собой Предприятие п/я 12 к моменту моего прибытия, как его начальника!? Начну с быта. Жилье, больница с поликлиникой, склады и магазинчики, гостиница, общежития ютились в деревянных бараках и деревянно-саманных домиках на территории временного поселка ГРП-54 «Сабырсайская» Краснохолмской экспедиции, Первого главного управления Мингеологии СССР. Именно этой геологоразведочной партией было опоисковано и разведано Сабырсайское месторождение урановых руд, проводившихся с 1959 года. Партией руководил мой однокашник и близкий товарищ Альберт Акопович Аганов. Электроснабжение поселка осуществлялось от дизельной электростанции, состоящей из десятка передвижных ЖЭСок разной мощности. Поселок, естественно, расширился с момента организации предприятия, взявшего на себя и всю инфраструктуру и ответственность за ее состояние: организацию снабжения продпромтоварами, торговлю, медицинское обслуживание, электроснабжение, культуру и развлечение. Поселок ГРП находился в 5–6 километрах от площадки строительства постоянного поселка предприятия – в одну сторону, и в километрах 3–4 от центральной усадьбы каракулеводческого совхоза «Улус», в другую сторону. В самом же, строящемся новом поселке к этому времени было построено 5 каменных коттеджей с приусадебными участками, в которых проживали семьи горняков В. А. Тоторенко, Л. Г. Токорчука, еще двух горняков и почему-то начальника 1-го отдела (фамилию не помню). Строился еще один коттедж, который я определил для семьи начальника предприятия. Эти коттеджи составляли одну сторону улицы вдоль растущей здесь аллеи тополей, высаженных ранее лесхозом района. Восточнее первого ряда каменных коттеджей было построено с десятков и продолжалась сборка еще десятка деревянных коттеджей из сборных элементов. В центре

будущего поселка были заложены фундаменты одноэтажного продуктового магазина на 4 рабочих места, а на северо-восточной окраине зиял котлован под фундаменты первого четырехэтажного кирпичного жилого дома. Территориально площадка нового строительства относилась к Каттакурганскому району Самаркандской области, на землях, отведенных совхозу «Каттакурган», центральная усадьба которого находилась в поселке при ж. д. станции «Нагорная» Среднеазиатской ж.д., ее ветке «Самарканд–Красноводск». Поселок же ГРП и совхоз «Улус» находились на территории Джуминского района Самаркандской области. От будущего поселка до станции «Нагорная» – 20 км, до г. Каттакурган – 60 км, до г. Самарканд – 70–80 км, до г. Навои – 150 км. От «Нагорной» до автомобильной дороги «Самарканд–Каттакурган» через Джуму – 10 км. От перекрестка этой дороги и до нашего поселка строителями была уже сооружена автодорога с черным покрытием методом «смешения», продолжалось строительство автодороги от поселка к площадке рудника № 1. Границей будущего поселка служили: на севере и востоке – излучена русла сая «Сабырсай», текущего с востока, из района поселка и угодий совхоза «Улус», на западе – автодорога «Нагорная – Сабырсай – Рудник № 1», на юге – всхолмленные угодья богарных земель. Месторождение «Сабырсай», поселок и промышленные объекты предприятия располагались в центральной части Улус-Джамской степи с резко континентальным климатом, с жарким летом (до +42,5°) и короткой малоснежной зимой (до –16°), относящейся к полупустыне. На севере степь переходила в плодородную долину реки Зеравшан, на юге – в безводные Каршинские степи, а с востока и запада ограничивалась, соответственно, Каратепинскими и Зирабулак–Зиатдинскими горами. Въезд на территорию предприятия по автодороге проходил через сооруженный нашими строителями мост над речкой Сабырсай. Сразу же слева располагалась огражденная территория автобазы № 5. Справа же от дороги были построены, в основном, временные сооружения строительной базы – РБУ, столярной мастерской, складов материально-технического снабжения, бытовые помещения. Все общестроительные работы велись созданным в 1965 году строительно-монтажным управлением – СМУ «Южное» – в составе предприятия. Руководил СМУ В. М. Пичужкин. Автомобильную дорогу на рудник № 1 строило прорабство, руководимое прорабом Пащенко Олегом Петровичем, которого я вскоре повысил в должность старшего прораба за весьма добросовестное отношение к делу и успешное выполнение заданий по строительству важного объекта.

Горные работы велись на опытном участке в самой неглубокой северо-западной части Южной свиты месторождения, по проектам, разрабатываемым Ташкентским филиалом № 1 головного института ГСПИ-14. Этому филиалу было поручено, на основе разрабатываемых в головном институте ТЭО (технико-экономическое обоснование), проектировать промышленные объекты и поселок предприятия в стадиях «Проект» и «Рабочее проектирование» под постоянным контролем со стороны главных специалистов головного института.

Для получения технологических проб, необходимых при подсчете запасов и утверждения их в ГКЗ (Государственная Комиссия Запасов), ГРП-54 с помощью подрядной организации методом замораживания участка водоносного продуктивного горизонта прошла ствол № 1, рассекла руддвор, прошла штрек по рудной части и извлекла необходимую рудную массу. С приходом на месторождение предприятия была организована проходка ствола № 2, но уже с проходкой водоносного горизонта под защитой снятия напоров и водопонижения системой откачек из водопонижительных скважин. На основе этих стволов и организовался опытный участок. К апрелю 1966 года ствол № 2 был пройден и начался монтаж постоянного копра и подъемной машины. Начальником опытного участка был горный инженер Метальников Петр Михайлович, горняк, работавший в ГРП-54 и перешедший на работу на предприятие.

По приезду в Сабырсай я разместился в поселке ГРП в гостинице, получившей кличку «Белая лошадь» – однокомнатный деревянный домик с тамбуром-прихожей, располагающийся рядом с домиком начальника ГРП-54 А. А. Аганова. До моего приезда какое-то время с момента отъезда А. П. Касатикова предприятием руководил главный инженер В. М. Равжаев. Начальником ПТО (производственно-технический отдел) был Юрий Иванович Чурбанов, заменивший совсем недавно переведенного в управление комбината Копылова Юрия Михайловича, начальником ОТС – Дубко, главным энергетиком – Г. И. Мехонцев, главным геологом – Н. П. Меняйлов, начальником планового отдела – Марья Михайловна Богатырь. Были главный бухгалтер, начальник ОТиЗа, (фамилии их не помню). Секретарем директора работала Зинаида Федорова, супруга горняка Феликса Павловича Федорова, горного техника, имевшего порядочный опыт работ в Майли-Су, и других предприятиях системы, ставший затем одним из дежурных диспетчеров предприятия.

В составе предприятия, кроме горного опытного участка, СМУ «Южное», которому подчинялись объекты стройиндустрии, были

Автобаза № 5 во главе с ее начальником Виктором Морозовым и механиком Агарышевым, участок строительных механизмов – УСМ во главе с начальником по фамилии Митюк (имя-отчество, к сожалению, не помню). При опытном горном участке был небольшой мехучасток во главе с В. Г. Чекмаевым. Вскоре мне главный механик комбината Шварцман Б. И. рекомендовал принять на работу в качестве главного механика предприятия Махонина Василия Васильевича, работающего главным механиком рудника на предприятии № 24 Красногорска. Я дал согласие и Василий Васильевич, участник ВОВ, выдержанный, очень дотошный и терпеливый специалист, потомственный уралец, вскоре переехал сюда.

На опытном участке велись проходка штрека со стороны ствола 1 на сбойку со стволом 2, при этом крепление участков этого штрека производилось разными видами крепи, в основном деревянными рамами, сплошную, в разбежку парными, в разбежку одинарными с деревянной затяжкой боков, сплошными рамами с лежнем, с забивной крепью из деревянных проколов или металлических стержней и другие виды, в зависимости от состояния проходимых горных пород, представленных, главным образом, песчаными разностями различной уплотненности, влажности и т.п. За крепью велись наблюдения, в результате которых делались выводы о приемлемости каждого из испытываемых видов. Сразу скажу, что имевшиеся сомнения в возможности поддержания горных выработок в песчаных породах, были сняты опытными работами и доказана эта возможность при условиях ускоренных темпов проходки и недопущении полного усушения проходимых массивов. После сбойки стволов и оборудования постоянного подъема на стволе 2 была начата проходка подготовительных выработок для организации очистной выемки отдельных блоков.

Но, одной из главнейших задач стояла необходимость строительства объектов энергообеспечения для развития объемов работ по строительству промышленных сооружений на площадке рудника № 1, жилья и социальной инфраструктуры на площадке поселка. Дизельные временные станции на опытном участке и в поселке ГРП были ненадежными и маломощными. На предприятии уже была рабочая проектная документация на проходку стволов №1 и № 1-1 на руднике № 1 в южной свите, выполненная на основе «Проекта на строительство I очереди предприятия», в котором предусматривалось строительство двух рудников, по одному в южной и в северной свитах рудных залежей, на самых западных их флангах, менее глубоких по залеганию и где отсутствовал мощный высоконапор-

ный над рудный водоносный горизонт, кажется кампан-палеоценовый. В районе строящегося поселка, несколько поодаль от территории автобазы шло строительство временной подстанции 35/6 кв., а от подстанции «Каттакурган» строилась ЛЭП 35 кВ в габаритах 110 кВ силами подрядной организации МСУ-79. Я считал своей обязанностью, в первую очередь, направить свои усилия на организацию работ по обеспечению бесперебойных работ по строительству энергообъектов, увеличению кадров горнорабочих и строительству самых необходимых в конкретной обстановке жилых домов и школы.

Как понятно из перечисленных мною фамилий некоторых специалистов, уже работающих здесь, подавляющее большинство из них это ИТР, переведенные из Учкудука, частично из Майли-Су, где уже горные работы, а значит и объемы строительства и других видов работ, резко сворачивались. Надо сказать, что еще в 1964 году в район Сабырса я приезжали директор комбината № 5 (Майли-Су) С. С. Покровский и его главный геолог Б. Н. Хоментовский с целью рекогносцировки, имея ввиду получить это месторождение для освоения его силами трудящихся этого комбината, о чем они неоднократно обращались к руководству министерства. Только огромные усилия и авторитет З. П. Зарапетяна помогли тому, что это месторождение и еще ранее разведанное «Кетменчи», в то время непригодное для отработки имевшимися способами, остались в ведении комбината № 2.

Теперь несколько слов о школе. Примерно в 1,5–2 км от территории будущего поселка предприятия находился небольшой кишлак, состоящий из двух-трех десятков жилых глинобитных строений, такого же домика-магазина и, в сторону нашего поселка, глинобитный дом из двух больших комнат и прихожей, в котором располагалась начальная школа за № 51 Каттакурганского района (районного отдела народного образования). Учеба в них шла на узбекском языке в две смены, причем одновременно в классе шли занятия, скажем, первого и второго классов, а затем третьего и четвертого. Таким образом, детям-учащимся трудящихся предприятия, а это русскоговорящие ученики, которые уже проживали здесь и которые начали поселяться до начала учебного года, учиться было негде. У меня появился заместитель по общим вопросам, на должность которую прислали Александра Михайловча Костяного, москвича, участника ВОВ, моряка-подводника, в последние годы работавшего на заграничном предприятии в Румынии по линии Минсредмаша. Он оказался очень приятным человеком, активным и исполнительным сотрудником и хорошим товарищем, мы с ним сработались. Ему я и поручил добиться от районных властей решения о выделении необходимых

фондов для организации средней школы в поселке Сабырсай на базе типового здания сельской школы на 236 учащихся, построить которое мы, руководство предприятия, обязуемся к первому января 1967 года. Оказалось, что выделить такие фонды район не в состоянии. При советском плановом хозяйстве фонды и средства на нужды образования могли быть выделены областными властями при условии, что заявки на это и обоснования будут поданы не менее, чем за 1,5 года до начала соответствующего учебного года. Тогда мы вышли с предложением присвоить нашей будущей школе номер существующей узбекской школы, назвав ее русско-узбекской, и добавить в штат некоторое количество единиц преподавателей, а остальные недостающие единицы преподавателей возьмем на расходы предприятия. Такое решение Александр Михайлович получил. Мною были приняты все меры по приобретению рабочих чертежей на здание такой школы в кирпичном исполнении (такая же была первой и в Учкудуке), по организации ее строительства.

Техника и строймеханизмы на автобазе и УСМ были в весьма плачевном состоянии в силу интенсивной работы на строительстве подъездных дорог к предприятию при очень слабой ремонтной базе и недостатке кадров. Пришлось завести порядок ежедневных диспетчерских совещаний, проводимых мною после рабочего дня в 18 часов. Все руководители подразделений делали короткий отчет о проделанном за прошедшие сутки и заявляли необходимые механизмы на очередной рабочий день с перечислением тех операций, на которые требуются эти механизмы. В заключение совещания я давал указания начальнику автобазы и начальнику УСМ о выделении механизмов, учитывая при этом, чтобы были обеспечены именно первоочередные работы по указанным мною направлениям. Начальник очень важного подразделения УСМ Митюк, выше средних лет механик с большим опытом работы и прекрасный организатор, хоть из-под земли, доставал запчасти и обеспечивал хороший процент выхода на работу механизмов, чего я не мог добиться от начальника автобазы Морозова. В ходе диспетчерских совещаний «доставалось» тем руководителям, которые не обеспечивали выполнения взятых накануне обязательств или не использующих в полную силу заявленных механизмов, и отмечались удовлетворительно те, кто выполнял обязательства.

Чтобы обеспечить приток рабочих кадров, принял решение направлять работников отдела кадров, отдельных специалистов из производственных отделов управления на действующие предприятия смежных комбинатов и в районы угледобычи (Подмосковный,

Донбасс) с целью агитации на переезд с выплатой подъемных и выделением квартиры в течение года. Давал полномочия отправляющимся на агитацию узнавать состав семьи и профессию супруги работника, дающего согласие на переезд, и, если супруга – школьный учитель по русскому языку, физике, математике, английскому языку, обещать получение квартиры в течение полугода и даже значительно быстрее.

Строительство временной подстанции 35/6 и ЛЭП от п/с «Каттакурбан» уже шло к окончанию. Дал распоряжение главному энергетiku Предприятия В. П. Гетманову (бывший главный энергетик Мехонцев уже уволился) организовать изготовление опор и строительство ЛЭП-6 кВ от подстанции 35/6 до поселка ГРП, чтобы к моменту запуска подстанции можно было сразу подать электроэнергию туда и остановить дизельную. Мехонцев заявил мне, что у него нет проекта на строительство ЛЭП-6, а без проекта он строить не может. Я дал ему две недели срока на то, чтобы он совместно с топографом строителей прошел по будущей трассе проектируемой ЛЭП-6 вдоль временной автодороги, связывающей поселки ГРП и новый, зафиксировал места установки опор с учетом местности и приступил к изготовлению опор. Ровно через две недели я попросил его показать мне результаты выполнения моего указания. Мехонцев не выполнил моего распоряжения. К 17 часам я вызвал его к себе в кабинет и объявил о его увольнении. Мои действия вызвали у Мехонцева и еще многих ИТР некоторый шок. Назначил главным энергетиком молодого инженера Бориса Саидова. Поставил ему ту же задачу, подсказал пути ее решения и обещал всякое содействие, если возникнут у него трудности. Короче говоря, ЛЭП-6 кВ была построена за самый короткий срок, в дальнейшем задействована в августе месяце и просуществовала много лет. Электроснабжение поселка ГРП, объектов ОРСа, больницы, клуба, находящихся в нем, стали стабильными. Дизельная станция осталась в резерве. На предприятии постоянно работали две небольшие бригады, которые занимались механо-монтажом и электромонтажом, входящие в состав мехслужбы, а затем переданные в состав СМУ для производства монтажных работ в строящихся объектах жилья и социальной инфраструктуры. Одновременно велось строительство и ЛЭП-35 кВ от будущей подстанции ГПП-1 (рядом с временной п/с 35/6) до площадки рудника № 1 силами МСУ-79.

Проходку стволов № 1 и 1-1 на руднике № 1 предусматривалось обычным способом со снятием напоров с Сабырсайского водоносного горизонта откачками из серии скважин, которые следует

пробурить по двум окружностям, ближней и дальней, вокруг промплощадки. В первый же месяц моей работы организовал горный участок, в задачу которого входило подготовка поверхности промплощадки – планировочные работы, строительство временных сооружений, создание условий для бурения водопонизительных скважин, закладка стволов и сооружение воротниковых частей стволов. Начальником участка назначил горного инженера Николая Александровича Прудкогляд. Бурение водопонизительных скважин производилось участком осушения, возглавляемого Евгением Семеновичем Гудковым.

В соответствии с проектом вскрытие шахтного поля № 1 производилось двумя центрально-сдвоенными стволами, диаметром «в свету» 4,5 м, с бетонным креплением, оборудованных двуклетьевыми подъемами. Проект, разработанный филиалом № 1 (г. Ташкент) ГСПИ-14, учитывал полностью опыт, полученный горными работами Учкудука. В данном случае имелось ввиду и сбойка с опытным участком. Каждый ствол имел свой блок сооружений: блок главного ствола с надшахтным зданием с копром высотой 28 м, зданием подъемной машины; блок вспомогательного ствола с копром высотой 18 м, герметизированным надшахтным зданием, зданием подъемной машины, мехмастерской, вентиляторной центральной проветривания. Кроме того, на промплощадке предусматривалось строительство центральной компрессорной станции, котельной, понизительной электроподстанции 35/6кв., тяговой подстанции (для питания контактных электровозов), административно-бытового комбината, столовой спецпитания.

Основная промплощадка рудника № 1 располагалась на возвышенном участке над поймой проходящего здесь Сабырса. Для проведения планировочных работ по созданию площадки на уровне проектной нулевой отметки пришлось применять буровзрывные работы, так как на поверхность выходили скальные и полускальные породы. Работы шли довольно споро, и началась проходка первых метров ствола № 1-1 уже в апреле месяце, а ствола № 1-гл. в мае месяце. На этих стволах были пройдены воротниковые части, забетонированы и начались работы по оборудованию проходческих подъемов и установке копров. Таким образом, горные работы по строительству рудника № 1 были организованы, и мое главное внимание было направлено на организацию и обеспечение быта наличного состава и развитие работ по строительству объектов социальной инфраструктуры и постоянного энергоснабжения предприятия.

Подавляющее большинство трудящихся предприятия проживало, как я уже писал, в поселке ГРП. Здесь располагались и продовольственные склады, и торговые точки ОРСа, которым руководила Вера Гордиенко. В поселке было два магазина и столовая. На юго-западной окраине поселка ГРП в деревянном бараке располагалась МСЧ-4 (медсанчасть), состоящая из больницы на 20 коек и поликлиники, как подразделение МСО-27 (медико-санитарный отдел) комбината. Медико-санитарной частью руководил молодой врач-хирург А. А. Климкин. В поселке ГРП по-прежнему проживали все трудящиеся геологоразведочной партии № 54, здесь же располагались и управление ГРП. Партия продолжала поисковые и разведочные работы в регионе. Но, все бытовое, медицинское, культурное и другие виды обеспечения проживающих в поселке лежало на предприятии, то есть, лежало на мне. Электроснабжение обеспечивалось от дизельной электростанции, водоснабжение от пробуренных ранее силами геологов нескольких скважин на водоносный горизонт с более-менее подходящим минеральным составом термальных вод для употребления в пищу. Все перевозки по обеспечению населения продуктами питания и промтоварами, медицинским обслуживанием, доставки к местам работы и обратно производились автотранспортом автобазы предприятия. Основные продукты питания – хлебная продукция, молочные товары, овощи – завозились ОРСом из соответствующих объектов, располагающихся в городах Каттакурган, Самарканд; многие другие – с баз УРСа из г. Навои. Несмотря на то, что ОРС предприятия имел соответствующие «наряды», на которых стояла «красная полоса», свидетельствующая о первоочередном обеспечении и обязывающая всех поставщиков выделять заявленные продукты безоговорочно, получение их в районных организациях было не всегда нормальным, ставились какие-то условия или шли ссылки на отсутствие возможностей их выделения. Вынужден был попросить аудиенцию у первого секретаря Каттакурганского райкома КП УзССР, лично познакомиться с ним, рассказать о ходе строительства объектов, задачах коллектива, конечно, в пределах допустимых с точки зрения секретности производства, о положении дел и выразить просьбу дать необходимые указания районным организациям о полном и действительно первоочередном выделении продуктов питания ОРСу предприятия. Дело в том, что партийная организация предприятия не входила в состав районного, а входила в состав Навоийского Горкома КП УзССР, который объединял партийные организации предприятий и подразделений Минсредмаша, т. е. специальный

комитет. Беседа с первым районным секретарем прошла довольно «сухо», как-то официально. Хотя я и получил заверения в выполнении моей просьбы, но секретарь выразил некоторое неудовольствие тем, что наша партийная организация не входит в состав районной, находясь на ее территории. Сразу скажу, что в соответствии с установившимися правилами, о действительном назначении объектов Минсредмаша мог полностью знать только первый секретарь обкома. С остальными работниками всех рангов партийных органов при общении приходилось обсуждать больше бытовые, общехозяйственные вопросы, избегая темы характера производства и его продукции. Это «правило» я узнал от З. П. Зарапетяна, когда он меня знакомил с первым секретарем Самаркандского обкома КП УзССР (фамилию которого сейчас не помню).

В поселке ГРП был и клуб, в котором можно было разместить, примерно, 100 посадочных мест, или, убрав скамейки, устраивать танцы. В нем же был помост-сцена, здесь же разворачивался экран для просмотра фильмов от передвижной аппаратуры. В этом клубе проходили и общие собрания трудящихся по тем или иным случаям. Так, в нем было торжественно отмечено получение государственных наград группой трудящихся ГРП-54 «Краснохолмскгеологии» и денежной премии за открытие Сабырсайского месторождения урана. Орден получил и мой друг и одноклассник, начальник ГРП А. А. Аганов. После торжественной части в комнатах конторы ГРП состоялся ужин, где я познакомился с большинством руководителей служб ГРП, а именно – главным инженером Э. К. Притулой, главным геологом Б. И. Натальченко, руководителем буровой службы А. Х. Бокаржиевым, главным гидрогеологом А. А. Зайцевым и др. С большинством из них, ставшими в дальнейшем руководителями аналогичных служб уже на уровне управления экспедицией «Краснохолмскгеология», мне посчастливилось много встречаться как по производственным делам, так и в быту по разным торжественным и семейным праздникам.

После окончания учебного года ко мне приехала Юлия с Виктором. В это время к Аганову тоже приехала его супруга Неля с двумя сыновьями (моложе наших – Аганов женился значительно позже меня) и наши семьи познакомились ближе и на всю жизнь. Виктор даже оставался в семье Агановых под наблюдением Нели, когда Юлия уезжала в Ташкент для помощи родителям в сборах на отъезд в Ярославль. С приездом Нели и мне стало легче, она (Неля) подкармливала Альберта и меня всякими вкусными блюдами армянской кухни.

Приближался август месяц. В этом месяце вся Страна отмечала два профессиональных праздника: «День Строителя» – во второе воскресенье, «День Шахтера» – в последнее воскресенье. И тот и другой праздник имели прямое отношение к нашему коллективу и началась подготовка к этим праздникам. Были определены докладчики на торжественных собраниях, готовились приказы по предприятию с поощрением лучших трудящихся в виде благодарностей, почетных грамот, денежных премий. При клубе уже был определенный актив, в основном из молодежи, готовивших художественную самодеятельность. Я еще нигде не говорил, что в те времена в СССР днем отдыха были только воскресенья, т. е. один день в неделю, поэтому, как правило, торжественные собрания по поводу таких праздников проводились накануне, по субботам. Второе воскресенье августа попадало на 12.08.66.

Торжественное собрание началось в субботу, 11-го августа, в 20 часов. Зал клуба был переполнен. Небольшой доклад о «Дне строителя» сделал начальник СМУ В. М. Пичужкин, затем нач. ОК (не помню фамилию) огласил приказ директора предприятия и под горячие аплодисменты мною были вручены почетные грамоты и денежные премии передовикам, а после небольшого перерыва начался концерт художественной самодеятельности. Я сидел где-то во втором ряду, рядом сидели сотрудники управления. В какой-то момент в зал зашел Дубко и, пробравшись между рядами, сообщил мне «на уху», что на одной из улиц у рабочего общежития кто-то стреляет из ружья и уже ранил проходящую женщину с ребенком. По уже сложившейся традиции (помните, как было в Учкудуке) я считался главой добровольной дружины по поддержанию общественного порядка, в которой принимали участие и большинство управленцев предприятия. В это время, время фактического становления коллектива, когда еще и не было ни отделения милиции, ни других правоохранительных органов, а поселок обслуживал лишь один сотрудник Навоийского отделения спецмилиции, роль добровольной дружины особенно была важна. Я, стараясь как можно меньше мешать окружающим смотреть концерт, выбрался из зала и отправился по темным улицам к указанному общежитию. За мной пошли и Дубко, и услышавший о происходящем Юрий Чурбанов, а за ними еще кто-то. Я опередил идущих за мной шагов на 10 и при подходе к середине барака-общежития, где от улицы отходила тропинка ко входу в него, мелькнула «молния», раздался взрыв, я почувствовал удар и сильную боль в затылке. Мгновение и потерял сознание. Очнулся я уже в машине, в которой меня везли в г. Самарканд. Сопро-

вождали меня врач и кто-то из сотрудников, знающий географию Самарканда. Боль в голове была сильнейшей. В какую больницу в Самарканде меня поместили, я не знаю до сих пор, и все время моего пребывания в ней помню смутно, очевидно, из-за того, что у меня было сильное сотрясение мозга. Лежал я в большой больничной палате коек на 10, голова вся забинтована, только правый глаз мог смотреть на внешний мир. В понедельник меня посетил Зарап Петросович Зарапетян в сопровождении медика из Навои, вместе с ним был и местный профессор-глазник Юнусов. Зарап Петросович вместе с вопросом о моем самочувствии, расспросил меня где Юлия, успокоил меня в плане того, что принимаются все необходимые меры, и что все будет в порядке. Прошло несколько дней и ко мне пришли несколько сотрудников комбината и предприятия и сообщили, что меня направляют в Москву на лечение. От них я, наконец, узнал о произошедшем событии, в котором я пострадал. Один из молодых специалистов, техник-буровик (не уверен, но кажется по фамилии Чиженко), работая на бурении скважин на площадке рудника № 1, сумел собрать оставшиеся не взорвавшимися остатки ВВ при производстве взрывных работ по планировке площадки, сохранил их и после изрядной выпивки вечером 11-го августа решил произвести «фейерверк» в честь Дня строителя. Он выходил из общежития, укладывал какое-то количество ВВ, электродетонатор и по протянутым проводам через окно концы вставлял в электророзетку – происходил взрыв. Одним из таких взрывов была оглушена проходящая с ребенком женщина (очевидно на достаточно большом расстоянии), а последним взрывом был травмирован я, но уже с близкого от заряда расстояния. Кроме сотрясения мозга у меня оказался травмированным левый глаз – проникающее ранение осколками породы. Состояние глаза было таким, что профессор Юнусов принял решение глаз удалить после того, как улучшится у меня состояние, связанное с сотрясением мозга. Свои соображения Юнусов изложил Зарапетяну. Последний же с этим не согласился и принял решение отправить меня на лечение в Москву. В сопровождении медицинской сестры из Медсанотдела и старшего инженера горного отдела Комбината Юрия Ефремова меня на машине «скорой помощи» отвезли в аэропорт Самарканда к рейсу на Москву, на носилках поместили в салон. В Москву прилетели около 23 часов. На аэродроме ждала «скорая помощь», и на ней нас привезли в больницу глазной клиники им. Гельмгольца. Здесь же, ночью произвели осмотр приборами и поместили в одноместную палату на втором этаже. Утром следующего дня меня осмотрела зав. отделением, профессор Роза

Александровна Гундарева (кстати, дочь легендарного генерала Гундарева, участника ВОВ), которая после долгой беседы со мной сказала: «Зрение не восстановим, но глаз сохраним!» Началось интенсивное лечение пока в лежащем положении. Затем стал понемногу подниматься с постели, уже ходить на процедуры в различные кабинеты, в столовую, курилку и выходить на территорию больницы, к выходу из нее на Садовое кольцо. Здесь, в больнице я узнал о многих, ранее мне неизвестных болезнях глаз, такие, как глаукома, отслойка и насмотрелся результатов необычных несчастных случаев в быту и на производствах, приведших к потере зрения и потребовавших очень сложных операций, которые виртуозно выполняли врачи и средний медперсонал клиники им. Гельмгольца, одной из ведущих глазных клиник в СССР, наряду с Филатовской в Одессе. Вместе с тем, даже здесь и в шестидесятых годах не все необходимые медикаменты могли быть обеспечены клиникой. В какой-то момент мне Роза Александровна сказала, что необходим какой-то препарат, которого в клинике нет, но его можно приобрести по рецепту, если поехать по аптекам Москвы!

При отъезде из Самарканда в Москву я попросил кого-то, кто посетил меня с предприятия, дать телеграмму в Ярославль, где в это время уже находилась вся моя семья и родители Юлии, о том, что я еду в командировку в Москву. Уже из клиники я отправил открытку Юле в Ярославль, в которой сообщил, что нахожусь в больнице, что ничего серьезного, но она может меня навестить. Юля, конечно, примчалась немедленно, остановилась у наших друзей Аксельбантов и навещала меня ежедневно. Она мне рассказала, что, получив телеграмму из Сабырса о моем отъезде в командировку в Москву, сразу поняла, что телеграмма эта дана не мною – стиль не тот – и сразу забеспокоилась, поняв, что произошло что-то необычное. Оказалось, что Роза Александровна Гундарева близкая подруга нашей Адель Абрамовны Сарнэ, супруги Давида Аксельбанта (Миртесен!). Были приняты все необходимые меры по приобретению нужных медикаментов в аптеках и лечение продолжилось в нужном темпе и интенсивности.

Кое-что интересное я узнал и здесь, в клинике. Я был заядлым курильщиком. Я, кажется в первой книге писал, что начал курить с 11 лет, живя в поселке Азотного завода на окраине города Сталино (позже Донецка). Уже учась в 7-м классе я курил при маме, а в описываемое время выкуривал не менее пачки папирос «Беломорканал» фабрики «Ява», или сигарет без фильтра. Однажды, зайдя в курилку, где находилось человек 5 больных, я услышал рассказ

одного из молодых людей, а слушатели были самого разного возраста, о том, что его родной дядя работал на урановых рудниках, и что там трудились и заключенные, которых приковывали к забою для работы. Никто из слушателей не возражал, наоборот, включались в обсуждение, добавляя разные небылицы, слышанные на эту тему. Я, естественно, не мог вмешаться в этот разговор, воздержался, не понял какие легенды ходят в народе, в силу отсутствия информации, засекреченности урановой проблемы, и не только ее, что было характерно для Советской действительности.

В клинике лечились и иностранцы. В частности, я познакомился с двумя алжирцами-арабами. Один, лет 25-ти, белокожий, чувствовалось в нем аристократическое воспитание, не плохое образование, немного говорил по-русски, второй, темнокожий с негроидными признаками, лет 18-ти, видно из бедной семьи. Но, содержались они в одной двухместной палате, питались только в ней, в общую столовую не ходили, больные поговаривали, что для них готовились особые блюда. Держались они всегда вместе, причем, видно было, что старший курирует младшего. Кто и как оплачивал их содержание в Советской больнице, я не знаю, одни говорили, что это гуманитарная помощь слаборазвитым странам, другие – что родственники больных платят большие деньги за лечение. Я больше склоняюсь к первому варианту, зная о том, что руководство партии и государства во многих случаях старались разыгрывать перед мировой общественностью образ бескорыстного спонсора третьим, неразвитым Странам.

Лечение шло медленно, Роза Александровна меня осматривала часто, через день и всё время мне внушала, что придется еще долго вести себя очень осторожно, не нагружаясь физически и эмоционально, чтобы сохранить травмированный глаз и не нарушить зрение правого глаза. Меня навещала Юлия, пару раз с ней приезжали и дети. Наступила осень, октябрь, похолодало. Наступил день выписки из клиники, мне выдали обширный медицинский документ с рекомендациями лечащему врачу в медсанчасти, а Роза Александровна Гундарева провела со мной заключительную беседу и сказала, что я остаюсь у них, в клинике, на учете и могу в любое время посетить их и получить необходимую консультацию. Приехала Юлия, и мы сразу же отправились по магазинам, чтобы приобрести мне пальто, так как у меня ничего теплого из одежды не было. Уже в пальто мы приехали к Аксельбантам, а на следующий день выехали в Ярославль. Через неделю я и Юлия через Москву и Ташкент вылетели в Навои. Здесь продолжилось мое лечение, мне продлевали

бюллетень по освобождению от работы. Помните, что в Навои мы имели квартиру, ведь Юлия не переехала еще в Сабырсай, еще не было у меня там квартиры. Дети остались в Ярославле, пошли там в школу. Макс Борисович Шатуновский на общественных началах стал вести в школе агрономический кружок, сделал теплицу, стал он и членом родительского комитета школы.

ГЛАВА 4

И опять Навои. Стройка в Мурунтау. Зарапетяновские штабы

Юлия приступила к работе в проектно-монтажном отделе, я лечился. В Навои развернулось грандиозное строительство промышленных объектов и самого города. Навоийское управление строительства (НУС), генеральный подрядчик, строило и объекты комбината в Навои, и промышленные предприятия других министерств СССР таких, например, как Навоийский Химический Комбинат (НХК), Навоийский электрохимзавод (НЭХЗ), а в дальнейшем крупный Навоийский цементный завод (НЦЗ), все виды инженерных коммуникаций, объекты пищевой промышленности и т. п. Совершенствовалась и расширялась база стройиндустрии НУСа. В городе начали возводиться жилые дома большой этажности, панельное строительство. Функции генерального застройщика всего промышленного района были Совмином СССР возложены на Минсредмаш, а последний возложил их на комбинат. Генеральный план и проекты застройки города Навои разрабатывал Ленинградский ГСПИ-11 Минсредмаша. Меня иногда проводывали товарищи, сослуживцы и чаще друзья. Ведь в Навои работали и проживали наши давнишние друзья Витковские Сергей и Анна, Шварцманы Борис и Мария, Смирновы Павел и Феля. Звонил пару раз и З. П. Зарапетян, интересовался здоровьем, и когда я вернусь на работу. Я отвечал, что лечение идет, но пока нагрузки никакого рода не допускаются. Так прошли ноябрь, декабрь месяцы, отпраздновали Новый, 1967-й год.

В начале января раздался телефонный звонок и Зарап Петросович раздраженно спросил меня: «Так ты на работу выходишь?»

На что последовал мой ответ: «Зарап Петросович, на этот раз я выйду на работу только тогда, когда мне разрешат врачи. Я не хочу осложнений, которые могут привести к потере зрения вторым глазом!»

Таков был мой ответ, и я думаю, что Зарап Петросович другого и не ждал, узнав заранее от начальника медсанотдела положение дел с моим лечением. Мой ответ послужил основанием для назначения директором предприятия п/я 12 (Сабырсая) В. М. Кишко, а меня назначил на мою прежнюю должность – заместителем начальника горного отдела комбината по КС. Я поначалу принял такие действия Зарапетяна с обидой, но после рассуждения с самим собой пришел к выводу, что поступил он правильно. Ведь не могло же строящееся предприятие, где необходимо был создавать коллектив, преодолевать трудности роста, оставаться без первого руководителя большое и, в добавок, неопределенное время. Подумав, я решил, что и я поступил бы точно так же, будь я на месте Зарапетяна.

Так сложилось, что к описываемому времени закрылись работы в связи с отработкой запасов, на небольшом месторождении урана в районе севернее города Красноводска, в Туркмении. На этом месторождении несколько лет функционировало отдельное рудоуправление, подчинявшееся непосредственно Первому главному управлению Минсредмаша, и это рудоуправление возглавлял Василий Михайлович Кишко. Кишко прибыл с группой инженерно-технических работников, небольшим количеством рабочих-горняков. Также с бывшего предприятия были направлена в Сабырсай и какое-то количество пригодных к эксплуатации механизмов и оборудования.

К моменту прибытия Кишко в Сабырсай уже почти был полностью закончен и отделан коттедж, выделенный мною под директорское жилье, он и занял его. С Кишко В. М. я познакомился лишь через пару месяцев после выхода на работу и прибытия в Сабырсай в командировку. Вернее, мы друг друга уже знали по встречам на конференциях и совещаниях, проводимых руководством комбината № 6 (ЛГХК) в Чкаловске, а Кишко в то время работал на предприятии п/я 12 (Адрасман). Он встретил меня несколько настороженно, но пригласил на ужин домой, где я и познакомился с его супругой. В непринужденной обстановке обменялись информацией друг о друге и о производственных делах.

Часто бывать в Сабырсае за время работы в управлении комбината мне не пришлось. Меня озадачивали решением вопросов других, в это время набирающих темпы строительства, объектов. Это проходка геологоразведочных стволов на месторождении «Сугралы» для подтверждения запасов, разведанных скважинами, и проведения опытных работ, которые смогут дать возможность утвердить запасы для строительства на их базе эксплуатационного предприятия, довольно частое участие в бригадах «Штаба по строитель-

ству золотоизвлекательного промышленного комплекса Мурунтау», возглавляемого лично Зарапом Петросовичем Зарапетяном. Начну с проходки ствола «Кызылкумский» на участке залежей 2-3. Проходка ствола продолжалась (о начале работ я уже говорил) бригадой во главе с бригадиром Пантиковым, а участком командовал Михаил Аякпергенев, который очень удачно вписался в окружающую обстановку, район проживания казахского населения, каким являлся Тамдынский район. Его организационные способности, коммуникабельный характер, огромное желание добиться успехов в порученных ему работах давали неплохой результат. Темпы проходки ствола были весьма удовлетворительными. Аякпергенева окружающие подчеркнуто называли «Михаил Васильевич» (имея ввиду Фрунзе) еще и потому, что он отпустил усы, похожие на Фрунзенские. Забоем ствола уже было пройдено более половины пути к первому напорному водоносному горизонту «Сарбатырскому». На всех уровнях производства шло обсуждение и подготовка к проходке этого водоносного горизонта, результаты которых должны были быть основой для вскрытия и проходки через основной, «Сугралинский» водоносный горизонт, более напорный, и термальные воды которого имели температуру около 45°C. К этому времени ГСПИ-14 заканчивал разработку проекта «Опытного рудника на участке залежей 2-3». С 1967 года была организована проходка геологоразведочного ствола на участке залежи 4, названного «Октябрьский». Начальником участка проходки этого ствола был назначен горный инженер Алексей Соломонович Богуславский, молодой специалист, поработавший уже в проектно-монтажном отделе комбината. Мне пришлось уделить много внимания и времени пребыванию непосредственно на площадке работ по организации подготовки и началу проходки воротника ствола, его бетонирования, монтажа копра и подъемной машины. В дальнейшем, с моей помощью отрабатывались схемы расположения и взрывания шпуров в забое, в связи с меняющейся крепостью и вязкостью проходимых пород. Алексей Соломонович очень быстро постигал стиль руководства и умело вел работы. Между нами сложились очень хорошие взаимоотношения. Не помню сколько еще времени работал здесь Алексей, но возникшая между нами дружба, несмотря на разницу в возрасте, продолжалась долгие годы.

В результате многих обсуждений и проработок было принято решение о проходке «Сарбатырского» водоносного горизонта с помощью вертикального проходческого щита, конструкцию которого разработали сотрудники специальной лаборатории научно-исследовательского отдела (НИО) ГСПИ-14 под руководством очень

талантливого инженера-конструктора, энтузиаста Геннадия Трофимовича Ширая и его коллег, а снятие гидронапора с помощью водопонижительных скважин и откачки нефтяными насосами. Изготовление деталей проходческого щита производилось на РМЗ комбината, необходимые комплектующие изделия заказывались через службы материально-технического снабжения. На мою долю доставались многочисленные вопросы увязки проектирования, выдачи чертежей в производство работ, контроль сроков выполнения намеченных графиков работ, вопросы подготовки кадров к щитовой проходке и многое другое.

Не обошло меня и продолжение специфического отношения ко мне главного инженера комбината А. П. Щепеткова. На проходке ствола «Кызылкумский» произошел несчастный случай со смертельным исходом – одного из проходчиков убило упавшим в ствол с поверхности металлическим предметом (не помню каким), а пострадавший в это время находился, по каким-то причинам, на крыше верхнего защитного проходческого полка (в нарушение требований «Правил...»). В приказе по комбинату, завершающему результаты расследования, мне было объявлен «выговор», хотя я во время случившегося там не был, в «Акте расследования...» моя фамилия не фигурировала, но, тем не менее, он (Щепетков) посчитал необходимым упомянуть меня, как одного из ответственного за проводимые там работы.

В описываемое время на промышленных площадках в районе Зарафшана, на Бесапане и Прикарьерной разворачивались большими темпами строительные работы. Как уже отмечал ранее, по инициативе З. П. Зарапетяна и принятого министром Славским Е. П. решения строительство всех промышленных объектов, городов, инженерных коммуникаций и всей инфраструктуры производилось хозяйственным способом строительными подразделениями комбината с привлечением механомонтажных и электромонтажных подразделений ЮПМ и МСУ-79 12-го главного управления Министерства. Принятые директивами правительства сроки строительства предприятия по освоению уникального месторождения золота «Мурунтау», планы строительства в соответствии с этими директивами требовали резкого увеличения объемов и темпов строительных и монтажных работ. Дирекцией комбината и, в первую очередь, его руководителем З. П. Зарапетяном, который создал упомянутый мною выше специальный «Штаб по организации строительных работ и координации действий всех участников строительства», возглавляемый им лично, принимали неимоверные усилия по созданию и комплекта-

ции кадрами строительных подразделений, обеспечению проектной документацией, стройматериалами, оборудованием проводимых работ. Одновременно шла подготовка и комплектация кадров будущих эксплуатационников горняков, металлургов, химиков, механизаторов и других профессий. Все сотрудники отделов комбината, в первую очередь, производственных, особенно их руководители, были задействованы в работе этого штаба. Естественно, и я, заместитель начальника горного отдела, принимал самое активное участие в работе «Штаба...», правда, лишь в не столь долгий период, 1967 и менее половины 1968 годов, до ухода опять на работу директором ЮРУ – Южного рудоуправления комбината.

Здесь я должен сообщить о важном, на мой взгляд, событии, на которое может быть и не обратило внимание большинство жителей СССР и даже некоторые сотрудники закрытых министерств. Это о том, что с 1-го января 1967 года были отменены названия закрытых предприятий Минсредмаша (про другие не знаю) «Почтовый ящик» (п/я №...) и стали называться открытыми наименованиями, к примеру, Ленинадский горно-химический комбинат (ЛГХК), Навоийский горно-металлургический комбинат (НГМК), не предприятие п/я 12, а Южное рудоуправление (ЮРУ) – это Сабырсайское предприятие, а Учкудукское стало СРУ – Северное рудоуправление, Зарафшанское (ЦРУ) – Центральное рудоуправление, Сугралинское – Восточное рудоуправление (ВРУ) Навоийского горно-металлургического комбината. Это не значило, что был отменен, или снижен уровень секретности, отнюдь нет. Я бы сказал, что еще более был ужесточен список сведений и работ, составляющих государственную тайну, и поднят гриф секретности на многие из них. Но, главное, был снят режим доступа в наши города и поселки – отменен пропускной режим проезда в них, а самое главное – это ликвидированы статусы ПФЛ (проверочно-фильтрационных лагерей) для сотен тысяч их обитателей и «спецпоселенцев» для выселенных и переселенных многих тысяч семей немецкой, крымско-татарской, чеченской, калмыцкой, турко-месхетинской и других национальностей. Правда, все они получили некоторые, определенные ограничения, в частности, в местах будущего проживания. Так что лишь с этого времени можно называть подразделения открытыми наименованиями, а раньше я просто опередил события, но, думаю, не очень искажил действительность.

Я не собираюсь описывать подробности хода строительства объектов и сроков их ввода, а хочу лишь изложить некоторые запомнившиеся события, которые и дадут определенную характеристику

состояния обстановки, атмосферы, царившей на строительных объектах.

Обычно по понедельникам самолетом АН-2, арендованным комбинатом, вылетал З. П. Зарапетян и с ним постоянные члены Штаба – начальник ОКСа Е. М. Маламуд, главный механик Б. И. Шварцман, заместитель по общим вопросам Ф. М. Капитанов, зам начальника ОКСа П. Г. Улькин, начальник отдела материально-технического снабжения Ю. М. Коноплев, начальник отдела оборудования А. В. Зарудний, заместитель начальника отдела организации труда С. М. Маматов, директор РМЗ Б. А. Миролубов или главный инженер РМЗ С. З. Львовский, заместитель директора по режиму полковник И. М. Гурин, руководитель группы ОКСа И. М. Лютин. Другие участники работ штаба присоединялись по мере необходимости, определяемой Зарапетяном. Постоянными членами штаба были, также, в тот период главный инженер ЦРУ В. С. Воскобойников, начальник управления строительства, он же зам. директора ЦРУ Н. В. Щукин, строители А. П. Касатиков, В. И. Пильчик, от треста «Югпроммонтаж» И. Д. Сутягин, от МСУ-79 К. И. Деяшкин. Я был одним из тех, кто вылетал и участвовал в работе штаба по указанию Зарапа Петросовича, почему-то он меня очень часто требовал. Обычно, во время полета в самолете участники громко обменивались разной информацией, шутками, не обидными колкостями, зачастую организовывалась игра в «дурака» в картах. Как правило, Зарап Петросович участвовал в игре (два на два человека), остальные вслух комментировали ход игры, шутили, «подкалывали» – атмосфера была приятной, благожелательной. Характерно, что Зарап Петросович не любил проигрывать, оставаться в «дураках». Если такое происходило более двух раз подряд, он отказывался от дальнейшей игры, и кто-то его заменял.

В одном из первых пятиэтажных жилых домов в 1-м микрорайоне в двух подъездах было организовано месторасположение и проживания приезжающих участников работы штаба. На втором этаже одного из подъездов средняя, однокомнатная квартира постоянно занималась Зарапом Петросовичем, две остальные (двух- и трехкомнатная) занимались приехавшими. Во втором подъезде на первом этаже в трехкомнатной квартире располагалась «хозяйка» и дежурные этой своеобразной гостиницы, и в двух комнатах размещались водители легковых автомобилей, на которых приезжали в Зарафшан отдельные руководители подразделений, отделов комбината из Навои и других мест – такие поездки тоже совершались, несмотря на еще не построенную к этому времени автомобильную дорогу.

В квартире, занимаемой Зарапом Петросовичем, в холодильнике, как правило, всегда были в наличии продукты, из которых можно было сделать бутерброды, приготовить чай, кофе и перекусить после возвращения в позднее время (22–24 часа) с объектов, когда уже не работали столовые, в которых можно было пообедать или позавтракать в определенные часы, простояв в довольно больших очередях.

Одновременно со строительством поселка Зарафшан, промышленных объектов на промплощадке «Бесапан», где широким фронтом развивалось строительство первых объектов золотоизвлекательного завода – ГМЗ-2, промобъектов на прикарьерной площадке, Зарап Петросович взял на себя обязательство построить в райцентре Тамды современный жилой микрорайон со всей необходимой инфраструктурой, обустроить и улучшить существующий в райцентре водозабор питьевого водоснабжения, проложить сеть водопроводов по поселку райцентра и, тем самым, не просто улучшить, а создать систему водоснабжения населения райцентра, удовлетворяющую современным требованиям. В одной из поездок я стал участником проведения работы штаба на указанных объектах строительства в Тамды. Напомню, что упорядочение системы водозабора в Тамды необходимо было и для организации водоснабжения собственно объектов строительства и населения поселка Зарафшан на весь период до окончания строительства уникального водовода Амударья – Зарафшан, протяженностью более 200 км через пески Кызылкумов с несколькими перекачными насосными станциями, ЛЭП-220 кВ и водозаборными сооружениями на реке Амударья в районе Сазакино. На сей раз в работе штаба принимал участие и зам. по КС комбината К. П. Павлычев и нач. ОКСа Е. М. Маламуд, весь состав не помню, но к нам примкнули председатель Тамдынского райисполкома, нач. проходки стволов на Сугралах М. В. Аякпергенев. Члены штаба, местные руководители стройки и примкнувшие к нам участники добросовестно обошли все сооружаемые объекты, по ходу обсуждали состояние дел, причины невыполнения предыдущих решений и много других вопросов. Зарап Петросович помнил все предыдущие решения и его указания и очень резко, с паволокой в глазах допрашивал исполнителей, не исполнивших решений, доставалось и руководству СМУ от Зарафшанского управления строительства. Я заметил, что Зарап Петросович как-то по-отечески, внимательно присматривается к одному из ИТР стройки по имени Еркин Абдуллаев. Последний очень четко отвечал на задаваемые вопросы, даже когда

приходили в смущение вышестоящие руководители, не старался юлить, искать объективные причины промахов, как это зачастую делали многие в таких ситуациях. После обхода и объезда всех объектов, довольно разбросанных территориально, собрались в одном из еще недостроенных домов, где и прошло заключительное совещание. В протоколе заседания были отмечены решения с четкими указаниями сути и сроки их исполнения, протокол, как правило, вел один из сотрудников ОКСа Комбината, чаще это был И. М. Лютин. После совещания «сгущенная атмосфера» серьезности, как-то разряжалась и в более доброжелательном духе проходил разъезд участников по своим местам работы. Через небольшое время узнал, что Абдуллаев Е. стал начальником строительного участка, руководителем строительства жилого квартала и связанных с ним объектов инфраструктуры. Очень красивый микрорайон в Тамды был сооружен, очень выгодно отличался от ранее существовавших, стал образцом дальнейшего повышения условий жизни и культуры в одном из очень отдаленных уголков Кызылкумов. Это только один из многих примеров влияния развернувшейся гигантской стройки важнейших промышленных производств по освоению богатейших недр в ранее недоступном крае Узбекистана. Еркин Абдуллаев еще много лет проработал на разных должностях в строительных подразделениях комбината, а затем переехал в Ташкент, где стал управляющим строительного треста в системе Главстроя Узбекистана. Я с ним неоднократно встречался в будущем, во времена проживания в Ташкенте.

Опишу одну из недель пребывания в Зарафшане в работе «Штаба...» в период, когда развернулись работы на площадке ГМЗ-2, на «Бесапане» в полную силу. Это было, кажется, уже в начале лета 1968 года. На «Бесапане» уже функционировали и лагерь заключенных, и солдатский городок военных строителей, и растворобетонный узел, и другие подсобные объекты СМУ «Промстрой», которым руководил Ю. В. Цыков. Заседания «Штаба...» проходили в вагончике, стоявшем несколько в стороне от проводимых в три смены строительных работ на главном корпусе, сгустителях и подошло время производить бетонирование воротника шахты ККД-1 (корпуса крупного дробления). На планерке было принято решение подготовить все средства и обеспечить организацию работ по укладке не менее (может быть ошибусь в цифрах, прошу прощения) 200 м³ бетона в воротник шахты и 100 м³ бетона в один из сгустителей. Это надо было выполнить за вторую и третью смены. Таких объемов за указанный срок еще никогда не выполнялось. Все руко-

водители подразделений – участников этой работы – строительных, РБУ, автобазы, командиры военных строителей разошлись по своим подразделениям для проведения необходимых мер. К каждому подразделению-участнику был прикреплен один из работников Управления Комбината, участвовавшего в работе «Штаба...». Е. М. Маламуд, я и С. М. Маматов остались в резерве при Зарапе Петросовиче. В 16 часов работы начались. Зарап Петросович разместился на скамейке под небольшим навесом (от солнца), на пяточке, из которого хорошо просматривались районы сгустителей и трасса передвижения автосамосвалов, везущих бетон к местам намеченных работ. На местах укладки бетона стояли авто- и самоходные краны, поднимавшие «калоши», заполненные бетоном, и подавали их по командам бригадиров в нужное место. С. Маматов считал число проходящих груженых самосвалов и систематически докладывал Зарапетяну. Как только ритм подачи бетона сбивался от заданного, Зарап Петросович тут же направлял меня, или Е. Маламуда узнать, где и почему срывается этот темп, отдавал распоряжение на выполнение тех, или иных мер по ликвидации срыва и наверстыванию отставания. Все площадки работ были освещены светильниками и прожекторами так, что и после захода солнца было светло, как днем! Работа на всех участках кипела. Мне часто приходилось бежать к местам укладки бетона, чтобы докладывать З. П. положение дел, и я видел с каким энтузиазмом, рвением работали и вольнонаемные трудящиеся и бригады военных строителей и ИТР, задействованных в это дело. Бетонирование сгустителя шло под руководством и надзором В. С. Воскобойникова, который в спецодежде неотступно стоял в самом центре события и неоднократно помогал направлять «калошу» в нужное место, с шутками и прибаутками, с его всегда добродушной улыбкой, воодушевляя работников на поддержание набранного темпа и следя за качественной укладкой бетона и проработки его вибраторами. Образ и улыбка этого очень интеллигентного и хорошего Человека, грамотнейшего специалиста и организатора производства, безвременно ушедшего из жизни через несколько лет от описываемого периода, стоит у меня в глазах по сей день («Да не померкнет память о нем в наших сердцах!»).

Темпы подачи и укладки бетона шли и держались на уровне требуемых заданным графиком. Нам, находившимся рядом с З. П., стало даже скучновато, хотелось спать. Ефим Маламуд, даже на ушко сказал мне: «Давай уедем отсюда, дело сделано!» – Но, я ему в ответ: «Как же оставим З. П., вроде неудобно». Думаю, Ефим Менделеевич говорил это не серьезно.

И вот, уже где-то в шестом часу утра, при очередном подъеме калоши с бетоном на участке бетонирования воротника шахты ККД – 1, при неудачном повороте подъемный кран упал на бок! Авария обошлась без несчастного случая с людьми. Работа по бетонированию, естественно, здесь прекратилась. Машины с бетоном направили на другие места работ. Зарап Петросович к этому времени уже умаялся и, сидя, дремал. Мы решили его не беспокоить. Руководителями стройки были приняты необходимые меры, вызваны дополнительные грузоподъемные механизмы, кран поднят в рабочее положение и отогнан в сторону, а укладка бетона продолжилась. К 8 часам утра, моменту пересменки и оперативного подведения итогов работы предыдущих двух смен, из которых стало ясно, что не только выполнены, но и перекрыты заданные объемы бетонирования. Зарап Петросович приказал построить отряд военных строителей, особо отличившийся в работе, и, после небольшого приветствия в их адрес и командования, вручил каждому премию в виде памятных наручных часов, конвертов с деньгами, почетных грамот. Группа участников «Штаба...» во главе с З. П. отправились в Зарафшан, где перекусили и в гостиничке отдохнули, поспали часа 2–3 и, собравшись в трехкомнатной квартире, выслушали высказанные Зарапетяном одобрительные слова. Главным результатом проведенных суток было то, что темпы работ на площадке ГМЗ-2 продолжились в заданном режиме, показали его возможность руководителям участков, автобазы, РБУ и другим участникам стройки. Работа «Штаба...» продолжалась, объезжали и проводили обсуждения дел на многих объектах промышленных и жилья в строящемся поселке Зарафшан. В субботу, около второй половины дня вылетели в Навои. Работа «Штаба...» в таких темпах проводилась в течение 2–3 лет. Удивляли работоспособность, упорство, организаторские приемы Зарапа Петросовича Зарапетяна, знавшего и помнившего положение дел, данные указания, обязательства, взятые руководителями подразделений на многих строящихся объектах, строго спрашивавшего и с руководителей всех подразделений комбината (РМЗ, КМТС и др.) и отделов управления комбината, не исполнивших решений «Штаба...» или сорвавшие срок их исполнения. В работе «Штаба...» мне придется еще неоднократно поучаствовать уже и в другом амплуа, об этом сказ в будущем.

ГЛАВА 5

Веселимся. Встреча с Ильей Шатуновским. Делегация из Чехии

Вернусь в 1967 год и в город Навои, где жизнь, работа, строительство шли своим чередом, напряженно и в темпе. Одновременно улучшались условия жизни трудящихся. В городе действовали кинотеатр «Узбекистан», кинозалы в микрорайонных торговых центрах, плавательный бассейн, полным ходом шло строительство Дворца культуры «Фархад», главного торгового центра и других бытовых объектов. Как уже упоминал, в Навои проживали семьи и работали наши старые друзья и товарищи – Сергей и Анна Витковские, Борис и Мария Шварцманы, Павел и Феля Смирновы, Юрий Маслов (одноклассник Юлии по факультету института) и сблизилась мы с Самуилом и Аллой Львовскими (главным инженером РМЗ), Юрием Копыловым (начальником планового отдела комбината) и его супругой, Аркадием (зам. главного геолога комбината) и Надеей Баклаженко, Александром (главным гидрогеологом комбината) и его супругой Величенко и другими. Напряженный труд требовал и разрядок. Семейные праздники (дни рождения, круглые даты совместной жизни и др.) стали отмечать в кругу друзей. В один из дней, вернее суббот, приуроченных ко дню рождения Павла Смирнова (какой был месяц, совершенно не помню), у него собрались Шварцманы, Баклаженки, Львовские, Копыловы и мы с Юлией. Как водится, пришли с подарками. Тосты, шутки, музыка и даже потанцевали. Атмосфера вечера была самая прелестная, настроение у всех приподнятое. Не помню кто, но один из нас высказал предложение: «А почему бы нам не собираться почаще и не ожидая дней рождения?!»

Обсудили и решили: собираться по субботам два раза в месяц. Составили график (с учетом будущих дней рождений участников) и провели жеребьевку – вытаскивали свернутые бумажки с начерченным числом. Каждой паре определился день приема. Отнеслись

к этим мероприятиям довольно серьезно. Кажется, очередной прием выпал Шварцманам. Они придумали игру – каждому входящему мужчине из приглашенных быстро завязывали глаза платком, и он должен был угадать кто ударил его сзади, не угадавший обязан был выпить полный фужер алкоголя (водки, коньяка или шампанского). На очередные приемы принимающие оформляли открытки-приглашения в стихах. На очередной встрече у Копыловых я не был (выезжал в командировку), но Юлия мне рассказала, что было очень забавно и весело. Приглашение объявляло о проведении маскарада. Хозяева, Копыловы, действительно были в маскарадных костюмах, даже Павел Смирнов, человек серьезный и самый из нас старший (1918 г.р.) изображал грудастую женщину «легкого» поведения! Наступал наш черед. Мы с Юлией придумали провести прием под девизом: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» Все угощения Юлия готовила из традиционных русских блюд – сельдь, соленья, печенный картофель, пельмени, пряники (типа «Тульский») и много другого. Юлия всегда умела, и сейчас продолжает, очень искусно и вкусно готовить, придумывая свои рецепты. Нами была проведена достаточно большая работа по украшению квартиры в нужный «русский» дух. Мы вынесли всю мебель из столовой, оставив только обеденный стол, в углу повесили в рамке портрет женщины под икону из журнала «Огонек», вокруг двери в туалет оформили обрамление в виде домика «на курьих ножках», встречали гостей в костюмах: Юлия – в цветастом длинном сарафане, платочком на голове и монахах на шее, я – в вышитой шелковой косоворотке, подпоясанной шнуром, в шароварах и лаптях. Было, также, очень весело и приятно. На каждом таком приеме прибавлялись кто-либо из приглашаемых друзей хозяев, не входящих в нашу первоначальную компанию, круг расширялся. Молва о наших встречах распространилась, и было много сослуживцев, желавших присоединиться, но ограниченные квартирные возможности не позволяли расширять число участников. Конечно, намеченный графиком темп (два раза в месяц) зачастую срывался по уважительным причинам – отъезд в командировку главы приглашающей семьи, болезнь супруги и т. п. – но встречи эти были очень большим стимулом для скрашивания многих стрессовых обстоятельств, вызываемых напряженным ритмом труда.

К описываемому времени в управлении комбината сложился весьма сильный коллектив сотрудников всех рангов. Это были главным образом опытные специалисты, переведенные из других родственных Комбинатов, или прошедшие школу на подразделениях НГМК, прежде всего в Учкудуке. На проектной мощности работал

коллектив Гидрометаллургического завода (ГМЗ-1), где первым директором был С. Н. Витковский и главным инженером Е. Д. Лебедев. Технология переработки урановых руд по многим переделам по ходу строительства завода была неоднократно пересмотрена, благодаря результатам плодотворной работы руководителей, специалистов Опытного цеха и ЦНИЛа, некоторые фамилии которых перечислю – Р. В. Симаков, Е. Д. Лебедев, А. И. Новоселов, В. П. Половинко, С. О. Петросян, Ю. П. Новиков и др. Работы этих подразделений курировал и направлял главный технолог комбината Ю. Н. Щеглов. Нельзя не упомянуть об оперативной помощи, проявленной коллективами научных лабораторий НИИ-10¹ под руководством академика Б. Н. Ласкорина. Горжусь своим знакомством с ними и плодотворной совместной работой на протяжении многих лет! Весомый вклад в дело строительства, монтажа оборудования, освоения мощностей, внедрения новой техники и ремонта горного и технологического оборудования вносил коллектив РМЗ, который одновременно с работой вел интенсивное строительство и расширение производства, осваивая все более мощное и прогрессивное металлообрабатывающее и металлургическое оборудование. Руководили этим заводом его первый директор Б. А. Миролюбов и главный инженер С. З. Львовский. Очень ревностно курировал развитие РМЗ главный механик комбината Б. И. Шварцман, который сумел доказать необходимость оснащения РМЗ мощной, но и дорогостоящей, техникой, создавшей возможность в дальнейшем перевести это предприятие из ремонтного в машиностроительное. Борис Исаакович сумел войти в доверие и получить поддержку в этом деле от министра Е. П. Славского.

В районе «Сазакино» развернулось интенсивное строительство уникальных водозаборных сооружений на реке Амударья, нулевой насосной станции и поселка для эксплуатационного персонала этих объектов водовода «Амударья–Заравшан». Здесь было создано СМУ, подчинявшееся управлению комбината, руководителем которого назначили именно того, кто может в экстремальных условиях создать коллектив и обеспечить нужные темпы стройки – это Леонид Иванович Тимошенко. Перевели его с должности зам. директора по общим вопросам Учкудука, дали квартиру в г. Навои, куда переселилась его семья.

Нельзя не отметить и то, что жизнь в г. Навои, с точки зрения обеспечения товарами народного потребления и наличия объектов торговли, выгодно отличалась от окружающих его населенных

¹ В дальнейшем ВНИИХТ.

пунктов, даже и городов Учкудук, Заравшан. К этому времени (с 1965 года) для обеспечения резко возросшего населения городов и поселков сферы комбината было создано, вместо ОРСа, Управление рабочего снабжения (УРС), с подчинением ему ОРСов всех населенных пунктов комбината. Начальником УРСа был И. С. Шилов, а его замом А. А. Халатов. В составе УРСа имелась уже и еще расширялась мощная прирельсовая база со множеством целевых складов, холодильников и производств, оснащенных необходимой техникой и вспомогательными средствами.

Комбинат, его УРС получали для продажи трудящимся значительное число легковых автомобилей, распределяемых по подразделениям руководством комбината и групповым комитетом профсоюзов № 140. Для хранения индивидуальных автомобилей их владельцы объединились в кооперативы и начали строительство блоков гаражей на территориях за чертой городского строительства разрешенных местной властью. Одним из таких кооперативов был организован сотрудниками управления комбината. Мне удалось еще в 1965 году приобрести кирпичный гараж в одном из блоков у одного из сотрудников. Гаражи эти располагались на территории близкой к управлению и хорошо просматривались тогда из окон кабинетов. Здесь мы держали наш «Москвич-408».

В один из воскресных дней лета 67-го года я находился в гараже, где проводил в смотровой яме профилактическую смазку ходовой части автомобиля, был весь измазан маслами (любил самостоятельно повозиться под автомобилем – своеобразная разрядка от рабочих будней). Вдруг прибежал дежурный диспетчер из управления комбината и сообщил мне, что меня разыскивал Зарап Петросович и требовал с ним немедленно связаться по телефону. Отправился домой и через телефонистку (в то время еще были такие подразделения и профессии) соединился с З. П. Он спросил:

– Ты где?

– Дома, в спецодежде, грязный.

– Срочно приведи себя в порядок. Ты знаешь Бориса Шатуновского?

– Конечно, это же двоюродный брат Юлии!

– Так вот, он и Борис Стрельников сейчас здесь, через несколько минут подойдет машина и ты приезжай!

– Юлию тоже привести? – спрашиваю я.

– Нет, потом! – в ответ.

Действительно, приехал автомобиль, и водитель доставил меня на дачу, местонахождение которой читателю уже известно. Здесь

уже у накрытого стола сидели московские журналисты – Б. Стрельников и И. Шатуновский – и первый секретарь Бухарского обкома КП УзССР К. М. Муртазаев и Зарап Петросович. После рукопожатий и обмена восклицаниями, а я был знаком и с Ильей, и с Борисом где-то с середины пятидесятих годов, о чем опишу ниже, меня усадили за стол и пошел разговор о разных интересных обстоятельствах из жизни и делах Московских и других регионов большой страны, о многих зарубежных былей и небылицах, о чем много знали и умело излагали опытные и уже известные корреспонденты органа ЦК КПСС газеты «Правда». Очень активно в разговоре участвовал и Каюм Муртазаев. Оказалось, что и Илья, и Борис были хорошо знакомы с Каюмом по прежней учебе и работе в комсомольских и партийных организациях и органах.

О двоюродных братьях Юли, Борисе и Илье Шатуновских, я знал из семейных хроник, рассказанных в процессе первых лет совместной с Юлей жизни. Это сыновья старшего брата Макса Борисовича (отца Юли), которого звали Мирон Борисович и о котором я упоминал в первой книге. И Борис, и Илья Шатуновские с самого начала ВОВ были призваны в советскую армию. Борис (старший брат) – из Высшего технического училища им. Баумана, а Илья из г. Ашхабада, где проживала семья Шатуновских, после окончания средней школы. Младший Илья после окончания военного летного училища стал стрелком-радистом и на тяжелых бомбардировщиках участвовал в бомбардировках вражеских объектов в Плоешти и других стратегических местах. Бывал сбитым, выжил, добираясь к своим. Неоднократно был ранен и тяжело, но после лечения в госпиталях возвращался в строй. По окончании ВОВ и демобилизации, достаточно израненный, стал работать в комсомольских органах, был послан на учебу в Высшую партийную школу в Москве и стал сотрудником «Комсомольской Правды». Совершенствуясь и продвигаясь, стал корреспондентом этой газеты, автором многих фельетонов на актуальные темы тех лет и был переведен на работу в газету «Правда», где со временем стал и редактором и зав. отделом фельетонов, известным писателем и членом Союза Писателей СССР. Было несколько изданий его сборников фельетонов, рассказов и отдельное издание совместных с Борисом Стрельниковым путевых заметок по следам маршрута, ранее выполненного Ильфом и Петровым и описанного ими в «Одноэтажной Америке».¹ Борис Стрельников,

¹ Б. Стрельников, И. Шатуновский. Америка — справа и слева: по Америке в автомобиле. М.: Правда, 1971.

кстати, тоже инвалид ВОВ, в это время был старшим группы корреспондентов газеты «Правда» в США. В году 55, или 56, мы с Юлей, были у ее родителей в Ташкенте, и в это же время в Ташкент приехали из Москвы Илья Шатуновский и Борис Стрельников для участия во Всесоюзном семинаре корреспондентов многих центральных газет. Естественно, Илья посетил семьи его дяди Макса и тети Агнессы, проживавших на улице Энгельса. Здесь мы и познакомились.

Встреча и обед на даче закончилась через 3–4 часа и, прощаясь, я спросил Илью: «А с сестричкой ты собираешься повидаться?»

– Конечно, завтра же и посетим Вас, если не возражаешь?!

Илья и Борис прибыли в Узбекистан (и другие Среднеазиатские Республики) с целью проведения ряда семинаров и инструктажа собственных корреспондентов газеты «Правда», имевшихся в каждой области. Так как они на следующий день должны были проводить очередное совещание где-то в другой области, то встреча у нас дома была определена на первую половину дня, о чем я доложил Юлии по приезду. Она освободилась от работы на этот день и приготовила угощения. Около 11 часов дня к нам прибыли гости, сопровождаемые Зарапом Петросовичем (К. М. Муртазаева не было, вернулся в Бухару). Встреча была интересной, но, как мне показалось, несколько «напряженной», скорее всего потому, что проходила как-то в неурочное время, да и гости торопились, боясь опоздать на намеченное совещание. Во всяком случае, Юлия встречей была недовольна.

Примерно в середине июня 1967 года на комбинат прибыла группа из шести специалистов Чехословацкой Социалистической Республики, занимавших должности выше среднего звена в уранодобывающей промышленности Чехии. К их приезду велась соответствующая подготовка, составлялись специальные данные, возможные к оглашению гостям, которые и были доведены до главных специалистов и начальников основных производственных отделов комбината (горного, геологического, механического, энергетического и планового). Не знаю по каким причинам, но сопровождать эту делегацию в течение всего их срока пребывания, а это две недели, Зарап Петросович поручил мне и зам. главного геолога А. С. Баклаженко. Думаю, что мою кандидатуру он выбрал по рекомендации руководства 8-го управления главка (Управление иностранными Предприятиями), которые знали мой опыт сопровождения зарубежных делегаций, приобретенный в период работы на Янги-абадском рудоуправлении, и то, что я хорошо знал структуру, положение дел, технологию и географию тех работ и мест, с которыми

намечалось ознакомить гостей. С точки зрения производственной делегацию наметили провести лишь по горным объектам Учкудука, о других урановых месторождениях сообщать не полагалось. Чтобы заполнить двухнедельное пребывание делегации было решено показать ей грандиозность замыслов, условия строительства и героические усилия по их осуществлению головных водозаборных объектов водовода «Амударья–Зарафшан», а также ознакомить их со столицей Узбекистана городом Ташкентом. За нами был закреплен микроавтобус «РАФ». Делегацию разместили на первом этаже гостиницы «Навои», каждому по отдельному номеру. В нашу с Баклаженко задачу входило курировать гостей с утра и до вечера, организовывать питание (ресторан в гостинице), в пути следования и т. п. После первого дня знакомства и обзорного доклада о комбинате в узком кругу специалистов комбината в кабинете Зарапа Петросовича, сделанного А. П. Щепетковым, ужин в гостинице, пеший обход по городу Навои. На следующий день вылетели в Учкудук, автомобильных благоустроенных дорог в Учкудук еще не было. Здесь нас встретил, кажется, П. Г. Меньшиков и на закрепленном за нами автобусе «Таджик» отправились в рудоуправление, которое уже размещалось в проектном здании, строящемся еще при моей работе, но в котором мне не пришлось посидеть. Встреча с А. А. Петровым, в течение которой и определили порядок и время посещения производственных объектов. В соответствии с разработанным на комбинате планом, чехам следовало показать подземные горные работы на рудниках №№ 2 и 6, открытые на карьерах №№ 1 и 5, о чем своевременно был информирован А. А. Петров. Анатолий Анатолиевич определил узкий круг руководителей, которые по ходу дела могли общаться с гостями. В частной беседе со мной один на один Анатолий Анатолиевич рассказал мне о подготовленных ими мероприятиях для того, чтобы занять гостей как можно дольше в Учкудуке. Это купания в озере городской зоны отдыха, образованного из вод, откачиваемых из дренажных скважин и собранных в естественной впадине, перегороженной плотиной, и поездка на сооружения водозабора и водопровода питьевого водоснабжения Учкудука (70 км на северо-запад), и отдых на «горячей скважине», где образовалось озерцо (на берегах заросли тамариска, саксаула и камыша), расположенное в нескольких километрах от трассы водовода в районе насосной 2-го подъема. Были решены вопросы организации трехразового питания гостей, размещения в гостинице.

Как я уже говорил, все члены Чешской делегации были специалистами – горняки, геологи, геофизики уже не рядового ранга и,

примерно, 30–35 летнего возраста, т. е. опытные инженеры, которые могли по определенным признакам технического плана, применяемой технике и другим признакам довольно точно определять возможности по производительности рудников по добыче урана, примерном содержании металла в руде и т. п., поэтому было сложно вести рассказ и объяснения, в которых данные искажались (это было предусмотрено легендой). День посещения рудника № 2 с обедом в рудничной столовой прошел в нужном, медленном (старались так делать) темпе. Гости были довольны, много шуток в разговоре, за обедом легкая выпивка. В конце дня отдых в гостинице и ужин в столовой-ресторане «Пшибрам». Описывая Учкудукский период работы, я забыл отметить одно из интересных событий. Кажется, осенью 1964 года Комбинат и Учкудук посетил высокий гость из Чехословакии в сопровождении двух–трех чешских специалистов и руководящего сотрудника 8-го управления главка. После ознакомления с горными работами и проводимыми у нас, в Учкудуке, опытами по скважинному извлечению урана, а последнее больше всего интересовало чехов, особенно потому, что в Чехословакии начали осваивать новое месторождение урана очень близкое по горнотехническим условиям к Учкудукскому, в обводненных песчано-глинистых породах, был дан прощальный ужин в отдельно стоящей (первой в Учкудуке постоянной) столовой. Зал столовой был оформлен очень оригинально, весь дизайн был выполнен художником-умельцем Владимиром Ивановым, которого каким-то образом в свое время нашел Анатолий Анатольевич Петров и ввел в штат Предприятия. В. Иванов очень много работал над созданием многих плакатов, стендов по украшению городских улиц и вывесок торговых точек. В частности, он был автором раскраски боковых фасадов стандартных трехэтажных жилых домов 4-го и 5-го кварталов разными красочными цветными панно, давшими возможность отличать их (дома) подвыпившим жителям и значительно уменьшить число скандалов, возникавших на почве путаницы, как в фильме «Ирония судьбы или с легким паром». Лично курировал характер и качество отделки зала столовой Анатолий Анатольевич, имея ввиду сделать (а так и было сделано) в вечернее время столовую рестораном, дать возможность населению культурно отдыхать, отмечать семейные праздники, организовывать банкеты. В столовую были подобраны лучшие кадры поваров, официантов и т. п. По ходу прохождения прощального ужина, на котором принимал участие и Ваш покорный слуга, возникло предложение сделать, как бы городами-побратимами Учкудук и Пшибрам, находящийся в районе

Чешского уранового месторождения, где базировалось управление строящегося предприятия, а для начала назвать ресторан в Учкудуке «Пшибрам», а ресторан в Пшибраме – «Учкудук»! В Учкудуке это было выполнено немедленно и просуществовало много лет, было ли выполнено в Чехии не знаю, но говорили, что было выполнено.

Возвращаюсь к чешским гостям 67-го года. На следующий день посетили горные работы рудника № 6 с соответствующим обедом и ужином в том же «Пшибраме», в очередной день – показали открытые горные работы, работу КГТО, способы выемки рудной массы и т. д. В день посещения и купания на озере «зоны отдыха», куда прибыли с утра и провели до 15–16 часов, т. е. в часы рабочие, когда, кроме нас, практически не было посторонних посетителей, наши чешские друзья (кстати, очень неплохо принимающие «за воротник») «перебрали» спиртное, которым мы были оснащены в достаточном количестве, и вели себя уж очень «свободно», прямо в воде выпивая «с горла». Пришлось очень внимательно следить за каждым во избежание несчастного случая. Среди Чешской делегации был геолог по фамилии Кадлчик, который и в трезвом состоянии был самым активным в дотошности задаваемых вопросов и намекавший на неискренность наших докладов и разъяснений, постоянно пытался оторваться от группы, входить в контакты с персоналом, не входящим в круг сопровождения. Он особенно вел себя перепившим, или изображал себя таковым. С трудом мы с помощью обслуживающего персонала, добровольцев-спортсменов, вытащили купающихся из озера и отправились в гостиницу. После отдыха в гостинице, когда начали собираться для похода на ужин, оказалось, что Кадлчика нет ни в номере, ни у гостиницы. Пришлось организовать поиск, в результате которого Кадлчика нашли в квартире одного из рабочих в состоянии «хорошего опьянения». Выяснили, что он посетил несколько квартир, где его угощали, поили, и где он вел «задушевные» разговоры. Стало ясным, что за Кадлчиком необходимо следить особо, все попытки его сослуживцев из делегации образумить его, угрозы доложить руководству по приезду в Чехословакию не помогали.

В очередной день на автобусе «Таджик» мы в сопровождении одного из сотрудников рудоуправления отправились на трассу водовода «Мингбулак – Учкудук» по отсыпанной, но без чернения, дороге. Был июнь, как я упоминал, солнце грело непомерно, несмотря на утренние часы. Делали остановки на насосных третьего и второго подъемов. Давал объяснения я, ведь знал всю историю сооружения и усилий по наладке и пуску этого основного источника питьевого

водоснабжения Учкудука. Прибыли к району водозаборных скважин, где рассказал об уникальном месторождении пресных вод, располагающегося в линзах, окруженных сильно минерализованными солеными водами. Запасов пресных вод по расчетам, приведенным в материалах разведки и их утверждения, может хватить на 15–20 лет потребности предприятия, но при условии очень тщательного режима эксплуатации, во избежание кинжального проникновения соленых вод в линзы пресных. Я, будучи главным инженером рудоуправления, с самого начала его ввода в эксплуатацию, уделял максимум внимания обучению кадров, обслуживающих водозабор и водовод, установил жесткий контроль выполнения всех инструкций и правил со стороны гидрогеологической, энергетической и санитарно-эпидемической служб управления и медсанчасти.

Накануне меня предупредил Анатолий Анатольевич, что с 12–13 часов нас будут ждать у «горячей скважины» группа товарищей со всем необходимым снаряжением и продуктами для хорошего времяпровождения на лоне Учкудукской природы. В автобусе у нас был запас минеральной воды и аптечка, других припасов не требовалось, имея ввиду запланированный обед у «горячей скважины». Возвращаясь от района водозабора, в определенном месте свернули с дороги, чтобы попасть к месту, где нас ждали, но углублялись все в более и более глубокие барханные пески. Остановились, сделали рекогносцировку и сообразили, что заблудились. Развернуть автобус, чтобы попытаться вернуться на пройденный путь, оказалось нелегкой задачей – колеса буксовали, заглубляясь в песок, растительности для подкладывания под колеса не оказалось в ближайшем окружении. Пришлось копать под колесами одной лопаткой, оказавшейся у водителя, и руками всех участников. Солнце в зените, жара неимоверная, пот застилает глаза и струями течет из всех частей тела. Запасы воды уменьшаются катастрофически быстро. Время бежит, а мы на том же месте. Контрольное время встречи уже прошло, обстановка вызывает тревогу. Короче говоря, провозились мы часа два-два с половиной, но все же удалось развернуть автобус и медленно, но выбраться на трассу дороги, где встретили автомобиль уже разыскивающих нас посланцев. Оказывается, уже доложили А. А. Петрову о нашей пропаже, и он распорядился выслать несколько групп на поиск нашего автобуса.

В сопровождении нашедших прибыли к «горячей скважине», где нас уже ждали. Дымились жаровни, жарились шашлыки, горели костры, где варились всякие вкуснятины, на складных столиках и расстеленных ковриках стояли разные холодные закуски, зелень,

овощи. Ждала нас большая группа сотрудников, главным образом общественных организаций, в том числе начальник Учкудукского отделения милиции (фамилии не помню) в генеральском звании. Среди ждущих был и мой начальник отдела и товарищ П. В. Смирнов («Да не померкнет память о нем!»). Все были в разоблаченном состоянии, в трусах и майках (женского пола среди участников не было). Мы, прибывшие, немедленно искупались в озере и присоединились к общему веселью, поглощению очень вкусного угощения с соответствующим возлиянием, произношением тостов за вечную дружбу народов социалистического содружества. Пикник продолжался до позднего вечера, затем все благополучно вернулись в город.

На следующий день в кабинете Анатолия Анатолиевич была беседа и подведены итоги посещения чешскими гостями предприятия. Утром очередного дня вылет в г. Навои. Так прошла почти половина времени, отведенного для пребывания делегации из Чехии.

Очередная поездка, в соответствии с намеченным руководством планом, совершилась в район строительства водозаборных сооружений на реке Амударья, площадку, именуемую «Сазакино». Вернее, ж.д. станция «Сазакино» находится на левом берегу Амударьи, а площадка строительства сооружений водозабора и водовода – на правом берегу реки. В намеченный день к гостинице «Навои» был подан микроавтобус «РАФ», в багажную часть которого было загружено достаточное количество провизии, минеральной воды и спиртного. Вся делегация, я и Баклаженко А. разместились в салоне и отправились в путь, который пролегал по автомобильной магистрали «Самарканд-Бухара» через районные центры Кермине и Гиждуван и ряд малых кишлаков Бухарской области до г. Бухары и далее по полупустынной и пустынной степи через «столицу» всему миру известной провинции – «Месторождение природного газа Газли» – одноименному городку Газли. Далее, приближаясь к правому берегу Амударьи, маршрут приводил к площадке строительства водозаборных и других головных сооружений уникального водовода. В пути Баклаженко и я старались давать объяснения о характере и условиях жизни, быте, национальных праздниках простых узбекских тружеников, их нелегком труде по выращиванию «белого золота» – хлопка, занимавшего основную часть пригодных и освоенных сельхозугодий и ставшего национальной гордостью Узбекистана, стремившегося под руководством Коммунистической Партии довести сбор до 4-х миллионов тонн хлопка-сырца в год. Хотя и Аркадий Баклаженко, и я знали истинную цену осуществления этой

задачи, приводящей к ограниченному производству овощей и фруктов, винограда, недостатку кормов для крупного и мелкого скота, а значит и недопроизводству молока, масла и мяса. Все это привело к весьма скудному рациону у простых сельских тружеников и всем прочим последствиям такого существования, о которых распространяться не буду, не моя это задача. Уже в начале пути гости потянулись к стаканам для утоления жажды. Аркадий Семенович предложил наилучший, известный ему рецепт удовлетворения этого чувства – это смесь минеральной воды и сухого вина. Постепенно прием этой смеси перешел в распитие и крепких напитков. Сделали в Гиждуване остановку, где зашли в чайхану, национальную узбекскую чайную, имеющую специфическое убранство, архитектурную структуру, где подают чай, заваренный в немых, закоричневевших от долгого использования чайничках и разливаемый в слегка ополосканные в сырой воде пиалы, тоже с темно-коричневым налетом внутренней поверхности от ранее наливаемого чая. В отличие от принятого в узбекском народе обычая пить горячий чай в жару маленькими глотками для охлаждения организма (говорят: от питья тело покрывается потом и его испарение, в условиях горячего солнца и сухого воздуха, приводит к охлаждению), нашим гостям прохладней не стало, и мы отправились в дальнейший путь. Чем дальше и дольше мы ехали, настроение гостей становилось более грустным от неимоверной жары (ведь кондиционеров в Советских автомобилях того времени, да и во многие более поздние времена, не было), однообразного пейзажа и все чаще мы слышали вопрос:

– А скоро ли доедем?!

На наш ответ:

– Да! Уже недалеко!

Раздавались реплики:

– У Вас все «за углом»! Мы ведь уже проехали сотни километров!

Действительно, весь наш маршрут был чуть более 300 км. Сам городок Газли произвел удручающее впечатление серостью построек, отсутствием озеленения, не порадовали и посещение торговых точек. Вся обстановка и постоянный прием доз водки и вин окончательно утомил гостей и большинство из них уснули. В нашу задачу (мою и Баклаженко) входило ехать как можно более медленнее, тянуть время. Уже начало вечереть, когда мы, наконец, увидели берег реки и первые строения промплощадки.

Нас встретил лично Леонид Иванович Тимошенко, являвшийся в это время начальником СМУ, производившее здесь строительные работы. Нас, приехавших, быстро проводили в душевые. Помыв-

шись, охладившись и одевшись в предложенные нам новые хлопчатобумажные костюмы спецодежды, все пришли в приподнятое настроение. По указанию Л. И. Тимошенко кто-то из ИТР строителей проводил всю нашу компанию по строящимся объектам, давал объяснения о назначении и параметрам каждого из них, намеченных сроках окончания их строительства, трудностях и успехах производимых работ. Во временном поселке строителей было возведено с десяток сборных деревянных домиков, а несколько вдали – деревянные казармы для военно-строительного отряда. Совершенно стемнело, нас поторапливали и пригласили пройти к берегу реки, куда мы спустились по довольно крутому, но небольшому, склону и увидели чудесную картину: на расстеленных коврах и паласах под кронами двух довольно больших деревьев были накрыты достарханы с угощениями, недалеко на мангалах жарились шашлыки из баранины и рыбные, на костре в казане кипела шурпа. Площадка отдыха была прилично освещена электрическими светильниками. У самого берега сидело два-три человека, наблюдали за поведением нескольких удилищ и через какие-то промежутки времени вытаскивали из воды довольно крупные экземпляры рыб. Чешские гости очень заинтересовались рыбной ловлей, и сразу же некоторые из них попросили дать им возможность подсечь добычу. Так ими было «поймано» пару рыбин под общий одобрительный возглас окружающих (думаю, что был умело выполнен спектакль, устроенный хозяевами). Началась общая трапеза, угощения поглощались под многочисленные тосты и искренние «братания». Ужин продолжался до полуночи и только настоятельные увещевания со стороны нас, сопровождающих, о том, что хозяевам рано утром необходимо быть на работе, смогли оторвать чешских друзей от пиршества и отправиться на ночлег. С Леонидом Ивановичем Тимошенко я сумел поговорить наедине, поблагодарить его за устроенный прием (он готовил его, будучи заранее предупрежден по радиции из комбината). Обговорили, что мы, гости, будем подняты в 4 ч. 30 мин. утра и после приема душа и легкого завтрака нас отправят в обратный путь. Все было выполнено в соответствии с нашим решением. Гости поднимались тяжело, «стонали», спрашивали:

– И это все, что мы здесь увидели?! Едем обратно?

Загрузились запасом воды, провианта, прочим и в 5 с небольшим утра отправились в путь. Дорога была, как известно, дальней, гости успокоились и через некоторое время дремоты стали под питание маленькими глотками обсуждать детали прошедшего посещения стройки и устроенного приема, высказывать о полученном большом

удовольствие от общения с местными сотрудниками и увиденном в поездке. К вечеру мы прибыли в г. Навои.

Утром следующего дня мы с Баклаженко доложили Зарапу Петросовичу о результатах поездки и получили от него указания о поездке с гостями в Ташкент, где нас примут в гостиницу филиала № 1 института ПромНИИпроект (директор А. П. Суворов). Надо показать гостям достопримечательности Ташкента в течение трех дней и проводить в Москву, билеты на самолет заказаны и приобретены. В назначенный день и час вылетели из Навои. В Ташкенте нас встретил сотрудник института и на закрепленном за нами микроавтобусе «РАФ» приехали в район расположения Филиала № 1 ПромНИИпроекта по улице им. Богдана Хмельницкого. Здесь же были выстроены жилые дома для трудящихся филиала. В одном из жилых 4-этажных домов на первом этаже одна трехкомнатная квартира служила гостиницей. В ней мы и расположились. Гостям о существовании института не рассказывалось, с его работниками мы не общались. Им объяснили лишь, что здесь есть небольшое представительство Комбината, занимающееся вопросами материально-технического снабжения. В большинстве районов центра Ташкента шли интенсивные работы по строительству новых жилых и административных зданий на месте разрушенных землетрясением (а больше танками и спецстроительной техникой) строений, и мы выбирали маршруты осмотра, в основном, в районе старого города, где были и сооружения прошлых веков, и старый большой городской рынок с местной экзотикой, чайханы, места продажи узбекских национальных кушаний – шурпа, манты, самса, шашлыки (отличающиеся от кавказских), сладости. Очень красочно выглядели и торговые ряды с овощами и фруктами. Многочисленные покупатели, продавцы, просто шатающиеся были в национальных одеждах (даже в жару в стеганых халатах-чапанах), изредка можно было увидеть и женщин в чадре. Гости восхищались, много фотографировались. Конечно, и кормили мы гостей в «ресторанчиках» с местным колоритом. Оплачивали расходы мы, сопровождающие, на что нам выдали в подотчет аванс. Проехали мы места эпицентра произошедшего в прошлом году землетрясения. Предыдущий от отъезда день провели в зоне отдыха на «Ташкентском море», искусственном сооружении на реке Ангрен, предназначенном для сезонного регулирования стока вод бассейна реки, используемых для орошения сельхозугодий Приташкентской долины, и правый берег которого был благоустроен для купания (пляжи, зонтики, торговые точки и т. п.). Правда, не было душевых, не хватало еще зеленых

насаждений, да и сервис мог быть значительно лучшим. Как бы то ни было, день провели хорошо, провизия и спиртное были с собой и в достаточном количестве. Гости были довольны и по приезду в гостиницу, после приема душа крепко спали до утра следующего дня. А это уже был день отлета гостей в Москву. По расписанию рейс их отлетал, насколько помню, в 16 или 17 часов по местному времени. Решили выехать в аэропорт пораньше, имея ввиду там в ресторане пообедать и заранее зарегистрировать отъезжающих. Так и сделали. Ресторан в здании аэропорта был на втором этаже. Большой, неплохо оформленный обеденный зал, много посадочных мест и удивительно мало посетителей в это время. Начали заказывать обед и один из чешских гостей заявляет, что обед они, гости, дают за свой счет и в честь нас, меня и Баклаженко, в благодарность за все нами сделанное для их, членов делегации, весьма успешного пребывания на комбинате и полного удовлетворения всех запросов. Как потом нам объяснил кто-то из гостей, они не израсходовали до этого момента ни копейки из выданной им советской валюты. Гости заказали очень обильный обед из многих блюд, значительно больше возможностей освоить объем выпивки, все виды фруктов, имевшихся в это время в меню. Обед продолжался часа три, много тостов. Получили мы, сопровождающие, устное приглашение на посещение Чехословакии и заверение о письменном подтверждении этого. Прямо из ресторана пошли на регистрацию. Мы с Баклаженко, по обоюдному пониманию ответственности, пропускали тосты, больше старались говорить, чем пить, зная еще и влияние жары на степень опьянения, были в нормальном состоянии, а вот гости стали проявлять достаточно явные признаки сильнейшего «подпития». Сразу же скажу, что в те, советские времена, к иностранным гостям было особое, крайне почтительное отношение. Им, почему-то, разрешалось многое из того, что не разрешалось простым советским людям. Из дальнейшего моего рассказа поймете, о чем я говорю.

Зарегистрировались благополучно. Нам, сопровождающим иностранцев, разрешили выйти за зону после регистрации, подали для нашей делегации спецтранспорт, на котором подвезли к подготовленному к посадке самолету. Обычных пассажиров еще не привозили. У трапа в самолет стояли два сотрудника (девушки в форме аэрофлота). Увидав состояние отлетающих, которые еле удерживаясь на ногах, бурно прощались с нами, провожающими, пытались запевать русские песни, служащие во весь рот улыбались, стали уговаривать их скорее войти в салон и занять свои места в первых рядах. Мы тоже постарались как можно быстрее проводить

их в самолет. Стали подъезжать на спецавтобусах пассажиры, образовалась у трапа очередь. Вдруг, одного из пассажиров проверяющая вывела из очереди и заявила, что он полететь не сможет, из-за сильного опьянения. Задержанный стал сопротивляться, старался, несмотря на запрет, прорваться на трап, выговаривая и нецензурные слова. Вмешались в конфликт супруга и дочь, лет 10, пьяного пассажира, создавалась пробка. Одни пассажиры стали заступаться за «пострадавшего», другие, наоборот, осуждать его. Служащая по радиотелефону вызвала милицию. Прибывший «наряд», заломив руки нарушителю общественного порядка, усадили его в машину и увезли, под истошный крик членов семьи. Нам, мне и Баклаженко, было очень неприятно наблюдать этот инцидент, но были вынуждены «промолчать», потому что не могли ничего изменить. Остался очень тяжелый осадок на душе!

Посадка окончилась, трап убрали, мы, помахивая руками в прощальном приветствии, уселись в спецтележку и со вздохом облегчения вернулись в здание аэропорта и дальше в гостиницу. На следующий день вылетели в Навои. Доложили начальству об успешном выполнении задания, узнали о благополучном прилете наших подопечных в Москву, отчитались за авансовые подотчетные суммы, остались, естественно, внакладе. Но никакого чувства сожаления по последнему поводу у меня не было. Ведь сам же питался, выпивал, гулял – а это денег стоит! Из рассказов специалистов последней делегации и других, последующих посещений делегаций из стран социалистического лагеря мы знали, что директора их предприятий имеют специальный, безлюдный годовой фонд на прием зарубежных (и не только) гостей, который они могут расходовать по своему усмотрению. О наличие таких фондов у наших руководителей рангов рудоуправлений, комбинатов никогда не слышал и не знал, таковых не было. Чтобы закончить эпопею общения с делегацией из братской страны социалистического содружества, откровенно признаюсь об очень неприятном осадке, оставшемся у меня, и невозможности понять необходимость такого «двуличия», проводимого официальными государственными и партийными органами, с одной стороны провозглашавшими «Вечную дружбу» между государствами и народами социалистического лагеря и, в то же время, скрывающие истинное положение дел, параметры производства и, наверное, более серьезные вопросы от этих же государств и народов. Этими мыслями я ни с кем не делился. Понятнее мне стало лишь менее, чем через год, после того, как в Чехословакии произошли известные события, закончившиеся вводом Советских войск, особенно

танковых частей, приведшие к кровопролитию и ставшие, как мне кажется, прологом к будущему распаду Советского Союза и социалистического содружества. Из рассказов очередных делегаций из Чехословакии, с которыми мне довелось общаться, я узнал, что геолог Кадлчик, при первой же создавшейся возможности, сбежал в Германию.

Я подробно описал, может быть, не очень интересные события пребывания чешской делегации, но сделал это только для того, чтобы читатель моих воспоминаний, если таковые будут, мог лучше узнать (особенно те, что были молоды в те времена, или еще и не родились) о некоторых сторонах советской действительности.

ГЛАВА 6

Автопробег Навои–Ярославль

В описываемом, 1967 году произошло очень важное и интересное на мой взгляд событие, подробному описанию которого я посвящу целую главу. Речь пойдет об автомобильном путешествии, совершенном нами, мною и Юлией, из г. Навои и до г. Ярославля. Впервые мы на собственном автомобиле решились на такую дальнюю поездку. К сожалению, мы не имели с собой фотоаппарата, а потому и не имею возможности иллюстрировать события и красоты природы, которые мы увидели и пережили в поездке, но постараюсь описать многие из них, что даст опять же возможность понять некоторые стороны жизни в СССР в тот период.

Как помните, мы были владельцами автомобиля «Москвич-408» темно-красного цвета, приобретенного в Учкудуке в обмен на «Волгу» ГАЗ-21. Я не был в трудовом отпуске более двух лет. Мы с Юлей решили взять отпуск и на автомобиле поехать в г. Ярославль, где проживали ее родители и с ними наши сыновья. Макс Борисович (отец Юлии) взял в аренду в гаражном кооперативе, построившем несколько блоков кирпичных гаражей вблизи места проживания нашей семьи, гараж за «смехотворную» цену – 5 рублей 60 копеек (несуразицы Советской Социалистической экономики и ценообразования). В Навои мы очень мало использовали поездки на автомобиле, изредка на рынок в старый Кермине, по сельским магазинчикам в районы до Гиждувана, или в сторону Самарканда, поэтому планировали оставить автомобиль в Ярославле и в очередные отпуска совершать поездки на нем по Европейской части СССР. Для осуществления задуманного пришлось изучить много материалов из всяких газетных публикаций, устных рассказов профессиональных водителей и любителей, уже прошедших все трудности таких поездок. Возможных, наиболее реальных маршрутов было три:

Через Ташкент – Чимкент – Балхаш – и далее на Челябинск.

Через Ташкент – Кзыл-Орду – Аральск – Иргиз – Оренбург – Куйбышев.

Через Бухару – Чарджоу – Ашхабад – Красноводск – паром по Каспию – Баку.

После многих обсуждений приняли решение и выбрали третий вариант. Здесь нет фактически дороги от переправы через Амударью километров 200 в направлении на Ашхабад, а только глубокая колея в песках Каракумов, подходящая для грузовых вездеходов. Решили проехать до Красноводска на ж.д. платформе. Осуществить такую возможность нам помогли начальники желдорцеха и КМТС Комбината, имевшие тесные контакты с руководителями ж.д. станции Кермине и Каганского отделения железной дороги МПС. Я оплатил стоимость двух билетов проезда в плацкартном вагоне от станции Кермине до Красноводска и аренды ж.д. платформы для провоза автомобиля. На прирельсовой базе КМТС комбината наш автомобиль погрузили на освободившуюся ж.д. платформу, надежно его раскрепили, над автомобилем соорудили брезентовый тент для защиты от палящего солнца (июль месяц). Юлия тщательно и заранее готовила все необходимое для обеспечения наилучших возможных условий нашего существования в автомобиле на платформе. За несколько дней был заморожен в морозильнике холодильника значительный объем льда, приготовлена провизия (жаренные куры, колбасы, рыбные консервы, сухари, овощи, питьевая вода и кипяток в термосах и т.п.), все это завернуто в полиэтиленовые пакеты и со льдом упаковано в одеяла. Взяли минимально необходимые постельные принадлежности. Все было загружено в автомобиль, в нем же расположились и мы. Платформа была доставлена на станцию 8-го километра, где формировался состав, отправляемый в сторону Кагана, т.е. в направлении на Красноводск. Ж.д. станция «Каган» – это узловая станция отделения ж.д. «Самарканд–Красноводск», располагающейся в 7–8 км от областного центра, Бухары, через который железная дорога не проходила. Рано утром наши вагоны были прицеплены к составу и поезд отправился в путь по основной, однопутевой с разъездами магистрали. Через несколько часов пути поезд прибыл на какой-то небольшой разъезд, где состав поставили на правый (ближе к зданию дежурного) путь. Прошло два–три часа, а наш состав так и стоял на месте. Я забеспокоился и, сойдя с платформы, прошел вдоль состава к его голове. Обнаружил, что паровоза в составе нет. Я обратился к дежурному по разъезду и получил ответ: «Состав брошен! Паровоз переставили к ранее брошенному грузовому составу, стоящему на левом пути. Паровозов не хватает,

поэтому грузовые составы передвигаются поочередно, со скоростью, зависящей от важности грузов в их вагонах». На мой вопрос:

– А от кого зависит прицепить или нет паровоз к составу?

– Только от диспетчера Каганского отделения!

– А как с ним связаться?

– Только по диспетчерской связи, но посторонним дать связь не могу.

– А как долго может продолжаться такая стоянка в «брошенном» состоянии?!

– От нескольких часов до нескольких суток! – получаю в ответ.

Решил подождать какое-то время, вернулся на платформу и рассказал обстановку Юлии. К счастью, она приняла это неприятное известие без особого огорчения. Мы подкрепились и улеглись в автомобиле спать. Ночь прошла в том же месте, мимо проходили составы в обоих направлениях. Рано утром опять обратился к дежурному разъезда (был тот же – менялись дежурные раз в сутки) с просьбой сообщить диспетчеру отделения дороги, что в брошенном составе есть живые люди на платформе с ограниченными ресурсами питья и еды. Он обещал сообщить об этом, но наш состав по-прежнему не двигался с места еще до вечера. Я обратился к дежурному, уже другому, с настоятельной просьбой соединить меня с диспетчером комбината в г. Навои. На удивление, он выполнил мою просьбу. Я сообщил о сложившихся обстоятельствах и попросил принять необходимые действия. Очевидно, были какие-то меры приняты и часа через 2–3 к нашему составу был присоединен паровоз, оставивший на другом запасном пути доставленный им состав, а наш тронулся в путь. Без особых приключений мы прибыли в г. Ашхабад, столицу Туркмении, не на пассажирский вокзал, а на грузовую станцию с большим путевым развитием. Время ночное, станция была освещена многочисленными прожекторами, размещавшимися на высоких металлических опорах, свет которых бил в глаза, куда не повернешься. В центре площади станции стояло каменное сооружение – строение с башенной частью, застекленной со всех сторон, внутри тоже освещенной, но не ярко, и хорошо просматривался силуэт диспетчера и передвигающиеся фигуры его помощников. Очень хотелось пойти к диспетчеру и выразить просьбу о скорейшей отправке нас, но понял, что потом найти путь и свою платформу, где мы сейчас находимся, будет очень трудно, да и неизвестно не произойдет ли передвижение ее в это время. И действительно движение началось, проводились какие-то маневры, перецепки и мы оказались в составе каких-то вагонов, цистерн,

платформ на «горке». С нее спускались с разгоном и распределялись на определенный путь вагоны, где и оформлялись составы по направлениям. Разогнавшийся вагон (платформа и др.), с силой ударяясь в стоящий на их пути формируемый состав, сцеплялся со стоящим, но удар был такой силы, что, казалось, не выдержат крепления автомобиля к платформе. Все окончилось благополучно, вновь сформированный состав выведен на магистраль, бодро продвигаясь к цели.

Мы как-то уже «привыкли» к режиму бытия на движущейся платформе, хотя было тяжело Юле. По понятным причинам, ведь соскакивать и забираться на платформу на стоянках при полной неизвестности о времени пребывания здесь для нее было очень большой пыткой. Но самой большой неприятностью были создававшие нервное напряжение попытки и вымогательства членов бригад по профилактическому осмотру и смазке подвижного состава на станциях смены поездных бригад. Уже по стандартной схеме члены этих осмотрщиков, завидя, что на платформе в машине люди, значит богатенькие хозяева, начинали разговор, что это «не положено», что платформа не догружена, что «буксы» необходимо заменить и тому подобные мотивы, что немедленно доложат дежурному диспетчеру и платформу отцепят. Такие разговоры заканчивались лишь после того, как старший из них получал соответствующую мзду – от одной до трех трехрублевых бумажек. О таких вымогательствах меня предупредили сотрудники желдорцеха Комбината еще при оформлении, и я имел с собой достаточный запас трехрублевых купюр. Но, каждый такой инцидент вызывал весьма раздражительную реакцию и нервный срыв, не из-за расходов, а из-за чувства произвола, невозможности противостояния этому явлению, безысходности.

Наконец мы прибыли в Красноводск. Так как последнюю дистанцию пути наша платформа была прицеплена (за соответствующую мзду) к составу, исключительно состоящему из нефтеналивных цистерн, что, как говорили сами железнодорожники, категорически запрещено, нашу платформу очень быстро отцепили в Красноводске и подали к рампе на разгрузку автомобиля. С помощью каких-то рабочих станции мы сняли крепления-растяжки, подставленные бревна. Благополучно съехал на рампу и далее в город. После расспросов о маршруте, прибыли в морской пассажирский порт. Началась новая эпопея ненавязчивого советского сервиса.

Морской паром от Красноводска в Баку по расписанию отходил два раза в сутки, но это зависело, главным образом, от состояния погоды и поведения моря. Желающих попасть на очередной рейс

с автомобилями, число которых берут на паром очень ограничено, много — это и такие же путешественники, как мы, и грузовики-дальнобойщики. Необходимо к тому же было приобрести документ на перевозку автомобиля и билеты на проезд пассажиров в каюте соответствующего класса, или на палубе. И то, и другое в дефиците. Прибытие парома из Баку ожидалось через несколько часов, поэтому кассы и контора грузоперевозок были закрыты. Узнать порядок оформления, необходимые документы и стоимость можно было только из уст таких же желающих перевоза, но уже имеющих опыт по прежним путешествиям. Пока мы сидели на уличных скамьях вблизи автомобильной стоянки, подъехал автомобиль «Москвич-408» морковного цвета и припарковался рядом с нашим, красным. Из машины вышла семья во главе с сухощавым, высоким, военной выправки мужчиной лет тридцати пяти, в костюме, похожем на форму торгового флота, но, как-то не до конца оформленной, как это бывает, когда донашивают форму демобилизованные из армии. Все, а их было четверо, женщина и двое мальчишек лет 13–14, сели рядом с нами на скамью. Завязался разговор и оказалось, что у нас общие цели — попасть на паром, а далее: они едут в Полтаву, а мы на Москву и далее. Наши маршруты совпадали до г. Харькова, т. е. большую часть пути. Мы познакомились, фамилию не помню. Михаил (так его звали) был сотрудником грузового морского порта и, естественно, был знаком и вхож в руководство пассажирского морского порта. Он нас успокоил, взяв на себя заботы о приобретении билетов. Мы договорились совершить дальнейшую поездку до Харькова совместно и помогать друг другу в пути. При этом, мы с Юлей изменили наше ранее принятое решение совершить поездку от Баку на Тбилиси и далее по Военно-грузинской автомобильной дороге, о красотах которой много слышали, на Ростов-на-Дону. Михаил объяснил нам, что, по его сведениям, езда по Военно-грузинской горной дороге опасна, с точки зрения хулиганских действий, проявляемых здесь местными криминальными элементами. Он предложил ехать из Баку на Махачкалу и далее по Северокавказским областям на Ростов-на-Дону, с чем мы согласились.

Билеты были приобретены, оформлены документы на провоз автомобилей. Оказалось, что автомобили допускаются на паром лишь при наличии бензина в баке не более 2–3 литров, т. е. только на заезд на паром и съезд с него в Баку. Это значило, что остальной бензин надо слить!? Но ведь, жалко и в Баку надо опять заправляться, правда, говорят, что там бензозаправка рядом с местом выгрузки. Пришлось требование выполнить. Прибыл паром из Баку. Это

очень большое судно, монстр по моим понятиям в то время. Кормовая часть, которой он (паром) пришвартовался к портовому специальному причалу, открылась поднимающейся огромной створкой и стали видны стоящие два состава ж.д. вагонов и автомобили с обеих сторон в пространстве между ж.д. вагонами и боковыми стенками парома. Ж.д. пути парома и причала мастерски состыковали, два паровоза одновременно прицепились к составам и, по чьей-то команде, одновременно же вытащили поезд на сушу. В каждом составе оказалось по несколько десятков вагонов, составляющих вместе один полный поездной состав. После выгрузки прибывших грузов настал черед загрузки парома. В первую очередь были загнаны два поезда одновременно в нутро парома двумя паровозами, вагоны закрепили, а затем стали запускать автомобили, выстроившиеся в очередь с двух сторон ж.д. путей. Я заехал третьим, или четвертым, вслед за большим грузовиком. Уже внутри трюма по команде персонала остановился почти в притык к впереди стоящему автомобилю. За мной тоже в притык остановили очередной грузовик. Мне приказали быстро выйти из автомобиля и стали ставить под колеса какие-то колодки для удержания его от движения. Пространство между ж.д. подвижным составом и автомобилем тоже оказалось минимальным. Я понял, что если будет значительная качка на море, не избежать повреждения кузова моего маленького «Москвичка», зажато со всех сторон громадными машинами и вагонами. Мне показалось, что крепления под колесами автомашин не надежны, примитивны, а персонал, проводивший эти работы, в довольно приличном опьянении. Настроение испортилось, но по требованию того же персонала, вынужден был подняться по крутым лестницам на соответствующую палубу, где находились каюты II класса и уже размещалась Юлия и наши попутчики. Спускаться в грузовой трюм до прибытия в порт назначения было категорически запрещено. В пути по морю в течение 12 часов погода была тихой, большая часть плавания прошла в ночное время, поэтому, несмотря на беспокойный сон и раннее вставание, несколько успокоился. Прибыли по расписанию. Процедура выгрузки была аналогична той, что наблюдал в Красноводске. Все окончилось благополучно, мои тревоги не оправдались. Загрузились в автомобили и подъехали к бензозаправке, действительно расположенной в несколько сотнях метрах, заправили полные баки. Тут же получили предложения от местных автомобильных «барыг» на оказание нам услуг по сопровождению для самого безопасного выезда из города на нужную автомобильную магистраль. Посоветовавшись с Михаи-

лом, решили этой услугой воспользоваться. Действительно, об этом не пожалели – выезд оказался довольно сложным, по многим узким улочкам и местами по загруженным автотранспортом улицам, несмотря на раннее утро. Наконец, впереди идущий остановился на обочине, мы за ним, рассчитались и получили жест: «Это прямо на Махачкалу!»).

Мы, водители автомобилей, договорились о режиме движения, а именно: держать дистанцию между машинами в пределах видимости; при большем отставании ведущий должен остановиться и ждать отставшего; лидер менялся через три–четыре часа пути; ехали только в дневное, светлое время суток; на ночлег останавливались в выбранном месте, вдали от населенных пунктов, у реки, озера, или у лесных посадок, ночевали в машинах или у костра, в дневное время делали остановки в населенных пунктах для пополнения запасов провизии и питья, скорость движения в пределах, допустимых «Правилами ...» и дорожными знаками. В машине Михаила были его супруга, сын и ближайший друг сына, поэтому им, мальчишкам, приходилось устраиваться на ночлег в спальных мешках. Наши семьи не ставили себе задачу осматривать достопримечательности, музеи в проезжаемых городах и городках, а любоваться красотами природы, отдыхать у костра, где и поговорить о жите-бытье и побаловаться подножным кормом, умело приготовляемым в полевых условиях нашими женами. В первый дневной день проехали Дербент, где небольшое время полюбовались видом Каспия, проехали через Махачкалу. Я, естественно, не стану описывать каждый город нашего маршрута просто потому, что не смогу это сделать. На память не помню их последовательность, расстояние между ними и т. п. Желающий это знать может заглянуть в соответствующий атлас. Хочу рассказать лишь некоторые эпизоды от этой поездки, запомнившиеся на всю жизнь. Сразу скажу, что вся поездка прошла благополучно, без каких-либо неприятных происшествий.

Как только начинало смеркаться, лидер замедлял движение, и мы рассматривали окрестность с целью возможности съехать с трассы и иметь подходящую площадку для организации стоянки и ночлега. Найдя такие условия, устанавливали автомобили так, чтобы по возможности их не было видно с автомагистрали. Мальчишки тут же собирали хворост, сухие ветки для костра, хотя и в багажниках у нас были в небольших количествах нарубленные дровишки. Разводили костер, женщины расстилали подстилки и готовили ужин. Мужчины осматривали автомобили, проверяли

наличие масел, давление в шинах и т. п. По готовности нас, мужскую часть лагеря, приглашали к ужину. Михаил и я пропускали по 100 граммов, женщины не возражали. Постепенно становилось совсем темно, небо светилось мириадами звезд, костер, потрескивая, затухал. Обсуждали разные разности, довольно скупой рассказывали о своих, семейных, тем более служебных делах, хотя у нас уже была «железная» версия – работаем в золотодобывающей отрасли Узбекистана. Проезжали холмистые и гористые местности Северокавказских национальных областей и республик, вышли после Ростова-на-Дону и Новочеркасска в степную часть южной России, где магистраль все же проходила по многим, хотя и пологим, но затяжным спускам-подъемам. Довольно быстро менялись климатические зоны, а значит, и растительность, и цвета почв, в целом – пейзаж. Но всюду мы находили приемлемые места остановок и стоянок для ночлега, да и не так уж много их было, ведь на четвертые сутки мы уже расставались с нашими попутчиками в г. Харькове. Каждый из нас стремился как можно скорее попасть к конечной цели поездки – Михаил с семьей в деревню под Полтавой, где жили его родители, а мы в Ярославль, где были родители Юли и наши сыновья.

Перед городом Пятигорском нас застал невиданный нами ранее по интенсивности ливень. Пришлось остановиться – «дворники» ветрового стекла не справлялись на самом скоростном режиме с удалением потоков воды, видимости никакой! Да и под колесами в пониженных местах, а профиль дороги в этом районе сложный, были такие лужи (более полуметра), что врезаться в них на скорости было небезопасно. Переждать пришлось более получаса. Вот и въехали в г. Харьков, большой промышленный и административный центр. Здесь нам расставаться с попутчиками. Знаем, что им необходимо ехать на запад от него, а нам – на север, на Москву. Знать то знаем, но где и как должен был проделан этот поворот?! Никаких дорожных указателей, панно или другой информации, хотя город лежит и на известной туристической трассе «Симферополь–Москва». Движение на улицах Харькова интенсивное, где можно остановиться, чтобы попрощаться, не сообразим. Короче говоря, мы оказались неподготовленными к такому режиму движения и прощание получилось неожиданно куцом, без эмоций, скоротечным, мы даже не обменялись домашними адресами, наши женщины, не выходя из машин, помахали друг дружке ручками, мы же, мужики, обменялись прощальным рукопожатием и пожеланиями счастливого пути.

После многих расспросов прохожих и, наконец, консультаций с одним из постовых милиционеров, оказавшимся на тротуаре, мы попали на улицу города, ведущую к выезду из города на магистраль «Симферополь—Москва», прошли окраину и остановились на обочине, чтобы передохнуть от пережитого напряжения езды по незнакомому городу.

Неплохо устроенная по тем временам проезжая часть магистрали, покрытие, инженерные сооружения позволяли развивать приличную скорость, хотя число полос движения в каждую сторону было не более двух, а местами и по одной. Местность и трасса слегка холмистая, часто располагались искусственные лесозащитные полосы, многие из них многолетние. К вечеру выбрали место для остановки на ночлег — это одна из лесозащитных полос, к которой мы направились, съехав с магистрали. Проехали вдоль нее, несколько углубились в заросли и сделали стоянку. Теперь мы были одни, без попутчиков, скучнее и, как-то показалось, небезопасно. Поужинали, сидя в машине, и разложили сидения для ночлега. Для надежности достал из багажника лежащее в нем в глубине одноствольное ружье, подаренное мне на свадьбу одним из друзей Альбертом Таймасовым, горняком из Алма-Аты, погибшим там, в Майли-Су, года через два после этого, и положил его рядом с собой в салоне автомобиля, где мы и благополучно переночевали. Это было в районе города Белгорода.

Рано утром отправились в дальнейший путь. Около 9 утра, поднимаясь по одному из склонов холмистой местности, увидели картину красиво раскинувшейся зеленой поляны, идущей от лесополосы на вершине холма вниз до автомагистрали (справа по ходу движения). Все это ярко освещалось уже высоко стоящим солнцем. На фоне всей этой красоты увидели прямо в центре поляны стоящий автомобиль иностранной марки и немного поодаль, на подстилке, лежащих без движения двух человек — мужчину и женщину — а рядом раскрытый большой чемодан, в котором в беспорядке разворочены вещи. Я остановил автомобиль и решил подойти поближе, т. е. метров на двадцать-тридцать от проезжей части, чтобы рассмотреть тела убитых (такая мысль пришла в первые минуты увиденного). Когда же приблизился, то убедился, что граждане иностранцы мирно спят, посапывая, никаких следов насилия не видно. Я немедленно ретировался и, обменявшись мнениями с Юлией, решил скорее убираться с этого места, считая, что «кто-то» уже покопался в чемодане безмятежно спящих иностранцев, не знающих нашего, советского, положения дел, не позволяющего так вольно

обращаться с личной собственностью. К счастью, пока проходила вся эта «процедура» моего обследования, никакого движения по шоссе не было, мы бодро рванули с этого места.

К сожалению, автомагистраль проходила через центры проезжаемых населенных пунктов, скорость движения по которым резко снижалась. Очень тяжелым и медленным был проезд через город Тулу. Довольно большой, промышленный город тянулся, как бы с двух сторон шоссе, которое пересекалось в пределах города многими ж.д. путями, оборудованных шлагбаумами, долгие стоянки у них.

И вот мы уже на Московской кольцевой дороге (МКД). У нас был «Атлас автомобильных дорог СССР», в котором на отдельных страницах изображена крупномасштабная схема МКД, и я мог с уверенностью определить нужную нам развязку для съезда на шоссе, идущее на Ярославль. Еще до нужной нам развязки нас остановил постовой милиционер ГАИ для проверки документов. Это была первая проверка органами ГАИ за весь, более, чем 4-тысячекилометровый путь. Оказалось, что его заинтересовали необычные, никогда им невиданные, буквы номерных знаков моего автомобиля. Номерной знак состоял из трех букв, означающих область регистрации, и четырех цифр. Буквы нашего автомобиля «БХБ» означали – «Бухарская область» – и когда я ему назвал ее, то он сказал, что никогда и не слышал о таковой. Милиционер дружелюбно расстался со мной и любезно объяснил, где и как совершить съезд на Ярославль. Ничего примечательного в дальнейшем пути не произошло, только любовались красотами лесных массивов, через которые проходила автодорога, останавливались подышать лесными ароматами, запахами буйных трав.

Некоторые затруднения езды по Ярославлю, выезд в сторону нового жилого массива «Брагино», где проживали наши родные, и мы у цели. Бурная встреча, радость благополучного окончания длинного путешествия, перспектива почти месячного общения!

Отпуск проходил во многих поездках по Ярославским окрестностям, в леса, посещения городка Ростов Великий с его уникальным озером Неро (помните экскаватор «НЭРО», конечно, ничего общего – просто звуковая ассоциация). Запомнилось и то, что ни разу не удалось выкупаться в Волге, из-за холодной воды, а главное, холодного воздуха, несмотря на разгар лета. Отпуск пробежал быстро. Машину оставили в арендованном кирпичном гараже, где были замечательные условия – возможность проведения профилактических осмотров и мелких ремонтов в специально оборудованном

для этого помещения, круглосуточная охрана блока гаражей, мойка автомобилей. Мы с Юлей и младшим сыном, Виктором, отправились в обратный путь в Москву, где повидались и пообщались с друзьями, Аксельбантами и вылетели в Узбекистан. Старший, Борис, продолжил учебу в школе, в Ярославле.

ГЛАВА 7

Снова я директор и опять много дел и обязанностей

Приступили к служебным обязанностям. В Навои и на комбинате режим напряжения работ возрастал. Основное внимание руководства Комбината, вернее, его Первого руководителя З. П. Зарапетяна было направлено на строительство промышленных объектов основных площадок на Бесопане (заводская), Прикарьерная (карьер «Мурунтау»), Сазакино (головные водозаборные сооружения), собственно водовода с насосными и подстанциями при них. Одновременно готовился и будущий эксплуатационный персонал. Шел отбор во многих высших и средних учебных заведениях многих городов страны лучших студентов, оканчивающих их, и уже в 1967 году молодые специалисты стали прибывать. Многие из них включились в строительный процесс, курировали и принимали личное участие в монтаже оборудования, вносили предложения по корректировке некоторых технологических процедур и т. п. Большинство из этих молодых специалистов в дальнейшем прекрасно вписались в производство и общественную жизнь коллективов, приобретая опыт, росли по служебной лестнице и достигли высоких ответственных должностей. Хочу особо отметить некоторых из них, с кем приходилось многие годы работать и взаимодействовать успешно – это Валерий Николаевич Степура, Геннадий Алексеевич Прохоренко, Зиновий Абрамович Радер, Алексей Александрович Пашков, Василий Васильевич Повереннов и др. Укреплялось Центральное рудоуправление и опытными квалифицированными кадрами. Так, директором ЦРУ был назначен Сергей Николаевич Витковский, переведенный с должности начальника ГМЗ-1, где он был его первым руководителем со дня пуска, сплотил прекрасный коллектив ИТР и рабочих, преодолевший все трудности освоения технологического процесса, и успешно работал на проектировании. Главным инженером ЦРУ был назначен переведенный из Табошар Василий Макарович Штурбабин, горный инженер

(мой однокашник по Институту), но назначение оказалось не очень удачным. Василий Макарович никогда не отличался особыми организаторскими способностями. Менее чем через год главным инженером ЦРУ был назначен, насколько мне помнится, Виктор Сергеевич Воскобойников. В ЦНИЛе Комбината и в опытном цехе № 1 шли интенсивные работы и исследования по технологии извлечения золота из руд месторождения «Мурунтау». Здесь тоже сложились сплоченные коллективы пытливых инженеров и техников, которые, не считаясь с личным временем и даже здоровьем, с энтузиазмом и усердием добивались конечной цели и выполнения поставленных задач. Особо отличались в этих работах начальник технологической лаборатории ЦНИЛа Юрий Павлович Новиков, инженер-исследователь Анна Петровна Захарова-Витковская, начальник смены опытного цеха А. И. Новоселов, начальник отделения хвостохранилища В. П. Половинко и др.

Меньше внимания со стороны Управления Комбината проявлялось к делам Северного Рудоуправления (Учкудук) и Южного Рудоуправления (Сабырсай). Но, в Учкудуке уже был сложившийся коллектив, где набрались опыта и бывшие молодые специалисты, и продолжали работать и руководить многими участками работ опытные специалисты, а Первым лицом был опытный и крепкий хозяйственник и инженер Анатолий Анатольевич Петров, вхожий в руководство главным управлением и министерства, в высокие инстанции партийных органов области, и не требовавший особого внимания. Директор же Южного рудоуправления В. М. Кишко, ранее руководивший небольшим Красноводским рудоуправлением, где проводились в основном эксплуатационные работы по подготовке и добыче руд, не имел опыта организации строительства многих видов промышленных и объектов гражданского назначения, не проявлял необходимого напора и рвения, не смог пересилить свой настрой на размеренный образ жизни, и дела продвигались не в предусмотренные планами и проектами сроки. Многие, прибывшие с Кишко ИТР, занимавшие руководящие должности, тоже придерживались размеренного режима работы и жизни. Конечно, требовалось оказать более пристальное внимание к этому объекту, но З. П. Зарапетян был занят более серьезными, как я уже отмечал, делами, а А. П. Щепетков продолжал быть больше кабинетным руководителем и не смог оказать заметного влияния на ход работ в Сабырсае. Отдельные выезды начальников отделов и главных специалистов Управления Комбината, перевод некоторых работников из Учкудука в Сабырсай не могли привести к нужному перелому хода работ.

Вместе с тем, проходка проектных стволов на руднике № 1 медленно продвигалась. Были использованы все приобретенные в Учкудуке приемы по осуществлению водопонижения и снятия напоров, применению опережающей крепи при проходке водоносных горизонтов. Забоем вспомогательного ствола № 1-1 был пройден Сабырсайский водоносный горизонт летом (июль–август месяцы) 1967 года, и проектная глубина достигнута в октябре этого года. Ствол № 1-главный достиг проектной отметки, пройдя через водоносный горизонт в октябре 1967 года. Оба эти ствола были начаты проходкой в первой половине 1966 года при моей работе, если помните, директором здесь. В октябре и ноябре месяцах 1967 года были начаты работы по проходке соответственно стволов № 2-1 (вспомогательный) и № 2-главный на руднике № 2. На нижнем, дренажном горизонте из ствола № 1-1 проведена рассечка рудничного двора и начата проходка околоствольных сооружений – центральной насосной станции с помойницей и подземной электроподстанции. Но очень медленно продвигалось строительство поверхностных сооружений на рудниках и объектов жилья и соцкультбыта в поселке.

З. П. Зарапетян привлекал меня больше к поездкам в Зарафшан на объекты строительства Центрального рудоуправления (ЦРУ) и Восточного рудоуправления (ВРУ). Наверное, ему нравился мой подход, стиль и стремление выполнять даваемые мне поручения.

В самом начале июля 1968 года я был вызван к З. П. Зарапетяну, в кабинете которого сидел и 1-й секретарь Навоийского горкома КП Узбекистана В. Н. Сигедин (история повторилась) и здесь мне З. П. объявил о моем повторном назначении директором Южного рудоуправления.

Юлия Максовна приняла новость не с восторгом, но и не устраивала особых возражений на очередной переезд и обустройство на новом месте. Выехал к месту работ уже на директорской «Волге», присланной за мной с предприятия. Никакого приема-сдачи должности от В. Кишко с составлением акта не производилось, да я и не настаивал на этом – ведь положение дел на предприятии я знал очень подробно, занимаясь вопросами КС в горном отделе комбината, читая все технические ежеквартальные отчеты предприятия, хоть и изредка, но посещая предприятие для решения определенных вопросов, участвуя в проведении полугодовых и годовых собраний и совещании по подведению итогов работ за соответствующий период и на предприятии, и в масштабах комбината.

В. М. Кишко сразу же отбыл на Украину, где устроился на работу на растущее в тот период новое рудоуправление в городе Кирово-

граде, подчиняющееся комбинату Минсредмаша в Желтых Водах. Он высказал мне единственную просьбу не беспокоить его семью до того, как он ее заберет на новое место жительства, имелось ввиду не требовать освобождения занимаемой директорской квартиры. Я обещал ему выполнить просьбу и выдержал это, хотя прошел достаточно большой срок, почти 5 месяцев. О дальнейших «успехах» и судьбе В. М. Кишко я имел лишь случайные сведения от командированных в наши края сотрудников главка, или от некоторых ИТР, тоже уехавших в Кировоград из Сабырсая, но вернувшихся обратно из-за отсутствия там жилья. В. Кишко работал в аппарате рудоуправления, стал даже замом директора по общим вопросам, но в чем-то «заворовался» и был судим, отбывал заключение. Больше о нем ничего не знал, да и не интересовался. К описанному несколько ранее положению дел на горных работах рудников №№ 1 и 2 надо добавить, что продолжались проходка горно-подготовительных выработок с разными видами крепи и использованием разных вариантов отбойки, погрузки горной массы и доставки ее по горизонтальным выработкам на опытном участке рудника № 1.

На поверхностном комплексе рудника № 1 были начаты строительные работы на нескольких проектных объектах – постоянной компрессорной, котельной, бытовом комбинате и др. – но недостаток рабочей силы у строителей, отсутствие многих элементов железобетонных строительных конструкций, изготавливаемых на заводах ж.б. изделий в НУСе и даже в Учкудуке, задержка их поставки, привели к распылению средств по многим объектам без обеспечения сроков ввода их в эксплуатацию. Не лучше обстояли дела и на строительстве жилья и объектов инфраструктуры в поселке. К нескольким десяткам деревянных коттеджей и четырем 16-ти квартирным четырехэтажным домам, построенным еще в бытность моей прежней работы здесь, добавилось несколько таких же 16-квартирных и два 12-квартирных трехэтажных кирпичных домов, сдан в эксплуатацию первый магазин на 4 рабочих места и построен первый детсад на 140 мест еще без благоустройства, но уже функционирующий. У западной окраины поселка, у дороги, идущей от временного поселка ГРП-54 к соцгороду и далее на рудник № 1, функционировала столовая спецпитания, размещенная в деревянном здании (типовая казарма для военных строителей) с пристроенным пищеблоком в кирпичном исполнении. В этой столовой получали спецпитание горнорабочие перед отправкой на работу на рудники и в дневное время питались трудящиеся всех категорий. Поблизости от столовой были сооружены временные навесы остановок для посадки и

высадки трудящихся, отъезжающих на работу и обратно. Автобусное обслуживание обеспечивала автобаза № 5 предприятия.

Как и прежде, основное население и трудящиеся предприятия проживали в поселке ГРП-54, где и располагались объекты обслуживания населения – магазины ОРСа, МСЧ, клуб и т. п.

В промзоне, западнее границ строящегося поселка, справа за автодорогой «Нагорная-рудник № 1» была уже расширена база строительной индустрии (БСИ) СМУ «Южное»: РБУ, примитивные пропарочные камеры, столярная мастерская, слесарно-сварочная мастерская, база монтажных организаций, склады стройматериалов и др., все это во временных помещениях, под навесами. Только одно одноэтажное кирпичное здание здесь, в котором размещался ремонтно-механический участок (с западного торца) и контора СМУ из двух-трех комнат (с противоположного торца). В этом же районе была почти закончена строительством временная котельная с водогрейными котлами на жидком топливе. Проводились строительно-монтажные работы по сооружению теплокоммуникаций к объектам поселка. Слева от дороги функционировала временная электроподстанция 35/6 кв., которая питалась от действующей ЛЭП по временной схеме от Каттакурганской подстанции. От этой подстанции по построенной ЛЭП-35 кВ шло электроснабжение площадки рудника № 1 напряжением 6 кВ. Все строительные материалы, как и все необходимое для нужд населения, доставлялись на предприятие автотранспортом. Гравийно-песчаная смесь для бетонов, отсыпки дорог и т. п. – из района Домхаджи, из поймы рукава реки Зарафшан, где постоянно находился экскаватор и там же проживал нанятый экипаж машинистов, работающих на нем и производящий заготовку смеси, погрузку ее в прибывающие автосамосвалы в любое время суток. Железобетонные и металлические конструкции, как правило доставлялись соответствующим по назначению автотранспортом из г. Навои, принадлежащим подразделениям комбината. Крепежный лес, большая часть кирпича, горное оборудование поступало в ж.д. вагонах, платформах по железной дороге на станцию «Нагорная», где еще в 1966 году нами была создана перевалочная база Предприятия, организованная на отдельном тупиковом ж.д. пути, справа от магистральных путей по ходу «Самарканд–Бухара» Последнее я подчеркиваю потому, что все грузы наши с этой перевалочной базы приходилось провозить через весь довольно большой пристанционный поселок. По началу прибывающие в адрес предприятия грузы разгружались и хранились прямо на открытом воздухе, но постепенно были сооружены

складские помещения, территория благоустраивалась. Ее оборудовали башенным краном, огородили забором и т. п. Правда, к моему, второму пришествию, много здесь еще сделано не было.

Был разгар лета и функционировал еще один, созданный бывшим руководством и МК (местный комитет) профсоюза объект – это пионерский лагерь для детей сотрудников предприятия. Его организовали в палатках на окраине поселка ГРП, поблизости от искусственного пруда, созданного земляной плотиной на ручье Сабырсай еще в мою прежнюю бытность директором. Дети питались в столовой поселка ГРП, ночевали в палатках. Но близость проживания родителей и почти ежедневное посещение детей, мешало романтике отдыха в лагере. Дети были недовольны такими обстоятельствами. Санитарные условия места нахождения лагеря не соответствовали никаким нормам – поблизости сарай и другие строения, в которых отдельные семьи держали свиней, кур и других домашних животных. Вынужден был уже второй «заезд» в этот пионерский лагерь отменить.

Самыми насущными вопросами для решения основных задач по строительству и вводу в эксплуатацию рудников были на этот момент не технические трудности горного производства, а недостаток рабочей силы на всех видах работ, т. е. квалифицированных горняков и просто рабочих вспомогательных профессий на горных работах, кадров строительных специальностей, водителей автотранспорта и др. Но, еще большей проблемой стал большущий дефицит жилья и объектов обслуживания населения, ликвидировать который наличными силами было невозможно.

Несмотря на то, что в Сабырсай были в течение последних полутора лет переведены некоторые квалифицированные рабочие и ИТР из Учкудука, других предприятий министерства, достаточного выбора для назначения на руководство участками и другими более высокими подразделениями при возникновении такой необходимости, не было. Ознакомлю читателя с некоторыми действующими руководителями основных подразделений предприятия на момент моего возвращения на директорскую должность.

Главным инженером рудоуправления по-прежнему работал В. М. Равжаев, на мой взгляд весьма неудачная кандидатура с самого начала, но очевидно удобная в то время для А. П. Щепеткова. Главным механиком трудился тот же Василий Васильевич Махонин, принятый мною в 1966 г., главным геологом – Н. П. Меняйлов, начальником ПТО Рудоуправления – уже известный нам Г. Г. Белозерских, который в свое время сбежал от трудностей из Учкудука

куда-то в Россию, но по мне неизвестным причинам вернувшийся в наши края, принятый руководством комбината на работу и направленный в Южное рудоуправление. Главным энергетиком – Б. Саидов. Начальником планового отдела – Мария Михайловна Богатырь и начальником ОТиЗа – уже не молодой, скорее достаточно солидный по возрасту и стажу работ, с восточным разрезом глаз человек по фамилии Суханов (инициалы не могу вспомнить), весьма активный на разговоры и всякие, скорее не реальные, предложения по «совершенствованию» организации работ и в то же время умевший регулировать вопросы создания комплексных норм на горные работы с учетом конкретных условий. Заместителем главного инженера по ТБиОТ работал Э. Я. Литвинов.

Начальником рудника № 1 трудился Владимир Иванович Булдыгин, горный инженер, до этого порабатывший в горном отделе Комбината, начальником ПТО Рудоуправления, довольно грамотный специалист, но с мягким, неустойчивым характером. Главным инженером рудника № 1 – В. А. Бондаренко, горный инженер, ранее работавший с Кишко на прежнем месторождении, и вскоре подавший заявление на увольнение, в связи с отъездом в Украину. Начальником рудника № 2 трудился Николай Александрович Прудкогляд, горняк, уже прошедший школу организации работ по проходке стволов в конкретных условиях, очень трудолюбивый, с упорным характером и «хохлацкой» смешинкой на губах, умело и безропотно преодолевавший возникающие трудности. Главного инженера на руднике еще не было, ведь только велась проходка стволов № 2-1 и 2-гл., где были начальники и механики участков. Горными участками руководили в основном специалисты со среднетехническим образованием, имевшие опыт работ на других предприятиях и в Сабырсае. Начальником опытного участка, где уже были вскрыты рудные тела и выдавалась «на-гора» кроме пустых пород и руда, складировавшаяся в рудный отвал, был Борис Трояновский, которого я знал еще по работе в Янгиабадском рудоуправлении. Очень активно, не считаясь со временем и не «вылезая из спецовок», обеспечивали проходку стволов и водоотливов механики Александр Саутин, Кадыков и горные мастера. Все они, в основном, были молодыми людьми и молодыми специалистами, стремящимися получить опыт и продвигаться по иерархической лестнице, самоутвердиться.

Начальником СМУ «Южное» был В. М. Пичужкин, главным инженером СМУ – А. С. Хлыстов. В составе СМУ начальники участков Николай Васильевич Евсин, прорабы и мастера П. Т. Бредихин, А. Ф. Воронков и др. На Предприятии имелись и Профсоюзная

организация, ее МК, возглавляемый освобожденным председателем Германом Романовым (фамилия и имя не точны), инженер-маркшейдер, соратник Кишко, ранее работавший с ним на прежнем рудоуправлении, и партийная организация, ее партбюро, которое возглавлял инженер-геолог из геологического отдела. Он вскоре был командирован на работу в одно из зарубежных предприятий. По моей рекомендации секретарем партбюро (вскоре ставшее парткомом) был выбран горный инженер, сотрудник ПТО рудоуправления, ранее работавший тоже на Красноводском рудоуправлении Рафаэль Шангареев.

Особо расскажу о новом, организованном в 1967 году подразделении предприятия – это участок СПВ (скважинного подземного выщелачивания) урана на залежи № 12. Успешные эксперименты по извлечению урана в Северном рудоуправлении на залежах 30 и 28, которые очень пристально курировал главный инженер комбината А. П. Щепетков (надо отдать должное ему в этом деле), хотя и не поощрялись директором З. П. Зарапетяном, дали возможность начать такие опыты и в Сабырсае. Такие эксперименты и опытные работы поддерживались, курировались и поощрялись созданными исследовательскими подразделениями в научной части головного института ПромНИИпроект (бывший ГСПИ-14) и ВНИИХТе (бывший НИИ-10). Сотрудниками этих подразделений был разработан проект опытного участка на обособленной залежи № 12, находящейся вне зоны влияния работ по снижению напоров и осушению района подземных горных работ рудников. Условия же залегания руд на этой залежи были очень сложными тем, что глубина их более 300 метров при мощности 15 метров, статический уровень от поверхности 110–120 метров, в разрезе имелся мощный вышележащий кампан-палеоценовый водоносный горизонт. Опытных работ по СПВ в таких условиях еще в практике нигде не было. Начальником участка был назначен горный инженер Геннадий Викторович Некрасов, энтузиаст внедрения способа подземного выщелачивания, один из первых участников проведения такого опыта в Учкудудке, кстати, мой сослуживец еще из Янгиабадского рудоуправления, где он работал на руднике. На участке были пробурены несколько первых скважин подрядной организацией. Скважины обсаживались стальными трубами внутри футерованными полиэтиленовыми тонкостенными трубами с защемлением обуртовки на торцах. Такие полиэтиленовые трубы применялись для поверхностных трубопроводов кислот и других химикатов. Других кислотостойких труб из материалов достаточной прочности и твердости для удержания

стенки скважин советской промышленностью не выпускались. На поверхности участка построили запроектированные перерабатывающую продуктивные растворы установку и компрессорную из передвижных компрессоров для выработки сжатого воздуха, которым и обеспечивался раствороподъем эрлифтами. Из деревянных щитовых конструкций сооружен был также АБК, где размещались контора участка, бытовые помещения и лаборатория. Механиком участка работал А. Н. Четверн, гидрогеологом Владимир Скобеев. Ко времени моего прибытия на работу, бурение скважин уже проводилось собственными силами участком «Осушения», возглавляемого Евгением Гудковым и под непосредственным руководством технолога буровых работ этого участка Ахмеда Шебзухова. Состояние работ на участке было плачевным – сжатого воздуха не хватало, технологическая установка не обеспечивала необходимых параметров, на многих скважинах полиэтиленовая футеровка нарушалась, кислотные растворы разъедали обсадные металлические трубы и попадали в высоко карбонатные породы вышележащего водоносного горизонта, вызывая сильнейшие выбросы-фонтаны.

Примерно описал состояние дел на предприятии. Не стану больше загружать читателя разными техническими подробностями, а через отдельные, самые интересные с моей точки зрения, обстоятельства, способы решения проблем, характера взаимоотношений с сослуживцами и вышестоящими руководителями, попробую изобразить картину создания очередного, не маловажного объекта по добыче уранового сырья в составе НГМК, который должен был добывать и отправлять на перерабатывающий завод ГМЗ-1 в Навои 600 тыс. тонн руды в год в течение почти 30 лет.

ГЛАВА 8

Новые заместители. Военные строители. Темпы работ увеличиваются

Осмотревшись и оценив конкретную обстановку, я понял, что заниматься придется всеми направлениями для обеспечения главного – проведению горных работ и поверхностного строительства рудников и ввод их в эксплуатацию. Для этого было необходимо в первую очередь расширить возможности и укрепить кадрами Строительно-монтажное Управление, без чего невозможно выполнить эту задачу.

Подготовил (мысленно и на бумаге) доклад Зарапу Петросовичу, в котором изложил кратко направления действий и характер необходимой помощи. Связался с ним по телефону и попросил аудиенцию. Получил разрешение на выезд в Навои, прибыл к назначенному сроку. З. П. выслушал меня внимательно и практически одобрил все мои предложения и просьбы. Главное же, он мне сообщил, что в ближайшие дни будет решен вопрос о размещении в Сабырсае отряда военных строителей в размере полка. Это же около 1000 солдат! При этом З. П. обязал меня принять все меры к возможности скорейшего обустройства военного городка, проект которого будет на днях выслан мне. Одной из моих просьб было назначить нового главного инженера рудоуправления, так как объемы и характер горных работ увеличивались, становилось сложнее, состав ИТР и руководителей подразделений – это главным образом, инженеры, а горный техник В. М. Равжаев с этими обязанностями не справлялся и не пользовался необходимым авторитетом. Получил обещание выполнить и эту мою просьбу.

Вскоре стали поступать рабочие чертежи военного городка и деревянные конструкции сборных казарм. Военный городок был привязан к местности километрах в 1,5–2 западнее территорий, отведенных «Проектом строительства Предприятия...» под базы стройиндустрии, МТС и ОРСа. После сборки первой же казармы

прибыл первый отряд военных строителей во главе с зам. командира полка, который и занялся сооружением остальных казарм и других объектов городка. По мере их готовности численность военных строителей увеличивалось. Уже к осени 1968 года основные объекты военного городка были построены (кроме благоустройства), численность военных строителей доведена до 900 человек, и они включились в работу по строительству плановых объектов жилья в городе и промышленных на площадке рудника № 1. Мною было выделено несколько квартир в одном из сдаваемых в эксплуатацию домов для офицеров полка, в том числе для его командира Ивана Павловича Бартенева.

Уже в октябре месяце мне был прислан на должность заместителя директора по КС Виктор Иванович Аникин. Это был молодой, небольшого роста инженер-строитель, который энергично, как показалось, включился в налаживание дел по ускорению строительного процесса на наших площадках. Не могу сказать, что руководители СМУ (В. М. Пичужкин, А. С. Хлыстов) с удовольствием «приняли» появление над ними «начальника». Ими делались попытки игнорировать распоряжения последнего, высказывать мне жалобы на действия Аникина. Я поддержал Аникина, считая, что, освоившись, он сумеет взять в руки руководство стройкой и внесет необходимое ускорение работ и их качество.

Буквально еще через месяц был назначен новый главный инженер рудоуправления. Им стал Александр Васильевич Авраменко, горный инженер, до этого проработавший в разных должностях на рудниках в Майли-Сайском предприятии и комбинате. Я его по Майли-Су не помнил, а он меня знал, как говорил после нашего более близкого знакомства. А. В. Авраменко сразу же привез семью, супругу Галину и сына Сашу, поселился в выделенном коттедже и включился в темп и ритм горных работ. Грамотный и с хорошим практическим опытом инженер Александр Васильевич был по характеру, в какой-то степени моей противоположностью. Выдержанный, внешне всегда спокойный, с частой улыбкой на лице, редко выходящий «из себя», он умел «культурно» убеждать подчиненных в необходимости выполнять его указания, или не допускать тех или иных промахов. Со временем я понял, что его внешнее спокойствие скрывает истинные его переживания за дело. Мы с ним, да и наши семьи, стали не только товарищами, даже друзьями. Это не мешало нашим официальным взаимоотношениям, не снижало моей требовательности к нему, как к моему заму и ответственному, главным образом, за состояние горных работ.

Темпы строительства и проведения горных работ возрастали. На горных работах, преодолевая все сложности горнотехнических условий, набирали опыт и стали мастерами своего дела многие горняки. Лучшие из них становились звеньевыми, бригадирами специализированных бригад. Так на проходке стволов были незаменимы такие ассы своего дела, как Леонид Григорьевич Токарчук, Виктор Андреевич Тодоренко. Свою специфику имели способы и приемы проходки капитальных и горно-подготовительных выработок, особенно наклонных. Здесь тоже воспитались свои лидеры — И. А. Рябинин, А. М. Лапин, И. М. Юнак, Г. З. Зарипов. Особенности сложности были при проходке наклонных выработок. Очень важным направлением для подготовки к сдаче в эксплуатацию рудника № 1 было пройти уклон «Южный», обеспечивающий сбойку горных работ на «опытном» участке и центральным районом стволов № 1-гл. и № 1-1. Именно из этого уклона должны были развиваться основные горно-подготовительные работы и добыча руды по проекту I-й очереди рудника. Были опробованы проходка и «снизу-вверх», и «сверху-вниз». Проходка «снизу-вверх» оказалась весьма опасной в связи с тем, что обводненные песчано-глинистые породы вымывались в припочвенной части, и это приводило к обрушению всей груди забоя, удерживать которую не удавалось никаким образом. Горнорабочие оказывались в большой опасности. При проходке «сверху-вниз» очень осложнялся процесс водоотлива из забоя, где создавалась песочно-водяная смесь, выводящая из строя насосные средства откачки. Особенно сложным оказался момент сбойки пройденной «снизу-вверх» части уклона с проходимой «сверху-вниз». Выполнили эту сбойку под защитой ряда дренажных скважин, пройденных с выработки под уклоном. Заметнее продвинулись строительные работы на поверхности рудника № 1. К концу года, к зиме были сданы в эксплуатацию бытовой комбинат, центральная компрессорная станция, временная котельная.

Как уже отмечал, самым «узким» местом для развития объемов и темпов горных работ являлось отсутствие жилья для пополнения рабочих и инженерных кадров. У меня возникла мысль принимать на подсобные и вспомогательные виды работ на рудниках лиц, живущих в близлежащих кишлаках и кишлачках и работающих в сельском хозяйстве, особенно молодых, прошедших службу в советской армии. Надо прямо признаться в том, что то ли в силу принадлежности нашего ведомства к общесоюзному подчинению и строгой секретности его, то ли каких-то других причин в коллективах наших было очень и очень мало рабочих и ИТР из лиц местных националь-

ностей. Так было и в Янгиабаде, и в Учкудуке, так и в Сабырсае. Это имело место и потому, что нам, промышленникам, запрещалось принимать на работу проживающих в сельской местности и не имеющих паспортов, которые им в те времена не выдавались (еще одна «особенность» советского Сталинского режима). Работники отделов кадров категорически отказывали обращающимся жителям сельских поселков. Я дал безоговорочное указание начальнику отдела кадров принимать таких под мою личную ответственность, на основании предъявляемых ими справок из кишлачных советов и направлять на работу на рудники. Это давало возможность пополнять рабочую силу без представления жилья, а вынуждено же занятых на подсобных работах горняков передвигать на основные работы в забойную группу. Такие мои действия вызывали отрицательную реакцию с двух сторон. Жалобы руководителей сельхозхозяйств (совхозов, лесхоза и др.) дошли до районного руководства и райкома КП Узбекистана, которые высказывали мне свое неудовольствие. Начальник отдела кадров по своей линии доводил до сведения кадровиков комбината о моих противоправных действиях, и я неоднократно получал выговоры в соответствующих приказах по комбинату.

Поселок рос, численность населения возрастала, и следовало определять его статус. Требовалось взаимодействовать все больше с местными властями, встречаться с председателем райисполкома, секретарем райкома КП Узбекистана. В соответствии с установленными правилами, следовало провести собрание жителей поселка и принять предложение о наименовании, которое желательно присвоить ему. Такой митинг мы провели и рекомендовали назвать поселок Сабырсай – «Солнечногорск». Протокол собрания был направлен в соответствующие органы. Через довольно большой срок получили окончательное решение присвоить строящемуся поселку наименование – «Рабочий поселок городского типа “Советабад”». Началась подготовка к выборам Поселкового Совета. Интерес и авторитет предприятия и городка, строящегося по нормам градостроительного проектирования, со всеми видами коммунального обслуживания, рос у местного населения. Этому способствовало и то, что наша медико-санитарная часть стала оказывать срочную медпомощь населению кишлаков. А было это лишь после неоднократных «разносов», которые мне пришлось провести с начальником МСЧ Климкиным и частыми совещаниями с основным медперсоналом. Ко мне дошли факты, что наши медики отказывали в приеме и оказании первой помощи местным жителям, когда их доставляли своими средствами в больницу, не говоря уже об отказе

поехать к пострадавшим или роженицам по вызову. Климкин и иже с ним объясняли такие отказы тем, что МСЧ получает все ресурсы и штаты лишь на численность населения относящегося к рудоуправлению и отстают от бурного роста его, карета скорой помощи, выделяемая автобазой рудоуправления лишь одна и прочие причины. Однако я не принимал никаких оправданий медиков, обязывал их и добился того, что рожениц принимали безотказно и оказывали первичную срочную помощь в экстренных случаях населению близлежащих кишлаков.

Серьезной проблемой было обеспечение городка и промобъектов питьевой водой. Напомню, что проектирование предприятия и города было поручено филиалу № 1 (г. Ташкент) головного московского института ПромНИИпроект. На основании разработанного в Головном институте «ТЭО строительства предприятия на базе месторождения “Сабырсай”», филиалом был выпущен и утвержден соответствующими инстанциями «Проект строительства I-й очереди предприятия...», в котором водоснабжение города предусматривалось от скважинного водозабора подземных вод разведываемого Джанубского месторождения, расположенного в 10–15 км от предприятия. Воды этого месторождения, пригодные по всем параметрам для питьевых нужд, имели температуру около 30°C. В связи с последним в технических решениях и в смете «Проектом...» предусматривалось устанавливать в каждой квартире бытовой холодильник советского производства «Саратов». В действительности это выполнено не было – руководство комбината не посчитало необходимым выполнить это решение, считая, что жильцы будут в состоянии приобрести холодильники за свой счет.

Водоснабжение поселка в описываемый момент производилось от самоизливающейся скважины, пробуренной прямо на окраине строящегося поселка на кампан-палеоценовый горизонт, где температура воды была также около тех же 30–32°C. Уже в 1968 г. мы приступили к строительству водовода от Джанубского водозабора к площадке городка и освоению самого водозабора. Уже в начале 1969 на водозаборе пробурили три скважины, обвязали их, и вода под естественным напором пошла по водоводу. По мере сработки напоров пришлось в 1970 году на водозаборе смонтировать передвижные электростанции и обеспечить откачку воды насосами. Через несколько лет (забегаю вперед) на одной из господствующей высоте в 2–3 км от поселка были построены два резервуара емкостью по 2000 м³, в которые поступала вода от водозабора, и отсюда самотеком в городской водопровод и на площадки рудников.

Уже в 1968 году шла добыча руды в районе так называемого «опытного участка». Выдача ее шла по грузовому подъему ствола № 2 и накапливалась на рудном отвале. Возникла необходимость организовывать вывозку руды на перерабатывающий завод ГМЗ-1 в г. Навои. Песчанистые руды Сабырсая очень благоприятно влияли на увеличение извлечения металла в процессе их переработки с Учкудукскими глинистыми рудами на заводе, их поступление на завод было желательным и требовалось во все в большем количестве. Ввести в эксплуатацию рудник № 1 намечалось в 1969 году. Было принято решение построить тупиковую железнодорожную ветку от станции «Нагорная» на юг в сторону предприятия. Вопросы локального проектирования ветки, отвода земель под ее строительство были решены руководством и ОКСом комбината. Проект был выдан предприятию. В составе СМУ «Южное» не было ни одного ИТР, а тем более рабочих-строителей, имевших опыт железнодорожного строительства. Подготовка трассы, обустройство полотна ветки не вызвали особых трудностей. А выполнение верхнего строения, укладка шпал, рельс, особенно на значительном участке плавного поворота под определенным радиусом, врезка стрелочных переводов и других важных деталей стали тяжелейшим экзаменом для всего персонала СМУ. Работа не клеилась, приходилось по многу раз переделывать выполненные работы. Руководители СМУ меняли прорабов, мастеров, но дело продвигалось медленно, качество было таким, что не предвещало возможности сдать путевое хозяйство представителям МПС (Министерство путей сообщений). Я собрал совещание ИТР СМУ и попросил в спокойной атмосфере продумать и решить кто из имеющихся у них кадров наилучшим образом может сдвинуть проблему с тупиковой ситуации. Одновременно поручил руководству СМУ найти специалистов по сооружению верхнего строения ж.д. путей в подразделениях МПС на ближайших станциях, привлечь их к работе по совместительству с повышенной оплатой их услуг. Руководить работами на этом участке поручили старейшине в СМУ мастеру П. Т. Бредихину, имеющему наибольший опыт работы на стройках. Я стал посещать работы на строительстве ж.д. ветки почти ежедневно, на месте принимал решения по преодолению возникающих организационных неувязок. В подразделениях МПС с моей помощью были приобретены специальные прессы для гнутья рельс нужного профиля и т. п. Стройка пошла, ветка подошла к проектному участку, где одновременно производились работы по бетонированию площадки под рудный склад, строились временные сооружения для персонала, дизель-

ной, осветительные опоры и др. К ноябрю все основные сооружения ж.д. ветки (пути, автоматика и сигнализация), непосредственно рудного склада были выполнены, перегнан на склад экскаватор и началась перевозка в самосвалах марки КРАЗ грузоподъемностью 10–12 тонн руды с рудника на склад. В декабре началась погрузка руды в полувагоны и отправка ее на Навоийский ГМЗ.

Пуском прирельсового рудного склада снял проблему перевозки руды в автосамосвалах через населенные пункты – Нагорная, Каттакурган и многие другие, через которые проходила автомагистраль. Хотя кузова автосамосвалов покрывались брезентами, просыпи не исключались и это приводило к радиоактивному загрязнению территории. Правда, возникла другая проблема, которую пришлось мне решать с местными властями. Ж.д. тупик и рудный склад проходили по засеваемым богарным землям, где выращивали пшеницу и ячмень. Постоянные ветры разносили рудную пыль и, естественно, загрязнялись участки злаковых полей, сильнее близлежащие, слабее – более удаленные. Я убеждал руководство совхоза «Каттакурган» отказаться от посевов на близлежащих землях, соглашаясь на определенную компенсацию потерь от такого мероприятия. Что-то удавалось достичь в этом плане, но этот «дамоклов меч» висел на моей совести. Приходилось часто кривить душой и убеждать, что опасности особой это загрязнение не представляет. Рудный склад на ж.д. тупике просуществовал до 1976 года, года окончания строительства железной дороги до площадки баз предприятия, где был организован перегрузочный узел руды.

Директорская квартира была занята семьей Кишко, а к началу учебного года необходимо было перевести мою семью, наш младший должен был идти в 7-й класс. Такой переезд состоялся – моя семья разместилась временно в одном из деревянных коттеджей последней сборки, который назывался «гостиницей».

Насколько помню, в августе я получил распоряжение принять небольшую делегацию из ГДР, которая должна ознакомиться с горными работами вновь строящегося уранового рудника, относящегося к «Государственному Комитету СССР по Мирному использованию Атомной энергии». Такой комитет в составе правительства СССР действительно был и им руководил Петросянц (думаю, что правильно вспомнил). Нам, многим работникам атомной системы, было известно, что фактически этот комитет является подразделением Минсредмаша, а Петросянц имеет ранг заместителя министра. Получил все инструкции по линии режимного отдела, положения которых необходимо было выдерживать в процессе общения с участниками

делегации. Без подробностей сообщу лишь, что над нашим рудником нет никакого комбината, мы подчиняемся напрямую «Комитету по мирному использованию...». Делегацию из трех немецких лиц сопровождал Николай Иванович Чесноков. С ним я был хорошо знаком со времени, когда он был моим шефом, работая заместителем главного инженера ПГУ. К этому времени он стал одним из руководителей 8-го управления ПГУ, управлявшего заграничными предприятиями. Необходимых условий для проживания такой высокой делегации к этому моменту не было. Принимаю решение закончить сборку одного из деревянных коттеджей ускоренными темпами, выполнить улучшенную отделку и оборудовать мебелью под гостиницу. Проследил за работой, всё получилось и в достаточно приемлемом виде. Подробности приема этой делегации описывать сейчас не хочу. Неделя их пребывания была насыщена для меня непрерывной тревогой за обеспечение минимального общения делегации с узким кругом сотрудников, создание условий максимального показа достопримечательностей Самарканда и окружающей природы и обеспечения трехразового вкусного и обильного питания гостей, в основном, национальными яствами. Все окончилось благополучно, гости были очень довольны, и свое удовольствие выразили во время заключительного приема в гостиничке накануне отлета в Москву.

В этой гостинице стала временно жить моя семья. В начале декабря семья Кишко отбыла к месту его работы, а мы перевезли свое имущество из Навои в директорский коттедж, после небольшого в нем ремонта. Но расставить мебель по намечаемым местам, разложить имущество, одним словом, освоить квартиру к Новому 1969 году, уже времени не осталось и встречу его (Нового года) мы организовали в гостинице в небольшом кругу сослуживцев. Об этом рассказ ниже.

ГЛАВА 9

Министру Ефиму Павловичу Славскому 70 лет

В начале октября месяца я был приглашен на проводимое руководством комбината совещание по результатам работы предприятий за 9 месяцев. Совещание вел З. П. Зарапетян и проходило оно в конференц-зале. Доклады сделали директора рудоуправлений, выступили с замечаниями некоторые начальники отделов комбината, заключение подвел З. П. По окончании З. П. попросил директоров рудоуправлений зайти к нему в кабинет. Здесь он сказал нам, что в ближайшие недели к нам прилетит по уже установившейся традиции министр Е. П. Славский. На сей раз его приезд совпадает с его 70-летним юбилеем. Обсуждение необходимых мероприятий по встрече министра и сопровождающих его лиц было предложено провести на даче за обедом. На дачу выехали на микроавтобусе З. П. Зарапетян, А. П. Щепетков, Ф. М. Капитанов (зам директора по общим вопросам и транспорту), А. А. Петров, С. Н. Витковский и ваш покорный слуга. Территория дачи расширилась, много зеленых насаждений, фруктовых деревьев, цветов. Прибавились и жилые строения – два больших коттеджа. За обедом Зарап Петросович рассказал, что намечается после объезда министром и его свитой предприятий (какие – решит министр), провести празднование его юбилея здесь на даче. Для этого уже идет сборка модуля типа «Ветерок». Для организации торжественного вечера необходимо всем участникам данного обеда внести наличными по 500 рублей. Кроме того, каждое рудоуправление должно внести свою лепту по определенным поставкам, о которых скажет Ф. М. Капитанов. Имелось ввиду то, что в каждом рудоуправлении сложились традиции создания сельхозобъектов по выращиванию некоторых продуктов сначала в порядке экзотики, а затем ставших давать ощутимые объемы продукции. В Учкудуке еще в 64–65 годах по инициативе Л. И. Тимошенко было создано подсобное хозяйство, использующее для орошения воды после очистных канализационных сооружений,

выращивающее бахчевые культуры, а в тепличном отделении помидоры, огурцы. Отдельно сделали лимонарий. Л. И. Тимошенко подобрал умельцев, отбывавших наказание за уголовные преступления в лагерях ЗК, которым можно было дать вольное хождение или условно-досрочное освобождение и они, трудясь почти круглосуточно и прилежно на основе своего опыта работы «на гражданке» стали устойчиво снабжать предприятия общественного питания ОРСа своей продукцией. Подсобное хозяйство стало объектом гордости руководства рудоуправления и местом обязательного посещения высокопоставленных гостей. Появились лимонарии и на ГМЗ-1, и на РМЗ.

Южное рудоуправление подсобного хозяйства еще к этому времени не имело, но были другие возможности. Как уже писал ранее поселок ГРП-54 находился в 4–5 км от центрального подворья и поселка крупного животноводческого совхоза «Улус». Это крупное хозяйство имело более 50 тыс. каракульских овец, 3–4 тыс. единиц крупного рогатого скота, значительное число кур и индеек. Совхоз выращивал корма на окружающих богарных землях – ячмень, пшеницу. Хозяйством руководил опытный и волевой специалист Иван Генрихович Бузик. Это был немец по происхождению, родившийся в этих краях, лет сорока по возрасту, прекрасно знавший и русский, и узбекский, и казахский языки. С ним у меня еще с 66 года сложились хорошие соседские взаимоотношения. Подробнее об этом, наверное, удастся поговорить попозже, а сейчас вернемся к основному рассказу.

В 10–12 км от территории Предприятия был восточный берег довольно крупного Каттакурганского водохранилища, сооруженного несколько лет назад для регулирования стоков реки Зеравшан, воды которой использовались для орошения существующих сельхозугодий и освоения новых земель для ускоренного развития в первую очередь хлопководства. На базе водохранилища было создано и государственное рыбное хозяйство, которое выращивало, вылавливало и поставляло в торговлю живую и «уснувшую» рыбу. Руководил этим хозяйством бывший фронтовик, узбек по национальности с Буденовскими усами, весьма приятный человек и хороший организатор производства, фамилию которого не помню. Наше предприятие оказывало рыбному хозяйству в порядке помощи сельскому хозяйству по официальному договору в небольшом объеме услуги по текущему ремонту автомобилей-цистерн, развозящих живую рыбу. Руководители нашей автобазы выполняли просьбы рыбопроизводителей довольно оперативно, и на этой почве сложились хорошие отношения между нашими коллективами. На этой основе бригада

автобазы № 5 имела возможность беспрепятственно (по согласованию и не часто) выезжать на водохранилище со снастями и вылавливать несколько десятков килограмм рыбы.

Мои возможности знал Ф. М. Капитанов. Он, выдавая задания каждому руководителю, обязал меня поставить в общий фонд проведения мероприятия трех индюков и 100 кг рыбы. Индюки были мною приобретены в совхозе «Улус» по цене себестоимости, а рыба по разрешению руководителя рыбного хозяйства выловлена нашей бригадой в Каттакурганском водохранилище. Все было доставлено к указанному сроку в указанное место.

В назначенный день (точно число не помню) в конце октября на дачу съехались приглашенные гости. Всех я перечислять не могу и не буду. Насколько мне помнится, на этом вечере от Комбината были только первые руководители – З. П. Зарапетян, А. П. Щепетков, Ф. М. Капитанов, директора рудоуправлений, ГМЗ-1 и РМЗ, первый секретарь Навоийского горкома КП Узбекистана В. Н. Сигедин. Нас предупредили от имени З. П. быть без жен.

Теперь попробую описать как проходило само событие, заранее сказав, что всё было очень торжественно и красиво от начала и до конца.

Столы были поставлены прямоугольником по всему периметру помещения так, что участники сидели только по внешнему контуру столов и видели только лица, а не спины друг друга. Во главе застолья сидели: юбиляр Ефим Павлович Славский, слева от него его супруга. Справа от него Шараф Рашидович Рашидов, рядом с ним Каюм Муртазаевич Муртазаев. Слева от супруги Министра – Зарапетян Зарап Петросович. Пожалуй, этими лицами была заполнена «красная» сторона прямоугольника, а может еще пару высокопоставленных лиц республиканского значения. Левая от «красной» стороны линия столов была предоставлена всем сопровождающим Славского в этой поездке лицам. А это были (только те, которых я помню и знал): зам. министра П. К. Георгиевский, министр здравоохранения СССР Борис Петровский, начальник Четвертого главного управления министерства Зарапов, начальник Первого главного управления министерства Николай Борисович Карпов. Среди них было несколько жен, в том числе Бориса Петровского. Правую длинную линию от «красной» и остаток левой занимали гости от Бухарской, Самаркандской областных партийных и советских органов, близлежащих от Навои районных органов. Всю противоположную «красной» линию занимали мы, представители комбината.

Стол вел первый секретарь Бухарского обкома КП Узбекистана

К. М Муртазаев. Он предоставил первое слово Шарафу Рашидовичу Рашидову. Поздравление было не многословным, произносилось без излишнего пафоса, негромким голосом, но тепло и как-то близко, по-дружески. Отметив большие заслуги Ефим Павловича в государственном масштабе, был сделан акцент на особое внимание юбиляра к развитию производительных сил Узбекистана, освоению природных богатств республики в труднодоступных пустынных краях. Шараф Рашидович вручил Славскому большую фарфоровую вазу с овальным портретом юбиляра при трех звездах Героя Социалистического Труда СССР и расцеловал его. Все встали и дружно выпили.

Вторым произнес поздравление и приветствие министр здравоохранения СССР Б. Петровский. Он вместе со словами здравицы преподнес подарок – это красиво оформленный круглый, величинной в десертную тарелку, «саркофаг», в котором лежал искусственный «сердечный клапан» применяемый Отечественной хирургией. Оказалось, что изготовление таких «изделий» освоено на одном из Предприятий Минсредмаша. Ефим Павлович, принимая поздравления и подарки делал свои комментарии в полушуточном тоне. Обнимая Петровского, стал вспоминать, как тот «вскрывал» его однажды (оказывается делал полостную операцию Славскому).

Один за другим Славского поздравили его Замы и Начальники Главков. Слово было предоставлено Зарапу Петросовичу Зарапетяну. Зарап Петросович явно волновался, но его поздравление от имени многотысячного коллектива прозвучало очень емко и красиво, хотя и несколько затянувшимся. Не помню какой сувенир, изготовленный на РМЗ, был вручен Зарапетяном, но Ефим Павлович был очень доволен и вместе с традиционным поцелуем высоко оценил дела и результаты деятельности НГМК и его директора за десятилетний период.

По очереди поздравительные адреса и сувениры вручили представители областных и районных организаций. Естественно были и халаты с тубетейками, и картины, и прочее, прочее. Дошла очередь и до руководителей рудоуправлений комбината.

Первым из них получил слово Анатолий Анатолиевич Петров, затем Сергей Николаевич Витковский, а за ним и я. Волновался я очень, но, кажется, выложил свои мысли логично и дал обещание безусловно в намеченные сроки построить новые рудники и дать стране нужную продукцию. Ефим Павлович принял сувенир, расцеловал меня и что-то пошутил по моему адресу, в связи с моим рыжим цветом волос.

Понятно, что столы ломились от изобилия предлагаемых яств, вкусно приготовленных лучшими поварами, недостатка спиртных напитков тоже не было. Несколько поодаль от «Ветерка» на очагах жарились шашлыки и другие виды жареной вкуснятины. Всей продовольственной частью командовал все тот же маленький, кругленький, симпатичный, улыбающийся, в безукоризнейше наглаженной одежде, Аркадий Арминакович Халатов.

После поздравлений и тостов перешли к отдельным высказываниям, шуткам и песням. Ефим Павлович очень любил петь, особенно украинские песни. Я пару раз становился запевалой, начиная песни «Распрягайте, хлопцы, коней» и «Йихалы козаки...» Торжество продолжалось до полуночи. Высокие гости жили здесь же в коттеджах. Остальные разъехались. Я остался ночевать в гостинице «Навои», потому что Зарап Петросович предупредил меня, что я должен участвовать в проводах Ефима Павловича, намеченных на следующий день с аэродрома, где ожидал личный самолет Министра. Проводы проходили около полудня. В аэропорту собралась не очень большая группа провожающих в отдельно стоящем небольшом здании. Без особых задержек в самолет были загружены вещи, сувениры, в том числе две-три коробки радиотехники. Отлетающие заняли места в салоне, провожающие покинули поле. Самолет вырулил на взлетную полосу и под прощальные взмахи провожавших набрал скорость!

Я стал прощаться с товарищами, а Зарап Петросович, как-то жестковато выразился: «Ну, езжай и выполняй обещания, данные министру!»

Я отправился домой.

ГЛАВА 10

Ну и зима 1968–69 годов!!!

В связи с острейшим дефицитом жилья учет и списки нуждающихся в нем велся в ПК (профсоюзном комитете) рудоуправления, а второй экземпляр всегда имелся у начальника ЖКО (жилищно-коммунальный отдел). Списки составлялись на основании поданных заявлений трудящихся по подразделениям рудоуправления с комментариями их руководителей и председателей МК (местных комитетов) профсоюза. Решение же о выделении квартир конкретным заявителям происходило на заседании комиссии под моим председательством, членом которой были представители Профкомитета (в том числе его председатель) и представители администрации рудоуправления. В вопросе очередности выделения квартир я неукоснительно придерживался принципа следующих приоритетов:

Забойная группа (в первую очередь бригадиры и звеньевые) и линейный персонал горного надзора рудников.

Прочие профессии на подземных работах.

Основные профессии на строительных работах и мастера.

Водители автотранспортных средств и строймеханизмов.

Внутри указанных категорий обязательно учитывались показатели в выполнении планов работ и стаж работы.

Моим принципам пытались противостоять некоторые члены комиссии и сам председатель ПК Г. Романов, которые ссылались на общепринятые критерии в первую очередь время подачи заявления и другие, более «демократические» показатели. Главной их заботой, как я понимал, было иметь как можно меньше жалоб со стороны неудовлетворенных соискателей. Так как последнее слово было за мной, то соблюдался мой принцип. Романову хотелось все-таки быть более значимым, и он стал проводить определенные акции в попытках подрыва моих действий и авторитета. Некоторые работники из группы прибывших с бывшего рудоуправления, руководимого Кишко, поддерживали его. Находил он союзников и среди тех,

кто не получил жилье в те сроки что ожидали. Союзником Романова стал и назначенный на должность спецпрокурора обслуживающего наше рудоуправление Карымходжаев (фамилия взята условно). Прокурору была сразу выделена двухкомнатная квартира в одном из четырехэтажных домов, где и поселилась его немногочисленная семья. Однако он систематически и настоятельно просил меня выделить ему один из строящихся коттеджей. Действительно, строительство и сборка таких коттеджей продолжалась и об этой эпопее я еще расскажу подробнее. Для того, чтобы не отвлекать на их сборку и благоустройство силы строительных подразделений СМУ, я принял решение, что такие квартиры выделяются в первую очередь бригадирам-горнякам и при условии, что строительство будет осуществляться силами самих трудящихся. Так это и происходило. Бригадиру помогала вся бригада в свободное от основной работы время. Сборка, обустройство и освоение приусадебных участков при таких условиях шли очень быстро. Объяснял прокурору весь этот процесс и его значимость, но он оставался при своем мнении о моем нежелании удовлетворить его просьбу. Он даже пытался повлиять на меня через районных руководителей, которые мне высказывали просьбу при встречах на общественных мероприятиях, проводимых в их масштабе.

Подходило время встречать новый 1969 год. Мы фактически продолжали еще жить в гостинице, в квартире-коттедже еще было много дел по ее освоению. Решили с Юлей, что встретим новый год здесь в гостинице, куда и пригласим небольшую компанию. Мы позвали и получили согласие от семьи Авраменко, Махониных (главного механика), Ушаковых (начальника ОРСа) и Романовых. Около 22 часов приглашенные собрались. Жены естественно наготовили всякие закуски и еду, стол был достаточно красивым и обильным. Правда, на вечер Романовы явились с неожиданно приехавшим к ним в гости другом, работавшим в г. Навои в должности инспектора ОТ от ЦК профсоюзов отрасли (фамилию не помню). Погода несмотря на конец декабря была довольно теплой. Мы и гости были одеты довольно по-летнему.

Застолье началось с проводов уходящего года. Первичная некоторая напряженность стала растворяться с каждым выпитым бокалом. Но, вдруг быстро опьяневший Романов стал выдавать «сальные» анекдоты и произносить просто матерщинные слова. Я был вынужден оборвать его и предложил немедленно покинуть помещение. Он стал размахивать руками, произносить в мой адрес оскорбления, а его супруга и товарищ как-то поддерживали его поведение. Я с по-

мощью остальной компании выдворил Романова, и они удалились восвояси. Мне ранее уже кто-то намекал, что наш председатель ПК злоупотребляет принятием спиртных, в нетрезвом состоянии разъезжает на автомобиле. Хотя настроение было испорчено, встречу Нового года оставшиеся продолжили, ровно в 00 ч. 00 мин. выпили, пожелали друг другу здоровья и успехов. Неожиданно стало холодать. Выйдя наружу, почувствовали резкое похолодание и стало порошить мелким снегом. Даже обрадовались – настоящий Новый год! Пришлось пробежаться по домам, чтобы накинуть на себя более теплую одежду. Снег повалил густой и непрерывно. Мороз крепчал. Разошлись часа в два.

Рано утром, около 6, раздался телефонный звонок и мне диспетчер доложил, что из-за сильного снегопада и заносов нет возможности вывести трудящихся ночной смены с рудников – автобусы не могут двигаться по занесенным дорогам. Поднял всех руководителей подразделений, организовали подвоз на имевшейся в нашем распоряжении танкетке (не помню ее индексов) на гусеничном ходу минимального объема продуктов (хлеба, колбас, сыров и др.) для выдачи бутербродов застрявшим, приказал ИТР, находящимся на руднике, организовать отдых свободным и обеспечить работу шахтных подъемов и насосов водоотлива, вентиляционных установок, закрепить забои для предотвращения завалов. За несколько рейсов на танкетке добрались на рудник его начальники и А. В. Авраменко.

Снегопад продолжался. Около 9 утра уже в кабинете получил по телефону сообщение, что автомобили, постоянно обслуживающие ОРС и привозящие ежедневно продукты для населения предприятия, не могут проехать в Каттакурган (город, откуда и привозились основные продукты питания – хлеб, молочные, овощи, колбасы и многое другое, пока на предприятии нет ни одного объекта, производящего товары народного потребления). Автомобили сосредоточились на перевалочной базе в Нагорной. Ситуация грозила оставить всё население без удовлетворения самых насущных потребностей в питании!

Дал распоряжение начальнику УСМ Митюку выслать в Нагорную автогрейдер и бульдозер с лучшими машинистами. Выехал вместе с секретарем партбюро Р. Шангареевым на «Волге» в Нагорную. Дорога от предприятия до Нагорной были очищены от основной части снега силами наших механизмов уже с раннего утра. Прибыли на перевалочную базу. Около десятка автомобилей (фургоны, рефрижераторы, бортовые) на территории, водители в помещении, стоит

«гвалт», шутки и беспокойство. Подключился к общей тональности и присмотрелся к экипировке водителей – большинство одеты «не по сезону». Подъехали бульдозер и грейдер. Распорядился выдать начальнику базы всем водителям и машинистам механизмов теплую спецодежду и поверх брезентовые робы, налить 5-литровую канистру спирта и поставить в мою «Волгу». А снег валил густой! Провел инструктаж всем участникам: «Бульдозер впереди очищает правую половину трассы. За ним грейдер направляет массу снега на обочину. За ними идет моя «Волга», за мной вся колонна автомобилей. Пробиваемся в Каттакурган. Там каждый загружается предусмотренными продуктами. Собираемся на выезде из Каттакургана и движемся в наш город. Движение и остановки в пути по сигналам из моей машины!» Забрал имевшиеся у сотрудников перевалочной базы хлеб и другие «тормозки» и в указанном порядке отправились на трассу «Нагорная – автодорога Самарканд – Каттакурган»

Часа через два добрались до магистрали «Самарканд–Каттакурган» (через Джуму) и оказалось, что и эту трассу никто не очищал (имею в виду районные власти) и она совершенно невозможна для движения автобусов и автотранспорта, хотя в обычное время по ней довольно оживленно осуществляется связь многочисленного населения кишлаков и сельхозхозяйств, расположенных вдоль этой магистрали от Джумы до Каттакургана. Нами была пройдена лишь часть пути до Каттакургана, причем по наиболее благоприятному с точки зрения характера местности участку, равнинному. Сделали остановку. «Согрелись» участники по моей команде, слегка закусили и отправились в дальнейшую дорогу. Трасса проходила по холмистой местности и во многих местах для сглаживания крутых уклонов была проложена в достаточно глубоких выемках. Здесь скопилось много снега, и очистка происходила довольно долго, так как приходилось удалять его за пределы выемки. Работали бульдозер и грейдер, остальные ждали, разминались и шутили, подбадривали друг друга. Добрались до городской черты Каттакургана уже в темноте. В городе власти принимали определенные меры по очистке снега и автомобили вполне могли двигаться по основным улицам. Договорились собраться здесь всем нашим автомобилям после загрузки их продуктами. Снег продолжал выпадать крупными хлопьями. В ожидании прошло несколько часов. Обратный путь был немного легче, но без бульдозера и грейдера также был бы невозможным для автомобилей. Лишь к раннему утру колонна добралась до предприятия, торговые точки и столовые получили минимальный ассортимент товаров.

Из подведения итог рейса, длившегося почти 20 часов, стало ясно, что необходимо выделить целый отряд техники и людей для поддержания дорог на рудники и Каттакурган. Кстати режущие кромки бульдозерного отвала и грейдера были полностью сработаны за один рейс и потребовалось их заменить.

Снегопад, необычно низкие температуры для этого периода времени продолжались непредвиденно долго. Снег лежал на почве в зиму 68–69 годов 46 дней, что было «рекордом» за многолетние метеонаблюдения. В течение всего этого периода поддержание проезда по всей трассе от предприятия и до г. Каттакурган выпало на нашу долю. Ни районные, ни областные организации не выделили ни одной единицы механизмов для очистки дороги от снега.

Бульдозеры и грейдеры наших подразделений круглосуточно работали в основном по поддержанию дорог и, естественно, объемы работ на стройке, требующие такой техники, резко упали.

Пережили мы, особенно Юлия, и личную весьма тревожную переделку. Дело в том, что мы получили телеграмму о прилете в Самарканд из Москвы на зимние каникулы нашего старшего сына Бориса, десятиклассника (не помню точно) 3 января. Отправились на «ГАЗ-69» в аэропорт ко времени прилета по расписанию и узнали, что самолет еще и не вылетал из Москвы в связи с невозможностью приема аэропланов в Самарканде. Принимаются меры, но пока время вылета и прилета не уточняется. Я не мог оставаться, дела требовали вернуться на предприятие. Оставил Юлию в здании аэропорта, а сам уехал. Понятно, что связываться в те времена при такой ситуации каким-либо образом (ни радиосвязи, ни сотовых телефонов не было) не представлялось возможным. На поездку в аэропорт из Советабада на автомобиле уходило не менее 2–3 часов в одну сторону. Такие поездки я совершал по ночам дважды, потому что эпопея встречи продолжалась более двух суток, намучились и нанервничались и Юлия в Самаркандском аэропорту, и мальчишка в Домодедово, и бабушка с дедушкой в Ярославле, и я. Все закончилось благополучно.

В это же время резко снизились темпы горных работ. Передвижение вагонеток по поверхностным узкоколейным путям на руднике № 1, из-за непрерывного снегопада, практически приостановилось. Весь персонал поверхностных рабочих вручную очищал от снега рельсы и проталкивал груженые вагонетки к опрокидам для разгрузки, а порожняк к стволу. Приходилось выводить рабочих с подземных работ на поверхность для ускорения очистки путевого хозяйства. Впечатление было таким, что делается совершенно

бесполезная работа – снег очищают, а он идет и тут же заполняет очищенные рельсы. У меня возникала мысль: «А не лучше ли просто прекратить горные работы по проходке на время сильного снегопада?» Но, сколько же времени такой снегопад будет продолжаться? Понятно, что «чудеса Природы» отрицательно повлияли на темпы и объемы работ и на других рудоуправлениях комбината. Позже мне стало известно, какие громадные усилия и затраты были произведены в Учкудуке для спасения поголовья каракульских овец в окружающих предприятие сельхозхозяйствах, приостанавливались многие работы на карьерах.

Падение объемов работ беспокоило руководство комбината. Зарап Петросович в середине января, несмотря на занятость, как я понимаю, делами работ на Центральном рудоуправлении, где широким фронтом шло строительство объектов ГМЗ-2, неожиданно без телефонного предупреждения приехал к нам, один без сопровождающих, лишь водитель Николай. Он был немногословен. На площадке рудника № 1, посмотрев на проводимые работы по очистке от снега рельсовых путей, малую их эффективность, разразился тирадой возмущений нашим неумением принимать нужных решений. Особенно он это относил в адрес находящегося здесь А. В. Авраменко: «Неужели нет сообразительности! Надо возвести над рельсовыми путями крытую галерею!»

Ничего другого он сказать не смог. Вернувшись ко мне в кабинет, упрекнул меня в недостаточной требовательности к подчиненным мне ИТР. Выслушал мой доклад о принимаемых мерах по обеспечению населения и трудящихся продовольствием, о выходе из строя на дорожных работах техники, просьбу помочь такой техникой и в первую очередь запасными частями для ремонта ее, он с укором всё же обещал оказать содействие в этом. Я думаю, что З. П. понял всю сложность положения и, попрощавшись, отправился в обратный путь, не разрешив мне сопровождать его до Нагорной. Мне потом очевидцы (водители наших автомобилей) рассказывали, что где-то на полпути между Нагорной и магистралью автомобиль Зарапетяна занесло на обочину, где он чудом не опрокинулся. Но все закончилось благополучно, с помощью подъехавших наших авто их вытащили на трассу. Сам З. П. об этом никому не рассказывал.

В течение продолжавшейся более полутора месяцев снежной эпопеи к нам на предприятие никто из управленцев комбината не появлялся, за исключением одного приезда начальника горного отдела Павла Смирнова, хотя в обычные времена управленцы комбината очень часто любили прибывать к нам с разными вопроса-

ми и проверками. Ведь наше рудоуправление было самое близкое географически, находилось в более благоприятных климатических условиях, чем другие. С Павлом Васильевичем тоже в этой поездке произошло очень неприятное событие – еще по пути к нам автомобиль действительно занесло и перевернуло, в результате он получил серьезную травму. Получив об этом сообщение, я немедленно выехал в район события вместе со «Скорой помощью» и медиками. Пострадавшему была оказана необходимая помощь. Я сообщил о случившемся на комбинат. Через сутки Павла Васильевича на карете «Скорой помощи» отправили в г. Навои, где продолжили лечение. Дней через десять П. В. уже был на работе. После первых нескольких дней шока от снежной стихии, обстановка и режим работы как-то вошли в какую-то «норму», ритм. Постепенно набирался темп работ, на руднике действительно за два–три дня соорудили над узкоколейкой галерею, организовали круглосуточный текущий ремонт дорожной техники. Снегопад то прекращался, то возникал и усиливался.

Во второй половине февраля наконец погода наладилась, запахло весной. К концу февраля весь снежный покров исчез. В марте пошли и дожди. Началась следующая, но менее продолжительная, эпопея весенних паводков. Все мелкие ручейки, впадины наполнились потоками. Наш сай Сабырсай, обычно спокойный и немногословный, а к концу лета почти пересыхающий, забурлил. Подъем уровня в районе городка и автобазы, где был мост через него, по которому только и можно было попасть в наш городок и на рудники происходил очень быстро. Ночные же температуры продолжали быть отрицательными так, что на поверхности потока шли мелкие льдинки – «шуга». Нижние конструкции моста были выполнены двумя трубами из железобетонных колец диаметром 2 метра. Разлившийся поток уже заполнял полное сечение труб. А по ранним утрам образующаяся шуга по верхнему слою потока, упираясь в конструкции проезжей части моста, образовывала затор, давление на конструкции увеличивалось и реальной стала угроза его разрушения. Пришлось снять с рабочих мест большую группу трудящихся автобазы и других подразделений, которые круглосуточно дежурили у моста и с помощью специально изготовленных багров с длинными ручками продавливали льдины в глубь потока, чтобы пропустить их через сечение труб. Работа довольно опасная. Тревога за целостность моста не покидала весь паводковый период.

Таким же узким местом оказался еще один мост, проходящий через Сабырсай значительно ниже по течению перед промплощадкой

рудника № 1. И здесь поток превысил пропускную возможность и пошел перелив по верхним конструкциям, причем мощность верхнего потока достигла полуметра и более. Пересечь такой быстрый с напором поток автомобили не могли. Рабочие рудника также пытались пропускать шугу через трубы. Однажды один из рабочих, орудуя багром, оступился и упал в бурлящий поток. Увидавшие происшедшее ничего не смогли сделать, и упавший исчез в потоке. Кто-то побежал к руднику и сообщил о случившемся. Я немедленно (быстро, как это было возможно преодолеть 10 км пути на автомобиле) прибыл к месту происшествия. К счастью все обошлось без жертв. Из рассказа очевидцев узнал: через какое-то время голова упавшего в реку появилась ниже по течению за мостом, где русло расширялось и поток резко уменьшал скорость. Несколько человек бросились за утопающим и смогли его вытащить на берег. Пострадавшему была оказана необходимая помощь, его согрели и напоили. Пик паводка прошел, мосты остались целыми. Трубы основного моста у автобазы несколько сдвинуло с фундаментов. Мною были сделаны необходимые выводы из пережитых часов и дней борьбы с высокой водой – я настоял на выполнении необходимых расчетов и проекта замены конструкций основного жизненно важного моста через Сабырсай. Проектным институтом срочно был выполнен локальный проект моста и за лето 1969 года проект был осуществлен. Переезд через Сабырсай в районе рудника был реконструирован по проекту, выполненному ПТО Рудоуправления.

Во время паводкового периода пришлось пережить еще одно стрессовое событие. В конце марта, во время весенних школьных каникул состоялся выезд группы школьников старших классов на экскурсию в г. Самарканд, где как известно имеется множество исторических памятников международного значения. Днем пошел ливневый дождь, продолжавшийся довольно долго. Автобус с детьми к назначенному сроку не вернулся. Стали распространяться слухи о произошедших где то, в районах возможных маршрутов автобуса, авариях с жертвами. Забеспокоились родители, дирекция школы, дошло и до меня. Кстати в этом автобусе были и наш младший сын, Виктор, и сын главного инженера Саша Авраменко. Я выехал на спецмашине (трехосной со всеми ведущими осями) на трассу в направлении Самарканда. Не доезжая несколько километров до районного центра Джума, оказалась размытой большая часть автодороги потоком, прошедшим по пониженной части автодороги, где был не мост, а выполнен бетонный лоток, по которому в нормальные годы в весеннее время проходили небольшие переливы вод. С обе-

их сторон подъезда к аварийному месту, где не очень бодро шли восстановительные работы, скопилось много автотранспорта, ожидающего возможности проезда. Наш автобус на той стороне, дети голодные, сопровождающие преподаватели в панике. Я предусмотрительно захватил с собой аварийный запас еды (хлеб, колбасу, несколько банок консервов). Детей покормили, все успокоились. Через пару часов смогли переехать и все благополучно вернулись домой. В те времена у нас еще не было не только сотовых телефонов, а и мобильной радиосвязи с автомобилями. Уже через несколько лет радиосвязь со спецавтомобилями и директорской машиной в нашем распоряжении появилась.

ГЛАВА 11

Новые заместители.

Новые заботы. Надо строить и на ГМЗ-2

В самом конце 1968, или начале 1969, года был назначен мне заместителем по общим вопросам Игорь Павлович Захаров, который в такой же должности работал более года в Северном рудоуправлении у А. А. Петрова. Чем он не понравился А. А. Петрову, не знаю. Вместо него на эту должность назначили Виктора Хихлича. И с тем, и с другим мы знакомы по периоду работы в Учкудуке. И. П. Захаров, инженер-электрик, после окончания института поработал пару лет в проектной организации нашего Ведомства в Ташкенте, затем, в 1963 г. перешел на работу в Комбинат. Его от ОКСа послали в Учкудук куратором электромонтажных работ. Проявлял инициативу, был активным рационализатором, интересовался всеми видами строительных работ и процесса строительства.

Холода, снегопады зимы 68–69 гг. резко снизили ход и так не очень успешно идущих строительных работ, проводимых СМУ рудоуправления. План ввода очень нужного жилья года срывался. Зам. директора по строительству В. И. Аникин как-то стал сникать, почувствовал свою слабость в деле преодоления возникающих трудностей, хотя и делал какие-то попытки. К январю месяцу 69 года была полностью готова строительная часть трех 16-квартирных четырехэтажных домов. Необходимо было лишь провести последние отделочные работы – просушить штукатурку и наклеить обои. Клейку стен обоями тоже приняли вместо предусмотренных проектом стяжки и покраски, чтобы сократить объем мокрых процессов в зимних условиях. Для осуществления прогрева помещений и сушки штукатурки в СМУ ощутимо недоставало электрокалориферов. В конце одного из рабочих дней середины января, я вместе с Захаровым приехал на проводимое Аникиным диспетчерское совещание на первом этаже одного из строящихся домов. Шло обсуждение возможных путей ускорения просушки оштукатуренных

стен. Выслушали предложения линейных руководителей, начальника стройучастка и руководителей СМУ. Вариантов было несколько. К имеющемуся числу электрокалориферов добавить изготовление в мехмастерских и в ремонтных отделениях автобазы некоторого количества жестяных печек- теплушек и труб к ним, о чем я немедленно распорядился для исполнения. Но и этим не покрывалась потребность в средствах отопления. Решили в одном из домов проводить сушку с помощью мангала на углях. Последний способ практически применялся в зимний период на стройках и в Учкудуке и других местах, хотя являлся опасным, в связи с возможностью отравления угарным газом. Это подчеркивалось на совещании. Чтобы предупредить опасность решили установить круглосуточное дежурство ИТР (мастеров, прораба), рабочие, следящие за горением мангала, должны находиться в нормально отапливаемом (конторке) помещении и входить в помещение с мангалами только по мере необходимости и в присутствии дежурного ИТР. Я дал указание Аникину расписать все мероприятия в соответствующем распоряжении по СМУ.

В одну из ночей все-таки произошло ЧП! Два рабочих-солдата угорели в одном помещении, прогреваемом мангалами, где они, по каким-то причинам, решили остаться погреться и уснули под утро. Принятыми прибывшими медиками мерами не удалось привести их в сознание, солдаты погибли. При служебном расследовании и органами прокуратуры было установлено, что дежурившая в эту ночь мастер отделочных работ Фирюза Зигнатулина (фамилия не точна) отлучилась со стройки по семейным делам, прораб в начале ночной смены побывал на рабочих местах, и убедившись в наличии мастера и необходимого числа работников, удалился домой и больше не контролировал хода дел, солдаты оказались в некоторой степени опьянения, не контролировали ход ночных работ и командиры войсковой части, хотя офицеры были участниками совещания, где подчеркивалась возможная опасность и необходимость особого надзора за выполнением всех мер безопасности. По результатам расследования было заведено уголовное дело. Вот здесь-то и получили возможность отыгаться и председатель месткома профсоюза, и прокурор. С их подачи большинство опрашиваемых свидетелей и ответственных за производство работ строителей – мастер, прораб, руководители СМУ и Аникин – в свое оправдание в один голос заявляли о том, что именно я, директор, заставил их применить один из запрещенных способов прогрева и сушки помещений. Прокурор пытался найти «взаимопонимание» между нами, имея ввиду получить коттедж

за отвод от меня уголовного преследования. Я не считал возможным идти на такой компромисс. Не стал я обращаться по поводу попыток обвинить меня и к Зарапу Петросовичу Зарапетяну. Расследование закончилось передачей материалов в спецсуд. В городке не было своего спецсуда. Нас обслуживал единый спецсуд, находящийся в г. Навои, созданный для всех объектов комбината и других организаций Минсредмаша, расположенных в регионе. Председателем спецсуда был очень симпатичный человек Николай Иванович (не помню фамилии), который несколько раз бывал здесь по поводу судебных разбирательств, и которому я создавал все необходимые условия для работы по его просьбам. Как мне казалось (да так это и было) между нами сложились взаимнодружелюбные отношения. Он пару раз приезжал перед официальным судебным заседанием по делу о гибели солдат, информировал меня о положении дел. Я не высказывал ему никаких своих мнений и не выражал никаких просьб.

В начале июня состоялось заседание спецсуда. Обвиняемые ИТР по-прежнему пытались свалить вину на меня. Я не оправдывался и признал, что участвовал в совещании, согласился с производством сушки мангалами, обязывал весь персонал принять все меры предосторожности, которые выполнены не были, однако своей вины не снимаю. Судебное разбирательство шло не более часа, без присутствия «толпы». Приговор был одинаковым для всех обвиненных – 1 год исправительных работ с удержанием 20% с заработка по месту работы – мастеру, прорабу, Аникину и мне, директору. Через полгода приговор в отношении меня был отменен. В недалеком будущем мне Зарап Петросович, который оказывается был в курсе событий, наверное, по докладу ему от спецсудьи, сказал: «Ты неправильно себя вел. Зачем давал объяснения прокурору? Ты депутат местных советов (а таковым я являлся), да надо было его просто послать подальше...» Но дело было сделано. Обидно конечно было. Вся эта эпопея никак не отразилась на моей производственной деятельности, личной жизни. Я продолжал жестко требовать от подчиненных мне, в первую очередь от руководителей подразделений выполнения намечаемых планов, мер по организации работ, их качества, не считаясь со временем, и сам трудился по 14–16 часов в сутки.

Вскоре после суда Аникин подал заявление об увольнении и с моей резолюцией о согласии с этим отправился на комбинат. Он был уволен, уехал и больше о его дальнейшей работе и судьбе мне неизвестно.

Через небольшое время Зарап Петросович назначил заместителем директора рудоуправления по КС Арташеса Захаровича Оганя-

на, последнее время работавшего на строительстве водовода «Амударья – Зарафшан», где монтажные работы вело МСУ-25 треста «Гидромонтаж» 12-го ГУ Минсредмаша. Начальником МСУ-25 был Р. О. Ханянц, а одним из его помощников А. З. Оганян. Это был солидный по возрасту и по комплекции человек явно армянской внешности с шевелюрой черных волос и еле пробивающейся сединой. Арташес Захарович изъяснялся короткими фразами с очень сильным, но приятным акцентом, чувствовалось, что ему трудно говорить по-русски, что он мыслит по-армянски и переводит на русский. У нас с ним сложились очень хорошие товарищеские взаимно уважительные отношения. Вскоре он привез в городок свою супругу Нину Ниловну, очень симпатичную блондинку, на которой женился не очень давно. Какова была его прежняя семья не знаю и не считал возможным этим интересоваться. Мы подружились семьями, и наша дружба продолжалась много лет после переезда этой дружной и красивой пары в Электросталь, а затем в Химки. Мы вели многолетнюю почтовую переписку.

Кажется, в марте месяце 1969 года состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Я стал депутатом Каттакурганского районного и Советабадского поселкового Советов. Стал участником сессий райсовета в райцентре Каттакурган, проводимых естественно на узбекском языке, который я не знаю. Познакомился с депутатами, которые переводили мне суть происходящего. На первых порах пришлось активно помогать становлению Советабадского поссовета, председателем которого была избрана по рекомендации парткома предприятия диспетчер автобазы № 5 Надежда Мезенцева (имя и фамилия не точны). В состав поселкового Совета были избраны начальник ЖКО Рудуправления, преподаватели средней школы, несколько домохозяек, врач и медсестра и др. Совет стал налаживать работу по поддержанию порядка в рабочем поселке, организации рыночной торговли, до этого стихийно возникающей в любом месте без саннадзора, стал настаивать на выполнении работ по благоустройству, которые как правило отставали при строительстве.

Весной мне доложили, что сотрудником милиции и дружинниками задержан председатель ПК Романов в нетрезвом состоянии управлявший автомобилем. Его лишили прав вождения автотранспорта на большой срок. Одновременно я обратился в групповой комитет профсоюза № 140 с просьбой разобрать факты недостойного поведения Романова и очень слабого им руководства профорганизацией. Заседание Группкома состоялось, и Романов был освобожден от занимаемой должности. Никаких подходящих должностей

Романову на предприятии не оказалось, он был уволен и уехал. Председателем комитета профсоюза Рудоуправления был избран техник-горняк горный мастер Евгений Поляк.

Произошли изменения и в партийной организации рудоуправления. Партийная организация выросла численно. В нее входили первичные парторганизации всех подразделений и цехов рудоуправления, ОРСа, МСЧ, войсковой части (полка военных строителей). Теперь партийной организацией руководил Партийный комитет. Секретарем парткома был избран Рафаэль Шангареев, горный инженер. Штатной должности освобожденного секретаря парткома Навоийский горком КП Узбекистана выделить еще не мог, поэтому Р. Шангареев числился старшим инженером ПТО рудоуправления. Р. Шангареев был довольно коммуникабельным, начитанным, политически грамотным и очень выдержанным человеком, умевшим с большим тактом и в спокойном тоне обращаться и с аудиторией, и с индивидуумом независимо от ранга последнего и характера беседы. Он прекрасно понимал задачи всего коллектива предприятия, партийной организации, очень добросовестно, с душой выполнял свои обязанности и помогал мне в многотрудном деле управления уже большим коллективом. У нас сложились хорошие деловые и товарищеские отношения (без всякого панибратства) и такая же дружба семьями.

Шел 1969 год, время бежало быстро. В соответствии с «Техническим проектом...» и планами работ в этом году должна быть введена в эксплуатацию I-я очередь рудника № 1. Темпы горных работ были почти удовлетворительными, а поверхностное строительство отставало. Необходимо было усилить работы, также, по окончанию работ на строительстве ЛЭП-110, подстанциях ГПП-1 110/35 кВ (в районе поселка) и ГПП-2 35/6 кВ (площадка рудника № 1), чтобы организовать энергоснабжение предприятия по постоянной схеме. Вынужден был уделять этим работам большую часть своего внимания, следил за ходом работ, выделял в первую очередь строительные механизмы, материальные средства. Возникали вопросы, которые не мог решить без вмешательства руководства комбината, вернее самого З. П. Зарапетяна. Однако все мои попытки связаться с ним по телефону не приводили к желательному результату – Зарап Петросович со мной разговаривать не хотел. Я не мог понять причины, перебрал все возможные варианты, но ни на одном не остановился. Вероятно, он после зимнего посещения предприятия решил испытать мою самостоятельность, такие варианты его поведения мне уже были известны из чьих-то рассказов. Почти

два месяца я не имел разговоров с З. П. Я знал, что он в основном находится в Зарафшане, где идет разгар работ по строительству золотоизвлекательного комплекса ГМЗ-2, который тоже планировался к вводу в этом же, 1969 году.

Наконец, в конце марта, или начале апреля поступил звонок от диспетчера комбината, который сообщил мне о вызове в Зарафшан для встречи с З. П. Зарапетяном.

Доехал в Зарафшан на «Волге», хотя автодорога между Канимехом и Зарафшаном еще была грунтовой, но поддерживалась механизмами и средствами комбината. По ней доставлялись в Зарафшан многие детали нестандартизированного технологического оборудования и металлоконструкции для строительства, производимых на РМЗ Комбината и базах монтажных организаций. Встретился с Зарапом Петросовичем на площадке строящегося ГМЗ-2. Стал участником одного из проводимых им заседаний «Штаба...». Затем доложил ему ход работ на нашем предприятии и изложил просьбы по вопросам, требующие его помощь. Многие мои просьбы были удовлетворены. Здесь же получил новое задание:

– Видишь, здесь идет народная стройка. Все должны участвовать в сооружении столь нужного Стране объекта. Вот тебе важное поручение – твое рудоуправление должно построить насосную № 5 и заводскую проходную. Посмотри чертежи и организуй немедленно бригаду рабочих и мастера-строителя для производства этих работ. Задание ясно?

– Будет сделано! – ответил я.

По приезду организовал бригаду из 12 вольнонаемных строительных рабочих во главе с мастером, кажется, по фамилии Зинченко. Бригада немедленно была доставлена в Зарафшан, где и выполнила свою задачу по возведению строительной части насосной № 5 и заводской проходной. Я же ежемесячно приезжал на проверку хода строительства и участия в совещаниях «Штаба...», подводящих итоги месяца.

Закончу эту главы некоторыми воспоминаниями, относящимися к уже ушедшему 68 году, очень сложному и насыщенному многими событиями, часть которых мне удалось вспомнить и уже изложить. Ведь это был и юбилейный год для Комбината – 10-летие со дня его образования. Говорили, что 10 лет – это еще малый срок для широкого празднования юбилея предприятия, принятый в стране. Но значимость дел, осуществляемых объектами комбината для всей страны, темпы его строительства и освоения мощностей в экстремальных природных условиях позволили торжественно отметить

эту дату в масштабах комбината с получением поздравлений от руководства министерства и республики Узбекистан. На торжественном собрании по этому поводу, проводимому в Навои, были вручены награды от министра – знаки «Шахтерская Слава» разных степеней – и звания «Заслуженный (строитель, инженер, работник) Узбекской ССР» – ряду работников комбината. Моей фамилии не прозвучало и это где-то в глубине души меня покорило, но быстро прошло и было забыто. Не помню, по какому поводу, но при одной из встреч с Зарапом Петросовичем в обстановке один на один, он рассказал мне, что в представляемом списке на присуждение почетного звания «Заслуженный....» была и моя фамилия. Это звание присваивается Президиумом Верховного Совета Республики, но представления должны быть согласованы в ЦК КП УзССР. Это согласование проводил лично он, Зарапетян. На этот раз визу должен был дать третий Секретарь ЦК КП Узбекистана (фамилию не помню). При прочтении списка и представлений Секретарь ЦК заметил, что в списке из 12 человек много евреев (Бешер-Белинский, Маламуд и Шварцман). Собственной рукой он вычеркнул первую слишком длинную фамилию.

«Но, ты не огорчайся. Дойдет и твоя очередь!» – закончил Зарап Петросович. Этот же год был и юбилейным по случаю 20-летия окончания мною института. Я уже ранее писал, что наш выпуск горного факультета отмечал эту дату каждые 5 лет в мае месяце, вернее 9-го мая. И на сей раз 9-го мая 1968 года большая часть выпускников собралась у здания факультета, пришли и некоторые преподаватели, и сотрудники факультета. Встреча была трогательной, полна эмоций. Закончилась как обычно в одном из ресторанов и договоренностью об очередной встрече. Сохранилось у меня фото, сделанное в один из моментов сбора. Перечисление фамилий некоторых преподавателей на фото напомнили мне один очень интересный эпизод. Работал на горном факультете известный в Средней Азии геолог-петрограф, кандидат геолого-минералогических наук Константин Николаевич Вендланд. В 1944 году я уже студент второго курса работал секретарем декана горного факультета. Однажды, летом меня пригласил декан Вениамин Львович Дмитриев и поручил выписать командировочное удостоверение в Москву Константину Николаевичу Вендланду. Я поручение выполнил. К. Н. уехал и больше на факультете не появлялся. Его уже стали забывать.

Примерно в конце года студентки четвертого курса принесли сведения, что увидели К. Н. Вендланда в роли проповедника в действующей православной церкви, что у Госпитального рынка. Студенты

толпами стали заходить в церковь, я тоже участвовал в таком походе, и убедились, что отец Константин и есть наш бывший ученый К. Н. Вендланд. Я обратился к Вениамину Львовичу Дмитриеву с вопросом:

9-е Мая 1968 год – 20-летие окончания института. У здания горного факультета (слева направо): Ольга Денисовна Русанова (преподаватель кафедры «Каустобиолиты»), Виолетта Коган, Завалишин, Виктор Надеждин, Бешер-Белинский, Мелиция Бошнякович, Августа Шилова, Александр Рувимович Богуславский (преподаватель кафедры «Разработка рудных месторождений»), Ян Станиславович Висневский (заведующий кафедрой «Петрография»).

«Как же может быть, чтобы уважаемый ученый естественных наук вдруг стал верующим и религиозным проповедником?» – На это мне В. Л. Дмитриев ответил: «Я учился с К. Н. Вендландом и, хотя он был прекрасным студентом и стал ученым, но в нем всегда сидела идея присутствия в мире сверхъестественных сил!» Потом дошли слухи, что К. Н. Вендланд получил высокий сан и руководил православной церковью в Сирии.

ГЛАВА 12

Рудник № 1 сдан в эксплуатацию, достигает проектной производительности

Горные работы на руднике № 1 развивались во всех проектных направлениях. Заканчивались работы по оснащению оборудованием, средствами механизации и автоматики рудничные дворы на стволах № 1гл. и № 1-1, полностью смонтировано и пущено в эксплуатацию оборудование центральной водоотливной установки и центральной подземной электростанции. С уклона «южный» шла проходка горноподготовительных и нарезных выработок и начаты работы по добыче руды в первых блоках с отбойкой пневмотехникой и первые пробы работы с комбайнами МБЛ. На руднике организованы горные участки, механическая служба. Следовало усилить руководство горными работами. Начальником рудника был назначен Равжаев В. М. (с момента освобождения его с должности главного инженера рудоправления), а обязанности главного инженера исполнял начальник ПТО (он же зам. главного инженера рудника) Грищенко Н. Д., горный инженер, ранее работавший в Майли-Сайском Комбинате.

В один из дней, вернее однажды ночью раздался телефонный звонок и мне сообщили, что на руднике № 1 авария – затопливает дренажный горизонт, отказали насосы центральной водоотливной установки. Оказывается, Авраменко, Махонин, Равжаев уже на руднике. От Махонина узнал, что насосы отказали по причине полного заиливания емкостей части сооруженной помойницы и колодцев всасывающей насосной части песком. Принимаем меры по очистке в первую очередь прямиков всасывания, очистке от песков всасывающей части насосов, но запустить пока какой-либо из четырех насосов не удалось, в центральной насосной уровень воды уже по щиколотку ног. Приказал Равжаеву выделить максимально возможное число людей для очистки заиленных выработок и готовить к спуску в ствол насосов ППН на случай (не дай Бог) затопления насосной и центральной подстанции. Обязал Махонина принять все

необходимые меры по пуску насосов и каждые 15 минут докладывать мне о положении дел. В течение еще примерно полутора часов доклады Махонина были не только не утешительными, а все более паническими. Уровень воды в насосной станции уже подходил почти до верха фундаментов насосов, а для сведения читателя скажу, что насосное оборудование и электрооборудование в центральной подземной электроподстанции по существующим нормам располагаются на много (норму не помню) выше пола этих камер, оставался небольшой резерв. Махонин при последнем мне сообщении заявил, что покидает насосную и предлагает вывести людей на поверхность. Я запретил ему эти действия: «Прекрати истерику! Продолжай попытку запустить хотя бы один насос до последней секунды! Не создавай паники!»

Сам уже понимал, что есть полная вероятность затопления рудника. Выехал на рудник и по прибытию туда (через 20–25 минут) узнал, что запущен один насос, делаются попытки запуска еще одного. Это удалось и затопление рудника было предотвращено! О случившемся руководству комбината не доложил. Не нашлось и «стукачей» по этому поводу. Горные выработки помойниц, колодцы были очищены от песка и ила, приняты меры по окончанию проходки всего объема работ по оборудованию средств механизации очистки помойниц от накапливающихся песка и ила. Приказом по рудоуправлению на основании проведенного расследования наказал виновных, кстати и поощрил тех, кто приложил неимоверные усилия и мужество для запуска насосов в аварийной ситуации. И.о. главного инженера Н. Д. Грищенко от должности отстранил. Главным инженером рудника № 1 назначил Г. Г. Белоозерских, который не очень охотно оставил должность начальника ПТО рудоуправления.

Василий Васильевич Махонин не любил вспоминать момент его растерянности и желание покинуть насосную. Наша дружба после случившегося еще более окрепла, я видел в нем очень преданного делу специалиста и мужественного человека, и он это доказал всей своей дальнейшей работой и жизнью на этом предприятии, несмотря на перевод его (в 1972–73 гг.) в КИПиА на рядовую должность. Мы продолжили дружбу и переписку и после того, как его семья переехала на постоянное место жительства в г. Димитровград Ульяновской области, где им выделили квартиру как ветерану комбината и где он скончался 07.02.05 в день своего 80-летия (Пусть не померкнет память о нем!).

К концу 1969 года на поверхности рудника № 1 были завершены работы по строительству и вводу в эксплуатацию блока главного

ствола с двухконцевым подъемом, блока вспомогательного ствола, центральной вентиляторной установки, понизительной подстанции постоянного электроснабжения 35/6/0,4 кВ, тяговой подстанции для подземной электровозной откатки, постоянной котельной, столовой спецпитания, административного здания. Добыча урановой руды превысило половину проектной производительности рудника. Таким образом были достигнуты все необходимые условия для ввода рудника в эксплуатацию. Приказ о назначении государственной комиссии по приемке рудника № 1 в эксплуатацию поступил, акт был создан и утвержден в установленном порядке, рудник был сдан в эксплуатацию в установленные проектом и планами срок.

На руднике продолжались работы по проходке горно-подготовительных работ, раскрывающих дополнительный фронт для доведения добычи руды в объемах проектной производительности. Достижению этой производительности мешали к этому моменту серьезные недостатки в работе средств доставки отбитой горной массы и руды ленточными транспортерами в очистных и горно-подготовительных выработках, неустойчивая работа оборудования и автоматики обмена вагонеток в руддворе и целый ряд организационных недочетов. Был вынужден приказом обязать всех сотрудников производственных отделов рудоуправления (мужскую их часть) включиться в работу рудника, обеспечив круглосуточное дежурство непосредственно на работах указанных переделов с целью выявления недостатков, оперативной ликвидации их. Да и сам я более половины рабочих (ненормированных) часов проводил на руднике в горных выработках, принимал необходимые решения по оперативному исполнению всеми службами предприятия действий по оказанию помощи в ликвидации тех, или иных запросов руководства рудника и участков. Вопрос выхода на проектную производительность рудника волновал и руководство комбината.

В конце ноября в Сабырсай приехал Зарап Петросович Зараптян и с ним группа сотрудников управления комбината – главный механик Б. И. Шварцман, нач. горного отдела П. В. Смирнов, нач. ОТиЗ В. К. Жук и несколько инженеров из этих отделов. Все отправились на рудник № 1 и распределившись стали также, как и сотрудники рудоуправления, участвовать и физически в процессах организации продвижения грузопотока руды и породы и выявляя недостатки, давали свои рекомендации после смены руководителям участков, рудника. Я постоянно сопровождал З. П., который не спеша обходил и забои, и пути движения грузов, расспраши-

вал рабочих, мастеров останавливался, наблюдал. Уже глубоко ночью, после окончания второй рабочей смены собрал всех участников и руководство рудоуправления, сделал анализ увиденного и услышанного, раскритиковал и нас рудоуправленцев и главных специалистов управления комбината и распорядился организовать постоянное посменное дежурство сотрудников управления комбината на период до выправления положения по обеспечению плановой выдачи горной массы из рудника. Дело закончилось не только дежурством, а и конкретной помощью по улучшению отдельных переделов и узлов перегрузки и оборудования в руддворах, выполненных присланными бригадами из РМЗ, КИПиА комбината. Хочу закончить тему по доведению рудника № 1 до проектной производительности и продолжу ее, отступив от хронологии. Зарап Петросович приказал мне подготовить возможность принять в Сабырсае человек сто трудящихся, которых он намерен направить из Учкудука, для осуществления горнопроходческих работ по подготовке к выемке дополнительных запасов руды. Мне пришлось организовать работы по оборудованию десяти десятиместных палаток, их внешнему утеплению и оборудованию их отоплением от централизованной системы отопления, хотя последняя уже не удовлетворяла нужд существующих жилых домов и сооружений строящегося поселка. Действительно, примерно в конце ноября прибыли две бригады проходчиков, два–три горных мастера, горный инженер В. Б. Гершевич. Приехал и сам Анатолий Анатольевич Петров. Нами были подготовлены рабочие места, забои для двух бригад. На общем собрании всех прибывших Анатолий Анатольевич поставил перед бригадами задачу, я объяснил все условия работ, попросил прощения за не совсем «комфортабельные» условия жизни, порядок доставки трудящихся на рудник и обратно, ответил на все возникшие в не малом количестве вопросы.

Бригады приступили к работам. Приехал и З. П. Зарапетян. Мы обошли рабочие места бригад, З. П. просил рабочих не подвести его и показать на что способны Учкудукцы. Вечером в гостинице, где мы втроем ужинали, меня З. П. обязал лично следить за обеспечением прибывших бригад всем необходимым для успешной работы и их быта. На следующий день З. П. и А. А. отбыли из Сабырсая. Бригады проработали у нас до апреля месяца, практически весь зимний сезон. Мне очень много усилий пришлось приложить, чтобы обеспечить сносные условия жилья, главным образом теплом командированных. Зима хоть была менее суровой, чем в прошлом сезоне, но минусовые ночные температуры до $-16-18^{\circ}\text{C}$, да и дневные $+4-6^{\circ}\text{C}$

самым отрицательным способом отражались на настроение и работоспособность живущих в палатках при имевшихся перебоях в отоплении, а таковые были. Прикомандированные бригады выполнили свою задачу, некоторые рабочие из этих бригад изъявили желание и остались работать здесь с согласия руководства Северного рудоправления (СРУ). Надо сказать, что более благоприятные климатические условия, чем в Учкудуке, и близость довольно крупных культурных центров – Самарканда, Каттакургана – привлекали и рабочих и ИТР к переходу на работу в Советабад, правда сдерживало многих и то, что не оплачивалось здесь 60% пустынно-безводных, только 25%. Рудник вышел на проектную добычу руды, устойчиво ее обеспечивал. По плану проводились и подгонка к выемке очередных рудных запасов.

Однако не все шло гладко. Практически ежедневно первую половину дня проводил на руднике, в горных выработках. Несмотря на рост молодых кадров горняков среднего звена, мастеров, начальников участка их явно не хватало. Очень хорошо с душой трудились начальники участков Б. Трояновский, В. Рычаков, быстро освоился и рос профессионально горный техник А. Останий, Сергей Федоров (брат Феликса) из бригадиров стал мастером, а затем и начальником участка. Возникла необходимость создать новый горный участок, и я предложил начальнику ПТО рудника Н. Грищенко занять на определенный период эту должность. Грищенко отказался. Конечно, лучше сидеть в конторе, перебирать и рисовать бумажки, при этом получая льготный подземный стаж. Все мои настойчивые просьбы об острой необходимости организации нового участка, который поручался ему возглавить не увенчались успехом. Я уволил Н. Д. Грищенко с предприятия. Я не мог понять и никогда не понимал специалиста, имеющего опыт и стаж работ, отказывающегося от ответственных должностей, предпочитающих отсиживаться на второстепенных должностях, считал это трусостью и боязнью настоящей ответственности, особенно в горном производстве. Никакие доводы, выдвигаемые Грищенко и некоторыми его защитниками, не остановили моего решения. В каком-то будущем я встретился с Н. Д. Грищенко, который, как оказалось, устроился в проектный институт – Ташкентский филиал ПромНИИпроекта, но и здесь не на основные работы по проектированию горного производства, а в технический отдел, где продолжал сочинять разные циркуляры, мало пригодные к делу.

Не нравился мне и стиль работы начальника рудника №1 В. М. Равжаева. Присматривался я к командированному из Учку-

дука В. Б. Гершевичу, который как мне показалось, был не прочь остаться работать здесь. Однако понял, что у него нет сосредоточенности на главных направлениях для достижения цели, какая-то разбросанность, нестабильность. Не стал предлагать ему должность начальника рудника. Он вернулся в Учкудук. Я с удовольствием принял предложение перевести на работу к нам из Учкудука опытного горняка, горного техника Петра Спиридонова, которого знал по работе в Учкудуке на руднике № 6, прошедшего школу на работах в Табошарах и на предприятии № 24 в ЛГХК. Он был назначен начальником рудника № 1.

Очистные (добыча руды) работы на руднике велись лавами при системе длинных столбов с обрушением выработанного пространства. Выемка проводилась отбойными молотками, доставка отбитой горной массы скреперная до штрека, где перегружалась на ленточный конвейер и по нему до уклона, по которому также доставлялась ленточным конвейером. Крепление производилось парными деревянными рамами с затяжкой кровли. Крепежный лесоматериал доставлялся в лаву по второму вентиляционному штреку. Посадка выработанного пространства производилась подрывом стоек крепи с подрезкой органом рядом деревянных стоек. Вскоре внедрили отбойку в лавах комбайнами МБЛ, при этом доставка отбитой массы по лаве ленточным конвейером. Комбайны МБЛ стали основным средством отбойки в очистных забоях и значительно увеличили месячные объемы выдачи руды на лаву и производительность труда забойной группы. Комбайнов МБЛ явно не хватало для обеспечения всех очистных забоев. Для ускорения продвижения линии очистной выемки стали испытывать отбойку в лаве одновременно с двух сторон заходки двумя комбайнами МБЛ.

На этом фоне особенно огорчительным был эпизод, когда уж не помню по какой причине, произошел завал по грудь забоя одной из лав при посадке. Обошлось без людских травм, но в завале осталось два комбайна МБЛ, дорогостоящее оборудование и очень дефицитное для нас, да и для комбината. Естественно на места аварии немедленно выехали мы, руководители рудоуправления, руководство рудника. Осмотрели состояние выемочных штреков. Обсудили пути ликвидации аварии. Я поставил задачу, в соответствии с которой после нарезки новой линии забоя лавы из нее добраться по завалу к местам нахождения комбайнов и извлечь их. Для обеспечения безопасности этих работ оперативно составить проект их производства и установить постоянное присутствие на месте работ поочередно главного инженера и начальника рудника. Все присутствующие без

возражений приняли мое решение. Только Г. Белозерских, главный инженер рудника подтвердил мое мнение о нем, сложившееся еще из Учкудукских времен. Он пытался возражать против работ по извлечению из завала комбайнов, считая, что не следует рисковать возможными травмами людей. Мое распоряжение было выполнено. Конечно же я сам и главный инженер рудоуправления А. Авраменко ежедневно по несколько часов находились непосредственно на месте ликвидации аварии. Полностью на себя взял руководство этими работами начальник рудника П. Спиридонов. Белозерских практически самоустранился от участия в них, полностью показав свою трусость. Все работы по ликвидации аварии в лаве и по извлечению комбайнов были благополучно проведены, комбайны прошли необходимый ремонт и были введены в работу. Следовало, конечно, снять Белозерских с занимаемой должности, хотя выполнить это сразу не представлялось возможным, из-за отсутствия подходящей кандидатуры. Развивались горные работы на руднике № 2. Как уже писал стволы № 2-1 и № 2гл. на руднике были начаты проходкой в последние месяцы 1967 года при директоре Кишко. А проходить забоями этих стволов через Сарбатырский водоносный горизонт выпало на мою долю. У нас уже был достаточный опыт водопонижения и снятия больших напоров, применения забивной крепи, но главную роль в успешной проходке через этот горизонт, да и вскрытие и проходка через Сабырсайский (продуктивный) горизонт сыграли богатейший опыт и высокая квалификация проходчиков, бригадиров и ИТР, их, не побоюсь высоких слов, энтузиазма, упорства в трудные моменты. Назову фамилии некоторых из них, которые запомнились на всю жизнь. Это бригады проходчиков Л. Г. Токарчук, В. А. Тодоренко, проходчики М. А. Цимбалист, И. И. Брунчуков, бригадир монтажников П. В. Драченков, слесари Ф. В. Воцке, А. С. Карась, механик А. И. Саутин, начальник проходческих участков, а затем и первый начальник рудника Н. А. Прудкогляд.

На поверхности ствола № 2-1 был выстроен временный бытов-вой комбинат, началось строительство вентиляторной установки центрального проветривания. Рудник № 2 строился на базе запасов урана в северной свите залежей. В этой свите, в отличие от южной в геологическом разрезе имелся Сарбатырский высоконапорный водоносный горизонт и рудные залежи с большим уклоном уходили в глубь. Указанные условия продиктовали необходимость принять проектные решения по вскрытию фланговым расположением шахтных стволов. Первая очередь рудника вскрывалась дву-

мя стволами, подъемным из которых был № 2-гл. Сбойка стволов предусматривалась бремсбергом между этими стволами по нижней пачке Сабырсайского горизонта, протяженностью почти 1,5 км. В 1969 году стволы были пройдены до проектных отметок. На стволе № 2 началась проходка руддвора и центральной подземной установки водоотлива. Переоборудовали копры и были смонтированы постоянные шахтные подъемы, началась проходка бремсберга. В 1970 году стало необходимым укрепить руководство работами рудника и провести некоторую организационную перестройку. Начальником рудника № 2 назначил В. А. Мякова, горного инженера, а Н. Прудкогляд стал главным инженером рудника.

В соответствии с «ТЭО строительства Предприятия на базе месторождения Сабырсай», разработанного головным институтом «ПромНИИпроект», предусматривалось строительство второй очереди, для чего необходимо было пройти дополнительно еще по одному фланговому стволу на каждом руднике – № 1–2 на руднике № 1 и № 2-2 на руднике № 2. Строительство вторых очередей резко осложнялось наличием в разрезе и в северной и в южной свитах мощного Сарбатырского обводненного высоконапорного горизонта отделенного от рудоносного Сабырсайского горизонта 40-а метровой толщиной водоупорных глин. В результате многочисленных совещаний на разных уровнях, обсуждений и разбора ряда предложений от проектных организаций, Комбината и Рудоуправления были приняты решения о проходке ствола № 2-2 через водоносные горизонты вертикальным щитом и скважинным водопонижением, а ствола № 1-2 методом замораживания водоносных горизонтов с привлечением подрядной организации «Спецшахтопроходка». Уже в 1970 году мы приступили к строительству на промплощадках этих стволов поверхностных сооружений по локальным проектам. Осенью 70-го приступили к проходке воротника ствола № 2-2, а с весны 1971 года заложили здесь фундаменты будущего большого административно-бытового комбината (АБК) рудника № 2. Больше не буду загружать читателя подробностями и, забегаая вперед, скажу, что проходка этих стволов со всеми трудностями совершилась успешно, но дальнейшего строительства и подземной отработки вторых очередей рудников и №1 и № 2 по счастью не произошло, о чем будет подробный рассказ позднее.

Вернусь к работам на участке залежи 12, где как я писал, велись опытные работы по скважинному подземному выщелачиванию урана (СПВ). Глубина залегания рудных тел более 300 метров, надрудный мощный горизонт известковых пород, отсутствие

кислотостойких материалов пригодных для обсадки скважин, нехватка компрессорных мощностей для обеспечения эрлифтного подъема растворов, неудачная технологическая схема перерабатывающей установки – все это создавало пессимистический настрой работающих на участке трудящихся и вызывало нарекания постоянно находящихся здесь представителей НИО (научно-исследовательского отдела) головного института

ПромНИИпроект. Очень активно участвовала в эксперименте научный сотрудник этого отдела Алкснис, которая более за дело, очень критично относилась к неудачам, доносила свои субъективные выводы своему руководству. На комбинат (конечно в адрес А. П. Щепеткова) и рудоуправление шли письма, в которых мы обвинялись в нежелании достижения приемлемых результатов. Мне надоело такое положение дел. За лето 1969 года на участке довольно быстрыми темпами построили стационарную компрессорную, провели реконструкцию технологической установки, переоборудовали лабораторию в АБК участка. Начальником участка назначил инженера-геолога Н. А. Казанцева. Следует подчеркнуть, что специального финансирования строительства на участке СПВ не было. Приходилось выполнять это за счет «внутренних резервов» да и еще чтобы это не дошло до З. П. Зарапетяна, не поощрявшего отвлечения сил, средств и внимания от основного направления – подземных горных работ. Я дал указание экономическим службам (плановой, бухгалтерии, ОТиЗ) завести полный учет всех затрат и расходов и определять себестоимость добычи одного кг продукции участка.

Квартальные отчеты о работе участка СПВ высылались в адрес А. П. Щепеткова. Горно-геологические условия, конечно, не изменились. Обсадные материалы скважин оставались те же, футеровка полиэтиленом, фанерные трубы. Несмотря на энтузиазм участников работ – буровиков под руководством А. Шебзухова, механиков, руководимых А. Н. Четверня, гидрогеологом В. Скобеевым и другими – значительно улучшивших ход работ, себестоимость добычи металла на участке превышала этот показатель на подземных работах в 2–3 раза. В середине 1970 года я получил приказ по Комбинату за подписью З. П. Зарапетяна о немедленном прекращении опытных работ СПВ. Как и кто вышел на Зарапетяна по этому вопросу я не знаю до сих пор.

Думаю, что про горные работы рассказано довольно много и, хотя это главная цель деятельности горного предприятия, но их осуществление возможно только в сопровождении многих других

видов человеческой деятельности, требующих тоже многих усилий и внимания руководителей всех рангов комплексного предприятия, каковым являлось наше, как и большинство в системе Минсредмаша, замкнутых производств со своими поселками (городами) и всей необходимой инфраструктурой.

ГЛАВА 13

Появляется Бахмал.

«Урожайный» 1969 год. Проводы и встречи VIP

Через небольшое время после моего вторичного назначения на директорскую должность в Сабырсай, мне позвонил Зарап Петросович и предложил встретиться его на выезде из г. Каттакурган (в сторону Самарканда) у поста ГАИ (Госавтоинспекция), перед перекрестком где раздваиваются автодороги на Самарканд – одна старая через многочисленные кишлаки, вторая относительно новая, что ведет и к нам в Сабырсай. В назначенное время, вернее раньше, я уже ожидал. Подъехал автомобиль, остановился впереди нашего, Зарап Петросович вышел, поздоровался и предложил мне пересесть в его «Волгу». Он сказал мне, что мы едем на встречу с первым секретарем Самаркандского обкома КП УзССР (фамилию не помню). И действительно такая встреча состоялась. Зарап Петросович был членом ЦК КП Узбекистана и имел соответствующее удостоверение, по которому он беспрепятственно прошел через милицкий пост в здание обкома. Мне же пришлось несколько подождать, но был приглашен и сопровожден кем-то из работников, оказавшимся заведующим промышленным отделом обкома.

З. П. немного охарактеризовав меня, представил Первому и сказал шутя, что я буду представителем комбината (читай Зарапетяна) по Самарканду и области. Здесь же я получил разъяснения, что весь характер нашего производства и состояние дел могу откровенно рассказывать только первому секретарю обкома и почти все заведующему промотделом, с которым, понятно, меня познакомили (фамилию тоже не помню). На практике в дальнейшем получилось так, что у меня действительно сложились очень доверительные отношения именно с завпромотделом, который оказался весьма обрусевшим воспитанником детдома, смысленным и грамотным организатором, приятным собеседником и не очень закостеневшим бюрократом. С ним мне довелось общаться многократно.

В 1967, начале 1968 годов, когда я еще трудился в управлении комбината, все управленцы знали, что идет проектирование в проектно-монтажном отделе и подготовка к строительству зоны отдыха для трудящихся предприятий комбината в красивом горном месте урочище Бахмал. Административно это Бахмальский район, Джизакской области. Кроме того, что это очень красивое место с прекрасным микроклиматом на высоте 1400–1500 м над уровнем моря, злые языки болтали, что З. П. выбрал это место потому, что в этих краях родился первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Это более 250 км от Навои, а ближайшая ж.д. станция в 50 км «Галляарал». Уже с весны на это место вылетали неоднократно группы во главе с З. П. Зарапетяном на самолете АН-2 с пилотами, имеющими право выбора мест посадки. В группы входили главным образом работники ОКСа и его генплана, проектного отдела, РМЗ. Даже при одном из таких полетов был случай, когда совершилась неудачная посадка, закончившаяся аварией, при которой легко пострадали Зарапетян и Маламуд (отделались ушибами), и повредился сам летающий аппарат. Говорили, правда, что пилот проявил незаурядные способности и смог предотвратить падение самолета с достаточно высокого обрыва, и тогда (не дай бог) последствия могли быть совершенно другими. К середине лета на месте были построены десятка два сборных деревянных шатрового типа домика на 2–4 человека и временные здания столовой, администрации, складов. Проектирование и строительство шло строго по утвержденным Зарапетяном графикам и под его неусыпным контролем. Сборные элементы строительных конструкций изготавливались на РМЗ комбината в г. Навои.

В августе месяце 1968 года, точно не помню, то ли День строителя, то ли День шахтера (помните, это второе воскресенье и последнее воскресенье августа) Зарап Петросович решил провести с большой группой приглашенных руководящих лиц на природе в еще недостроенном пансионате «Горный воздух». Так было названо это оздоровительное учреждение. В соответствии с этим мероприятием из Навои накануне в субботу, во второй половине дня приглашенные, в числе которых были первые руководители большинства подразделений (предприятий) комбината и крупных производств города Навои из других ведомств, например, тогдашний директор Навоийского химического комбината «Навоиазот» Павел Канун, на двух самолетах вылетели в «Бахмал». Я тоже был приглашен, и за мной один из самолетов сделал посадку на имевшемся на нашем предприятии аэродромчике, располагавшемся в районе поселка ГРП. Атмосфера в салоне самолета была самая непринужденная

и веселая, шутки, розыгрыши, рассуждения о предстоящем отдыхе не умолкали. Но вот, во время дальнейшего полета командиру корабля поступила радиограмма о произошедшем у меня на руднике несчастном случае с тяжелым исходом. Зарап Петросович порекомендовал мне возвратиться домой, для чего самолет произвел посадку в аэропорту районного городка «Галляарал», куда приказано за мной выехать автомобилю из Советабада. Так мне не пришлось отдохнуть в такой компании в интересном, еще не обжитом пансионате, который через некоторое время (лет 3–4) стал очень популярным, востребованным местом отдыха трудящихся Комбината. Об этом поговорим еще впереди.

Прибыв домой, узнал подробности произошедшего и отправился в медсанчасть в ГРП, где как мне сообщили шла сложная операция по спасению жизни пострадавшего. Операцию делала прибывшая из Навои главный хирург МСО-27 Е. И. Архангельская. Ей ассистировали хирург Е. К. Архангельский (муж Е. И.), приехавший с ней, и наш начальник МСЧ-4 А. А. Климкин. Операция длилась очень долго, но прошла успешно. Уже около 3-х утра я забрал прибывших хирургов, доехал до гостинички в Советабаде и здесь до светового дня мы за рюмками коньяка проговорили на всякие житейские темы. Архангельские оказались очень приятными собеседниками, людьми высокой культуры с достаточно широкой эрудицией. Особенно понравилась мне Е. Архангельская с ее несколько жестковатой манерой и низким голосом, но очень грамотными оборотами речи, доходчиво и живо выражавшая свои доводы, при том, не стеснялась к месту вставить «сальное» словечко. Поблагодарив гостей-специалистов отправил их в Навои.

Пансионат «Горный воздух» в первом варианте отстроили, и группом профсоюза начал распространять льготные путевки на отдых в нем. Но желающих ехать за «тридевять земель» в горы, в легкие домики не находилось. За дело взялся лично Зарап Петросович. Он лично распределил путевки по предприятиям и обязал директоров обеспечить их реализацию и прибытие трудящихся к месту отдыха. В начале сезона 1969 года З. П. вручил лично мне 30 путевок в пансионат. Кстати, в этот раз еще и какое-то количество абонементов на посещение футбольных матчей команды «Зарафшан», выступавшей уже во второй лиге Узбекистана, и заядлым болельщиком которой был З. П. Зарапетян и его зам. по общим вопросам Ф. М. Капитанов. Когда состоялся заезд в пансионат, Зарап Петросович позвонил мне, чтобы я выехал в пансионат, куда он прилетит. Встреча состоялась. Мы обошли жилые домики, и он меня спрашивал: «Где твои трудя-

щиеся?» – Я показывал на приехавших с моего предприятия, но это были как правило, члены семей пожилого возраста и дети. На очень пристальный с большим укором взгляд Зарапетяна при выходе из домика очередной «бабушки» оправдываться было нечем. Получил большой «втык». Очевидно такие поездки были и с другими директорами. Очень тяжело авторитет отдыха здесь возрастал. Но прекрасный климат Бахмала, очень хорошее питание, обходительное отношение руководства пансионата и обслуживающего персонала, организация досуга, походы выше в горы, заросшие буйной растительностью, соответствующая пропаганда довольно быстро привели к тому, что путевки в пансионат «Горный воздух» стали дефицитом, и сюда с удовольствием приезжали на отдых от летней жары в Кызылкумах трудящиеся основных профессий и их семьи. Очень большая заслуга в этом первого директора пансионата Михаила Ивановича Кима, незаменимого начальника АХО комбината и при З. П. Зарапетяне, и при других директорах комбината. Очень памятным был для большинства трудящихся комбината 1969 год, особенно для коллективов ЦРУ (г. Зарафшан) и ЮРУ (п. Советабад). Конечно, главным событием было пуск золотоизвлекательного завода на Бесапане – ГМЗ-2, который произошел в июле месяце в присутствии министра Е. П. Славского и первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова. Я в прошедшем по этому поводу торжестве не участвовал, так как был в трудовом отпуске (в 1968 г. не отдыхал). Мне потом рассказывали, как все происходило, о теплых словах, сказанных высокими гостями (я бы даже сказал не гости, а участники создания золотоизвлекательного комплекса) в адрес строителей, монтажников и эксплуатационников. Благодаря заведенной Зарап Петросовичем системе участия почти всех предприятий комбината в строительстве ГМЗ-2 и мы, Сабырсайцы, были в числе них. Насосную № 5 строительством мы закончили несколько позднее. Пуск завода произошел пока без переделов сорбции и регенерации, которые достраивались, отрабатывались их технологические схемы, но в отделении готовой продукции из гравииоконцетрата был изготовлен первый золотой слиток. На митинге З. П. Зарапетян преподнес этот слиток Е. П. Славскому, а тот передал его Ш. Р. Рашидову.

В мае месяце, всего за два года, был закончен строительством весь комплекс уникального водовода «Амударья – Зарафшан», и подана вода в город и на промобъекты. Памятным этот год для коллектива ЮРУ стал как год ввода в эксплуатацию рудника № 1. Стало ясно, что и это сложнейшее по горнотехническим условиям место-

рождение может быть отработано и пополнит сырьевую базу комбината-гиганта.

Я получил распоряжение от З. П. Зарапетяна на срочную подготовку материалов по представлению на правительственные награды. По линии кадров получили лимит по конкретным наименованиям орденов и медалей, в том числе один высший «Орден Ленина». Не помню, чтобы мне дали какие-либо ограничения по соотношениям: рабочих/ИТР, женщин/мужчин и т. п.

Собрали расширенное заседание парткома, на котором довели до сведения руководителей подразделений необходимость срочного представления кандидатов на награждение, в первую очередь с рудников № 1 и 2. После поступления предложений с мест вместе с секретарем парткома Р. Шангареевым рассмотрели их и вынесли наши предложения на утверждение заседания парткома. Просил членов парткома воздержаться от огласки принятого решения, объяснив, что до «Указа...» еще далеко, и кто пройдет, неизвестно. Насколько помню, нам было выделено 17 наград и все наши предложения были утверждены всеми инстанциями.

«Указ...» о награждении вышел 06.01.1970 года. «Орденом Ленина» в соответствии с нашим представлением был награжден бригадир проходчиков Л. Г. Токарчук. Получили награды горняки В. А. Тодоренко, И. А. Рябинин, Н. А. Прудкогляд, В. В. Махонин, А. И. Саутин и другие. Не могу вспомнить всех и из других подразделений и служб, но хорошо помню, что нами был представлен и был награжден орденом «Знак Почета» командир полка военных строителей майор И. П. Бартенев. Ваш покорный слуга был награжден орденом «Трудового Красного Знамени», к которому, надо полагать, я был представлен руководством комбината.

Президиум Верховного Совета СССР в этот раз присвоил звания «Героя Социалистического Труда» Зарапу Петросовичу Зарапетяну, Анатолию Анатольевичу Петрову, Хамро Жураеву (проходчику Учкудукского предприятия) и двум рабочим из НУСа и ЮПМ.

На стадионе г. Навои 17 января 1970 г. состоялось вручение комбинату «Ордена Ленина», который прикрепил ко знамени Е. П. Славский.

А во второй половине дня 17 января в кинотеатре «Узбекистан» в Навои состоялось торжественное собрание, где министр Е. П. Славский вручил награды. На это собрание мы были приглашены вместе с Юлей, сидели в первых рядах. Было очень волнительно получать награду из рук Е. П. Славского, который поздравляя еще и произнес в мой адрес несколько теплых полу-

шуточных слов, но звуки играющего «туш» оркестра заглушали их для сидящих в зале. Несколько позже в ресторане «Торгового центра», незадолго до этого сданного в эксплуатацию, состоялся торжественный ужин по этому случаю. Вместе с многочисленными тостами и здравицами участники пели песни и Е. П. исполнил свою любимую «Если б милые девицы...»¹. Довольно часто Зарап Петросович, совершая поездки в Самарканд, заранее предупреждал меня о желательности сопровождать его и иногда подготавливать определенные мероприятия. Расскажу об одной, запомнившейся мне такой поездке. Было лето (наверное, 70-го года). Накануне З. П. позвонил мне и сказал, что будет ехать с заместителем министра П. Я. Антроповым в Самарканд, откуда П. Я. улетит в Москву. Напомню, что в эти годы из Навои еще не было авиасвязи с Москвой, поэтому часто высокопоставленные гости и командированные из Москвы и в Москву пользовались этим Самаркандским маршрутом. Было мне сказано, что обед будет в Самарканде. В Самарканд отправил своего зама по общим вопросам И. Захарова, который должен был подготовить место и характер обеда. И. Захаров хорошо знал г. Самарканд, так как в юношеские годы жил там. В назначенное время и в уже известном месте я встречал Зарапа Петросовича. В багажнике моего автомобиля на всякий случай имелся и запас для организации «фуршета». Вместе с З. П. и П. Я. в автомобиле находился Георгий Шушания, главный специалист-геолог геологического отдела ПГУ. Г. Шушания всегда сопровождал Петра Яковлевича в поездках последнего по Предприятиям. Ведь Петр Яковлевич был геологом, несколько лет министром геологии СССР и, очевидно, курировал геологические службы министерства, хотя занимал должность замминистра по общим вопросам. Приехавшие вышли из машины, обменялись приветствиями, З. П. представил меня. Я уже пару раз до этого встречался с П. Я. Антроповым, да и с Г. Шушания, но большое начальство может быть и не помнило меня. Отправились в дальнейший маршрут. На въезде в Самарканд в условленном месте нас встретил И. Захаров, за которым наша кавалькада проследовала до места, где должны были отдохнуть, пообедать. Небольшой ресторанчик с местным узбекским колоритом на окраине Самарканда ближе к аэропорту, где над большим и полноводным арыком был сооружен деревянный помост, на котором – большой доморощенный стол, с двух сторон

¹ Песенка Томского из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама», слова Г. Р. Державина (стихотворение «Шуточное желание»).

окруженный сиденьями с подушками, где можно было и сидеть, и полулежать. Над столом и сиденьями тент, надежно защищающий от прямых солнечных лучей, а быстротекущая в арыке вода создавала желанную прохладу.

Все разместились, на столе фрукты, цельные помидоры, огурцы, лук, самаркандские лепешки, чайники с чаем и пиалы. На обед предложены шурпа, шашлыки, жареная рыба. На стол выставлены напитки – водка, коньяк, красные вина. Разговор шел в медленном темпе, Петр Яковлевич выглядел очень усталым, Георгий Шушания все время посматривал на него каким-то тревожным взглядом. Я обратил внимание на пальцы Петра Яковлевича, которые были как-то полусогнутыми и не очень хорошо слушались его. Передо мной был очень пожилой, уставший человек, весь вид которого выдавал прошедшую очень нелегкую жизнь. Никто из гостей не изъявил желания выпить что-либо из крепких напитков. Думаю, что если бы захотел П. Я., то и сопровождающие его выпили бы. Я налил себе полстакана коньяка и под осуждающий взгляд З. П. выпил одним глотком. Обед, однако был очень вкусным, все с удовольствием поглощали и шурпу, и шашлыки. После трапезы, отдыха на лоне природы, отправились в аэропорт, проводили гостей в самолет. Зарап Петросович поездкой был доволен, хотя высказался мне об этом в довольно сдержанных словах.

А еще ранее, кажется в конце апреля или начале мая 1970 года, мне позвонил Зарап Петросович и после моего доклада о делах, заявил: «Завтра из Москвы прилетает Анатолий Назарович Каллистов. Надо его встретить и сделать так, чтобы он до позднего вечера не попал в Навои. Меня не будет. Понял?»

«Понял, Зарап Петросович! Будет сделано!» – отвечаю я.

Самолет из Москвы прилетал по расписанию в Самарканд в 7 утра по местному времени. Предложил И. Захарову сегодня же выехать в Самарканд и организовать место для раннего завтрака. Вечером же позвонил заведующему промышленного отдела Обкома КПУз с просьбой об организации экскурсионных посещений всемирно известных исторических и архитектурных памятников Самарканда и других интересных мест. У нас с завпромотделом уже был выработан определенный маршрут, которым я пользовался в таких случаях. Из дальнейшего рассказа станет ясно каков этот маршрут. Сам я отправился к первому секретарю КП Узбекистана Каттакурганского района, с которым был знаком, встречался как депутат районного Совета депутатов трудящихся и по другим поводам районного масштаба. Он меня принял, мы обменялись впечатле-

ниями по разным малозначащим событиям, я сказал ему, что к нам летит высокий гость – председатель ЦК профсоюза нашей отрасли, Герой Социалистического Труда, который впервые посещает Узбекистан, и что мне хотелось бы показать прелести местной природы, характер и гостеприимство народа. Секретарь спросил меня, знаю ли я где находится домик-резиденция районного руководства на берегу рукава реки Зарафшан, отводящего воду для пополнения Каттакурганского водохранилища. Я ответил утвердительно.

– Тогда, Леонид Борисович, встречаемся завтра там в 16 часов.

К 7 часам утра я был в Самаркандском аэропорту, здесь же уже и находился И. Захаров. Нам разрешили встретить А. Н. Каллистова у трапа самолета. Первые рукопожатия, знакомство и на автомобилях отправились в один из ресторанов, где в малом зале, куда мы попали через служебный вход, был накрыт стол на несколько персон с «легким» завтраком. Каллистова никто не сопровождал. После завтрака Захаров отправился домой, а мы, оставшиеся, Каллистов и я на «Волге» отправились к турбюро, где нас уже ожидал русскоязычный экскурсовод. Я, конечно, не собираюсь описывать Самаркандские памятники, думаю, что главные из них известны читателям из многих источников, а только перечислю их в последовательности нашего посещения и остановлюсь лишь на объектах, посещение которых не предусматривалось обычными туристами. Мы побывали и выслушали рассказ гида в мавзолее Гур-Эмир усыпальнице Тимуридов, на площади Регистан с комплексами медресе, в мечети Биби-Ханум, в ансамбле Шахи-Зинда, в обсерватории Улутбека. На этом осмотр памятников старины, хотя их значительно больше, закончился. Мы посетили, прошли насквозь очень красочный центральный рынок, с обилием продаваемых овощей, фруктов, орехов, лепешек и других мучных изделий, со стоящим гомоном и гулом говорящей и одетой в национальную одежду толпы покупателей и выкрикивающих продавцов, громкие «вздохи» скучающих ишаков (ослов), мирно лежащие и жующие верблюды – все это произвело неизгладимое впечатление на гостя. После этого мы отправились в единственный в Советском Союзе Институт каракулеводства. Здесь нам, как и другим почетным гостям после рассказа об истории и успехах каракулеводо-водства Узбекистана показали уникальную коллекцию каракульских смушек большой радуги расцветок: черный, серый, серебристо-серый, сур золотой, сур серебристый, коричневый, белый и другие, причем, все это натуральные цвета (не крашенные), полученные путем многолетней селекции. Гость уже устал. И тут мы поехали в Самаркандский винзавод, имеющий столетнюю

историю и выпускающий большой ассортимент вин и крепких напитков.

Директором винзавода был в те годы крепкий руководитель-хозяйственник, участник ВОВ, узбек по национальности, прекрасно говоривший без всякого акцента по-русски, лет пятидесяти довольно красивый (таджикского оттенка) человек со стройной, несколько раздавшейся фигурой. Весь его облик выдавал энергичного, способного и крутоватого организатора, а глаза – доброжелательного жизнелюбивого человека. Он встретил нас у заводской проходной, прошел до начала процесса винообразования, где передал для дальнейшего осмотра специалисту-виноделу. Нас провели по всему процессу получения вин и коньяков, подвалам, где размещены многочисленные емкости и деревянные и металлические объемом от сотен до десятков тысяч литров. На винзаводе за сто лет его работы проходили неоднократно реконструкции, совершенствовался процесс и оборудование. Самым интересным объектом осмотра подвалов был показ винотеки, собранной бывшим до революции хозяином завода (фамилию, к сожалению, забыл). Это не очень большое помещение площадью примерно в 30 м², расположившееся в нише за капитальной в несколько кирпичей стеной. На наклонных стеллажах в несколько ярусов лежали сотни бутылок разных лет изготовления с выдержанными винами разных стран и континентов. Все это было покрыто каким-то черным налетом и паутиной. Рассказывали, что это помещение винотеки было замуровано при бегстве владельца завода из России. А десяток лет назад какой-то бывший работник этого завода уже очень старый человек рассказал о существовании винотеки и примерное место ее нахождения. В результате поисков винотеку обнаружили. Так как я бывал здесь раз 8–10 (сопровождая высоких гостей), то мне показалось, что все-таки, наверное, редко, но кому-то достается бутылочка очень старого доброго вина. Но это отступление от основного рассказа.

После осмотра цехов и подвалов нас провели в довольно большой зал в административном здании, где располагался большой длинный стол, вокруг него стулья, в одном углу стенд-пирамида с выставленными на нем образцами всех видов выпускавшейся и производимой продукции завода. На стенах портрет знаменитого в Среднеазиатских республиках винодела и организатора винодельческого производства Ховренко, плакаты с изречениями о благотворном влиянии вин при их умеренном употреблении, высказанные в стихах и прозе знаменитыми учеными, поэтами и философами древности и современными. На столе выставлены в красивых блюдах многие виды

фруктов и ягод, тарелочка и бокал для каждого участника застолья. Во главе стола сел директор, мы расположились рядом. Главный винодел завода (выше средних лет женщина) поочередно вносила оригинальной формы (лабораторного применения) емкости с продукцией завода, разливала небольшими порциями гостям и директору, начиная с сухих вин, затем крепленных и в заключение коньяки. О каждом виде и марке напитка шел небольшой комментарий и тост. С каждым очередным «приемом» разговор становился более энергичным, тосты длиннее, и уже на «ты»! В заключение на столе появлялась книга отзывов для высоких гостей, куда «высочайший» гость вносил свою запись. Добавлю, что в этом многостраничном толстом томе я видал записи очень высоких посетивших завод гостей – президентов, премьер-министров многих государств, первых и генеральных секретарей коммунистических и социалистических партий государств и советских республик. Обычно прощаясь гости уже обнимали «хозяина» и происходило очень теплое расставание. Так и мы на сей раз распрощались с гостеприимными руководителями завода.

Прибыли мы в Советабад к обеду. Проехали и прошли по поселку. Завел я гостя в только что сданный детский сад № 2 на 140 мест. Персонал и дети приветствовали гостя и в беседе заведующая детсадом пожаловалась, что администрация и профсоюзный комитет предприятия не удовлетворяют их просьбу по дополнительному выделению очень необходимых ковровых изделий (ковров, паласов). Анатолий Назарович был очень доволен увиденным и отметил, что не ожидал увидеть такое замечательное содержание детского учреждения в такой глубинке, поблагодарил персонал и обещал целенаправленно выделить средства на приобретение необходимого количества ковров и сразу отмечу, что свое обещание он выполнил.

Заехали в гостиничку, чтобы передохнуть и здесь А. Н. попросил связать его с Зарапетяном. Я дозвонился до коммутатора Комбината (система связи с телефонистками) и попросил З. П. В ответ: «Зарап Петросовича нет». Я другого и не ожидал, и просто сказал: «Зарап Петросович не отвечает, возможно он в Зарафшане».

Через некоторое время предложил Анатолию Назаровичу выехать на природу, где и отдохнем, и пообедаем. Возражений не было. К моей машине присоединился «Москвич», на котором за рулем был сам начальник ОРСа Иван Иванович Ушаков, с запасом напитков в багажнике (на всякий случай, что будет у местных руководителей?). Мы прибыли к намеченной цели – домику-резиденции. Перед нами развернулась такая картина: в тени деревьев на огромном деревян-

ном помосте (традиционное узбекское сооружение) вокруг «достархана» сидело не менее 20–25 человек во главе с первым секретарем РК КП Узбекистана. Это председатели колхозов и директора совхозов, передовики в районном соцсоревновании. На достархане любые спиртные напитки, фрукты и овощи, сладости и лепешки и т.п. Недалеко от помоста по довольно крутому склону проходил небольшой канал, по которому падал поток воды и приводилось в движение колесо с лопастями, являющееся началом системы небольшой электростанции, вырабатывающей электроэнергию и обеспечивающие ею комплекс резиденции. От падающего потока шла приятная прохлада. У нижнего отводящего воду горизонтального довольно широкого канала стояли приготовленные рыболовные принадлежности – удочки разных размеров.

Все дружно поднялись и вышли встретить прибывших. Я представил высокого гостя. Под общий гомон «Первый» пригласил всех к достархану, и начался торжественный обед-ужин со многими тостами и здравицами в честь и гостей и хозяев. В перерывах высокому гостю предложили порыбачить. Он поймал пару карпов почти до килограмма весом каждый под общий восторг и одобрение.

Честно говоря, я не ожидал, что будет организован такой прием и с такой помпой. Тем не менее все было очень здорово. После закусок подавали (был и обслуживающий персонал) традиционные плов, шашлыки, манты, рыбные блюда и пр., и пр.

Часов в 20–21 мы (А. Н. и я) стали прощаться – не тут-то было! Нам предложили отправиться ненадолго на машинах на Каттакурганское водохранилище («Здесь, рядом, за углом!») и прокатиться на катере, проветриться после обильного приема пищи. Отказаться было невозможно. Проехали примерно 10 км и подъехали к зданию управления механизмами гидротехнических сооружений плотины. Большой хорошо освещенный зал, где опять расставлены столы и стулья, а на улице большой казан, в котором кипит уха. Здесь есть и средства связи. А. Н. просит связать его с Зарапетяном. Я «делаю несколько попыток», и каждый раз докладываю ему, что З. П. нет в Навои. Нас усаживают в моторный большой катер и прогуливают к центру водохранилища и вдоль берега ближе к Каттакургану, огни которого светятся вдали. По приходу катера опять тосты и прекрасная уха! Но все уже устали. Наконец расставания, благодарности за прием и дружественные обнимания.

Мы доехали до выезда из города Каттакурган в сторону Навои, здесь вышли из машины и Анатолий Назарович многократно обнимая меня, целуя изрекал:

– Ну, Леонид, ты оказался таким парнем, таким парнем! Не ожидал! Надеюсь еще с тобой встретиться в Москве!

Мы попрощались, усадил Анатолия Назаровича в мою «Волгу», и они отправились

ГЛАВА 14

Советабад строится, хорошеет. Будни и праздники

Строительство рабочего поселка набирало темпы. Численность населения росла. Построено кафе на 48 посадочных мест, которое использовалось и как столовая. Собрали модуль-ветерок, в котором оборудовали кафе с прохладительными напитками и мороженым. Определились красные линии улиц, поднималась зелень высаженных молодых деревьев. Сдана средняя школа на 536 учащихся. Для ликвидации отставания в благоустройстве улиц, прокладке внутрипоселковых дорог, бордюрного камня я вынужден был подключить рабсилу эксплуатационников (ЖКО, автобазы и др.) и руководить этим поручил заму по общим вопросам И. Захарову. В первую очередь оформили «главную» улицу, где стало возможным проводить прохождение праздничных демонстраций, традиционно проводимых в майские и октябрьские дни. На одной из сторон улицы устанавливалась временная деревянная трибуна, на которой размещались, как это было принято в Советские времена, руководители предприятия, партийной организации, передовики производства. Первыми проходили шеренги солдат-военных строителей с офицерами во главе, затем представители подразделений в порядке мест, завоеванных в ходе соцсоревнования. В подразделениях, а накануне праздника в клубе на уровне рудоуправления, проводились торжественные собрания с докладами и премированием передовиков. Первую демонстрацию по городку провели 7-го ноября 1949 года. Улучшалось медицинское обслуживание населения. В ГРП расширили больницу до 55 коек и площади поликлиники. Медицинский персонал пополнялся за счет молодых специалистов и вторых членов семей. Организовалась санитарно-эпидемиологическая служба во главе с молодым врачом Л. Г. Самофеевой, а ее муж был первый врач «ухо-горло-нос» Л. Е. Самофеев. В городке одну из квартир выделили для оборудования первой аптеки.

Подходил сезон летних школьных каникул 1970 года. Как уже упоминал пионерский лагерь, организованный вблизи поселка ГРП бывшим директором В. Кишко, никого не устраивал, поэтому в летний сезон 1969 года он не функционировал. Небольшое число детей наших трудящихся усилиями руководителей группкома и местного комитетов профсоюза отдохнули в пионерских лагерях и детских санаториях Подмосковья, принадлежащих ЦК Профсоюза Отрасли. Используя свои связи как Депутат Районного Совета и поддержку Первого секретаря райкома КП Узбекистана, я сумел договориться с руководителем районного лесхоза о выделении необходимой площади в одном из лесных массивов, находящемся в 10–12 км на север от г. Каттакурган и около 60 км от Советабада. Собрал узкое совещание с участием замов по строительству и общим вопросам, председателя профкома предприятия, а им к этому времени стал В. И. Булдыгин, и предложил организовать минимально необходимое строительство летнего пионерского лагеря в отводимом массиве. Проектирование выполнить силами ПТО Предприятия и СМУ, финансирование за счет основной деятельности, расходы завуалировать, о строительстве пионерского лагеря до руководства комбината не доводить. Все вопросы материального обеспечения этой стройки и увязки текущих организационных помех поручил И. П. Захарову. Решили для начала пионерский лагерь сделать вместимостью 200 человек.

В соответствии с заключенным с районными организациями договором предприятие должно было выполнить подвод асфальтированной дороги к лагерю протяженностью 1,5 км, пробурить скважину для питьевого и хозяйственного водоснабжения лагеря и вторую на территории близлежащего колхоза для его нужд, создать минимальную очистку сточных вод и организованный сброс их в небольшой канал для использования на полив лесных насаждений, провести ЛЭП-6 кВ протяженностью 3–4 км и смонтировать трансформаторный пункт. Дети и обслуживающий персонал должны были размещаться в 10-местных палатках с деревянными полами. По требованию же СЭС пищеблок и столовую запроектировали в постоянном исполнении в деревянных конструкциях. Скажу, что все участники и проектирования, и строительства, и согласовывающих отделов и служб с большим энтузиазмом восприняли задачу и, не считаясь со временем, приложили максимум усилий для выполнения своих функций. К апрелю месяца все проектные работы, подготовка территории с минимальным нарушением лесных посадок были выполнены.

Стройка развернулась в очень бодром темпе, скважину пробурили и со многократными прокачками добились питьевых кондиций, строители, монтажники, автомобилисты трудились и в неурочное время. Без дальнейших подробностей сообщу, что 1-го июля завезли первую смену детей и провели торжественное открытие пионерского лагеря, а вот как назвали его, позорно забыл. Стройка, благоустройство и совершенствование продолжалось. Родители посещали детей раз в неделю для чего выделялись автобусы. Первая смена прошла без эксцессов, завезли вторую смену. Открытие и завершение каждой смены сопровождалось проведением «костров», приветствиями, художественной программой детского творчества. Дети и родители были довольны.

Первый летний сезон выявил ряд недостатков. К следующему летнему сезону (1971 года) вместо погребов для хранения продуктов, смонтировали холодильные установки, выстроили относительно небольшой бассейн для купания детей, увеличили мощности трансформаторного пункта, установили резервные электрические мощности (ДЭС), выстроили эстраду и посадочные места для зрителей, где проводились концерты самодеятельности и другие мероприятия. Расширили вместимость лагеря до 300 детей. Руководство пионерского лагеря, пионервожатые сумели организовать разно-

7 ноября 1969 г. После демонстрации.

Слева на право: Алексей Привалов (нач. 1-го отдела), А. Шебзухов (голова), В. В. Махонин, А. В. Авраменко, Л. Б. Бешер-Белинский, Н. А. Казанцев

образные программы досуга для детей, экскурсии по интересным местам района, лесные прогулки, кружки по интересам. Состояние дел, вопросы питания и санитарного состояния в пионерлагере во время его функционирования меня очень волновали, я систематически требовал усиленного надзора со стороны службы СЭС, обеспечения лучшими продуктами ОРСом, поддержания технического и безопасного состояния электросетей и оборудования со стороны мехэнергослужб предприятия. Сезон 1971 года также прошел очень успешно, трудящиеся и население предприятия неоднократно выражали удовлетворение и благодарности за создание и работу пионерлагеря. Руководство комбината и сам Зарап Петросович Зарапетян так и не знал о существовании этого пионерлагеря до самого конца моей работы директором рудоуправления.

1-е мая 1970 г. В президиуме торжественного собрания в войсковой части.
Слева на право: А. В. Авраменко, Л. Б. Бешер-Белинский, замполит командира полка, командир полка майор И. П. Бартенев

Население рабочего поселка росло, а объекты здравоохранения, культуры оставались во временном поселке ГРП-54. Отставало проектирование, не доставало строительных возможностей СМУ «Южное». Явно не хватало мер по удовлетворению досуга и взрослого населения, и детей. Дал задание И. П. Захарову связаться с соответствующими организациями в Самарканде, приобрести проект

летнего кинотеатра и выяснить возможность получения киноаппаратуры (завод «Кинап» был в Самарканде). Захаров справился с заданием. Силами отделов рудоуправления и СМУ привязали кинотеатр на восточной окраине рабочего поселка, запроектировали благоустройство вокруг территории и за счет отвлечения минимального числа трудящихся СМУ и привлечения трудящихся основной деятельности летний кинотеатр на 400 мест был выстроен и пущен в работу в апреле 1970 года. Это был большой праздник. Добились, чтобы наш кинотеатр был зарегистрирован и вошел в список действующих в системе проката Самаркандской области.

Проектирование промышленных объектов и рабочего поселка Южного рудоуправления в стадиях «Проект» и рабочие чертежи, как я уже отмечал, велось филиалом № 1 (г. Ташкент) Головной проектной организации ПромНИИпроект (г. Москва). Все разрабатываемые в филиале основные технические решения проходили обязательную экспертизу и утверждение в головном институте после протокольного согласования этих решений специалистами рудоуправления. Главные специалисты и инженеры филиала довольно часто посещали и горные работы, и другие виды работ для согласования решений и в порядке авторского надзора. Естественно, проектировщиками больше занимался главный инженер рудоуправления и соответствующие его отделы и службы, специалисты СМУ, но основные решения обязательно разбирались на моем уровне.

Главным инженером проектов (ГИП) промышленных объектов по НГМК в филиале в этот период был Глеб Николаевич Осколков, а главным инженером по жилищному проектированию Вячеслав Викторович Источников. Все виды инженерно-геологических и топографических изысканий для проектирования вели также подразделения филиала № 1, который имел дислоцирующуюся в г. Навои изыскательскую экспедицию, руководимой Валентином Ивановичем Чернышевым. Директор филиала А. П. Суворов и главный инженер (фамилию не помню – инженер-строитель) на проектируемые объекты появлялись очень редко, вернее за 5 последних лет работы в НГМК я видел Суворова только в последних рядах кавалькады, тянувшейся за объезжающим предприятия министром раз в году. Чаще посещали нас ГИП Головного института Эдуард Тигранович Оганезов и его заместитель по горным делам Лев Христофорович Мальский, которые пристально следили за ходом проектирования и осуществлением принимаемых решений на практике.

Практическая жизнь зачастую выдвигала разные требования и необходимость принимать решения, выходящие за границы ут-

вержденных проектов. В частности, выстроенные деревянные и несколько каменных коттеджей, уже летний кинотеатр, кафе-ветерок и др. в рабочем городке не предусматривались проектами и их привязка, подключение к инженерным коммуникациям производилось сотрудниками производственных отделов рудоуправления, СМУ и иногда проектным отделом комбината. Здесь расскажу еще один необычный эпизод, связанный с Зарапом Петросовичем Зарапетяном. При моем втором назначении директором Сабырса я он заявил, что моя жена Юлия, останется работать в составе проектного отдела комбината, чтобы не быть в подчинении мужа-директора. Так это и было. Она выполняла обязанности руководителя группы проектного отдела комбината, зарплату ей переводили из комбината, начальником ей формально был Ю. Полев. Я не мог понять целесообразность такого положения. Ведь в управлении комбината трудилась супруга Зарапа Петросовича Клавдия Михайловна заведующей технической библиотекой? Юлия Шатуновская тоже была бы не в моем прямом подчинении, а работала бы в отделе главного энергетика, в свою очередь подчиняющегося главному инженеру. Но З. П. был непреклонен. Кстати, в период нашей работы в управлении 00омбинатом Юлия Максовна, часто пользуясь услугами технической библиотеки, сблизилась с Клавдией Михайловной Зарапетян. Они делились всякими семейными делами. В семье Зарапетянов была большая проблема с сыном, которого звали, кажется, Сергеем. Сережа не очень хорошо, если не сказать плохо, учился в школе, хулиганил. Дело дошло чуть ли не до уголовного дела. Зарапу Петросовичу было очень неприятно выручать сына, но был вынужден это делать. Насколько помню, кончилось тем, что Сережу отправили из Навои кажется в Желтые Воды, где у Зарапетянов были друзья. Клавдия Михайловна очень переживала все происходящее и, хотя Зарапетяны старались предотвратить распространение этих семейных неурядиц, делилась с Юлией. Неоднократно Клавдия Михайловна одалживала ту или иную сумму денег у Юлии. Юлия мне все «секреты» Клавдии Михайловны не рассказывала тогда, а о даче займы должна была со мной поделиться. Я понимал, что при существовавшем порядке и финансировании приема высоких гостей первые руководители предприятия довольно часто оставались в денежном цейтноте, несмотря на солидную по тем временам зарплату.

Таким образом Юлия Шатуновская проектировала электроснабжение объектов, не входящих в узаконенные проекты, увязывала отдельные части проектов, выполняемых силами рудоуправления, проводила экспертизу проектов электроснабжения, разработанных

институтами. Однако, имевшаяся организационная неувязка ее положения привела к неприятному факту, очень огорчившему и ее, и меня. Известно, что в начале 1970 года по стране прошла кампания по представлению к награждению медалью «За доблестный труд, в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Партийным комитетом и администрацией были представлены необходимые документы на выдвинутые нами кандидатуры, в том числе и на Ю. М. Шатуновскую. Кем-то в комбинате ее фамилию исключили, как не числящуюся в штатах предприятия, и об этом нам не сообщили, а руководство проектного отдела, конечно, о ней и не подумало. Так коммунист с порядочным стажем и очень прилежный и активный сотрудник остался без этой награды. Ведь в те времена и эта медаль имела определенную ценность.

Примерно в августе месяце 1969 года мне позвонил замдиректора комбината Ф. М. Капитанов и спросил, могу ли я принять на предприятие и сколько сборных конструкций деревянных одноквартирных домиков и использовать их по назначению. На мой вопрос: «А сколько имеется таких домиков?» – слышу: «100 штук, попавших к нам без нашего заказа и в силу неразберихи главком, предлагается освоить их в Комбинате». «Забираю все!» – говорю я и получаю согласие на их отправку в наш адрес.

Стояла необычная жара, трава во всей округе и стерня на скошенных богарных землях высохла и представляла большую потенциальную опасность пожаров при брошенном проезжающими по дорогам окурке. Я распорядился подготовить значительную площадь в районе бывшей (если помните) сельской школы: сравнять бульдозерами с вывозкой снятого грунта с растительным слоем, просыпать площадь гравийно-песчаным грунтом, огородить временным проволочным забором. На эту площадь стали поступать и складироваться деревянные конструкции сборных домов, круглосуточную охрану которых поручил ЖКО. Ежедневно я заезжал к этому «складу» проверить наличие охраны и противопожарных мер, предписанных пожарной службой – уж очень опасным объектом стала эта площадка.

Все отделы были задействованы на проектирование и привязку сборных домов, инженерных к ним коммуникаций, благоустройства. Привязали их за юго-западной чертой проектной границы городка. Практически началась сразу подготовка территории и распределение квартир претендентам на жилье по моему принципу подхода к этому важному вопросу в конкретных наших условиях. Подготовку территории, возведение фундаментов производились под над-

зором мастеров СМУ силами подразделений основной деятельности, а сборка деревянных конструкций силами будущих жильцов и их товарищей народным методом. Каждый домик с приусадебным участком. Домики вырастали как грибы. Это было большим подспорьем в деле привлечения трудящихся к выполнению возрастающих планов работ.

Немного о личной жизни. Семья наша продолжала жить в неполном составе. Наш старший сын Борис продолжал жить с бабушкой и бабушкой в Ярославле, где он в 1969-м году закончил 10-й класс и поступил в Ярославский Технологический институт. В Советабаде младший Виктор в этом году закончил 7-й класс. Учились они без всяких принуждений почти на все пятерки. Юлия любила возиться на земле приусадебного участка, который она превратила в приличный сад и выращивала клубнику, много различных цветов. Очень редко и мне приходилось ей помогать, главным образом в копке земли или лунок для посадки тех или иных культур. Честно говоря, я не любил копаться в саду-огороде, хотя было приятно видеть результат Юлиного труда и вкушать свежайшую с огорода клубнику.

Сложилась и наша компания, с которой проходили праздничные застолья и иногда просто встречи с теми, или другими в будни и выходные дни. Правда, для меня выходные дни практически все равно были и рабочими, часто возникали обстоятельства, требующие вмешательства по телефону или с выездом на место. В число наших друзей вошли семьи Александра и Галины Авраменко, Василия и Галины Махониных, Рафаэля Шангареева, Николая и Надежды Казанцевых. Наш Виктор подружился с молодым инженером-буровиком Ахмедом Шебзуховым на почве любви к технике. Мне тоже понравился этот симпатичный, добрый кавказец, и он стал вхож к нам в дом. Забегая вперед скажу, что с А. Шебзуховым у нас завязалась дружба на всю жизнь, и мы встречались с ним и его потом состоявшейся семьей много раз и в Ташкенте, и в Краснокаменске, и даже в Нетании (Израиль), куда он с супругой Надей приезжали к нам в гости в 2003 году, и переписываемся с ними по сей день, а постоянно они теперь живут в Черкесске (КЧАР) родном их городе, они по национальности черкесы.

(Маленькое отступление – сегодня 27.06.05 и по каналу RTVI идет фильм «Личная жизнь директора» и обыгрываемые проблемы так похожи на мои!)

Бывали конечно и совместные всей семьей в выходной воскресный день выезды в Самарканд, к местным достопримечательностям, о которых знал много по посещениям их с высокими гостями, де-

лали покупки в промтоварных магазинах, на красочном восточном рынке покупали экзотические национальные изделия. Хотя ОРС снабжал трудящихся и население Советабада на довольно хорошем уровне, но не мог, естественно иметь такой ассортимент товаров из-за явной недостаточности средств доставки (автотранспорта разных видов и назначений), складских помещений и холодильных мощностей. Это сразу станет ясно по нижеизложенному эпизоду.

Уже писал, что я много времени уделял рудникам, посещал горные работы и меня всегда очень огорчало наличие большого числа не горевших и разбитых светильников, смонтированных по действующим нормам в капитальных и горно-подготовительных выработках. Светильники имели специальную конструкцию, обеспечивающую безопасность и механическую прочность: лампа накаливания помещалась в матовый колпак, поверх которого одевалась металлическая конструкция поддерживающая колпак и прикрепляющаяся к патронной части четырьмя шурупами. Почти каждый третий-четвертый светильник оказывался с разбитым колпаком и изуродованной сеткой. Каждое мое посещение заканчивалось большой взбучкой начальника участка, горных мастеров за их недостаточный надзор за происходящим, ни разу никого из «потрошильщиков» не обнаруживали и никого за такие действия не удалось наказать. Я считал, что разбивают колпаки сами дежурные электрослесари, в обязанность которых входила заменять сгоревшие лампы накаливания на новые – чтобы не разворачивать по 4 шурупа (это же работа!). Но однажды мне кто-то из бригадиров признался, что разбивают колпаки и выворачивают лампочки многие рабочие потому, что в магазинах поселка в продаже нет ламп. Действительно, ОРС никогда до этого не завозил в продажу электроламп. Обратил внимание начальника ОРСа И. Ушакова и вопрос был снят. Число побитий светильников в горных выработках резко снизилось.

Юлия довольно близко подружилась с Галиной Авраменко, а Витя с сыном Авраменко Сашей, с которым учился в одном классе. К сожалению, произошло событие, прервавшее нашу дружбу с семьей Авраменко на несколько лет. Кажется, во второй половине мая 1970 года к нам приехал Зарап Петросович Зарапетян с замом по кадрам Я. А. Корнышевым и после небольшого обмена мнениями предложил мне собрать всех ведущих специалистов и руководителей отделов рудоуправления. На этом совещании Зарапетян в короткой речи отметил определенный успех коллектива, однако сделал упор на имеющиеся недостатки в инженерном обеспече-

нии дальнейшего развития предприятия и заявил о принятом им решении освободить от занимаемой должности главного инженера А. В. Авраменко. Это заявление привело в некоторый шок присутствующих. Я попросил слова и очень эмоционально под впечатлением несправедливости, может быть даже грубовато изложил свое мнение, в котором опротестовал выводы З. П. и просил изменить решение. Мои доводы и тон очень не понравились Зарапетяну, и он сказал, что совещание закончено и все свободны. Довольно жестко отчитав меня за несвоевременное выступление, Зарап Петросович попрощался со мной все же рукопожатием и сказал, что главный инженер будет назначен им в ближайшее время.

Дней через десять главным инженером был назначен приказом по комбинату В. А. Будыта, горный инженер, до этого проработавший в проектно-монтажном отделе комбината, затем первым начальником подразделения по опробованию СПВ на месторождении «Кетменчи», которое начали осваивать, и подчиняющееся непосредственно управлению комбината.

Авраменко с семьей переехали в степную часть Крыма, где он устроился на работу главным инженером карьера по добыче стройматериалов. Через 2–3 года А. В. Авраменко, не потерявший связи с сотрудниками министерства, был оформлен и направлен на работу в ГДР, АО «Висмут», а еще через несколько лет был переведен на работу в горный отдел Первого главного управления Минсредмаша, и курировал один из действующих комбинатов. Мы продолжали дружбу перепиской весь этот период, я встречался с Александром Васильевичем неоднократно, будучи в командировках в Москве, и связь наша нарушилась лишь после нашего отъезда в Израиль.

Однажды нам в подарок преподнесли прекрасного месячного щенка боксера. Сделали это наши старые знакомые и товарищи – семья Феликса Федорова, у собаки которых родилось несколько чистопородных щенков. Нам отдали первенца, самого большого и энергичного. Возиться с ним и воспитывать больше пришлось Юле, хотя она раньше не проявляла особой приверженности к домашним животным, а я любил иметь таковых, в семье моих мамы и бабушки всегда были кошки. Щенок, которого мы назвали Лорд, быстро рос, доставлял много радостей и огорчений, грыз обувь и другие предметы, а мы к нему уже привыкли и полюбили. В то время было модным, даже обязательным купировать боксерам хвосты (это выполнили после рождения) и уши. Последнее выполнялось уже в 6–7 месячном возрасте щенка. Такую операцию необходимо было выполнить у специалиста-ветеринара в Самарканде. Но складыва-

лось так, что у меня не было времени этим заняться. Как-то спросил начальника МСЧ, хирурга А. Климкина: «А смог бы ты купировать ушки собачке, но сделать это красиво?» В ответ: «Конечно, Леонид Борисович, что Вы нам не доверяете?»

Доверил. В назначенный день и час явились к нам домой два хирурга А. Климкин и Э. Морозов с необходимыми материалами. Оборудовали на веранде операционный стол. Я волновался и пару раз туда заглядывал. Они дали щенку наркоз и приступили к делу. Через какое-то время операция была закончена, прождали еще тянущиеся минуты, но щенок не «проснулся»! Передозировали наркоз! Хирурги ушли расстроенные, а для нас, особенно для Юлии все это обернулось в трагедию. Она особенно полюбила (и он ее) Лорда, и его гибель потрясла и надолго отбила охоту обзаводиться домашней живностью.

Галина Авраменко и Юлия Шатуновская
у входа в наш дом. Ноябрь 1969

ГЛАВА 15

Наш сосед – совхоз «Улус» и наш друг – Иван Бузик

Сложились у меня довольно дружеские отношения с директором совхоза «Улус» Иваном Генриховичем Бузиком. Руководимый им совхоз был одним из крупнейших в области и всегда числился в передовиках в социалистическом соревновании, проводимом в Советское время непрерывно и по всякому поводу: в честь всех красных дат коммунистических, революционных, международных и профессиональных праздников, предстоящих Съездов КПСС и другим. Иван Генрихович, немец по национальности, родившийся в азиатских местах, прекрасно владел узбекским, казахским и русским языками, знал все местные обычаи и пользовался непререкаемым авторитетом и в среде трудящихся совхоза, и в среде руководи-

7 ноября 1970 г. На трибуне:

Слева на право: Л. Г. Токарчук, рабочая СМУ, И. П. Захаров, Р. Шангареев, майор И. П. Баргенов, Л. Б. Бешер-Белинский, А. З. Оганян, В. А. Будыта

телей хозяйств, и у руководителей партийных и советских органов всех рангов.

Совхоз был в основном овцеводческим, содержал более 50 тысяч овец. Но хозяйство фактически было многоотраслевым. Совхоз засеивал около 20 тысяч гектаров пахотных богарных земель ячменем и пшеницей и имел соответствующие планы сдачи зерна Государству, содержал более 3 тысяч голов крупного рогатого скота, птицеферму, где выкармливались индейки, гуси, куры. И. Г. Бузик жил с супругой в поселке центральной усадьбы совхоза, возраст у них был за 50 (старше нас). Познакомился я с ним еще при первом моем директорстве.

Как помнит читатель, поселок ГРП-54 располагался на землях этого совхоза в 4–5 км от его центральной усадьбы. Иван Генрихович тогда нанес мне первый визит как руководителю соседу. У нас сложились добрососедские отношения. Мы иногда использовали более стабильные в тот период средства связи с внешним миром, имевшиеся в совхозе при потере своей связи, совместно следили и принимали возможные меры по регулированию стока вод в Сабырсае во время весенних паводков и в периоды минимальных летне-осенних нехваток вод. Предприятие же иногда выручало совхоз передачей последнему дефицитных материалов (кирпича, лесоматериалов), с соответствующим законным оформлением документов.

Несмотря на мой и Ивана Генриховича насыщенный режим работы и занятость, мы не очень часто, но встречались и в домашних условиях. Напомню, что поселки наши и промышленность наших производств находились в полупустынных предгорных условиях. Местное население хотя и были узбеками, но по образу жизни больше скотоводами, не земледельцами, и их поселки имели вид более подходящий для казахов – мало зеленых насаждений, редко у кого небольшой садик или навес с виноградной лозой. Супруга Бузика, очень подвижная и симпатичная женщина, умело вела домашнее хозяйство, очень вкусно готовила и успевала ухаживать за небольшим приусадебным участком, создававшим прохладу в деревянном домике. Было очень приятно проводить у них пару часов в застолье и беседе на все житейские темы. Иван Генрихович был очень хорошим рассказчиком. Несколько хрипловатый медленно текущий голос с едва уловимым акцентом, присущим тюркоязычным людям, умелое логическое ударение на главное в рассказе привлекало внимание слушателя. Думаю, что несколько длинный дальнейший мой рассказ, связанный с Иваном Генриховичем, будет интересен и

даст хорошее представление о жизни в Советском Государстве того периода.

И. Г. Бузик в одну из встреч рассказал мне о состоянии дел в каракулеводстве Узбекистана. Среднеазиатские окраины дореволюционной России занимали первое место в мире по производству и качеству каракульских смушек. Во время бегства Бухарского эмира из России, а уходил он в Афганистан со своим богатством, и сопровождали его не только приверженцы и солдаты, но и пастухи, гнавшие большие стада, главным образом каракульских овец, оцениваемые в около трех миллионов голов. Многие овцы в тяжелейшем переходе погибли, но на основе оставшегося и прижившегося в Афганистане поголовья здесь в конце двадцатых – начале тридцатых годов стали производить каракуль в количествах больше, чем теперь уже в Советском Союзе. Через какое-то время советское каракульское производство опять вышло на первое место в мире. Но, в конце тридцатых – начале сороковых годов Южно-Африканский Союз купил у советского государства около сотни элитных производителей каракульских овец и в шестидесятых годах вышел на первое место в мире и по количеству, и по качеству производимого каракуля. Немецкие химики научились окрашивать каракульские смушки в разные цвета и даже белый. В манто и шубах из крашенного каракуля щеголяли богатые дамы и голливудские знаменитости. А советские ученые и селекционеры в результате многолетних и дорогостоящих исследований вывели живых овец многих цветов и оттенков, в том числе и белый, шубы и манто из смушек которых ценились выше окрашенных химией.

Совхозное поголовье овец составлялось из десятков отар, каждой из которых управлял бригадир-чабан и его семья. Чабан был ответственен за сохранность стада, приплод, плановую сдачу мяса и смушек, своевременный перегон отары с летних пастбищ на зимние и обратно и т. д. и т. п. Как помнит читатель, а об этом я рассказывал в первой части этой книги, бывали и довольно часто тяжелые зимы, приводящие к большому падежу овец. Когда падает поголовье, государство вынуждено уменьшать планы сдачи продукции со всеми вытекающими последствиями: убытками, ухудшениями снабжения населения мясом и т. п. Газеты пестрели сводками ведущегося соцсоревнования среди совхозных и колхозных хозяйств по уменьшению потерь. В благоприятные годы чабаны соревновались в большем получении приплода на каждые 100 маток отары. Совхоз «Улус», как правило во всех этих видах (да и в других) соцсоревнования был в рядах передовиков, а его директор получал многие

поощрения и награды. В конце весны 1969 года по приглашению И. Г. Бузика я стал участником праздничного совещания-обеда лучших бригадиров-чабанов собранного директором по поводу достижения минимального процента падежа овец в прошедшем очень неблагоприятном сезоне. Не буду описывать чем потчевали участников, скажу лишь что все было очень вкусно, обильно, жирно и напитки всех видов в достаточно большом количестве поглощались, но не приводили к сильному опьянению. Иван Генрихович благодарил своих бригадиров, произносил здравницы в адрес конкретных, называемых поименно участников и их семей. Тосты звучали на разных языках узбекском, казахском, русском, директор хорошо знал каждого и его, как правило, семью и ее состав. Чабаны в своих тостах очень эмоционально, иногда и витиевато по-восточному благодарили директора за умелое руководство и оказываемую им помощь. Обед проходил в очень приятной атмосфере, и участники поздно разошлись и разъехались. Мы остались с Иваном Генриховичем вдвоем. Тогда он мне и рассказал о проводимых им организационных мер, которые и дают успешный результат.

Государством каждый год устанавливался каждой области, району, совхозу тот самый план по приплоду от каждых 100 овцематок. По какому принципу этот план дифференцировался по каждому району, хозяйству сам Бог знает!? Но скорее всего бюрократы из планирующих органов подходили к этому вопросу по принципу «от достигнутого». Хорошо помню из газет: 110–115–120 и даже 125 ягнят на 100 овцематок.

Каждый чабан и его семья имели и свою личную собственность: коровенку, коз и какое-то количество овец. Понятно, что живность собственная паслась в одном стаде с совхозной собственностью и на отгонных летних пастбищах. Учет личной собственности и приплод от нее велся, понятно, самим чабаном, и редкие внезапные проверки численности «контролерами» от руководства совхоза не могли внести ясности в количественное соотношение «совхозные – личные». Чабан добивался максимального приплода и в благоприятные годы отчитывался в несколько меньшем его числе от каждых 100 овцематок совхозного стада и увеличивал число собственных овец. Дирекция на это «закрывала глаза». А когда приходил год падежа, чабан уменьшал падеж, передавая в совхозное стадо овец из личной собственности. Это негласное соглашение без афиширования очень неплохо действовало в команде Ивана Генриховича. Однажды, кажется в самом конце мая или начале июня, Иван Генрихович заехал ко мне на несколько минут поздороваться и узнать

о делах. После небольшого обмена информацией он сказал: «Еду на районный пункт сдачи и хранения зерна. Понимаешь, районные власти требуют уже ежедневной сдачи государству зерна и установили план. Но зерно еще не созрело до нужных кондиций повсеместно. Урожай хороший нынче, но если сейчас начну уборку, то потеряю урожайность с гектара».

– Так не сдавай, – говорю я.

– Так требуют ежедневные сводки, при невыполнении суточного плана грозят всякими карами и протягивают в районной и областной печати.

– Какой же выход?

– Договорился с заведующим пункта сдачи зерна, и он мне дает фиктивную справку о сданном зерне, а когда начну сдавать зерно, то рассчитаюсь с приписанным объемом. Это конечно за определенную мзду!

– А как рассчитываешься?

– Натурой: зерном или мясом.

Мог только пожелать успехов Ивану Генриховичу! А себе только задавал вопрос: «А нужно ли ему это, а почему его заставляют делать противоправные действия, за которые может получить и уголовное наказание, а почему хозяйства должны терять урожайность, чтобы угодить бюрократическим прихотям?» В один из вечеров февраля 1970 года Иван Генрихович неожиданно появился к нам домой с бутылкой коньяка. Юлия немедленно накрыла стол, в доме всегда были необходимые продукты и даже дефицитные деликатесы. Обращаясь к нам, Бузик сказал: «У меня вчера был второй день рождения! Давайте выпьем по этому поводу!» Мы молча выпили, но на наши молчаливые вопросы удивленными глазами Иван Генрихович в своей манере изложил свой рассказ: «Вчера в Ташкенте я был участником совещания, созванном Главным управлением совхозов республики, где подводились итоги прошедшего года. Совещание закончилось во второй половине дня. Я немедленно отправился в аэропорт, чтобы вылететь домой в Самарканд. Ближайший рейс на Самарканд – через час-полтора и это был большой самолет ИЛ-18 по маршруту «Ташкент–Самарканд–Москва». Когда подошла моя очередь, кассир заявила, что только что продан последний билет на этот рейс. Я очень уговаривал ее продать мне еще один билет, предлагал ей плитку шоколада, доказывал срочную необходимость моего вылета, но кассир была неумолима. Она меня успокаивала и предложила билет на отлетающий очередной авиарейс, который отлетал всего через час. Не сумев уговорить кассира, согласился и

приобрел предлагаемый билет. Прилетел в Самарканд и увидел в аэропорту какую-то нервно-тревожную обстановку. Узнал, что предыдущий рейс при посадке по пока неизвестным причинам врезался в гору и разбился, производятся попытки определения места катастрофы и организации спасательных мероприятий. И вот я перед Вами и предлагаю выпить за здоровье женщины-кассира, не поддавшейся моим уговорам и спасшей мне жизнь». Мы еще о произошедшей катастрофе ничего не знали. В Советское время о таких происшествиях в средствах массовой информации не сообщали совсем или значительно позже и то если в такую переделку попадали иностранные граждане. Через пару недель стало известно, что по ошибке пилота при заходе на посадку самолет задел хвостовой частью склон горы и хвостовая часть отвалилась. Многих пассажиров воздушным потоком выбросило на покрытый глубоким снегом склон горы, а остальная часть неуправляемого самолета упала также на склон, но не взорвалась. Из-за отсутствия дорог к месту катастрофы, неудовлетворительной метеобстановки спасательные бригады добрались к месту аварии лишь через сутки. Оказалось, что большинство выброшенных на снег пассажиров хвостовой части были живы, получив лишь различной тяжести травмы. Кажется, человек 10–11 удалось спасти, и они остались жить, а многие ушли из жизни уже на снегу, замерзнув из-за низких температур и потери крови от полученных повреждений. Ходили слухи, что даже в этой экстремальной обстановке нашлись вполне здоровые пассажиры, которые решились на изъятие у погибших денег и ценностей.

В конце лета я был приглашен на праздник по случаю дней рождения двух сыновей председателя сельпо (сельскохозяйственное потребительское общество) совхоза «Улус». Приглашение мне передал И. Г. Бузик от имени приглашающего. Сразу раскрою секрет, что это не дни рождения сыновей, а торжество по случаю проведения обряда обрезания этим мальчикам, мусульманского обряда, которого фактически придерживались большинство семей местного населения не в силу религиозности, а чтители сложившиеся народные традиции. Торжество состоялось в поселке центральной усадьбы совхоза «Улус». Вручая приглашение, И. Г. Бузик рассказал мне, что такие большие торжества, юбилеи проводятся по согласованию с районными первыми партийными и советскими руководителями, которые устанавливают очередность и даты проведения их. Дело в том, что на такие торжества приглашаются сотни гостей, в том числе многие руководители почти всех служб района проживания виновника торжества, руководители и делегации смежных районов

и даже из соседних областей. Готовятся к такому торжеству заранее и тщательно. Проведение такого праздника требует больших материальных затрат и их накапливают годами, но все равно без помощи родственников, соседей, односельчан не обходится.

Торжество было назначено в воскресный день на 14 часов. Юлия не любила посещать подобные мероприятия, на которые, как правило, местные мужи своих жен не приглашали. Поехал я к месту торжества с сыном Виктором, которому было уже 14 лет и который прекрасно водил автомобиль. Этому я его начал учить уже в 11–12 лет. У меня еще с Учкудукских времен сохранялся режим, по которому я не занимал водителя директорского автомобиля в выходные дни и старался освобождать его от вечерних работ, сам садясь за руль. Часто в выходные дни в пределах района действия предприятия я разрешал водить автомобиль Виктору. По приезду в центральную усадьбу совхоза мне показали куда проехать, где меня встретил И. Г. Бузик. Это было на одной из окраин поселка, где была спланирована большая площадка, огороженная временной изгородью из деревянных конструкций, увешанных сплошь коврами и паласами. Бузик провел меня в один из близлежащих здесь глинобитных жилых домиков, где к этому времени собирались почетные гости по рангам. Я, кажется, попал в разряд наиболее высоких гостей. Текла беседа под традиционное чаепитие. Через какое-то время все были приглашены в описанную ранее площадку, где стояли вокруг всего периметра накрытые столы, центр свободен, почва тщательно спланирована и укатана до блеска. Гости уселись по заранее указанным местам. Меня пригласили к объединенному столу, где располагались руководители района, руководители делегаций смежных районов, ведущий торжество. Площадка была радиофицирована и оборудована освещением. Вел собрание Иван Генрихович, который дал первое слово первому секретарю райкома КП Узбекистана. Торжество началось, приветствия и тосты шли один за другим. Столы ломились яствами, напитков хватало. Обслуживающий персонал постоянно подносил и обновлял ассортимент угощений. Через некоторое время после каждого приветствия объявлялся номер выступающих артистов и ансамблей пения, танцев. Артисты были действительно самыми известными и в области, и в республике. Особый восторг вызывали танцовщицы и певицы, исполняющие в нарядных национальных костюмах народные песни и танцы, которым участники торжества засовывали в знак благодарности и признания крупные денежные купюры под тюбетейки, в рукава и прочие возможные места. Дали и мне слово и, хотя и

неожиданно это было, но я сумел прилично и кратко произнести соответствующие слова, заслужившие одобрения и аплодисменты. Часа через три я заявил И. Г. Бузику и хозяину торжества, что вынужден покинуть собрание. Они проводили меня к автомобилю, где меня ждал Виктор, но предварительно завели в домик и вручили подарок от принимающей стороны. Это уж для меня был совершенно неожиданный поступок, но меня упорно уговаривали, что так положено по местным обычаям. Пришлось сдаться и принять пакет. Я не сообщил, что со своей стороны по приезду я вручил хозяину торжества свой подарок – конверт с 200 рублями, по 100 на каждого виновника торжества. По приезду домой, а машину вел Виктор, я ведь был под «градусами», выяснил, что мне подарили две (подчеркиваю – 2) нейлоновые мужские сорочки разных цветов, входящих в это время в моду.

Торжество по поводу обрезания продолжалось еще двое суток. На третий день я был приглашен на игру «козлодрание», проводимое в степи, километрах в трех от центральной усадьбы совхоза. Я не мог не уважить просьбу и прибыл туда, но после первого часа довольно зрелищной игры уехал, не дождавшись финала и ритуала награждения победителя очень ценным подарком.

В заключение о Бузике скажу, что встречался с ним после отъезда из Советабада всего несколько раз, но с большим и теплым чувством вспоминаю о нем как об очень хорошем простом и добром человеке, прекрасном руководителе и отличном товарище!

ГЛАВА 16

А у нас побывал Шараф Рашидович Рашидов

Горные работы всегда были приоритетными, и я продолжал неослабно за их производством и состоянием следить. На площадке рудника № 1 вблизи действующего быткомбината был установлен передвижной вагон-контора, где был оборудован мой второй кабинет. Руководство рудника временно располагалось в бытовом комбинате, а административное здание рудника еще находилось в стадии строительства. В бытовом комбинате со стороны бокового фасада были оборудованы душевая и помещение для спецодежды и уличной одежды директора и главного инженера Рудоуправления, здесь же стоял рабочий стол, телефон. Почти ежедневно я посещал те или иные участки горных работ.

Во второй половине июля месяца 1970 года я готовил доклад на предстоящую полугодовую конференцию по проверке выполнения коллективного договора между администрацией рудоуправления и комитетом профсоюза. Для того чтобы меня не беспокоили, я писал доклад в помещении директорской душевой. О моем местонахождении знали только телефонистка коммутатора предприятия, находящегося в рабочем городке, которой я запретил соединять со мной, и начальник 1-го отдела рудоуправления. Часов в 10–11 дня последний сказал мне, что меня разыскивает первый секретарь Пост-Даргомского райкома КП Узбекистана и просит с ним связаться. Я выполнил эту просьбу. Секретарь Райкома сообщил мне, что 1-й секретарь ЦК Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов, находится у них, проводит областное совещание хлопкоробов и хочет ознакомиться с хозяйством предприятия. Я обязан в 13 часов встречать Ш. Р. Рашидова в поселке ж.д. станции «Нагорная».

Нашел секретаря парткома Р. Шангареева, проехал домой, переделался в более строгий костюм, и мы на директорской «Волге» отправились в путь. Перед станцией «Нагорная» автодорога проходит под мостом железной дороги в сторону Самарканда. При подъезде

к этому месту мы увидели кортеж из двух черных «Волг», проехавших в нашу сторону под мостом, и поняли, что это и есть наши гости. Остановились у обочины и встречные машины. Мы вышли из машины и направились к гостям. В первой «Волге» на переднем сидении, рядом с водителем сидел Шараф Рашидович, на заднем сидении – второй секретарь Самаркандского обкома КП Узбекистана и первый секретарь Пост-Даргомского райкома. Я представился и представил Р. Шангареева. Все поздоровались и Шараф Рашидович пригласил меня сесть в их автомобиль. В пути по просьбе Шарафа Рашидовича я кратко рассказал о структуре предприятия, входящих в него подразделениях, основных задачах и положении дел по выполнению их. За нами следовала вторая «Волга», в которой ехали сотрудники КГБ из охраны Ш. Р. Рашидова, и за ней Шангареев на нашей «Волге». Шараф Рашидович пожелал сразу заехать на рудник № 1, что мы и сделали. На поверхностной площадке я рассказал о назначении каждого промышленного сооружения, и пригласил по лестнице подняться на отметку рабочей площадки главного ствола, где шел прием из клетей груженых вагонеток, сортировка их по видам содержимого в них (руда, забалансовая руда, порода) и подача порожних вагонеток в клетки. Все процессы механизированы и автоматизированы. Управление процессом движения вагонеток и замены в клетки производилось с пульта стволового. В пункте радиометрической сортировки вагонеток сидел и проводил взвешивание радиометрист. Шараф Рашидович с большим вниманием и интересом рассматривал весь процесс и выслушивал мои объяснения. Спустились на отметку почвы, зашли в металлический вагончик-контору, где в кабинете рассказал и показал по графическим схемам планы горных работ, характер основных горных процессов и применяемых механизмов. В кабинете, несмотря на работающий потолочный вентилятор, температура поднялась до приличных отметок. Шараф Рашидович после моего доклада рассказал, что он, будучи в Марокко, был принят одной крупной фирмой, контора которой тоже находилась в таких же вагончиках, но температура в них, несмотря на лето и пустынные места, была весьма приемлемой. Правда, над вагончиками и их крышами были сооружены довольно мощные по толщине чугунные плиты и работали мощные кондиционеры. Под общий смех добавил, что и у нас в каком-то недалеком будущем будет так же.

На машинах отправились в рабочий городок Советабад. По дороге Шараф Рашидович рассказал об успехах Узбекистана в хлопководстве, о том, что по урожайности хлопка с гектара перегнал США,

что труженики-хлопкоробы берут дополнительные обязательства по сдаче государству хлопка урожая этого года. Спросил, оказывает ли наш коллектив помощь сельскому хозяйству и получив положительный ответ, предложил: «А не дать ли предприятию несколько десятков гектар земель для выращивания хлопка!»

Я сказал, что вряд ли мы справимся с такими не присущими нам сложными делами, а вот в порядке эксперимента (в шуточном тоне) можно было бы поручить нам выращивать несколько сот овец, чему нас быстро обучат соседи.

В рабочем городке Шараф Рашидович пожелал посетить несколько квартир. Он сам выбрал дом, у которого мы остановились. Это был один из трехэтажных двенадцатиквартирных домов, в которых уже были квартиры и трехкомнатные, и однокомнатные в отличие от первых десятков четырехэтажных 16-ти квартирных возводимых до этого, и в которых были только двухкомнатные квартиры. Вошли в одну из квартир первого этажа с разрешения открывшей нам дверь хозяйки. Семья одного из рабочего-бульдозериста, татарина по национальности. Квартира обставлена довольно плотно стандартной тех времен мебелью, на стенах ковер, фотографии членов семьи, прибрано чистенько, есть на подоконниках цветы. Хозяин на работе, супруга домохозяйка ответила на вопросы Шарафа Рашидовича в весьма положительном тоне, никаких жалоб на житье-бытие не выразила. Мне показалось, что она сразу и не сообразила, что перед ней Рашидов, но зная меня, поняла, что это высокий гость и не растерялась. Попрощались, Шараф Рашидович пожелал хозяйке здоровья и прошел на второй этаж, где все примерно повторилось по такому же сценарию. Возвращаясь вниз, зашли в еще одну квартиру на первом этаже. Здесь жила семья рабочего-горняка. Вопросы были примерно одинаковыми, Шараф Рашидович интересовался составом семьи, заработком, удовлетворенностью жизнью в городке и т. п. Ни в одной из квартир «господаря» дома не оказалось. А вторые члены семьи в целом были довольны обстановкой в городке, но высказали пожелания в улучшении снабжения особенно промышленными товарами потребления и подчеркнули недостаток в культурном обслуживании – только один сеанс в летнем кинотеатре, очень редкое посещение городка выездными концертными бригадами.

Каким-то образом слух о нахождении в городке высоких гостей распространился и когда мы вышли на крыльцо посещаемого дома, то здесь уже находились мой заместитель по капитальному строительству А. З. Оганян и начальник СМУ. Шараф Рашидович остановился на крыльце, окинул взором улицу, зелень, внешний облик

и состояние рядом стоящих домов и высказал замечание, что кладка кирпичных стен выполнена неудовлетворительно, плохая расшивка стыков, неоднородность линий и т. п. В ответ на это А. З. Оганян сказал: «Шараф Рашидович! Так кладку ведут солдатики, квалификация низкая да и...» – Он не успел договорить, как Шараф Рашидович, взгляд которого немедленно превратился в остро-серьезный пронизывающий, с раздражением воскликнул в сторону Оганяна: «Вы хотите сказать, что Советский солдат – плохой солдат!? Нет. Просто Вы никчемный руководитель!» – Оганян что-то начал бормотать невнятное. Мне пришлось вмешаться, пояснить, что А. З. не хотел плохо отзываться о солдатах, а хотел выразить мнение в недостаточном времени на обучение прибывающих солдат и быстрой демобилизации их после приобретения ими опыта в обученной нами профессии, то есть тогда, когда от них можно получить наибольший эффект. Возникшее напряжение удалось снять. Шараф Рашидович произнес следующее: «Надо резко улучшить качество строительства, необходимо сделать так, чтобы этот социалистический городок стал достойным младшим братом прекрасному и развивающемуся городу Навои. Надо и здесь привязать пару-тройку 9-этажных домов, создать свой архитектурный облик! Прошу принять нужные шаги и передать мои пожелания Зарапу Петросовичу!»

Я предложил Шарафу Рашидовичу заехать в гостиницу, выпить чаю, отдохнуть, но он отказался, ссылаясь на необходимость прибыть на назначенную очередную встречу в другом месте, где их ждут. Шараф Рашидович и секретари области и района распрощались с нами и отправились в обратный путь.

В этот момент оказалось, что автомобиль сопровождения сотрудников охраны сломался. Я распорядился отдать им мою «Волгу», на которой они и уехали, а их «Волгу» отбуксировали в нашу автобазу, где ее привели в рабочее состояние и отправили восвояси.

Вечером я нашел Зарапа Петросовича Зарапетяна, подробно изложил ему весь ход встречи с Шарафом Рашидовичем, пожеланиями последнего. Зарап Петросович, мне показалось, был очень огорчен тем, что его не поставили в известность о намерении посетить мое хозяйство Рашидовым. У меня осталось самое лучшее впечатление от Шарафа Рашидовича, его простоты и доступности. Подтвердилось сложившееся у меня о нем мнение при предыдущих с ним встречах, хотя они были менее близкими, чем последняя. Единственно, что меня огорчало и чего я не хотел, чтобы совершилось в ближайшее время – это привязка, строительство и будущая эксплуатация 9-этажных домов в нашем рабочем городке

Советабаре с теми дополнительными проблемами, которых и без них было предостаточно. Сразу скажу, что привязка и строительство девятиэтажек в Советабаре не состоялось ни при моей работе здесь и никогда потом.

Теплоснабжение растущего городка от водогрейной котельной, сооруженной в 1967 году, ухудшалось катастрофически. Не помню по каким причинам, но проектирование источника теплоснабжения города, соответственно заказ оборудования и строительство его задерживалось. Этот вопрос был предметом неоднократной постановки мною и обсуждения на уровне энергослужбы и руководства комбината. В конце концов был принят вариант доставки на предприятие и установки котельной части энергопоезда. По полученным чертежам начались подготовительные строительные работы у действующей временной водогрейной котельной. Передвижная котельная часть энергопоезда по железной дороге была доставлена на ж.д. станцию «Нагорная» и выставлена на наш тупик за рудным двором. Возникла почти не решаемая проблема доставки котельной на предприятие. Вес ее около 100 тонн. Для доставки такого веса и габаритов груза по автомобильной дороге необходим был специальный трейлер, не имевшийся в подразделениях комбината. Поисками такого трейлера занялся И. Захаров и его усилия, на которые ушло почти месяц, завершились заключением арендного договора с владельцем такого средства, по которому наше предприятие брало на себя полную ответственность за перевозку и сохранность груза и самого трейлера. Двух квалифицированных специалистов-машинистов трейлера зачислили в штат предприятия. Перед нами стал очень важный и ответственный вопрос безопасной доставки котельной по автомобильной дороге самого низкого класса, имеющей многочисленные повороты с небольшими радиусами, уклоны продольные и не соответствующие нормам поперечные, обычное, выполненное «методом смешения» покрытие, выбоины и прочие недостатки.

Проведенные специалистами расчеты показали, что при высоте помещенной на трейлере котельной устойчивость всей системы обеспечивается при отклонении определившегося центра тяжести не более чем на 3° от вертикали. Потребовался и был проведен расчет системы и конструкций креплений котельной к трейлеру. Маркшейдерская служба предприятия обследовала весь 20-километровый путь и выдала рекомендации по проведению необходимых мер по возможному выравниванию поперечных уклонов дороги. Трейлер не самоходный, поэтому был принят вариант тяги из двух автомобилей «КрАЗ», сцепленных цугом и также двух «КрАЗ»

сцепленных цугом сзади трейлера для сдерживания при движении под уклон. Кабины «КрАЗов», машинистов трейлера радиофицировали.

Специалисты рудоуправления составили проект-инструкцию производства доставки котельной, в которой предписывались действия всех участников процесса, значения условных сигналов, подаваемых руководителем при всех возможных и предполагаемых ситуациях. Следует отметить, что габариты трейлера и стоящего на нем груза занимали большую часть ширины автодороги и проезд автотранспорта в оба направления в месте нахождения трейлера был исключен.

Руководителем и ответственным доставки котельной был назначен И. П. Захаров.

Настал день «Х».

Я не смог воздержаться от того, чтобы не принять личного участия во всей этой весьма ответственной операции, имея ввиду что мое присутствие не позволит участникам отступать от требований проекта. Хотя надо было подумать, что с другой стороны мое присутствие снимало определенную ответственность с назначенного руководителя. Как бы там не было, но я приехал к месту погрузки котельной на трейлер и протопал все 20 км пути до места разгрузки на рельсы, подготовленные для постоянного пребывания котельной.

Движение всей кавалькады со многими остановками, необходимыми то для одновременного поворота всех осей трейлера в местах крутых поворотов дороги, то для пропуска скопившегося сзади автотранспорта или ожидающих автомобилей во встречном направлении, задержанных нашими постами в местах возможного разъезда, то для принятия дополнительных мер по уменьшению наклона сооружения более 3° в сомнительных местах. Скорость продвижения была не более 3–5 км/час. Много переживаний создавалось в местах с довольно большими уклонами спуска, когда приходилось сдерживать трейлер торможением сзади прицепленными «КрАЗами». Делались остановки и для отдыха участников, снятия нервного напряжения и принятия пищи в виде заранее приготовленных бутербродов.

Вся операция прошла благополучно. Трейлер к концу рабочего дня прибыл к месту разгрузки. Последнюю операцию по спуску с трейлера котельной на подготовленные рельсы оставили на следующий день. И это прошло нормально. Приказом по рудоуправлению я премировал многих участников благополучно проведенной операции денежными премиями, грамотами и благодарностями.

Через несколько месяцев городок получил тепло и горячее водоснабжение от нового значительно более мощного источника на жидком топливе. Это совершилось в первой половине 1971 года и этим источником тепла город снабжался до включительно 1975 года, когда была сдана в эксплуатацию постоянная котельная на три котла ДКВР-20/13.

Интересен эпизод, который я изложу ниже для характеристики сложности управления большим коллективом, стройкой, комплексом промышленных и коммунальных объектов, в которых трудится более 3500 работников и проживает уже более 12 тыс. человек. Строительный процесс, его темпы как на горных работах, так и на возведении поверхностных промышленных и коммунальных объектов возрастал. Вместе с тем не становился меньше дефицит автомобилей для всех видов перевозок, грузоподъемных механизмов, тракторов и бульдозеров. Последнее вызывало необходимость продолжать проведение ежедневных вечерних диспетчерских совещаний, на которых коротко обсуждались собранные диспетчерской службой заявки на обеспечение дефицитными механизмами работ очередного рабочего дня. Совещания эти проводил я, когда был на месте, или главный инженер, или зам. по общим вопросам. Понятно, что мои замы, курирующие определенные подразделения или виды деятельности, не всегда были объективны и старались в первую очередь обеспечить курируемые ими виды работ. Поэтому я старался по возможности проводить диспетчерские совещания лично. На этих совещаниях постоянно присутствовали замы директора, руководители строительных подразделений, автобазы, УСМ, ОТС и по необходимости руководители рудников, вспомогательных цехов и служб, у которых возникла потребность в механизмах сверх постоянно закрепленных за ними.

На таком очередном совещании, проводимом мною, неожиданно начальник автобазы заявил, что у него нет возможности вывозить рабочих на перевалочную базу в «Нагорной» из-за запрета перевозки пассажиров на автомобилях малой грузоподъемности «УАЗ-450». Оказалось, что из комбината поступил приказ, подписанный заместителем директора комбината Ф. М. Капитановым, в котором на основании результатов расследования произошедшей аварии с таким автомобилем, приведшей к смерти одного или двух перевозимых трудящихся, запрещалось перевозить людей на автомобилях этой марки даже при соответствующем их оборудовании, как неустойчивых при движении на допустимых скоростях. Мой заместитель по общим вопросам И. Захаров, курирующий автотранспорт,

запретил руководителям автобазы подавать автомобили «УАЗ-450» для перевозки рабочих. В автобазе имелось 5–6 таких автомобилей, которые использовались и для перевозки 10–15 рабочих, в том числе и солдат военно-строительного полка. На мой вопрос к И. Захарову: «Какие предложения есть у тебя для выхода из создавшегося положения?» – прозвучал ответ: «Не знаю и не вижу выхода». – Пауза. В кабинете тишина.

Принимаю решение: «Автомобили подать под перевозку людей на перевалочную базу, провести дополнительный инструктаж водителям и перевозимым лицам о мерах соблюдения безопасности в пути. Скорость движения не более 40 км/час. Тов. И. Захарову лично сопроводить рейс для обеспечения выполнения принимаемых мер безопасности. Сорвать работы не позволяю!» – Пауза. Еще большая тишина в кабинете. И. Захаров заявляет: «Я нарушать приказ Ф. Капитанова не буду!» – Я взрываюсь в сопровождении нецензурных выражений: «Марш из кабинета, мне такие помощники не нужны!» – Присутствующие в некотором шоке. И. Захаров в замешательстве, не ожидал такого сценария, но через минуту поднялся и удалился из кабинета.

После некоторого затишья совещание продолжилось. Я приказал начальнику автобазы мое распоряжение выполнить, лично ему сопроводить перевозку людей на перевалочную базу, а главному инженеру со службой отдела ТБиОТ разработать инструкцию, выполнение которой обеспечит безопасность таких перевозок. Участники совещания расходились с некоторой растерянностью от произошедшего. На следующий день перевозка была выполнена в соответствии с моими решениями, в дальнейшем это проводилось и никаких нежелательных последствий, слава богу, не произошло. И. П. Захаров, как я понял, на меня руководству комбината не жаловался, но «черная кошка» между нами в какой-то степени пробежала. А началось это несколько ранее и по очень, на мой взгляд, важному поводу. Как я уже как-то говорил, что у руководителя рудоуправления были небольшие возможности поощрять денежными премиями трудящихся за выполнение особых заданий. Это кроме поощрений по поводу общепринятых праздничных приказов к «1-му мая», к «7-му ноября», ко «Дню Шахтера». Иногда, очень редко такими поощрениями определенного круга людей покрывалась часть расходов на приемы высоких гостей, которые вынуждены были делать, не имея на это специальных фондов. В какой-то момент мне доложили, что этим фондом стал пользоваться мой заместитель И. П. Захаров в каких-то целях. У меня состоялся неловкий разговор

с Захаровым, и я приказал главному бухгалтеру не выполнять подобных приказов моих замов, оставив только за мной право пользования указанным фондом. Захаров, и только он, остался недовольным моим решением, другие замы не практиковали таких замыслов. Думаю, что демарш И. Захарова с использованием автомобилей «УАЗ-450», предпринятый на описанном диспетчерском совещании, был его реакцией на нашу размолвку по указанному поводу – он решил поставить меня в тупик. Натянутость в личных наших с Захаровым отношениях не касалась выполнения служебных обязанностей им, все мои указания выполнялись и внешне все шло, как и прежде, до конфликта.

ГЛАВА 17

«Дедовщина». А жизнь идет своим чередом

В результате достигнутых темпов строительства заканчивалось поверхностное обустройство на площадках стволов № 2-1 и № 2. Построены блоки вспомогательного и главного стволов, реконструировался временный быткомбинат, заканчивалось сооружение вентиляционной центральной проветривания, смонтированы тяговая подстанция для электровозного транспорта, ГПП-2, котельная с электрокотлами, складская площадка с башенным краном на промплощадке ствола № 2-1. Закончена строительством автомобильная дорога от рудника № 1 до рудника № 2 и замкнулось автомобильное кольцо город – рудник № 1 – рудник № 2 – город. Городок рос, благоустраивался, началось строительство средней школы на 1100 учащихся, детского сада № 3, началась подготовка территории под строительства больничного комплекса.

Значительную роль в набранных темпах строительства играл полк военных строителей. Военный городок был построен в полном объеме в пределах типового проекта. Кроме жилых казарм функционировали столовая, клуб, штаб полка, спортивные площадки, котельная, складские и другие подсобные сооружения. Территория благоустраивалась, озеленялась. Полк практически уже был укомплектован штатным числом офицерского и старшинского состава. Этому в не малой степени способствовало мое весьма положительное отношение к выделению квартир для семей офицеров и старшин. Я вообще видел пользу от труда военных строителей в конкретной обстановке и старался оказывать максимальную помощь и удовлетворять все разумные просьбы командира полка.

Первичная парторганизация войсковой части военных строителей входила в состав партийного комитета предприятия и секретарь парткома, следуя моему примеру, также более внимательно относился к положению дел в войсковой части и реагировал на поступающие сигналы о каких-либо неблагополучных делах здесь.

Неоднократно на заседании парткома предприятия, членом которого я был, разбирались дела о пьянстве некоторых офицеров прямо во время дежурства в части и в быту. Выяснились и разбирались факты вымогательства некоторыми офицерами денег у солдат из получаемого на руки последними части заработка, перечисляемого на личный счет, после законных вычетов. Мне неоднократно приходилось серьезно отчитывать Ивана Павловича Бартенева за неплановое и нефинансируемое строительство в военном городке краденными на производстве материалами и использование солдат на этих работах за счет уменьшения их выхода на работу на плановые объекты строительства.

Довольно часто нарушалась производственная дисциплина солдатами, самовольные отлучки с рабочих мест. С рудника № 1 поступили сигналы, что на доставленных с перевалочной базы комбайнах МБЛ на рабочих лопатках нет армировки из победитовых пластин. Выяснилось при расследовании, что эти пластины выдавливаются работающими на базе солдатами и этими пластинами обрамляются каблучки и носы солдатских сапог, чтобы они были не снашиваемыми. Все такие факты становились предметом обсуждения и спроса с командования полка и командиров батальонов, взводов, которые не очень любили бывать на рабочих местах, где трудились их солдаты.

Я довольно часто сам и вместе с секретарем парткома или замом по строительству навещал военный городок, участвовал в отдельных мероприятиях, проводимых командованием части. Проводившие разные инспекции и проверки представители штаба командования дивизии военно-строителей, размещавшейся в г. Навои, как правило встречались со мной, рассказывали результаты проверок, выявленные недостатки, намечаемые меры по их ликвидации и предупреждения новых. С командиром дивизии, фамилию которого не помню, я лично знаком не был, хотя видал его на совещаниях, он ни разу за время моей работы в расположение полка не приезжал. Между мной и командиром полка И. П. Бартеневым сложились нормальные деловые взаимоотношения, как между руководителем и подчиненным ему во многих отношениях лицом. Неоднократно мы (я и Юлия) принимали приглашения от командования частью и участвовали в вечеринках, проводимых по торжественным (День Советской Армии) случаям или важным семейным событиям офицеров (дни рождения, бракосочетания).

Ранним утром одного из слякотных дней начала марта 1971 года в моей квартире раздался телефонный звонок и мне очень тревожным почти плачущим голосом И. П. Бартенев доложил о произошедшем

большом ЧП – ночью из части самовольно, но организовано ушло более 250 солдат. По имеющимся у него сведениям они направились пешим ходом в Навои к командованию дивизией с жалобой. Конец зимы и начало весны отличались большим выпадением осадков, лессовые почвы раскисли настолько, что даже обувь при попадании в поле, сойдя с автодороги или тротуара, присасывалась к образовавшейся грязи настолько, что вытащить ногу удавалось тяжело и чаще без самой обуви. Стало известно, что ушедшая группа солдат выбрала маршрут по возможности самый короткий, не по магистральным и многолюдным дорогам, а по полям и не заходя в кишлаки и поселки. С момента ухода прошло не менее четырех часов.

Я выехал на автобазу, поднял ее руководство и, обсудив обстановку, решили: командир полка И. П. Бартенев на имеющейся в нашем распоряжении гусеничной танкетке с командиром комендантского взвода выезжает по следам движущейся колонны солдат вдогонку; Я, заместитель командира полка по политчасти, несколько офицеров во главе колонны трехосных автомобилей «ЗИЛ-151» и других, оборудованных для перевозок людей, выезжаем через г. Каттакурган на автодорогу на г. Ингички (городок, выросший на базе полиметаллического месторождения полезных ископаемых). Эта дорога пересекает маршрут передвижения солдат. В один из автомобилей были загружены продукты питания – хлеб, колбаса, консервы, яйца вкрутую, фляжки с чаем.

Наш план оказался удачным. В примерно назначенном нами месте через какое-то время показалась ожидаемая группа солдат, уставших и еле передвигавших ногами, на которых налипли килограммы грязи. Догнавший группу командир не смог уговорить зачинщиков отказаться от замысла, и они продолжали поход. Я вышел навстречу головной части колонны и попросил остановиться для разговора. Меня послушались, и вся группа собралась вокруг нас, прибывших к ним на встречу. Оказалось, что все ушедшие с военного городка солдаты армянской национальности. Мотивом самовольного ухода явились постоянные и не прекращающиеся издевательства со стороны сержантов, старшин и старослужащих солдат над солдатами первого года службы армянского происхождения, особенно над теми, кто были послабее здоровьем. Солдаты-армяне были рассредоточены по взводам. После довольно продолжительного разговора и приема предложенного нами завтрака, накал высказываний несколько ослаб. Мне удалось убедить большинство уходящих солдат погрузиться в автомобили и отправиться в свою часть после дан-

ного мною обещания, принять самые жесткие меры к обидчикам и недопущению впредь фактов «дедовщины» и национальной розни.

Все вернулись в военный городок, выкупались в душевых, были накормлены обедом и отправились на отдых.

О произошедшем командир части по моему настоянию доложил своему командиру дивизии. Последовало серьезнейшее расследование комиссией, назначенной командованием дивизии, в результате были выявлены все обстоятельства и причины конкретных фактов, фамилии исполнителей и, что важнее, организаторов систематических издевательств и национальной нетерпимости. Неуставные «принятия присяги», избивание по ночам, унижение человеческого достоинства (первогодки стирали портянки, носки и другие предметы обмундирования старослужащих, бегали за водкой и прочие прислуживания). Главными исполнителями и организаторами были сержанты украинской национальности, очень крепкие физически. Ввели они себя открыто вызываясь потому, что доходящие до офицеров факты издевательств не получали дальнейшей огласки и разбирательств. Все «сходило с рук». Среди солдат армянской национальности были ребята и крепкие, тренированные, могущие постоять за себя. Над ними издеваться избегали. Были попытки от таких ребят защищать малосильных, но дело заканчивалось почти массовыми драками, в которых побеждали не армяне. И такие факты командирами подразделений и дежурными по части офицерами до командования полка, как правило, не доводились, действенных мер не принималось. «Нарыв зрел» и прорвался в организованный побег из части.

Факты «дедовщины» в Советской Армии, особенно в военностроительных частях, были известны, но в то время не очень широко, замалчивались. Государственные средства массовой информации о таких явлениях не распространялись. О них ходили рассказы и слухи лишь из уст в уста. Удивляли еще и другие обстоятельства и принципы, принятые в органах мобилизации в ряды Советской Армии и распределения мобилизованных по районам прохождения службы. Как правило, мобилизованные в южных и Азиатских Республиках направлялись в северные районы, наоборот, живущие на севере – направлялись в жаркие места. А главный принцип был направить как можно дальше от мест постоянного проживания и привычного образа жизни и климата. Во время моей работы в Учкудуке водителем моей персональной машины был демобилизованный из Армии солдат казахской национальности. Он часто рассказывал о своей службе в Белорусской ССР: «Очень тяжело было. Вокруг леса

да леса! Ни фи́га не видно! То ли дело у нас, в Казахстане, куда ни посмотри далеко-далеко степь, простор, все видно, скачи!...»

В нашей военно-строительной войсковой части не было ни одного солдата узбека или казаха! Почемууу? А вот армян почти́м 300 из 900 солдат. Опять же – почемууу?

Резонанс нашего ЧП дошел до Министерства. Оказалось (я до этого не знал), что на уровне министерства имеется командир в звании генерал-майора над всеми формированиями военно-строительных подразделений, приписанных к Минсредмашу. Так вот этот генерал, фамилию которого забыл к сожалению, в сопровождении нескольких офицеров из штаба дивизии в начале апреля прибыл в нашу войсковую часть. Он провел инспекцию, разбор прошедших событий и результаты проверок на совещании в военном городке. Затем командир части И. Бартенев по просьбе генерала соединил его со мной по телефону, и мы договорились о встрече вечером после 20 часов. Генерал оставался здесь и на завтрашний день. Местом встречи я избрал нашу малую гостиничку в коттедже, где генерал должен был и ночевать, остальные офицеры сопровождения ночевали в военном городке. В назначенный час наша встреча состоялась один на один. В салоне гостиницы был накрыт стол. Нас никто не представил друг другу. Не знаю почему, но встретились как-то сразу так, как будто были знакомы прежде. Генерал имел фигуру не «генеральского формата», я имею ввиду не крупный, не полный и без животика. Мы взаимно представились. Я понял, что генерал получил достаточно полную характеристику обо мне от командования войсковой части. Беседа наша сразу пошла в спокойном, доброжелательном темпе и тоне. По мере обсуждения волновавшего нас вопроса, а это естественно произошедшее ЧП, его последствия атмосфера становилась даже дружелюбной. Генерал рассказал мне, что эпидемия «дедовщины» все ширится, приобретает все более изощренные формы, и пока все попытки борьбы с этим явлением не дают желаемых результатов.

«Служебное расследование ЧП, произошедшего у И. П. Барте́нева закончено, виновные определены, причем и исполнители и поощрявшие их своим бездействием. Материалы переданы в органы прокуратуры, прямые виновники пойдут под трибунал, – сказал генерал и продолжил. – Передо мной стоит вопрос о характере и мерах, которые необходимо подвергнуть командира части, майора И. П. Барте́нева. Он не лучший из командиров полков, но службист, протрубил уже почти 20 лет на стройках в разных местах, но всегда в “глубинке” с тяжелыми климатическими условиями и т. п.»

«А что ты предполагаешь с ним сделать?» – спросил я, перейдя на «ты». Сама обстановка разговора, подтвердившаяся небольшая разница в наших возрастах, подвела к этой форме обращения, и генерал принял ее, обращаясь в дальнейшем и ко мне также.

– Я собираюсь перевести его на такую же должность на одну из строек в Западной Сибири.

– А кого ты дашь мне? – спрашиваю я.

– Да примерно такого же парня, как и Бартенев, очень хороших у меня нет!

– А что это мне даст! Ведь И. П. Бартенев здесь, и я знаю его почти три года, изучил слабые и положительные стороны его характера, он знает местную обстановку, людей. А нового придется изучать и приучать к нашим условиям, и если он не лучше, то просто потеряем время и дело не улучшится! Думаю, что надо И. Бартенева оставить здесь и прошу об этом.

Разговор перешел на другие темы, мы очень хорошо провели время до поздней ночи. Очень тепло распрощались. Я получил очередное приглашение от высокого московского гостя посетить его при приезде в Москву. Генерал на следующий день провел несколько часов в войсковой части, по телефону еще раз попрощался со мной и уехал в г.Навои. Больше в будущем я с ним не встречался, хотя много-много раз бывал в Москве по делам, просто не было необходимости.

Примерно через месяц Иван Павлович Бартенев доложил, что два младших командира особенно «отличившиеся» в издательствах над солдатами приговорены военным трибуналом к двум годам тюремного заключения каждый. Ранее решением командования дивизии два–три офицера (лейтенанты, ст. лейтенанты) были понижены в званиях. И. П. Бартенев был предупрежден о неполном служебном соответствии. Он остался командиром военно-строительного отряда нашего предприятия.

Интенсивность горных работ на руднике № 2 возрастала. Заканчивалась проходка бремсберга между стволами № 2 и № 2-1, приближалось время сдачи в эксплуатацию первой очереди рудника № 2. Кстати, предприятию была выплачена премия за своевременный ввод в эксплуатацию при всех плановых затратах и других показателей рудника № 1. Зарап Петросович определил мой вклад в это дело максимальным, и я получил премию размером в три должностных оклада – это свыше 1000 рублей.

Производственная жизнь продолжалась с обычной напряженностью, ежедневное решение многочисленных текущих вопросов,

плановые и внеплановые приемы трудящихся, участие в работе выборных советских органах поселкового и районного, анализ экономических показателей и своевременная отчетность, необходимость регулирования и особо тщательного подхода к вопросам заработной платы трудящихся, в первую очередь на горных работах, предотвращение перерасхода фонда зарплаты как одного из важнейших, среди прочих важных показателей, вопросы справедливого распределения жилья и меры по максимальному его строительству и вводу, изучение основных проектных решений и много-много другого требовали полной отдачи сил и времени. Рабочий день длился, как правило, до глубокого вечера. Мало внимания мог уделять жене, младшему сыну, живущему с нами. Однако труд приносил определенную радость особенно тогда, когда получался и виделся реальный результат: закончили проходку важной горной выработки, подготовили в работу новую лаву, а вот и заселили новый дом, появился новый магазин, получили новую технику и т. п. Делился с членами семьи. И они радовались со мной. Разнообразили жизнь и некоторые неординарные события. Например, к нам приехали в гости весной наши друзья Кожевниковы Владимир и Антонина, с которыми не прерывалась наша многолетняя дружба с 1948 года и которые уже после нашего отъезда из Янгиабада перевелись на работу в филиал № 1 ПромНИИпроекта в г. Ташкенте, где работали в отделе инженерных изысканий. Приехали они на своей «Победе», приобретенной в свое время на «Развилке». В это время в наших краях можно было собирать много съедобных и вкусных грибов. Особенно много было грибов в местах, где в прошлые годы устраивались временные стоянки-загоны пасущихся овец. Гости пробыли у нас несколько дней, мы ознакомили их с городком, районом, выезжали на природу, собирали грибы, жарили шашлыки. Разрядка была очень кстати.

Было событие, которое после сильного разочарования принесло много радостей и положительных эмоций. Дежурный диспетчер комбината из Навои сообщил мне, что нас разыскивает Давид Маркович Аксельбант, находящийся с супругой в Самарканде и который не может с нами связаться по телефону. К нам на коммутатор предприятия из Самарканда практически выйти было невозможно. Для этого необходимо было знать несколько мало кому известных кодов. Аксельбант сообщил название гостиницы их нахождения. Мы с Юлей выехали в Самарканд (80 км.), но в названной гостинице наших друзей не оказалось. Мы проехали еще в две городские гостиницы, и там Аксельбанты не останавливались. Ничего понять не могли.

Погоуляли по центральной улице города и огорченные отправились еще раз в первую гостиницу, чтобы потом не сожалеть. В вестибюле гостиницы столкнулись с друзьями. Объятия, охи, ахи и прочих эмоций не описать. Оказалось, что в гостинице номер был снят на имя Сарнэ-Рубановой, т. е. Адочки, супруги Давида. Читавшие мою первую книгу понимают, что речь идет о наших друзьях-москвичах, дружба с которыми возникла еще во время ВОВ, продолжавшаяся всю нашу жизнь и продолженная нашими детьми. Адочка и Додик пробыли у нас пару дней. А в Самарканд они приехали так. Давид Аксельбант в Верховном суде (по второй инстанции) вел защиту осужденного на большой срок. Возникла необходимость выезда в место совершения преступления и первичного осуждения – город Самарканд. Адочка решила сопровождать его и ознакомиться со знаменитыми Самаркандскими историческими памятниками.

Напряженный труд требовал и отдыха. Из уже описанного в первой книге и в этой ясно, что в трудовой отпуск отправляться было не просто и получалось не чаще, чем раз в два года. Был в отпуске в 67 году – не был в 68, был в 69 – не был в 70-м. Будучи в отпуске в 1969 году пропустил очень важное событие как пуск первой очереди уникальнейшего золотоизвлекательного завода в Мурунтау – ГМЗ-2, митинг по этому поводу с участием Министра Е. П. Славского и первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова. Но отпуск провели мы необычно и интересно. Поэтому хочу рассказать о нем в отдельной главе.

ГЛАВА 18

Ярославль – Рига – Кемери

Итак, получил добро на трудовой отпуск. Выкупил зарезервированные в местном комитете профсоюза путевки в один из санаториев «Рижского взморья» в Кемери. Это в то время была последняя остановка электричек, курсирующих вдоль залива по Рижским курортным местам. Короткие сборы. Квартиру и приусадебный участок поручили присматривать нашим друзьям Махониным, живущим почти рядом в деревянном коттедже. Вылетели из Самарканда на Москву. Кстати, билеты приобрести без предварительного заказа заранее, который тоже не просто осуществить, практически без особых мероприятий невозможно. Но у меня была возможность иметь особое мероприятие – бронь обкома КП УзССР.

Прилетели Москву. К друзьям московским, Аксельбантам, захватить некогда. Поспешили прибыть в Ярославль, где, как помнит читатель, жили с 1966 года родители Юлии Макс Борисович и Рахиль Исаевна Шатуновские (после Ташкентского землетрясения) и с ними наш старший сын, Борис, который закончил в этом году 10-й класс и готовился поступать в ВУЗ. У них же в арендованном у государственного кооператива гараже стоял наш «Москвич-408», на котором мы в 67-м году проделали описанное ранее путешествие «Навои–Красноводск – Баку – Ростов-на-Дону – Харьков – Москва – Ярославль». Переехали с аэропорта на «Ярославский вокзал». Приобрели билеты и погуляли по площади трех вокзалов, имея пару часов до посадки в поезд. На улицах и в магазинах толпы людей, шла бойкая торговля и в разных лотках, ларьках. Лето, жара! Продавали арбузы, говорили «астраханские», цена весьма доступная – 30 копеек за килограмм.

Поезд «Москва–Ярославль» покрыл весь маршрут за 6 часов. Вид из окна вагона был очень приятным, в основном леса разных пород деревьев, поляны с цветущим разнотравьем, на некоторых полянах скошена и собрана в копна трава. Только при подъезде к городам и

городкам, через которые проходила железная дорога, и выезде из них перед окнами мелькали удивительно не ухоженные строения еще дореволюционной постройки и современные, в основном блоки индивидуальных автомобильных гаражей, кучи мусора и строительных отходов вдоль этих строений. Последние картинки вызывали раздражение. Прибыли на вокзал в Ярославле, такси, наконец «Брагино» (новый рабочий район). Встреча родных, с выражением всех возникающих в таких случаях, эмоций. Как-то размещаемся в двухкомнатной квартире – «в тесноте, да не в обиде!»

На следующий день я сразу занялся расконсервацией автомобиля и подготовкой его к дальней поездке. После обсуждения на семейном совете, решили, что мы в поездку берем младшего Витю, Боря должен готовиться к сдаче вступительных экзаменов в Ярославский технологический институт. В Кемери у нас была возможность поселить Виктора и разместить наш автомобиль у семьи местных жителей-латышей, с которыми познакомились, сдружились и вели переписку с 1960 года. В том году мы с Юлией отдыхали в другом санатории Кемери, и сюда же приехали родители Юли с нашими детьми, оставленными нами в Ленинграде у Якова Вишневого, после нашего звонка о подготовленном жилье для них. Подробнее о том отдыхе в Кемери я предполагаю описать в специальной главе, посвященной вопросам проведения наших не ежегодных трудовых отпусков, интересных событиях и местах их прохождения в период с начала нашего труда непосредственно на рудниках Минсредмаша, т.е. с 1948 года по 1972 год. Наверное, это будет одна из последних глав этой книги. А об отпусках и отдыхе следующего периода работы, в ПромНИИпроекте в Ташкенте, если даст бог, опишу уже в третьей книге.

По ходу подготовки к далекой дороге была необходимость нескольких поездок в центр Ярославля. Город красивый, много достопримечательных мест, монастырей, церквей. На окраинах, да и ближе к центру, много промышленных предприятий, некоторые гиганты, известные всей Стране, такие как «Моторный завод», «Шинный завод», крупнейший «Лакокрасочный завод», где производились и краски для автомобильной промышленности, крупный завод «Электромаш» и другие. Обратили внимание на такой бросающийся в глаза факт – такие же «астраханские арбузы» в таких же, как в Москве, оборудованных временных ларьках реализовывались по цене в два раза большей чем в Москве – по 60 коп. за кг. Недоуменный вопрос – почему? Позже уже через источники заслуживающие доверия я узнал, что для Москвы делались в Советские времена такие

специализированные цены не только на арбузы, но и на многие другие пищевые и промышленные товары. Чтобы не быть голословным, тут же расскажу, что потом через много лет, в конце семидесятых годов я, будучи в очередной командировке, отправил в Ташкент посылку с 8 кг. миндаля, который здесь в Госторговле продавался по цене 1 руб. 40 коп. за кг, а в Ташкенте он стоил не менее 8 руб. за кг., причем еще надо было найти точку, в которой он реализовывался. Еще интересный мы узнали и воочию увидали факт – сложившийся в рабочем классе Ярославцев (не знаю, как в других областях) обычай выбрасывать через окно с любого этажа старую мебель при покупке и установке на место новой того же назначения, причем не зависимо от состояния первой, иногда мы убеждались, что это была вполне пригодная, прослужившая небольшой срок.

Несмотря на разгар лета и достаточно теплые дни купание в Волге для нас, южан, было неудовольствием. Кроме того, что температура воды «обжигала» холодом, в речке плыли большие пятна нефтемазутых отходов, прибрежные камни – галька также во многих местах были пропитаны ими и всегда была вероятность испачкаться или испачкать снимаемую одежду.

По имевшемуся у нас «Атласу автомобильных дорог СССР» мы наметили маршрут нашей поездки и остановок на отдых. Из первой книги известно, что во время работы и жизни в Янгиабаде мы подружились с «музыкальной семьей» Вальбергов Рене Борисовной и Борисом Викторовичем. Эта семья, переписку с которой мы (главным образом Юлия) вели, переехала в г. Калинин (когда-то и ныне Тверь), где они трудились в местном музыкальном училище и воспитывали сына (ровесника Вити) и дочь. Естественно, наметили остановку в Калинин, который находился на нашем маршруте – примерно на середине пути по шоссе «Москва – Ленинград». Решили же мы сократить наш маршрут и не заезжать в Москву, во-первых, потому что это некоторый круг и дальше, а во-вторых, проезд по Москве очень затруднен для водителя, не знающего города при очень интенсивном автодвижении. По «Атласу...» автомобильные дороги областного значения идут через г. Ростов Великий на г. Углич – это по Ярославской области. Здесь значилась паромная переправа через Волгу. А далее на левом берегу г. Калязин, от которого идет дорога областного значения до Калинина – это уже по Калининской области.

Приготовления закончились, рано утром, распрощавшись с оставшимися, тронулись в путь. Погода не благоприятствовала, сплошная облачность, чернейшие тучи. Только подъехали к черте

города, полил сильнейший ливень. Образовавшиеся потоки воды на асфальте с трудом преодолевалисьдвигающимся автомобилем, «дворники» не справлялись с падающим на ветровое стекло объемом вод при максимальной скорости их движения. Остановились на обочине. Стояли минут 20–30. Интенсивность дождевых потоков снизилась, и мы продолжили путь. В городке Ростов Великий, в котором уже бывали, не стали задерживаться и продолжили движение на Углич. Город Углич нам был известен по историческим знаниям, как место, связанное с царевичем Дмитрием, а в наше время как город, в котором действует один из известных в СССР часовых заводов. Примерно в 10–15 км от Ростова Великого асфальтированная дорога закончилась и перешла в мощенную окатанным булыжником, во многих местах с такими выбоинами по размерам, что приходилось их объезжать, выезжая на встречную полосу движения или на обочину. Скорость движения снизилась до 20–25 км/час. Машину трясло, вибрации, впечатление что раскручиваются все гайки креплений. Лишь в одном месте мы увидели одного рабочего весьма солидного по возрасту, который засыпал довольно большую выбоину грунтом, забираемым совковой лопатой из ранее привезенной кучи на обочине. Создалось впечатление, что эту дорогу не реконструировали и не ремонтировали со времен перипетий с царевичами Дмитрием и Лжедмитрием!

Часа через три въехали в Углич и остановились у автозаправки, решили спросить, как, чтобы не блуждать по городу, проехать к переправе через Волгу.

– А Вы на чем? – спросил заправщик.

– Да вот на «Москвиче»! – ответил я, показывая на наш красный автомобильчик. Удивленный смешок и как бы с выкриком:

– Да Вы что! Там и на «МАЗе» не проедешь! Развезло же!

Я решил, что заправщик шутит, не проверил. В этот момент на заправку заехал со стороны Углича очень облепленный грязью «ГАЗ-69», в котором рядом с шофером восседал солидный мужчина, видно, начальник. Пока водитель занимался заправкой автомобиля, я обратился к седоку:

– Простите, Вы едете с той стороны Волги?

– Да! – в ответ.

– А на «Москвиче» я проеду там?

– Никоим образом! Наш «Газик» с передними ведущими еле-еле преодолел и на той стороне и здесь громадные колеи, по которым тяжело проходят даже большегрузные «Мазы» и «КрАЗы».

– Какой же выход?

– Только через Москву, молодой человек! – изрек с некоторой улыбкой солидный товарищ.

Подошел к своим, рассказал все и, делать нечего, развернулся и поехал в обратный путь на Ростов Великий.

Прошло еще три–четыре часа езды и мы, после небольшого отдыха в Ростове Великом, спешили по дороге на Москву. Время бежало, день клонился к вечеру и ночи, а это еще более усложняло езду по городу. Шоссе «Ярославль–Москва» очень напряженное по плотности движения, проходит через множество городов и городков, средняя скорость получалась небольшой. Въехали в Москву уже ночью. Масса ослепляющих огней. Решили добраться до квартиры Аксельбантов, живущих в Амбулаторном переулке (позже улица Самеда Вургунa), в районе Ленинградского рынка, это примерно на середине между станциями метро «Аэропорт» и «Сокол». Мы не были уверены, что кто-то из Аксельбантов в городе, ведь лето и они обычно в это время выезжали на дачу, что в Загорянке.

У нас в «Атласе...» схема Москвы. Но проверить по какой улице мы ехали и какая уже та, на которую мы должны повернуть из автомобиля, невозможно. Приходилось останавливаться, идти к ближайшим домам или перекрестку и читать наименование улицы. При этом, сделать левый поворот очень и очень затруднительно. В принципе путь к дому, где жили Аксельбанты, мне был немного знаком, так как я уже несколько раз проезжал с ними на их дачу и обратно, а дача (Загорянка) тоже по Ярославской дороге. Это познание как-то помогло, но мы добрались до цели лишь 2–2.30 ночи.

Звонок в дверь несколько раз и... ее открыл заспанный Давид, случайно оставшийся в городе из-за каких то служебных дел. Он в полной растерянности от гостей, да и каких и откуда!

Пока мы умывались, Давид приготовил легкую еду, за приемом которой мы рассказали все наши мытарства и намерения. Улеглись спать. Подъем в 6 утра. Завтрак. Додик на своем автомобиле впереди, мы за ним, и он вывел нас на шоссе «Москва–Ленинград» за пределами Москвы. Попрощались, и мы «летим» по хорошей, по нашим тогдашним представлениям, дороге. На самом деле это с весьма приличным покрытием, но «узкое» шоссе, большей частью, однополосное в каждую сторону, достаточно инженерно обустроенное. Стремился на прямых, с хорошей видимостью, участках, выжать скорость в 90–100 км/час, но удавалось это не часто. Приходилось тормозить при необходимости сделать обгон впереди идущего транспортного средства, а сделать это невозможно из-за встречного движения. Юля вела дорожный журнал. Виктор с заднего сидения

напряженно наблюдал за обстановкой движения и старался меня информировать о возможных неожиданностях. Вдоль дороги в проезжаемых населенных пунктах на обочине сидели местные жители, больше женщины, с ведрами продаваемых овощей и фруктов по довольно сносным ценам. Мы старались делать как можно меньше остановок. Вот и указатель поворота на Калинин. Дорога шла не через город. Несколько опросов прохожих на городских улицах и, наконец, добрались до нужного нам адреса. Нас уже ждали ранее, мы предупредили по телефону о приезде, но изменение маршрута задержало наш приезд. Теплая встреча, ужин праздничный, обмен о всяких прожитых делах. Улеглись поздно ночью. Так как мы торопились попасть в санаторий своевременно со дня начала путевки, то мы в Калинин не задержались и буквально на следующий день после обеда отправились в дальнейший путь.

Из рассказов наших друзей и увиденного узнали, что жизнь в Калинин довольно тяжелая, городское снабжение продовольствием и промышленными товарами населения не сравнимы с Московским и соответствует уровню большинства провинциальных городов Центральной России. Вальберги жили в двухкомнатной квартире дома «хрущевского» исполнения семьей в 4 человека при разнополых детях. Мечтали о расширении жилплощади за счет обмена на бóльшую с солидной доплатой, на которую в данный момент средств не хватало. Оплата преподавателей музучреждений во все времена была низкой. Распрощались, хозяева приглашали заехать к ним на обратном пути, обещали. Поехали на Псков. Нас обогнал автомобиль типа небольшого микроавтобуса иностранной марки с финскими номерами. Витя предложил: «Пап! Давай обгоним!» — Мысль мне понравилась. Обогнал. Через некоторое время уже нас обгоняет этот же авто. Затеялось негласное соревнование. При каждом обгоне проводились взаимные приветствия с широкими улыбками. Время пробежало незаметно, часовая крейсерская скорость движения хорошая. Соревнующиеся нас обогнали и дальше нам не удалось их достичь.

Не доезжая несколько км до Пскова дорожный знак пригласил остановиться в кемпинге. Решили воспользоваться этим, день склонялся к концу. Съехал, остановился у конторы, въезд на территорию кемпинга перекрыт шлагбаумом. В конторе предложили несколько вариантов пребывания. Выбрал остановку в деревянном домике со стоянкой автомобиля при нем, удобства во дворе. Получили постельные принадлежности. Завел двигатель автомобиля для заезда на территорию — вдруг обороты почти на пределе возможностей и гул от

них до визжания! Затем они произвольно падают, увеличиваются и так повторяется несколько раз. Педаль газа автомобиля почти не действует на обороты двигателя. В таком виде добрались до места нашей стоянки. Расположились в домике, умылись в отведенном для этого павильоне, легкий ужин из своих дорожных запасов и спать.

Подъем в 6 утра. Еще до завтрака с Виктором открыли капот автомобиля и обнаружили, что воздушная заслонка карбюратора потеряла жесткую связь с осью ее и свободно болтается на оси. Пытаемся каким-то образом закрепить заслонку на оси, но это не удастся.

В рядом стоящем домике оказывается остановились наши «знакомые» по игре на перегонки иностранцы. Выяснилось, что автомобильчик их особый. На стоянке он превращался в домик со спальными местами, столиком и оборудованием для приготовления кофе, чая. Такого мы еще до этого никогда не видали. Нам разрешили осмотреть автомобильчик-домик. Впечатление небывалое!

Узнали, что в Пскове есть магазин по продаже автозапчастей, но работает ли он сегодня, в воскресенье, никто не знал. На попутных машинах добрался в Псков. Магазин закрыт. Вернулся «не солоно хлебавши». А Виктор за время моего отсутствия занимался устранением поломки и сумел найти способ закрепить заслонку, успешно и неоднократно опробовал регулирование величины оборотов двигателя педалью. Я убедился в надежности сделанного Виктором, и мы решили ехать дальше.

В Пскове осмотрели несколько достопримечательностей, центр города и продолжили дальнейший маршрут на Новгород.

В Новгороде также осмотрели несколько достопримечательностей и получили большое впечатление от скульптурной композиции, воздвигнутой в центре города в честь «300-летия царствования дома Романовых». Грандиозное и ажурное произведение искусства!

Мы спешили и отправились в дальнейший путь. За Новгородом свернули с шоссе «Москва–Ленинград» и взяли направление на Ригу. Названия проезжаемых городков и сел по Новгородской области и Латвии не помню, но окружающая природа с перелесками, лугами, полянами, сказочными крестьянскими домами, особенно в обособленных хуторках, оставили неизгладимое впечатление. Ночевали, съехав с дороги на опушке перелеска в машине, разложив спинки сидений.

В первой половине дня остановились, наблюдая за интересной картинкой: большая корова сплошной рыжей масти, вымя которой было невиданной нами ранее величины и наполнено молоком, пыталась подняться на проезжую часть дороги, преодолевая довольно

большой кювет. Передние ноги коровы были уже на противоположном склоне кювета, а задние ноги она (корова) поднять наверх, при всех стараниях из-за тяжести вымени, не могла. Мы помочь ей не смогли, хотя хотелось. Не дождались разрешения коровьих попыток и уехали далее. Еще одно интересное наше наблюдение за время пути и проезда через несколько областей и районов России и Латвии: в каждой области стада коров имели свою цветовую раскраску и рисунок кожного покрова. Просто удивляло похожесть рисунка, повторяемого один к одному, в стаде. Наверное, это результат хорошей селекционной работы ученых и практиков, занимающихся животноводством.

Резко бросилось в глаза и явное отличие состояния автодорог местного значения на территории Латвии от таковых в Российских областях. В Латвии покрытия, инженерное оборудование (мостики, водоотводящие сооружения, ограждения в нужных местах и пр.) были выполнены и содержались на дорогах местного значения также, как и на магистралях, но в миниатюре, т.е. ширина проезжей части, конструкции сооружений меньше и, как бы легче, чего не скажешь о состояниях местных дорог в России.

Обогнув Ригу, выехали на приморское шоссе Юрмалы. Красоты природы и видимых зданий санаториев, причудливых и отличающихся друг от друга индивидуальных домиков, и дач радовали глаз. Въехали в Кемери, добрались к нашим знакомым хозяевам. Прошло 9 лет после нашего предыдущего общения. Но встреча теплая. Комната для нас, вернее для Виктора, в довольно обширном доме, приготовлена. Машину загнали во двор. У хозяев тоже два сына примерно тех же возрастов, что и у нас. Об этом подробнее, если смогу, расскажу в обещанной главе об отпусках. Совместный с хозяевами ужин, и мы с Юлией отправляемся в санаторий.

В Кемери несколько санаториев под номерами. Главное здание одного из них, самого фешенебельного архитектурно выполнено в форме белого многопалубного парохода с окнами-иллюминаторами. Не помню номера санатория, куда наши путевки, но это также весьма приличный по Советским меркам, принадлежащий профсоюзам (не Минсредмаша). Нам определили номер, выдали все необходимые бумаги, расписания, памятки и прочее и мы стали больными, принимающими лечение. На следующий день прием у врача, назначения процедур и прочее. Для меня главное прием грязей, лечащих мой многолетний уже радикулит. Здешние грязи и ванны весьма благотворно действуют на такие заболевания. Юлия тоже получила свои назначения. Стараемся получить талоны на проведения моих

и Юлиных процедур в близкое время, чтобы высвободить больше времени на совместное прохождение с Виктором и поездкам по Латвии на своем автомобиле. Это нам удалось.

В свободные от процедур дни (через день) или в дни процедур в послеобеденное время, мы старались с Виктором выезжать в места, заранее выбранные по карте Латвии, или на осмотр примечательностей Риги. Всех деталей не помню, конечно, но запомнившиеся места и события попробую описать.

Одной из дальних была поездка в один из больших городов и порт на Балтийском море Латвии Даугавпилс. Путешествие это заняло целый день. Шоссе прекрасное в отдельных местах по несколько полос движения в каждую сторону, интенсивность транспортного движения не очень напряженная. Вот тут мы (Виктор и я, Юлия возражала) решили проверить, а какую максимальную скорость можно выжать из нашего «Москвича!» При удачно складывающихся обстоятельствах – нет встречного транспорта на всей видимости, нет нас обгоняющих, нет дорожных предупреждающих знаков – нажимаю педаль газа до упора (на всю железку), машина быстро набирает скорость. 90–100–110–120–130..., мотор ревет, 135–140... начинаются сильные вибрации! Сбавляю газ, скорость снижается. Таких проб сделали несколько. Зафиксировали, что 140 км/час берет, но не следует их достигать, что-то в машине не выдержит. А до 130 км/час можно набирать – только где у нас есть такие дорожные условия для развития таких скоростей!?

Морской порт в Даугавпилсе произвел впечатление своими грандиозными башнями специальных кранов, производящих разгрузочные и погрузочные манипуляции «с» и «в» жерла огромных пришвартованных кораблей, множеством раскрашенных складских зданий, разбросанных в кажущемся хаотичном беспорядке. Питались на ходу прихваченными с собой бутербродами и фруктами, а в обеденное время в местных ресторанчиках.

Побывали в Риге, по которой тоже не очень большое удовольствие разезжать на автомобиле по многим узким улочкам, не зная географии города. Старались машину припарковать и больше бродить пешком: красивая готика многих старых зданий, осмотр Домского собора, посещение городского рынка, промтоварных магазинов и редкие покупки в них. К сожалению, чувствовалось не всегда дружелюбное отношение местных жителей-латышей к пришельцам.

Делали многочисленные поездки, просто куда заведет дорога, попадали на проселки, проезжая часть покрыта не асфальтом, а мелкой галькой и приводила на хуторок, состоящий из двух–трех

жилых домов, хозяйственных построек. Усадьба огорожена редкой изгородью из тонких сухих почерневших ровненьких палок. Поодаль копна заготовленного сена для скота, сверху прикрытые крутыми сооружениями от частых здесь дождей. Никто нас не встречал, никого не видно, наверное, все заняты своими крестьянскими работами. Полюбовавшись порядком на приусадебных участках, чистотой, разворачивались и отправлялись в дальнейший наш маршрут.

Море холодное, поэтому мы (Юлия и я), принимающие лечебные процедуры, не купались, а Виктор иногда плавал до посинения. На сугубо местных дорогах, у пляжных площадок-стоянок разрешал Виктору садиться за руль, чем он был очень доволен.

Время отдыха стремительно убывало. Хозяин усадьбы, где жил Виктор (к сожалению, ни имен, ни фамилии этой доброй семьи не вспомню), работающий в Риге на заводе «ВЭФ», и хозяйка, работающая в одном из санаториев кастеляншей, в свободное от работы время много времени и труда вкладывали в выращивание и содержание на приусадебном участке красивейших цветов, которые сдавали на продажу в кооперативный магазин, постоянно выращивали и откармливали пару кабачиков на мясо. Мясо от забитого кабана (осенью) сдавали на продажу также в кооп. Сами они на рынках не торговали. Семья очень дружная. Дети, сыновья наряду с учебой помогали родителям вести хозяйство. Довольно часто, вернее в какие-то праздники может быть народные, а может религиозные, к хозяевам приходили гости-друзья, и нас несколько раз приглашали к участию в таких застольях. Проходили они (застолья) очень приятно и без эксцессов. Умеренное потребление горячительных напитков, обильное простое и вкусное угощение, главным образом из мясных продуктов, овощей и теста, красивые немногословные тосты и много хорового пения латышских просто мелодичных песен.

Подходил конец августа и в последнее воскресенье – «День шахтера». Я заявил хозяевам, что устраиваю у них прием по поводу профессионального праздника, получил добро на это и попросил пригласить их друзей. Мои возможности ограничились покупкой дорогих напитков, коньяка, торта и деликатесов в Госторговле. Хозяева по своей инициативе приготовили свои традиционные угощения. Праздник удался и прошел в прекрасной атмосфере, все были очень довольны, выражали сожаление о уже наступившем расставании – завтра мы отбывали в обратный путь. Высказывались пожелания на будущие встречи, приезд на очередной отдых к ним, будут всегда рады. Но встреч больше не случилось. Больше никогда мы в Риге и в Латвии не бывали.

Обратный путь уже по знакомому маршруту прошел быстрее. Мы спешили, надо было успеть к началу (вернее ненамного опоздать) учебного года, погода портилась, наступал период дождей. Заехали все же посмотреть на восточной стороне вблизи Риги музей на природе – на нескольких гектарах земли устроена небольшая деревенька из натуральных строений в стиле прошлого века, в каждом домике мебель и утварь, сидящие в национальных одеждах живые экспонаты, занимающиеся тем или иным традиционным делом, промыслом. Забавно и интересно.

Спешим! Да, нас уже сопровождали морозящие дожди, туманы. Старались нигде не задерживаться. Ночевали в автомобиле. В Калинин уже не заезжали, в Москве по кольцевой на Ярославское шоссе и далее. Родители уже беспокоились. Встреча, радость, обмен рассказами. Борис успешно сдал экзамены и поступил в ВУЗ. Обратные билеты есть. Машину ставлю на консервацию. Прощание с родителями и Борисом. Выехали поездом, Москва, аэропорт, вылет, Самарканд, машина нас ждет, мы дома в Советабаде. Приступил к выполнению своих обязанностей, Юлия к своей работе, Виктор к учебе в 8-м классе.

ГЛАВА 19

Что предложил мне О. Л. Кедровский.

Как я стал кандидатом в депутаты областного Совета

Теперь вернемся в 70–71 годы. Горные работы развивались, подходило время ввода рудника № 2 и затем выход предприятия на проектную производительность по добыче руды, которая очень улучшала показатели работы ГМЗ-1 при переработке их с более глинистыми рудами Учкудука. Как уже отмечал, росли и темпы строительства жилищных, бытовых объектов и коммуникаций. Городок хорошел, население росло.

Произошли некоторые изменения и укрепления специалистами отделов управления комбината. Одним из заместителей главного механика комбината стал, переведенный из Майли-Су, Леонид Иванович Бастриков, таким же замом становился Леонид Данилович Ефанов, переведенный в Комбинат с должности главного механика Северного рудоуправления (Учкудук). Заместителем главного инженера комбината по ТБиОТ стал Василий Макарович Штурбабин. Главным энергетиком комбината трудился Геннадий Яковлевич Бердников, вернувшийся после трехгодичной работы в ГДР Юрий Михайлович Маслов становился начальником кустового вычислительного центра и главным конструктором КСКП. В чем-то провинился директор ЦРУ (наш друг) Сергей Николаевич Витковский и стал заместителем главного технолога, которым продолжал трудиться Юрий Николаевич Щеглов. Возросла роль экономических служб комбината и молодых руководителей планового отдела Юрия Копылова и ОТиЗ, Дружинина, главного бухгалтера С. В. Лежнева.

В Учкудуке полным ходом шло строительство и развитие карьеров второй очереди, освоение новой техники и большегрузных автосамосвалов, очистных комплексов на подземных горных работах.

В ЦРУ продолжались и расширялись объемы работ на уникальном карьере Мурунтау, освоение проектной производительности

первой очереди ГМЗ-2 и началось строительство второй очереди завода.

В пустыне началось строительство автомобильных дорог. За полтора года построили автодорогу «Учкудук – Зарафшан» с покрытием холодным асфальтом, давнишняя мечта первопроходцев-учкудукцев. При Зарафшанском управлении строительства приказом Зарапетяна было создано СМУ «Дорстрой» и его начальником назначен опытный строитель дорожных коммуникаций Георгий Гагигович Аствацатурян. По подрядным договорам с трестами совхозов Минсельхоза Узбекистана, с одобрения партийных органов республики было начато строительство автодорог к отделениям, фермам и поселкам пустынных совхозов. Несколько позже, года через 3–4 будет построена автодорога «Кенимех – Зарафшан» и автотранспортная связь всех объектов Центральных Кызылкумов с областными центрами получила окончательное решение, но это, как сказал, было позже.

Развитие работ, их интенсификация на всех направлениях требовали своевременного обеспечения проектными материалами. Генеральная проектная организация, головной институт – еще раз перечислю ее название в историко-хронологическом порядке: предприятие п/я 1119, ГСПИ-14, ПромНИИпроект, ВНИПИ промтехнологии, находящийся в Москве, стал крупнейшим комплексным институтом с многочисленными специализированными проектными и конструкторскими отделами, инженерно-изыскательскими подразделениями, научно-исследовательскими отделами и лабораториями, филиалами в Ташкенте, Желтых Водах, Шевченко, Краснокаменске. С 1965 года институтом руководили крупные специалисты, прошедшие хорошую производственную школу в горно-металлургических и горно-химических отраслях промышленности, директор Олег Леонидович Кедровский и главный инженер Валерий Петрович Шулика.

По сложившейся в Первом главном управлении Минсредмаша системе, в которой основной производственной единицей являлось комплексное предприятия, именуемое «Комбинат». Управление процессом проектирования, принятие основных технических решений, увязка частей проектов, разработка временных графиков проектирования, составление заданий на проектирование, привлечение субподрядных проектных организаций и многое, многое другое во «ВНИПИпромтехнологии» производилось по каждому производственному комбинату или объединению ГИПом (главный инженер проектов), вернее группой ГИПа. Численность и профессиональ-

ный состав каждой группы ГИПов зависела от объема и характера проектируемых работ.

С самого первого дня, с 1958 года, главным инженером проектов по НГМК, создаваемому на базе уникального уранового месторождения «Учкудук», в уникальных горно-геологических и климатических условиях и должною стать одним из крупнейших в системе, был назначен Эдуард Тигранович Оганезов, инженер железнодорожного транспорта, участник ВОВ. Вскоре заместителем ГИПа по горным работам был назначен знакомый нам опытный горный инженер Лев Христофорович Мальский. Оба до конца своих жизней проработали на этих должностях – «Да не померкнет память о них в наших сердцах!». Затем в группу был введен и инженер-технолог Владимир Осипович Серко, как заместитель ГИПа.

С Э. Т. Оганезовым я познакомился еще в 1949 году в старом городе Ленинабада, когда он (Оганезов) был прикомандирован в СПБ-2, а под началом Л. Х. Мальского мне довелось работать в Майли-Су. Практически с этих лет мы неоднократно встречались по служебным делам, а с 1962 года и как товарищи на семейном уровне. С Олег Леонидовичем Кедровским я встречался тоже много раз при его приездах в сопровождении министра и моих командировках в Москву, а с Валерием Петровичем Шулика общений было меньше. Об О. Л. Кедровском у меня складывалось хорошее впечатление в силу его всегда выдержанных, веских и деловых предложений при обсуждении вопросов на проводимых министром совещаниях. Его представительная фигура и всегда простая и строгая одежда выделяли его из окружения. Стоит отметить, что, придя на руководство институтом из производственной сферы (если не ошибаюсь, то с должности начальника 13-го управления Минсредмаша – управления подсобными производствами, кирпичными и деревообрабатывающими заводами и другими), быстро обогащался знаниями, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал незаурядным специалистом в области применения атомных взрывов в мирных целях, а затем и в области защиты окружающей среды, председателем специализированной ВАК. Мне казалось, что О. Л. как-то относится ко мне тоже с симпатией.

В описываемый период, как я уже отмечал, проектирование объектов Сабырсайского предприятия (ЮРУ) в стадиях «Проект» и «рабочая документация» производилось в филиале № 1 в г. Ташкенте, на основании разработанного в головной организации в Москве и утвержденного министерством «ТЭО строительства предприятия на базе месторождения Сабырсай». Филиалом руководил дирек-

тор Афанасий Павлович Суворов, участник ВОВ, горный инженер с 1951 года, работавший после окончания института в СПБ-2 ВНИПИ промтехнологии (так теперь будем в дальнейшем называть головной проектный институт), в 1954 году ставший руководителем СПБ-2 и с 1959 года первым директором филиала в г. Ташкенте, образованного на базе СПБ-2. Главным инженером филиала работал инженер строитель, с которым я был едва знаком и фамилию не помню. К описываемому периоду проектные отделы филиала уже были достаточно укомплектованными, набравшими опыт проектирования, но все выпускаемые ими проекты проходили под контролем специалистов головного института, путем согласования всех технических решений и экспертизы их с фиксированием в соответствующих протоколах.

Главным инженером проектов по НГМК в филиале в это время работал горный инженер Глеб Николаевич Осколков. Это был несколько своеобразный человек с копной рыжих волос, крупным вытянутым лицом, с которого почти никогда не сходила улыбка, выдающая крупные и длинные верхние зубы. Глеб знал и постоянно пополнял запас анекдотов, которые удачно выдавал даже в моменты серьезного обсуждения серьезных же вопросов и это принималось участниками, разряжая создавшуюся напряженность. С Глебом Николаевичем у меня были самые товарищеские отношения со времени работы в Учкудуке. филиал № 1 «ВНИПИпромтехнологии» к этому времени вел проектирование объектов трех комбинатов, дислоцирующихся в Средней Азии, это Ленинабадский горно-химический, Киргизский горнорудный (г. Фрунзе) и наш НГМК. По каждому из них был главный инженер проектов. Руководство проектированием городских объектов велось в филиале главным инженером проектов по таким объектам во всех комбинатах. Вел эти объекты ГИП Вячеслав Викторович Источников. Технологом по поселковому и городскому проектированию был специализированный отдел № 15, которым много лет руководил опытный строитель Павел Зубенко.

Сотрудники филиала № 1 довольно часто приезжали к нам для решения тех или иных вопросов, получения исходных данных, согласования отдельных технических решений, ознакомления нас с предварительными технико-экономическими расчетами и показателями, осуществления авторского надзора за строительством. В зависимости от характера решаемых вопросов, проектировщики встречались с соответствующими специалистами рудоуправления и подразделений, а результаты обсуждений докладывались главному инженеру, или моему заместителю по КС, или мне. Комплексные

вопросы по всем видам строительства, особенно по горному, поселковому строительству и внешнему инженерному обеспечению обязательно рассматривались на моем уровне. Естественно, я знал многих специалистов из филиала тем более, что не малое число из них были ранее сотрудниками предприятий ЛГХК, а некоторые моими однокашниками, перешедшими работать в филиал. К этому времени начальником отдела № 2 (горного) филиала стал работать знакомый читателям бывший главный инженер Янгибадского Рудуправления ЛГХК, под началом которого я работал несколько лет, затем ставший главным инженером Пятигорского рудуправления (г. Лермонтов) Николай Степанович Прокопенко. О том, как он очутился в филиале, рассказ будет где-то значительно позже, но уровень проектирования горных вопросов под его началом в филиале заметно возрос.

Изредка приезжали в командировку к нам и специалисты из Московского головного института. В конце лета 1970-го года приехал, находившийся в Навои по делам, главный инженер проектов по НГМК ВНИПИ промтехнологии Эдуард Тигранович Оганезов. После окончания рабочего дня по моему приглашению Эдуард Тигранович был гостем в нашем доме. После осмотра нашего приусадебного участка, который выглядел довольно прилично, благодаря большим стараниям и трудам Юлии Максовны, мы устроились за тоже прилично накрытом теми же стараниями Юли, столом. Понятно, что у меня всегда были в «зачатке» в подвальной части дома хорошо известные напитки крепкие (водка, коньяки армянский и грузинский), вина столовые и десертные производства и Узбекистана, и Грузии. После обмена сообщениями о семейных событиях, о других общих вопросах, волновавших нас, Советских людей, рассказах о новостях Москвы, после взаимных тостов с пожеланиями здоровья и благополучия Эдуард Тигранович как-то в некотором формальном тоне выразил следующее: «Я передаю личное приглашение нашего директора ВНИПИ промтехнологии Олега Леонидовича Кедровского тебе, Леонид Борисович, перейти на работу в институт в качестве главного инженера филиала № 1 в г. Ташкенте, – и добавил. – Ответ я должен привезти с собой, поэтому у Вас есть возможность подумать до завтрашнего дня. Уеду завтра в Навои и через пару дней в Москву».

Мы с Юлией долго за полночь обсуждали предложение, прощались по всем статьям «за» и «против». Решили дать согласие.

На следующий день пригласили Эдуарда Тиграновича на обед к нам домой и здесь я ему изложил мой ответ О. Л. Кедровскому:

«Я даю принципиальное согласие на перевод на предложенную мне должность. Но заявлений я писать не буду. Если Олег Леонидович хочет получить меня на работу в институт, то это можно сделать только приказом по Первому главному управлению о моем откомандировании или приказом по Министерству о моем переводе из одного главка в другой». На этом и расстались с Эдуардом Тиграновичем.

Прошел один месяц, другой, а никаких событий, связанных с моим переводом, не произошло. Я продолжал работать в прежнем ритме и уже понял, что вопрос снят с повестки дня. Однако в душе и мыслях теплилось какое-то неприятное чувство, неудовлетворенность. И вот при очередной поездке в управление комбината я зашел к заместителю директора комбината по кадрам Якову Афанасьевичу Корнышеву, с которым был в очень дружественных отношениях и знали мы друг друга много лет еще по работе в ЛГХК, и задал ему прямой вопрос: «Скажи, Яков, откровенно, был ли какой-либо запрос сверху по моему поводу? Но не юли. Я ведь не собираюсь предпринимать что-либо».

В ответ Яков Афанасьевич, растянув в широкой улыбке лицо, и с некоторой ехидцей в глазах изрек: «Да, было письмо за подписью начальника Первого главного управления Н. Б. Карпова в адрес З. П. Зарапетяна об откомандировании Л. Б. Бешер-Белинского в распоряжение Девятого главного управления».

«Ну, а дальше?» – спрашиваю я.

«Зарап Петросович вызвал меня и приказал подготовить письмо, в котором сообщить, что Л. Б. Бешер-Белинский в личном с ним разговоре отказался от перевода. Я такое письмо подготовил, Зарап Петросович его подписал, и я отправил в Первое главное управление!» Так закончилась эта эпопея. Зарап Петросович никогда об этом эпизоде со мной не разговаривал.

Почти с самого начала 1971 года началась кампания по подготовке к проведению выборов в органы местных Советов. В соответствии с численностью населения определились округа по выборам Советабадского поселкового, Каттакурганского районного и Самаркандского областного Советов. Не буду подробно описывать всю «кухню» существовавшего порядка выдвижения кандидатов в депутаты соответствующих Советов, но скажу, что я получил указания о проведении мероприятий по выдвижения от коллектива рудоправления кандидата в депутаты Самаркандского областного Совета Депутатов Трудящихся. Этот кандидат должен быть женщиной из рабочего класса и возрастом 40–50 лет. Задача оказалась не из

легких. Секретарь парткома Р. Шангареев после прочтения ряда анкет возможных кандидатур остановился на одной наиболее подходящей выдвинутым критериям и это была женщина водитель двух (по необходимости) мусоровоза и ассенизационной машин (фамилию не помню) нашей автобазы № 5. Делать нечего, послали необходимые данные на претендента. Была намечена дата проведения общего собрания коллектива автобазы для выдвижения кандидатуры в кандидаты Областного Совета, которую должны поддержать уже на общем собрании представителей трудящихся предприятия.

Буквально в последний момент в адрес парткома предприятия поступило сообщение о необходимости выдвижения кандидатом в депутаты Самаркандского Областного Совета директора Л. Б. Бешер-Белинского. Партком и МК профсоюза провели собрания коллектива рудника № 1 и общего собрания предприятия, где на первом выдвинули мою кандидатуру, а на втором поддержали единогласно. Соответствующие материалы и моя биография были направлены в соответствующие инстанции по линии Советской власти. Выборы в местные Советы Депутатов Трудящихся были назначены на воскресенье 21 июня 1971 года. Моя кандидатура была также выдвинута кандидатом Каттакурганского районного Совета. Вскоре в населенных пунктах по соответствующему избирательному округу были вывешены стандартные листки с моей биографией и призывами голосовать за кандидата в депутаты Самаркандского областного Совета Депутатов Трудящихся, выдвинутого блоком партийных и беспартийных трудящихся Южного рудоуправления, Леонида Борисовича Бешер-Белинского. Я долго думал, да так и не придумал как объяснить произошедшее с выдвижением моей кандидатуры в депутаты Областного Совета? В голове отложилось два возможных варианта сценария: первый – Зарап Петросович Зарапетян, используя свой авторитет и положение члена ЦК КП Узбекистана, предложил первому секретарю Самаркандского Обкома мою кандидатуру и это возымело действие; второй – первый секретарь Каттакурганского Райкома КП Узбекистана, учитывая большую помощь сельскому хозяйству района оказываемую ЮРУ и надеясь еще более ее активизировать, вышел на заведующего промышленным отделом обкома КП Узбекистана и последний, поддерживая меня, вышел на первого секретаря обкома. Как бы то не было, выборы состоялись, и я был избран более чем 96% голосов избирателей депутатом Самаркандского Областного Совета Депутатов Трудящихся.

ГЛАВА 20

О чем поведал Ю. М. Копылов. Первые неприятности

В самом начале июня в рудоуправлении появился начальник планового отдела комбината Юрий Копылов. Зашел ко мне в кабинет, обменялись рукопожатиями и ничего не значащими «Как дела!?» Через несколько минут Ю. Копылов предложил мне проехаться куда-либо из конторы, где можно поговорить о весьма серьезных вопросах один на один и с уверенностью что никто не подслушает. Меня заинтриговало такое предложение и мы на моем автомобиле (я за рулем) выехали в поле метров на 300 от конторы. Здесь, сидя в автомобиле, Копылов вынул из папки несколько листов и прочитал мне текст, в котором шла речь о многих служебных промахах и нарушениях финансовой дисциплины со стороны директора комбината Зарапа Петросовича Зарапетяна, в частности, отвлекающего значительные финансовые и материально-технические средства на производство строительных работ объектов, не входящих в структуру комбината. Этим резко сокращаются средства на финансирование содержания нормируемых запасов материально-технических ресурсов и оборудования на складах, приводя к дефициту последних, искажению технико-экономических показателей работы комбината, в свою очередь лишаящих получению различными категориями трудящихся определенных видов премий, снижению заработков. З. П. Зарапетян, пользуясь безоговорочной поддержкой многих высоких министерских руководителей и самого министра, не прислушивается к предложениям и замечаниям специалистов управления комбината, грубит, ни с кем не считается, ведет себя как узурпатор, устраивает кадровую чехарду. В коллективе создана нетерпимая нервная обстановка, которая приведет к ухудшению всех видов работ и экономики, если не принять экстренных мер. В письме приводились примеры и непрерывных «авралов», устраиваемых З. П. Зарапетяном, многократных отказов в предоставле-

нии трудовых отпусков руководящим сотрудникам и специалистам и многие другие нарушения трудового законодательства.

Прочитав это письмо, Юрий Копылов сказал: «Это письмо подписали почти 20 ответственных руководителей и сотрудников Комбината (фамилий не назвал) и оно уже направлено в КПК ЦК КПСС тов. Пельше!» – У меня по телу прошли «мурашки». Ю. Копылов продолжил: «Мы тебе подписать это письмо не предлагали, но надемся, что при проверке его комиссией, которую очевидно пришлют, ты подтвердишь многие положения его». Я сразу ответил Копылову: «Я бы такое письмо не подписал и считаю совершенно неправильным его направление в такую инстанцию. Надеюсь, что оно будет “спущено на тормозах” и пойдет по линии Министерства. А как я себя поведу при проверках, это уже мое дело!»

На этом наш разговор закончился. Юрий Копылов был явно недоволен моим ответом, но он, несмотря на наши прежние довольно дружественные отношения (помните Навоийские вечеринки и встречи) не нашел формы продолжения нашего разговора, и я молча довез его к конторе рудоуправления, где он пересел на свой автомобиль и уехал. Очень неприятный осадок в душе, несколько подавленное настроение продолжалось еще несколько часов. Мысли возвращались к услышанному, я перебирал всякие возможные варианты того, кто все-таки явился направляющей силой в таком серьезном демарше против З. П. Зарапетяна, имея ввиду, что не мог быть инициатором такого Юрий Михайлович Копылов, и кто были подписанты этого письма кроме него. Первая мысль останавливалась на А. П. Щепеткове, который всем своим поведением, о котором я писал ранее, неоднократно исподтишка пытался настраивать подчиненных (не только меня) на негативное отношение к Зарапетяну. Я понимал, что подписывать это письмо А. П. Щепетков не стал, не на столько он простак, напротив, он очень искушенный и хитрый интриган. Не хотелось верить, а возникали мысли, что в курсе вопроса, но не подписывал и не подстрекал, а просто не предотвратил действий А. А. Петров. Отгонял последнее из ума! Опережая события все же скажу, что я так и не знаю списка подписавших это письмо и до сегодняшнего дня, но по ходу развивавшихся обстоятельств некоторых из них вычислил.

Не знаю, по какой причине, но в связи с этой историей мне вспомнилась другая, произошедшая с создателем и первым начальником первого уранодобывающего комбината (№ 6 – так его нарекли тогда, ЛГХК в последствии), города Чкаловск, создателем и первым начальником комбината и города в Желтых Водах

(Украина), Героем Социалистического Труда и кавалером многих орденов Борисом Николаевичем Чирковым. В начальный период Хрущевской «оттепели» на каком-то очередном коммунистическом форуме кто-то из репрессированных и реабилитированных узнал в Б. Н. Чиркове бывшего начальника следственного отдела КГБ Казахской ССР, лично применявшего зверские методы выбивания нужных признаний у допрашиваемых. Б. Н. Чирков был снят с должности, уволен из системы, лишен всех званий и наград и даже пенсионного содержания. Б. Н. Чирков жил в Москве в сохранившейся за его семьей квартире в районе площади Маяковского, вблизи гостиничного комплекса «Пекин». Будучи в очередной командировке в Москве, я встретился с Б. Н. Чирковым на ул. Горького у площади Маяковского, узнал его несмотря на то, что он достаточно изменился, и остановил. Он после некоторых уточнений узнал и меня. После обычных «Где? Как дела?» Чирков пригласил меня, если найду время, посетить его, назвал адрес, показал направление и объяснил маршрут движения к его квартире. Не помню по какой причине, но я его не посетил. Через какое-то время дошли слухи о кончине Б. Н. Чиркова, так и не добившегося по многочисленным его обращениям в ЦК КПСС и съездам КПСС положительного для него решения о реабилитации.

Продолжил трудиться в прежнем режиме и темпе. Прошедшие события ушли на второй план, стали забываться.

Через несколько дней мне позвонил из Навои главный механик комбината Борис Исаакович Шварцман и с дрожью в голосе почти шепотом сказал: «Леонид! Тебе надо уходить с должности. Ожидаются большие неприятности!» – и на мой вопрос: «Что произошло, случилось?» – не ответил и разговор прервался. Опять неприятный осадок. В работе по-прежнему все стороннее уходило...

Проходили мои встречи с избирателями не только в пределах Советабада, а и в сельских поселках, входящих в избирательный округ, в котором проходила моя кандидатура по выборам в Областной Совет.

Через пару дней раздался звонок и мне первый секретарь Навоийского горкома КПУз В. Сигедин предложил прибыть в горком к 19 часам.

Городской комитет КПУз в Навои в это время располагался в одном из четырехэтажных домов, недалеко от гостиницы «Навои». Прибыл к точно назначенному времени. Поднялся на второй этаж. В вестибюле второго этажа встретил меня Виталий Николаевич и сказал, что работает комиссия КПК КПСС и меня сейчас пригласят.

Через несколько минут из двери одного из кабинетов вышел незнакомый мне человек, а за ним В. И. Калинин, инспектор промышленного отдела ЦК КПУз, (помните, бывший геолог Предприятия п/я 30) и пригласил меня войти.

В кабинете полутьма. За столом сидели три персоны и присоединился Калинин. На столе горели два настольных светильника, один из которых был направлен на приглашенного, в данном случае на меня. В центре сидел председатель комиссии, сотрудник КПК, фамилию которого я потом узнал, но сейчас не помню, в других узнал секретаря по промышленности Бухарского обкома КП Узбекистана (фамилию тоже забыл), начальника Управления руководящих кадров и учебных заведений Минсредмаша Семендяева. Мне был задан первый вопрос: «Как идет работа? Как складываются отношения Зарапетяна к Вам? Давит, обругивает?» – Ответил: «Работа идет нормально, напряженно. Зарап Петросович управляет умело и твердо, иногда жестковато. Матов из уст Зарапетяна никогда не слышал. Он умеет отчитать многими другими способами, уничтожающим взглядом!»

– А как ходите в отпуск?

– Это проходит трудно, как правило, точно не знаешь удастся ли получить отпуск. Но отдыхаем все-таки и не плохо...

– А какое образование у Зарапетяна? – спросил меня Семендяев.

– Не знаю, анкеты его не читал. Вам руководителю кадров лучше знать об образовании Зарапетяна!

Возникла некоторая заминка. Неожиданно председатель произнес:

– Можешь (на «ты») идти. Вызовем, когда понадобится!

Вышел из кабинета. Сразу же ко мне подошел В. Сигедин:

– Ну как? – и, не ожидая моего ответа, – Поезжай, пожалуйста, в управление к Зарапетяну.

В управлении комбината зашел в кабинет, где Зарап Петросович сидел в кресле в весьма тревожном и нервном состоянии, бледный и с вытянувшимся лицом. По кабинету прохаживался заместитель директора по транспорту и общим вопросам Федор Михайлович Капитанов и пытался успокаивать Зарапетяна. На вопрос Зарапа Петросовича, что и как меня спрашивали и какова там обстановка, я подробно рассказал о ходе моего допроса и высказал свое мнение о странном и неадекватном поведении председателя комиссии, судя по тону его вопросов. Распрощался и отправился в обратный путь.

Приближался день выборов. Готовились к приему избирательные участки.

Во второй половине дня 20-го июня получил телефонограмму о необходимости прибыть вместе с секретарем парткома предприятия и принять участие в заседании бюро Бухарского обкома КП Узбекистана, которое состоится 22.06.71 в 10.00 в здании обкома г. Бухары.

Празднично, как всегда это было в Советские времена, прошло 21-е июня, день выборов в местные Советы. Активность населения, выборщиков высокая, сомнений в результатах выборов никаких нет.

ГЛАВА 21

Заседание бюро Бухарского обкома КП Узбекистана. Первая сессия Самаркандского Областного Совета депутатов трудящихся

Ровно в назначенное время собравшиеся заняли места в зале заседаний обкома. На небольшом возвышении, как бы сцене, за длинным столом разместились все члены бюро Бухарского обкома КП Узбекистана, в середине первый секретарь Каюм Муртазаевич Муртазаев. Слева (смотреть из зала) стоит трибуна для выступающих. Ниже, у сцены за столиком стенографистка, единственная женщина в зале.

На передних рядах кресел зала сидели десятка три участника заседания, это все заместители директора комбината, первые руководители и секретари партийных комитетов рудоуправлений комбината, члены бюро Навоийского горкома КП УзССР. Может быть еще кто-то, но я не смог разобраться. Зарапа Петросовича в зале нет. Узнал, что он накануне увезен в Москву в клинику в предынфарктном состоянии.

Ведущий заседание К. Муртазаев объявил заседание открытым и огласил повестку дня – «Обсуждение результатов работы комиссии КПК ЦК КПСС по деятельности директора НГМК Зарапетяна». Повестка дня была утверждена и слово представлено члену комиссии, секретарю по промышленности Бухарского обкома. Он, выйдя, из-за стола, но не к трибуне, зачитал констатирующую и рекомендательную части акта комиссии, в которой были отражены многие нарушения финансовой дисциплины, недопустимые методы руководства, уже описанные мною ранее, и некоторые другие, например, незаконное расходование средств на проведение юбилея министра и подарки виде радиоаппаратуры, допущенные Зарапетяном, и выводы комиссии, обязывающие Минсредмаш освободить последнего от занимаемой должности, а Бухарский обком КПУз решить партийные меры воздействия на Зарапетяна и других должностных

лиц, способствовавших созданию подобной обстановки в комбинате. Закончив чтение акта, секретарь добавляет от себя: «Знаете, Каюм Муртазаевич, Зарапетян разъезжал на автомобиле с номерными знаками, разрешенными только высшим государственным и партийным руководителям республики. Даже мы не делаем такого!»

Я знал, что это вранье. Даже помнил номерные знаки автомобилей, закрепленных за З. П. Зарапетяном в силу неоднократных поездок с ним.

К. Муртазаев объявил, что переходим к обсуждению и что каждый находящийся в зале обязан высказать свое отношение к оглашенным обстоятельствам.

Первым к трибуне был вызван А. П. Щепетков. Он тихим, но уверенным голосом фактически подтвердил предъявляемые обвинения в адрес Зарапетяна, говорил о его тяжелом характере и стиле руководства. Я и не ожидал ничего другого от А. П., зная о его закулисных интригах с некоторыми подчиненными против Зарапетяна. На вопрос Муртазаева: «Так почему Вы, главный инженер комбината и много лет работавший с Зарапетяном, ни разу не обратились ни в партийные органы, ни к руководителям вышестоящих инстанций?» – пробормотал что-то невнятное, из которого можно было только выделить, что он боялся, зная большую поддержку Зарапетяна и его авторитет.

Вторым был вызван Виталий Николаевич Сигедин. Он очень осторожно пытался и подтвердить некоторые недостатки в деятельности Зарапетяна и сгладить остроту этих недостатков. Чувствовалась некоторая растерянность в голосе и неуверенность. На реплики со стороны членов Бюро не отвечал, обходил их. Ему было предложено сесть на место.

Был вызван к трибуне заместитель директора комбината по режиму. Здесь надо дать некоторые пояснения. Несколько лет службу «режима», а это режим секретности и охраны объектов комбината, возглавлял полковник Илья Михайлович Гурин. Это был бывший полковник-связист, с высшим образованием, начитанный интеллигент с выдержанным характером, никогда не выходящий из «себя». И. М. Гурин пользовался очень большим авторитетом в среде руководителей и специалистов, с ним часто советовались по разным вопросам и служебного и даже личного характера. Это был редкий «экземпляр» на такой должности. Не помню по каким причинам, кажется по личной просьбе, И. М. ушел из комбината и уехал в Центральную Россию. Место заместителя директора по режиму занял присланный «сверху» полковник (фамилия не вспомню и не хочет-

ся вспомнить), мужлан и тупой служака, с «фельдфебельским» заносчивым гонором. Его невзлюбили и его непосредственные подчиненные и сотрудники, и специалисты управления комбината и объектов. Этого полковника «за глаза» окрестили презрительной кличкой «майор Пронин». Не складывались и взаимоотношения «майора Пронина» с З. П. Зарапетяном. Думаю, что «майор Пронин» был одним из подписантов письма в КПК. Выйдя на трибуну «майор Пронин» чуть ли не с визгом стал излагать все трудности работы с Зарапетяном, несговорчивости последнего и нарушениях им допускавшихся. Выступление «майора Пронина» очень, как мне показалось, понравилось некоторым членам бюро.

На трибуну вышел (был вызван) Федор Михайлович Капитанов. Совершенно неожиданно для меня, Ф. М. Капитанов с присущим ему при разговоре придыхом тоже стал осуждать многие поступки Зарапетяна, совершенно, не отражая что-либо положительное. Меня такое двуличное поведение Капитанова удивило потому, что я в какой-то степени знал о нормальных взаимоотношениях этих двух руководителей и ведь был свидетелем совсем недавней картины доброжелательного ухаживания и успокаивания Капитановым расстроенного и растерявшегося Зарапетяна. Не мог понять происходящего. Капитанов был немногословен, похоже внутри переживал, говорил то, чего не хотел говорить, но какие-то обстоятельства заставили идти против совести.

Позвали меня! Мурашки по коже. Как «во хмелю» поднялся к трибуне. Постепенно пришел в себя, обозрел зал. Большинство в зале сидело с опущенными головами и глазами:

– Да, с Зарапом Петросовичем работать не легко. Да, в отпуск ходить было тяжелым испытанием. Да, мог унижить одним взглядом с поволокой глаз. Да, не терпел нелюбезных высказываний в свой адрес. Но! Посмотрите какие промышленные предприятия, какие города и поселки созданы под его руководством, коллективы предприятий, преодолевшие все трудности и невзгоды, созданы при его руководстве, разве только о негативах надо говорить?

Голос К. Муртазаева прервал мою речь и в зал:

– Вы слышите, что он говорит!» – обернулся ко мне:

– Ты лучше скажи, как ты ругаешься матом!

– Да, я ругаюсь иногда матом, хотя у меня достаточный запас нормальных слов Я слышал мат с малых лет и «снизу», и «сверху» (намекнул, что и из уст самого Муртазаева), живя в рабочих поселках Донбасса и работая уже в зрелом возрасте на горных предприятиях, но ругаюсь я беззлобно и не в адрес оппонента, а безадресно...

Опять прерывающий меня голос:

– Нет, ты произнеси, произнеси свой мат!

– Не могу, здесь в зале есть женщина.

– Сади-и-ись! Вот вам пример воспитанника Зарапетяна!

Вызвали Сергей Николаевича Витковского, ранее снятого с должности директора Центрального рудоуправления в результате произошедшего у него инцидента с машинистом мельницы на ГМЗ-2, в котором Витковский, якобы, ударил мельника кулаком в лицо. Я уже не слушал и не слышал, что и как говорил Сергей Николаевич, услышал только реплику кого-то из членов Бюро:

– Вот второй экземпляр воспитанников Зарапетяна!»

Не помню уже, выступал ли еще кто-то из зала, кажется, нет. К. Муртазаев: «А сейчас прошу высказаться каждому члену бюро обкома».

Первым выступал все тот же секретарь по промышленности, который в гневном тоне и весьма эмоционально, повторяя все те же «факты», нагнетая обстановку предложил самые крайние меры наказания в адрес Зарапетяна (которого, напоминая, в зале нет) и заодно некоторым сослуживцам из окружения последнего и, в частности, В. Н. Сигедину объявить выговор с занесением в учетную карточку, А. П. Щепеткову объявить выговор, Л. Б. Бешер-Белинского исключить из рядов КПСС и отстранить с занимаемой должности, поручить Навоийскому горкому КП УзССР вынести свои решения в отношении С. Н. Витковского и Ф. М. Капитанова.

Выступили по очереди члены Бюро, каждому из которых Муртазаев предоставлял слово. Не помню, кто и за кем, да я и не знал многих из них ранее и сейчас. Главное, что из уст почти всех звучали примерно одни и те же обвинения в адрес Зарапетяна, приводились одни и те же «факты», услышанные из «акта», других они привести и не могли, потому что ничего не знали о работе комбината и обстановке в нем, поддерживались самые решительные меры наказания Зарапетяна и его окружения, выдвинутые в речи секретаря по промышленности.

Лишь получивший слово последним член Бюро Обкома, председатель Бухарского областного комитета КГБ полковник Дехкан Юнусович Юнусов в своем выступлении, произнесенном в весьма выдержанном спокойном тоне, поддержал основные предложения, но: «Хочу особо остановиться на предложениях в отношении Л. Б. Бешер-Белинского. Я знаю его уже около 15 лет, знаю, как он относится к труду, как он всегда был уважаем в среде работавших с ним, как рос по служебным ступеням и считаю его не потерянным

для партии. Поэтому предлагаю не исключать его из рядов КПСС, а объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку!»

Обсуждение на этом закончилось. Секретарь по промышленности зачитал проект постановления бюро обкома по обсуждаемому вопросу. Положения постановления, понятно, повторили, в основном, уже известные читателю. Когда подошел момент оглашения меры взысканий тому или иному фигуранту, К. Муртазаев призывал членов Бюро голосовать, оглашал его результат, который и вписывался в постановление. Так как на заседании бюро обкома З. П. Зарапетян в связи с болезнью не присутствовал, меры взыскания по нему не принимались (соответствует «Уставу КПСС»). Когда подошло решение по моей персоне, было предложено проголосовать за два предложения – «исключить из рядов КПСС» и «объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку». Голосовали в порядке поступления. Прошло неожиданно для меня большинством голосов второе и мне записали: «За допущенные серьезные ошибки и промахи в работе с кадрами коммунисту Леониду Борисовичу Бешер-Белинскому объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку. Руководству НГМК отстранить директора Южного рудоправления Л. Б. Бешер-Белинского от занимаемой должности». Заседание бюро Бухарского обкома было объявлено закрытым. В полной тишине участники разошлись. Многие товарищи подходили ко мне с «соболезнованиями», выражая полное непонимание – «А за что же тебя, Леонид Борисович?!». Отвечал: «Слышал же. Что же не вышел и не сказал пару слов в мою защиту!?!»

Подумал: «Как здорово, что Зарапа Петросовича на заседании бюро обкома не было. Будь он – исключили бы из КПСС со всеми вытекающими последствиями».

Сели с Р. Шангареевым в автомобиль и отправились в обратный путь. Заседание бюро обкома продолжалось без перерыва более 5 часов, проголодались. Остановились в одном из кишлачков, заказали шашлык и распили бутылку водки.

Буквально через несколько дней после оглашения окончательных результатов выборов я был приглашен на первую сессию Самаркандского Областного Совета депутатов трудящихся, стал его участником, получил временное удостоверение, набор документов и специальную папку депутата.

Исполнявший обязанности директора НГМК А. П. Щепетков постарался как можно скорее издать приказ о моем отстранении от работы. Я оформил трудовой отпуск за два года, оформила отпуск Юлия, и мы вместе с Виктором отправились в Ярославль.

ГЛАВА 22

Отпуск в Ярославле.

Второй директор НГМК – А. А. Петров.

Откомандирован в ПромНИИпроект

Отпуск в этот раз мы проводили не в санатории, а как свободные люди, могущие планировать поездки в любой задуманный маршрут, имея автомобиль. Старший наш сын закончил второй курс института здесь в Ярославле. Родители Юлины на ногах, относительно здоровы. Правда, их не устраивала жизнь в Ярославле по двум основным причинам, это очень суровые зимы и отдаленность от единственной дочери и ее семьи.

Привел автомобиль в рабочее состояние. Погода благоприятствовала. Совершили несколько поездок просто на природу, в красивейшие леса, окружающие Ярославль в любом направлении от города. В автомобиль помещались без одного члена семьи, чаще это без Бориса, который проводил больше времени с друзьями, однокашниками по институту и школе. Довольны выездами и родители Юли, засиделись в отдаленной рабочей окраине города. Прокатились в красивый город на Волге Рыбинск. Побывали во многих местах собственно Ярославля, которые не видали в прошлые приезды из-за отсутствия свободного времени. Совершили поездку с сыновьями в г. Кострому, где побывали в гостях у наших друзей, Учкудукских сослуживцев Елены и Виталия Разумовских, работавших в системе «Костромаэнерго» после отъезда из Учкудука. С ними мы изредка переписывались, а если опередить события, то надо сказать, что и до сих пор мы продолжаем дружескую переписку и взаимно знаем о всех семейных радостях и событиях (а сегодня 24.07.05.) Большое удовольствие представлял и сам путь от города Ярославля до города Костромы с красивыми пейзажами окрестных полей, перелесков, видов на недалекие русские деревушки и села с обязательной церковушкой, часто каменной сверкающей белизной и разноцветьем куполов и воздвигнутой на самом лучшем и высоком месте. В самой

Костроме есть чем полюбоваться и архитектурой старинных ансамблей и зданий современных. Естественно, есть чем обменяться и порадоваться от встречи с друзьями.

Однажды, гуляя по Ярославлю с Юлией, я увидел здание городского комитета КПСС и решил зайти в промышленный отдел. Никаких часовых или других препятствий, заведующий промотделом горкома внимательно выслушал меня. Объяснил, что я горный инженер с более чем 20-летним стажем работы на горных предприятиях Минсредмаша на разных и руководящих должностях в районах Средней Азии и не возражал бы переехать в Центральную Россию, если предложат подходящую работу и жилье. Может ли горком поспособствовать мне в этом деле. Зав. отделом тут же поднял телефонную трубку с кем-то соединился и в двух словах объяснил кто и зачем перед ним сидит. Положив трубку телефона, предложил мне пройти в большое недалеко стоящее здание, где находилось Главное управление по строительству в (перечислялось несколько областей) Центральной России, где со мной встретился заместитель Начальника Главка имярек).

Большое монументальное здание Главного управления, на котором были навешены большие черного фона вывески с золотыми большими буквами наименования учреждения, буквально находился за углом и, войдя в огромный вестибюль которого, увидел идущего мне на встречу солидного мужчину. Он, удостоверившись, что это я, предложил подняться за ним на второй этаж и ввел в большой кабинет, где за рабочим солидным столом восседал его хозяин. После обмена приветствиями, мне предложили рассказать о себе, что я и выполнил. Мне была предложена должность главного инженера карьероуправления по добыче и обогащению стройматериалов в достаточно больших объемах, обеспечивающих всю большую стройку главка. В составе карьероуправления было несколько карьеров, два жилых поселка со всей инфраструктурой. Хозяйство находилось в Ярославской области в 15–20 км по дороге на Москву. Это я беседовал с главным инженером главка. Он созвонился с начальником главка и вкратце изложил наш разговор. Положив трубку, сказал мне, что сейчас придет шеф. В кабинет через минуту вошел высокий ширококостный солидный мужчина с легкой красивой сединой и с ходу поздоровавшись, заявил: «Зачем главным инженером? Предлагаю должность директора карьероуправления с окладом 320 руб в месяц!» – Некоторая пауза и продолжил: «Давайте организуем поездку, и Вы посмотрите хозяйство». – Обращаясь к главному инженеру: «Ты в воскресенье можешь уделить внимание

этому?» – И ко мне: «У Вас есть транспорт?» – На мой положительный ответ: «Вот и прекрасно. Объясните товарищу как добраться до места, пункт встречи и покажите все хозяйство!» – Начальник главка распрощался со мной.

Мне объяснили маршрут, договорились о месте и времени встречи послезавтра. Сегодня была пятница. В назначенный срок, 1000 встреча состоялась. Мы прибыли с Юлей на «Москвиче», а главный инженер и заместитель начальника главка по кадрам (а это был первый, встретивший меня в вестибюле) на «Волге». Хозяйство начиналось примерно в 5–6 км от шоссе «Ярославль – Москва», за лесным массивом. Подъехали к довольно большому по площади карьере по добыче известняка, представленному 3–4 уступами, где в забоях стояло несколько механизмов – экскаваторов ЭКГ-4. Карьер не работал, был выходной воскресный день. Доставка отбитой массы производилась автосамосвалами «КрАЗ» (по объяснению). Недалеко располагался дробильно-обогащительный завод. В составе карьероуправления имелась автобаза. Проехали километра два и въехали в жилой поселок, состоящий из довольно большого числа одноэтажных коттеджей и каменных, и деревянных, деревенского типа с приусадебными небольшими участками. Во дворах хозяйственные постройки и наружные уборные. Поселок не канализован и нет централизованного отопления. Строения располагались строго по красным линиям улиц. Показали пальцем и на директорский большой коттедж. В составе карьероуправления был и песчаный карьер, находящийся по другую сторону от магистрального шоссе и при нем еще один жилой поселок. Песок подавался на обогащательную фабрику завода по подвесной дороге, проходящей над магистральным шоссе. Оказалось, что в поселках нет школ, учащиеся возятся на автобусе в районный центр, находящийся километров в 5-6 по автомагистрали в сторону Ярославля. Во вторую часть хозяйства мы не поехали. Нас, естественно, не устраивали условия отсутствия систем отопления и канализации, школы, о чем мы высказались. В ответ сопровождавшие нас руководители предложили вариант скорейшей постройки для директора коттеджа в районном центре. Я поставил вопрос по-другому:

– Можем согласиться на вариант выделения нам большой квартиры в черте города Ярославля, в которой будем жить вместе с родителями, а у меня в рабочем поселке будет небольшой домик для ночевки. К семье ездить буду на выходные.

На этом расстались. Меня попросили позвонить через пару-тройку дней, чтобы они, доложивши начальнику главка, могли при-

нять решение. На мой последний звонок последовал ответ, что мои условия выполнить немедленно не могут, а решить так можно лишь в течение одного–двух лет. Я от предложений отказался.

Поездки в леса, в окрестные села, отсутствие жары, общение со всеми членами семьи – скрасили все прошедшие неприятности и сняли нервное напряжение. Но время отпуска неумолимо быстро продвигалось к концу.

На семейном совете приняли решение оставить Виктора в Ярославле для продолжения учебы в 10 классе. Вместе с Юлией улетели домой, в Советабад. По возвращению привели в порядок квартиру после почти двухмесячного отсутствия, Юлия вышла на работу. Я отправился в Навои в управление комбината. Руководил комбинатом исполняющий обязанности директора А. П. Щепетков. После переговоров с ним, при которых я предлагал варианты остаться работать в Южном рудоуправлении в любом качестве и которые он категорически отверг по причинам, ставшим мне понятными несколько позже, мне было предложено стать руководителем группы экономического анализа планового отдела комбината. Я согласился и такой приказ состоялся.

Приступил к работе под начало Ю. М. Копылова. Общаясь с товарищами и сослуживцами, в среде которых не прекращались обсуждения прошедших неординарных событий, разные оценки совершившегося, большинство склонялось к осуждению поступка группы «жалобщиков» и считавших не справедливыми решения партийного органа и последовавшего за ним приказа по министерству об отстранении З. П. Зарапетяна от обязанностей директора НГМК с очень жесткой формулировкой мотивов допущенных им деяний. Стало известно (не знаю из каких источников), что директором НГМК будет назначен Анатолий Анатолиевич Петров, который должен в ближайшее время вернуться из отпуска. Напомню читателю, что А. А. Петров отсутствовал во все время прохождения работы комиссии КПК, заседания бюро Бухарского обкома КП УзССР и до сего времени. И действительно, буквально через несколько дней А. А. Петров появился в управлении комбината в качестве директора. Директором Северного рудоуправления (Учкудукского) был назначен главный инженер Петр Григорьевич Меньшиков, а главным инженером Леонид Михайлович Демич.

Произошли и кадровые перестановки в других важнейших производствах Комбината. Как уже упоминал, С. Н. Витковский был снят с должности директора ЦРУ и на эту должность был назначен Евгений Дмитриевич Лебедев. Олег Николаевич Мальгин,

работавший главным инженером ЦРУ в 1969–70 гг. стал заместителем начальника горного отдела комбината (бывшая моя должность), главным инженером ЦРУ назначен и недолго проработал Анатолий Харитонович Варфоломеев (1970–71) и на эту должность был назначен Николай Иванович Кучерский. Как видно из перечисляемых мною фамилий, руководящие должности занимали, главным образом, специалисты, прошедшие школу и закалку в первую очередь, на стройках и эксплуатации Учкудукского предприятия, и это совершенно правильно и закономерно.

Жить я стал в гостинице «Навои», но всего несколько дней. Меня пригласили к себе наши старые друзья Анна и Сергей Витковские, занимавшие один из коттеджей в «ряду» отведенных для руководящих персон в «военном городке», о котором я уже писал. Места у них хватало, мне отвели всю большую закрытую веранду (дело летнее). Конечно, жить и общаться с друзьями лучше, чем в гостинице. Сергей Николаевич работал в управлении комбината заместителем главного технолога и начальника бюро технического контроля комбината (БТК). Анна Петровна Витковская (до замужества Захарова) продолжала трудиться в ЦНИЛ комбината ведущим инженером-исследователем, где была очень активна и успешна, внесла большой вклад в создание и совершенствование технологий извлечения урана и золота на ГМЗ-1 и ГМЗ-2.

Сергей Николаевич Витковский, да и вся семья (двое детей и мама Сергея) болезненно переживал снятие его с должности директора ЦРУ, считая этот шаг вопиющей несправедливостью по отношению к нему. Он стал несколько больше нормы прикладываться к «бутылке». Анна управлялась, работая и с ведением домашнего хозяйства, готовила вкусную еду, и мы собирались за ужином, обсуждали и служебные и бытовые дела и обстоятельства. После отхода Анны и детей ко сну, Сергей приходил ко мне на веранду, и мы «принимая по капле» водочку или коньяк, слушали Высоцкого в записи, рассуждали о возможных вариантах дальнейшей работы и жизни. Я на воскресные дни чаще уезжал в Советабад к Юле, которой было не очень весело в одиночестве. В будни я звонил ей по телефону по вечерам, но откровенного разговора вести нельзя было – подслушивали телефонистки.

Дом Витковских был третьим в ряду за домом, который занимала семья Бориса Петровича Рудометкина, участника и инвалида ВОВ (не было одной ноги), бывшего до 1965 года начальником ОРСа комбината, перешедшего работать в Навоийское управление строительства (НУС). Рано утром Борис Петрович поливал из шланга

свой приусадебный участок и обязательно громко пел один и тот же мотив. Он очень здорово управлялся со многими физическими делами на протезе, заменявшем ногу от бедра, даже водил собственный автомобиль. Первый в ряду дом занимал главный механик Комбината Борис Исаакович Шварцман со своей многочисленной семьей. Четвертый дом занимала семья уже известного читателю Николая Михайловича Дворяжкина, трудившегося на Навоийской ГРЭС, переданной в эксплуатацию Минэнерго УзССР, начальником цеха. Николай Михайлович, к сожалению, уже страдал к этому времени болезнью алкогольных запоев. Далее в ряду уже точно не помню в каком порядке шли дома, занимаемые семьями Федора Михайловича Капитанова, затем Антона Петровича Щепеткова, затем Зарапа Петросовича Зарапетяна и т. д.

Стало известно, что семья З. П. Зарапетяна, вернее оставшаяся здесь Клавдия Михайловна, укладывает вещи для переезда в Москву. В воскресный день, когда я по каким-то причинам не уехал в Советабад, решил зайти к Клавдии Михайловне и предложить помощь в укладке и увязке вещей и оказался весьма кстати, такая помощь понадобилась. Не очень оказывали помощь официальные службы, лишь Михаил Иванович Ким по собственной инициативе присылал иногда на помощь пару другую рабочих. Занимаясь делом, вышел во двор на крыльцо покурить. В это время в своем дворе оказалась супруга А. П. Щепеткова Вера (в девичье Мячина – моя однокашница по институту), увидавшая меня и, вдруг обратившаяся ко мне: «Леня, рыжий, ты куда лезешь?!» – Я не стал ей отвечать, но понял, какие разговоры велись в семье Щепетковых, и их отношение к семье Зарапетянов.

Вскоре Клавдия Михайловна отправила багаж, и сама отбыла в Москву. Работа начальником группы экономического анализа, кстати пока без «группы», меня не устраивала. Я варился в собственном соку, но какие-то потуги делал и что-то начал творить. Неожиданно я получил официальное письмо (не помню какими путями оно было мне передано) от директора филиала № 1 ПромНИИПроекта А. П. Суворова с приглашением на работу в филиале на должность начальника сектора горного отдела с окладом 220 руб в месяц, выплатой подъемных и предоставлении квартиры в г. Ташкенте в течение полугода.

Анатолий Анатолиевич приступил к обязанностям директора комбината и ему не надо было особенно входить в курс дела, так как он был активным участником и в курсе всех событий почти с самого создания Комбината, имел представления о большинстве руководя-

щих кадрах и имел к ним свое отношение. По ходу работы я встречался с ним несколько раз и чувствовал доброжелательное отношение ко мне, это выражалось и в тоне разговоров и во взгляде его несколько улыбающихся глаз, где угадывалось явное сочувствие.

Директором Южного рудоуправления был назначен Виктор Петрович Щепетков, работавший начальником рудника № 6 Северного рудоуправления.

В воздухе управления комбината, в среде сотрудников чувствовалось осуждение и неприязнь по отношению к подписантам жалобы в КПК, а постепенно их фамилии становились известными и большинство считали, что им (жалобщикам) долго не оставаться на работе в комбинате.

Посоветовавшись с Юлией и друзьями Витковскими, принял решение перехода на работу в филиал. Обратился к А. А. Петрову с просьбой согласиться на мой перевод. После продолжительного разговора получил устный отказ. А. А. Петров сказал: «Не пори горячку. Потерпи. Пройдет время, все уляжется. Назначу тебя начальником “Букиная”».

В это время шло расширение масштабов опытных работ и строительство промышленных объектов по освоению отработки нового уранового месторождения «Букиная» способом скважинного подземного выщелачивания. Это месторождение, открытое в Кызылкумах предприятием «Краснохолмскгеология», и располагающееся на площадях на север от райцентра «Канимех» в сторону г. Зарафшана, по горно-геологическим и горно-техническим условиям залегания не могло быть отработано традиционными методами и Комбинат совместно с «Краснохолмскгеологией» на базе уже накопленного опыта СПВ в Учкудуке и Сабырсае проводили работы с целью выработки технических средств, методов и кондиций для подсчета запасов при извлечении урана в конкретных условиях. Этому способствовали усилия и внимание теперь уже главного геолога комбината Матвея Ивановича Минькина, его заместителя Аркадия Баклаженко и других специалистов. Работы велись на участках Южного Букиная. На месте работ уже были сооружены два небольших полигона с рядами скважин, временные компрессорные, склады кислот, установка по переработке продуктивных растворов, временный бытовоей комбинат. По локальным проектам велось строительство уже отдельных капитальных сооружений. Трудящихся доставляли на работу и обратно в Навои служебными автобусами.

Однако, темпы работ и их результативность не устраивали Руководство Комбината и назревала необходимость укрепить руковод-

ство работами этого подразделения.

В течение 1,5 месяцев я не менее трех–четырёх раз напрашивался на аудиенцию к А. А. Петрову и настойчиво просил откомандировать меня в распоряжение Ташкентского филиала № 1 ПромНИИ-проекта. На очередном разговоре после того, как А. А. Петров опять повторил возможность назначить меня начальником подразделения «Букинай», я возразил:

– Толь Толич! Неужели не понимаешь, что я характер свой не изменил и в любой момент могу, будучи там, по какому ни будь поводу обматерить нерадивого и очень сильно, и тогда уже не простят висящий на мне «Строгий выговор с занесением...», а исключат из Партии со всеми вытекающими...! Отпусти, ты, ради Бога, меня!

Анатолий Анатолиевич сдался. Состоялся приказ о моем откомандировании в филиал № 1 ПромНИИпроекта. Распрощался с друзьями и товарищами Управления Комбината. Через несколько месяцев Сергей Николаевич Витковский с семьей переехал в родной город Алма-Ату, где его назначили начальником одного из отделов Минцвеимета Казахской ССР. Но нанесенный моральный удар не оставлял Сергея Николаевича, он продолжал и углублял алкогольный синдром, приведший к преждевременной кончине С. Н. Витковского в пятидесятилетнем возрасте, в 1976 году. Об имевшейся встрече с Витковскими еще при его жизни и о похоронах Сергея расскажу в соответствующем месте воспоминаний.

Отправился в Советабад, провел несколько дней здесь. Встретился с Виктором Петровичем Щепетковым, с которым, если помните, у меня были самые нормальные взаимоотношения. Он искренне сожалел о моем уходе из комбината, кстати, осуждал поведение своего дяди Антона Петровича, обещал не беспокоить мою супругу по вопросам освобождения квартиры. Мы расстались по-прежнему товарищами. Более того, Виктор Петрович просил меня быть ему консультантом и помощником в деле освоения новой для него должности в новых условиях и сказал, что будет ко мне обращаться за содействием.

С 11 октября 1971 года приступил к работе в качестве начальника горного сектора в отделе № 2 (горном) филиала № 1 в г. Ташкенте головного института ПромНИИпроект.

На этом закончился мой почти десятилетний период работы непосредственно на предприятиях НГМК, период бурного проведения опытных работ, создания технологий и средств для возможности извлечения урана из новых уникальных месторождений осадочно-

инфильтрационного генезиса, ускоренного строительства сотен промышленных объектов и нескольких городов, тысяч километров всех видов коммуникаций в уникальных же климатических условиях пустыни Кызылкумы. Все это выполнено создавшимся многотысячным коллективом, выросшем в порыве преодоления неисчислимых препятствий, созданных природой, и завершилось созданием Зарафшан-Учкудукского промышленного комплекса успешно функционирующего и по сей день уже в условиях переходного периода из одной, социалистической, в другую социально-экономическую систему хозяйствования, свободную торгово-капиталистическую, в молодом самостоятельном государстве – Узбекской Республике.

ГЛАВА 23

Некоторые итоги

Попробую охарактеризовать состояние подотрасли добычи и первичной переработки урановых руд к описываемому времени. Вместе с набравшим мощности и продолжающим их развивать Навойским горно-металлургическим комбинатом в составе Первого главного управления Минсредмаша действовали и строились уже многие крупные производства, города и поселки при них.

В 1970 году было отмечено 25-летие первого уранодобывающего Ленинадского горно-химического комбината. Комбинат успешно действовал, несмотря на отработку некоторых месторождений. Сырьевая база его пополнялась за счет разведки дополнительных запасов сырья вблизи действующих площадей и переработки руд, привозимых с зарубежных предприятий. Юбилей был отмечен правительственными наградами, действующему директору Владимиру Яковлевичу Опланчуку было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Мне довелось участвовать в торжественных юбилейных мероприятиях.

Желтоводский горный Комбинат на Украине, где вместе с производственными мощностями вырос замечательный город Желтые Воды. Комбинат расширился за счет освоения новых месторождений в районе города Кировограда. После снятия с должности директора комбината Б. Н. Чиркова директорами проработали Волков, после него В. А. Мамилов. Виктор Авакумович Мамилов недолго директорствовал и был переведен на должность главного инженера Первого главного управления вместо ушедшего на пенсию Дмитрия Терентьевича Десятникова. Директором комбината был назначен молодой, очень энергичный и инициативный горный инженер, работавший начальником шахты «Новая», а затем рудоправления, с которым я познакомился во время посещения комбината в пятидесятые годы, но к сожалению фамилию которого вспомнить не могу.

Киргизский горнорудный комбинат, управление которого перебазировалось с поселка Кара-Балты в город Фрунзе, столицу Киргизии, добывал и перерабатывал руды месторождений урана расположенных на территории южных областей Казахстана. Директором комбината был назначен Василий Миндрул, бывший директор предприятия 24 ЛГХК.

Строился и набирал мощности Целинный горный комбинат, и на его базе рос город Степногорск и ряд поселков. Сырьевой базой комбината были месторождения урана в северных областях Казахстана. Директором комбината работал Сергей Артемович Смирнов, выходец из ЛГХК, бывший начальник геологоразведочного предприятия, лауреат Ленинской Премии.

На базе месторождения «Меловое», отрабатываемого открытыми горными работами с применением комплексов горнотранспортного оборудования непрерывного действия успешно работал Западный горно-химический комбинат, и с ним строился и рос в условиях пустыни и безводья город Шевченко на восточном берегу Каспийского моря в самой западной части Казахстана. Город Шевченко, также как города Навои и Зарафшан проектировался Ленинградским институтом комплексного проектирования и были похожи во многих архитектурно-строительных решениях, хотя и имели свое «лицо». Кажется, после внезапной смерти первого директора комбината Григоряна директором был назначен Юрий Александрович Корейша. Здесь, в городе Шевченко было осуществлено впервые в практике СССР промышленное обессоливание морской воды для питьевого водоснабжения целого города. Энергоснабжение обессоливающей аппаратуры обеспечивалось атомной электростанцией.

Продолжало работать специфическое отдельное Пятигорское рудоуправление со своим городом Лермонтов, расположенное в районе всемирно известных курортов северного Кавказа. Директором рудоуправления был Вячеслав Владимирович Кротков.

Началось проектирование и строительство нового комбината на базе крупного месторождения урана в Читинской области, вблизи Советско-Китайской границы по реке Аргунь. Руководителями и главными специалистами этой новостройки стали соответствующие работники Майлисайского «гвардейского» комбината, сырьевая база которого в Киргизии была исчерпана. Директором комбината стал Сталь Сергеевич Покровский, главным геологом Борис Николаевич Хоментовский, главным механиком Пахель. Сюда же были переведены руководители, специалисты (инженеры, техники, рабочие), многих из которых я знал еще по работе на этом

тогда рудоуправлении – Петр Иванович Югов, Николай Николаевич Хван, Иван Иванович Волошин, Анна Викторовна Лыбина и многие другие.

Действовало еще одно отдельное Малышевское рудоуправление, разрабатывающее месторождения драгоценных камней на Урале в Свердловской области, в районе города Асбест. Директором этого Рудоуправления был Олег Иванович Хохлов.

Проектирование, инженеро-геологические, топографические работы и исследование по подготовке территорий к строительству, научно-практические исследования и конструкторские разработки по совершенствованию технологий и созданию специфического оборудования для добывающих производств и извлечения металла из руд, городов и рабочих поселков этих производств проводились специализированными проектно-изыскательскими и научно-исследовательскими институтами, входящими в состав Девятого главного управления (ГлавУКС) и других производственных главных управлений Минсредмаша. В числе этих институтов перечислю лишь некоторые: Московский ПромНИИпроект, много лет руководимый Олег Леонидовичем Кедровским; Московский Оргтехстрой, руководимый А. М. Кораблиновым; Ленинградский институт комплексного проектирования ВНИПИЭТ; Московский ВНИИХТ, руководимый Д. И. Скороваровым.

В составе Минсредмаша под эгидой соответствующих главных производственных управлений действовали многочисленные предприятия, заводы, научно-исследовательские и проектные институты, лаборатории по дальнейшей переработке урановых концентратов, доведения и выпуску конечной продукции как для оборонных целей, так и для работы атомных электростанций. Научные организации Минсредмаша успешно взаимодействовали с соответствующими учреждениями Академии Наук СССР. При необходимости к тематике Минсредмаша подключались научно-исследовательские организации, заводы, учреждения любых министерств и ведомств. Предприятия и закрытые города Минсредмаша располагались практически во всех регионах большой Страны, но особенно концентрировались в Центре (Москва, Ленинград и их пригороды), Урале (Свердловск, Челябинск и их районы), Сибирь (Новосибирск, Красноярск, Томск и др.). Об этом я писать не собираюсь, так как никогда не бывал на этих объектах (кроме атомных электростанциях), и они не входят в мой «взгляд».

Большинство предприятий, заводов, лабораторий НИИ и других в Минсредмаше были производствами повышенной опасности

для здоровья, связанных в первую очередь с радиоактивностью и другими физико-химическими, металлургическими процессами. Особая секретность производств, закрытость их территорий потребовало создание специальных служб по обеспечению жизненно важных сторон человеческой деятельности во многих Ведомствах и Службах СССР. Я уже описывал наличие спецмилиции, спецпрокуратуры, спецсудов и др. Возникла необходимость специального медицинского обслуживания. Многие жители в СССР слышали и что-то знали о специальных поликлиниках и больницах для высоких чинов и их членов семей партийных и советских органов, что они обслуживаются специальным медико-санитарным ведомством (Медсанупр). Мало кто знал, что в составе Министерства здравоохранения СССР созданы специальные главные управления по обслуживанию работающих и членов их семей многих весьма секретных ведомств. Для медицинского обслуживания производств и городов Минсредмаша было образовано 3-е главное управление Минздрава СССР. Все медико-санитарные отделы и медсанчасти производств входили в это управление.

Подчеркну, что медико-санитарные части и отделы нашего ведомства снабжались оборудованием, лекарствами, инвентарем лучше и по более высоким нормам по сравнению с обычными медицинскими учреждениями городов и поселков, действующих под эгидой местных властей. В 3-е главное медуправление (очевидно как и в 4-е, и другие номерные) отбирались лучшие кадры стажированных врачей и молодых специалистов, работать здесь было престижно.

В бывшем СССР была практика того, что некоторые ведомства и их профсоюзные комитеты, в первую очередь правительственные, создавали свои учреждения санаторно-курортного лечения в традиционных районах. На заре создания атомного ведомства трудящиеся его пользовались зачастую санаториями, принадлежащими Академии Наук СССР. Так я оказался на лечении и реабилитации в санатории «Абрамцево» под Москвой в 1950 году. Еще раз я отдыхал и лечился в Академическом санатории в г. Кисловодске, называвшемся им. Горького. Это было в феврале 1952 года. Уже работая на «Развилке» (в будущем Янгиабад) мы в 1954 году получили путевки на санаторно-курортное лечение на курорте «Выборг-Приморский», который находился, как понятно по названию, вблизи города Выборг, но в приграничной зоне и въезд туда только по пропускам, оформляемым через МВД. Курорт «Выборг-Приморский» принадлежал Министерству обороны, о чем свидетельствовало большое число отдыхающих военных чинов и то, что о

путевках в этот курорт больше никогда не слышал и не встречал людей нашего круга, побывавших там после 1954 года, очевидно не стали распространять путевки в другие ведомства. Руководство министерства и профсоюза ведомства приложили немало усилий и построили замечательные по меркам тех времен санатории на всех известных курортах страны и даже в таких местах, которые стали известными в последствии. Достаточно перечислить только некоторые из них, чтобы получить представление о возможностях отдыха и лечения, предоставляемого работающим в системе министерства трудящимся и членам их семей. Это (не в хронологическом порядке строительства): «Прогресс» в городе Хоста, «им. 50 лет Октября» в Ессентуках, «Южное взморье» в Адлере, «Горный» в Ялте, «Таврия» в Евпатории, «Киргизское взморье» на озере Иссык-Куль (Киргизия), «Истра» под Москвой и другие. Мы с Юлей много раз лечились и отдыхали в этих санаториях. Спрос на путевки не полностью удовлетворялся даже в нашем ведомстве и можно представить, какие трудности испытывали трудящиеся других, рядовых отраслей деятельности в СССР.

1954 г. Курорт «Выборг-Приморский». Санаторий № 5

«Выборг-Приморский». Леонид Бешер-Белинский на фоне леса. 1954 г.

Теперь можно понять какой огромный объем и размер производственной, строительной и научной деятельности развернулся в системе министерства среднего машиностроения за несколько более, чем 25 летний период его создания и вместе со спецслужбами других ведомств (медицина, МВД и милиция, прокуратура, суды, военные строители и т.п.), закрытыми городами и поселками стало «империей» в «империи СССР».

Мне 45 лет, я полон физических и творческих сил, у меня 24-летний опыт работ на горных предприятиях в разных горнотехнических условиях, не менее важный опыт руководства большими коллективами. Получил также и определенные уроки, и моральные удары, углубились мои понятия о двойной коммунистической морали, не лучшим образом повлиявшие на мой всё еще глубокий патриотизм.

Мы с Юлией имеем двух замечательных уже взрослых сыновей, которым предстояло учиться в высших учебных заведениях — и все это вместе взятое вполне оправдывало мой переход на проектную работу, хотя в душе оставалось чувства сожаления и желания вернуться к производственной круговерти.

Август 2005 года. Нетания. Израиль